Л. П. ДЕЛЮСИН

Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Л. П. Делюсин

АГРАРНО-КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ КПК (1921—1928)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

В книге исследуется история разработки китайскими коммунистами аграрной программы партии. На основе изучения богатого фактического материала из китайской прессы 20-х годов, не публиковавшегося в советской литературе, автор показывает, как молодые марксисты такой огромной крестьянской страны, как Китай, решали одну из важнейших проблем внутреннего развития страны, какая острая и сложная идеологическая борьба развертывалась внутри КПК вокруг аграрно-крестьянского вопроса.

1-3-3
———
98-71

Лев Петрович ***Делюсин***

АГРАРНО-КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ КПК (1921—1928)

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор *В. Б. Меньшиков*
Художник *А. Г. Кобрин*
Технический редактор *М. М. Фридкина*
Корректоры *М. К. Киселева* и *Р. Ш. Чемерис*

Сдано в набор 10/VIII 1971 г. Подписано к печати 29/XII 1971 г.
А-11316. Формат 84 × 108[1]/32. Бумага № 1
Печ. л. 14,5. Усл. п. л. 24,36. Уч.-изд. л. 25,98. Тираж 1900 экз. Изд. № 2840
Заказ № 870. Цена 2 р. 52 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука». Москва К-45. Б. Кисельный пер., 1

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей работе исследуется история разработки программы Коммунистической партии Китая по аграрно-крестьянскому вопросу. Нет необходимости подробно останавливаться на огромном значении этого вопроса. Китай — страна аграрная. Сельское хозяйство всегда играло и продолжает играть главную роль в национальной экономике. Крестьянство составляет около 80% населения страны. Одно это говорит об исключительной важности аграрного вопроса в жизни китайского общества. Необходимость разрешения аграрной проблемы как предпосылки для эффективного и всестороннего развития производительных сил Китая признается как марксистами, так и их противниками. Коренные, принципиальные расхождения между ними касаются подхода к этой проблеме, методов ее решения.

Преодоление экономической и политической отсталости страны во многом зависело от решения аграрно-крестьянского вопроса, радикальной ломки социально-экономических отношений в китайской деревне, модернизации сельского хозяйства. Разумеется, помимо аграрной, имелось множество других проблем, влиявших на ход китайской революции, определявших формы и темпы ее развития. К ним относится прежде всего проблема установления взаимоотношений с национальной буржуазией, взаимодействие и взаимосвязь социального и национального факторов, вопрос об оценке движущих сил революции, о роли и месте пролетариата в буржуазно-демократической революции. Однако в общем

комплексе объективных социально-экономических проблем, породивших к жизни китайскую революцию, аграрной проблеме принадлежало одно из решающих мест.

Естественно, что созданная в 1921 г. Коммунистическая партия Китая, поставившая своей целью завоевание национальной независимости и построение социалистического общества, не могла не обратить своего внимания на эту проблему.

Последовательная самостоятельная аграрная программа была выработана китайскими коммунистами не сразу. Можно указать на три фактора, оказавших влияние на ее разработку и содержание. Во-первых, деятели Коммунистической партии Китая стремились применить марксизм-ленинизм в условиях мелкокрестьянской страны, определить с помощью марксизма характер производственных отношений в китайской деревне и, исходя из этого, установить социальное содержание происходящего революционного процесса. Во-вторых, решения и указания Коммунистического Интернационала, в которых не только систематически подчеркивалось значение аграрного вопроса в национально-освободительной, антиимпериалистической борьбе, но и давались конкретные рекомендации и советы. Немалую помощь в этом отношении оказывали и советские советники, работавшие в 20-х годах в руководящих органах гоминьдана. В третьих, развернувшееся в Китае крестьянское движение. Обобщение опыта крестьянской борьбы, изучение конкретных требований крестьянских масс, их взглядов и настроений помогло китайским коммунистам в выработке программных положений и политики в аграрно-крестьянском вопросе.

«Под аграрной программой,— писал В. И. Ленин в статье „Аграрная программа русской социал-демократии“,— мы разумеем определение руководящих начал социал-демократической политики в аграрном вопросе, т. е. по отношению к сельскому хозяйству, к различным классам, слоям, группам сельского населения. В такой „крестьянской“ стране, как Россия, аграрная программа социалистов естественно является главным, если не исключительным, образом „крестьянской программой“, программой, определяющей отношение к крестьянскому вопросу» [3, 305].

Перед китайскими коммунистами также стояла задача дать объективную оценку характера производственных отношений в сельском хозяйстве, вскрыть причины социально-экономической отсталости сельского хозяйства и бедственного положения крестьянства, указать на свое отношение к различным классам китайской деревни.

При разработке аграрной программы китайские коммунисты должны были тщательно учитывать конкретную специфику своей страны. Если аграрные отношения в России В. И. Ленин называл запутанными и сложными, поскольку «крепостнические отношения в деревне страшно переплетены с буржуазными» [3, 318], то еще более запутанными и противоречивыми они выглядели в китайской деревне, и попытки определить и оценить их, используя мерки и критерии, привычные для капиталистических форм землевладения и землепользования, неизбежно вели к ошибочным теоретическим выводам и неверным политическим решениям.

У китайских коммунистов не было ясного научного представления о социально-экономическом содержании аграрных отношений, о сущности существовавших форм помещичьей эксплуатации крестьянства. В 20-х годах китайская революционная интеллигенция только еще приступала к конкретному исследованию социальной структуры деревни, характера и форм арендных отношений, не были проанализированы и обобщены социальные и экономические требования различных групп крестьянства. Понимание исключительной важности привлечения крестьянских масс к активной революционной борьбе не сопровождалось и не подкреплялось правильными представлениями о методах решения аграрного вопроса и конкретном содержании лозунгов, способных пробудить, объединить и поднять крестьян на активную политическую борьбу. Формирование аграрной политики китайских коммунистов было неразрывно связано с эволюцией их взглядов на характер китайской революции, на ее социально-экономическое содержание и на роль различных классов китайского общества в революционном процессе. Аграрную политику КПК нельзя поэтому рассматривать изолированно от ее общих политических установок.

Изучение материалов и документов КПК показывает,

что в основном выработка аграрной программы была завершена в 1928 г. на VI съезде Коммунистической партии Китая. Принятая на этом съезде аграрная программа суммировала накопленный опыт крестьянского движения в период революции 1925—1927 гг. и в большей степени, чем ранние документы КПК, отражала существо социально-экономических отношений в китайской деревне. Она сохраняла свое значение и определяла деятельность партии в деревне вплоть до победы народной революции. Борьба за ее реализацию сыграла важную роль в достижении победы над гоминьдановскими реакционерами.

В китайской историографии [см. 106; 113; 122; 188] вопрос о разработке аграрной политики КПК рассматривается сквозь призму известной концепции о соединении всеобщей истины марксизма-ленинизма с практикой китайской революции. В соответствии с этой концепцией вся заслуга в понимании аграрного вопроса и определении правильной политики партии в деревне приписывается Мао Цзэ-дуну, другие же деятели Коммунистической партии или квалифицируются как оппортунисты, не понимавшие задач китайской революции и ее характера, или же полностью игнорируются. Подчеркивая, что только Мао Цзэ-дун указал на центральное значение крестьянского вопроса, Чэнь Бо-да писал: «Вопрос о крестьянстве Чэнь Ду-сю не учитывал. Следует указать, что выступления оппортунистов всех мастей, начиная с Чэнь Ду-сю, против гегемонии пролетариата и их извращения в этом вопросе были связаны с вопросом о крестьянстве» [194, 31].

Вторя Чэнь Бо-да, Ху Цяо-му писал, что якобы только Мао Цзэ-дун «на основе марксистско-ленинского метода подверг анализу классовые отношения в Китае, разъяснив, что победа китайской революции зависит от того, сможет или нет рабочий класс осуществить руководство крестьянством» [122, 23].

Фальсификация истории внутрипартийной борьбы в КПК, непомерное выпячивание фигуры Мао Цзэ-дуна как единственного корифея в области теории и политики характерны для всех работ, вышедших в Китайской Народной Республике. Хэ Гань-чжи бездоказательно утверждает, что «линию партии в аграрной революции выработал товарищ Мао Цзэ-дун, который, конкретно

проанализировав положение Китая, сделал соответствующие выводы» [106, 248].

Эти стандартные оценки кочуют из одной китайской книги в другую, преследуя цель возвеличить фигуру Мао Цзэ-дуна, принизить и смазать роль других, более заметных в свое время деятелей КПК.

В настоящей работе автор стремился по возможности шире использовать китайские источники, официальные материалы и документы КПК, с тем чтобы дать наиболее полное представление о формировании и развитии взглядов китайских коммунистов по аграрному вопросу, показать сложный путь выработки аграрной программы Коммунистической партии Китая.

Автор выражает глубокую благодарность своим коллегам — Ю. М. Гарушянцу, В. И. Глунину, А. М. Григорьеву, А. Г. Крымову, А. В. Меликсетову, М. Ф. Юрьеву — за ценные советы и замечания, использованные им при работе над книгой, а также свою признательность Т. И. Никитиной за помощь в переводе статей из китайских журналов и Л. И. Кувшинниковой за помощь в составлении библиографии.

Глава 1

АГРАРНО-КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В РАБОТАХ ПЕРВЫХ КИТАЙСКИХ МАРКСИСТОВ В ПЕРИОД ОБРАЗОВАНИЯ КПК

Аграрная проблема в работах первых китайских социалистов

Синьхайская революция, завершившаяся ликвидацией маньчжурского правления и провозглашением Китая республикой, породила у революционеров-демократов радужные иллюзии. Вождю и вдохновителю китайской революции Сунь Ят-сену казалось, что «в настоящее время, когда маньчжурская династия Цин отреклась от престола и учреждена Китайская республика, два из этих принципов (имеются в виду три народных принципа.— *Л. Д.*) — национализм и народовластие — уже претворены в жизнь, и только осуществление принципа народного благосостояния еще не началось» [119, 137].

Но не прошло и двух лет, как первые радости и ликования сменились унынием и разочарованием. Падение цинско-маньчжурской династии не привело к установлению подлинно республиканского строя. Автономия провинций, которая по идее демократов должна была заменить собой деспотическую власть императорского двора, обернулась на деле грубым произволом больших и малых генералов. Китайское государство перестало быть единым политическим целым. Хотя в Пекине и имелось номинально центральное правительство, страна была располосована на многочисленные уделы, большие и малые, которыми правили так называемые дуцзюни —

командующие наемными армиями. Владельцы армий, обладавшие реальной силой, были полными хозяевами в подвластных им районах. Политический вес и пределы их деспотического правления лимитировались лишь количеством штыков и пушек. Характеризуя политическую обстановку тех лет, Сунь Ят-сен отмечал: «Крупные милитаристы стремились стать императорами, а мелкие, конечно, попытаются стать по меньшей мере деспотами. Как говорится: „Кто побольше — царек, кто поменьше — князек!“» [119, 516]. Пекинскому правительству дуцзюни подчинялись лишь в той мере, в какой указания центра подкреплялись реальной силой, и в тех случаях, когда эти приказы не расходились с их собственными интересами и намерениями [1].

Чтобы сохранить видимость единого государства, пекинское правительство узаконивало власть дуцзюней, назначая их на должность правителей тех районов, которыми они уже фактически владели по праву силы. Дуцзюни грабили и обирали население подчиненных им районов. Для увеличения влияния и доходов они стремились расширить территориальные границы своей власти. Столкновения дуцзюней на этой почве вызывали войны, от которых в первую очередь страдало мирное население. Крупные милитаристские клики соперничали между собой за право контроля над правительством в Пекине. Они то сходились, то расходились друг с другом, составляя недолговечные политические комбинации. Эти междоусобные распри, не дававшие китайскому народу жить в мире и спокойствии, препятствовали объединению страны, тормозили ее социальное, культурное и экономическое развитие.

Власть дуцзюней препятствовала и освобождению страны от иностранной зависимости. Империалисты, используя противоречия между дуцзюнями, получали благоприятную возможность вмешиваться во внутренние дела Китая, мешали объединению китайской нации в единое суверенное государство. Империалистические державы снабжали милитаристские группировки ору-

---

[1] Чэнь Ду-сю писал: «Указы центрального правительства — это не пригодная ни к чему бумага; губернаторы провинций — „подручные дуцзюней“; провинциальные совещательные палаты — это граммофоны; законы и общественное мнение послушно поворачиваются за винтовкой» [281, 2].

жием, предоставляли им займы, подливая таким образом масло в огонь междоусобных войн. Сунь Ят-сен справедливо замечал, что «милитаристы, интересы которых противоречат интересам народа, не могут существовать самостоятельно и вступают в связь с иностранными империалистами» [119, 400].

Синьхайская революция не разрешила и социальных проблем Китая. В деревне продолжали господствовать докапиталистические отношения. Определенные сдвиги произошли в промышленности Китая, которая в это время переживала период подъема, особенно заметного в приморских городах страны. Но бурный рост числа фабрик и заводов, поражавший современников и дававший им основание говорить о «промышленном перевороте», о «промышленной революции», был не столько результатом Синьхайской революции, сколько следствием особой конъюнктуры, порожденной первой мировой войной.

Экономическое проникновение империалистических держав, мешавшее развитию национального капитала, одновременно являлось и серьезным катализатором капиталистических отношений. Можно отметить также, что на территории империалистических концессий в Шанхае, Тяньцзине и других городах национальный капитал чувствовал себя более спокойно, находился в большей безопасности, чем в районах бесконтрольного хозяйничанья дуцзюней.

При такой общей нерешенности коренных вопросов прогрессивная мысль Китая упорно работала над поисками путей и перспектив национального возрождения и социального обновления страны.

В 10-х годах XX в. в Китае росло число газет и журналов, на страницах которых развернулось оживленное обсуждение социально-политических проблем развития страны. Стремление к критическому пересмотру всех духовных ценностей старого Китая стало знамением времени. Наука и демократия завоевывают все большее число приверженцев среди китайской интеллигенции и студенчества. Подвергаются беспощадному критическому разбору такие традиционные взгляды и представления, которые недавно казались святыми и неоспоримыми.

Октябрьская революция в России произвела огромное впечатление на умы передовых представителей де-

мократической интеллигенции Китая. Марксизм, под знаменем которого победоносно совершилась русская революция 1917 г., начал привлекать к себе все большее внимание, приобретать все большее число сторонников. И хотя общественно-экономические отношения в Китае в целом носили отсталый характер и не способствовали быстрому распространению идей научного социализма, тем не менее под могучим воздействием Октября стало шириться движение за изучение марксистской теории.

Тяга к освоению опыта Октября и к овладению марксизмом усилилась в результате движения «4 мая» 1919 г. Это начатое студенчеством движение, охватившее различные слои городского населения, включая рабочих, было вызвано несправедливыми решениями Парижской мирной конференции по китайскому вопросу. Оно явилось первым сознательным выступлением китайского народа против империалистов. Национальные чувства, ранее направленные главным образом против маньчжурского господства, теперь обратились против империалистической Японии и потворствовавших ей европейских держав и Соединенных Штатов Америки.

Вероломное поведение империалистических держав и особенно США, признавших законными притязания Японии на Шаньдун, способствовало тому, что многие китайские демократы постепенно стали освобождаться от веры в гуманизм и справедливость западноевропейской и американской демократии. Иллюзорные надежды на «14 пунктов» президента США Вильсона стали постепенно испаряться. Поведение держав рассматривалось китайской общественностью как предательство по отношению к своему союзнику. Разочарование в политике западных держав породило у многих прогрессивных деятелей Китая недоверие и к буржуазно-демократической идеологии Запада. Это облегчало поворот радикальной части китайской интеллигенции к марксистской теории. В Китае появляются горячие сторонники марксизма, а вместе с тем и его активные противники. Между ними разгораются жаркие, ожесточенные споры, вошедшие в историю общественно-политической мысли Китая под названием «дискуссия о социализме» [см. 196; а также 104; 140; 141].

В ходе этой полемики первые пропагандисты и популяризаторы марксистского учения в Китае пришли к

следующим выводам: во-первых, марксизм не является чисто европейским учением, он вполне применим и к разрешению национальных и социально-экономических проблем Китая; во-вторых, несмотря на экономическую отсталость, несмотря на слабое развитие капиталистических отношений, Китай может успешно осуществить переход к социалистическому обществу; в-третьих, для ускорения такого перехода необходимо как можно быстрее совершить социальную революцию, которая отдаст власть в руки трудового народа и создаст политические условия для проведения социалистических преобразований.

Эти выводы имели исключительную важность для последующего развития революционно-демократического движения в Китае. «Дискуссия о социализме» способствовала привлечению на сторону марксизма патриотически и демократически настроенных представителей интеллигенции и студенчества. И хотя среди первых пропагандистов марксизма в Китае были и случайные попутчики, которые вскоре оказались в лагере врагов коммунистической партии, тем не менее их статьи, излагавшие основные положения марксизма, знакомившие читателя с революционной деятельностью Советской власти, делали свое дело. Многие молодые читатели именно благодаря этим статьям приобрели первое представление о марксизме, получили толчок к дальнейшему самостоятельному изучению этой революционной науки.

В ходе дискуссии о социализме затрагивался и аграрно-крестьянский вопрос.

Публицист Чжан Дун-сунь, чьи статьи, направленные против марксистского учения, положили начало дискуссии, утверждал, что в отличие от Европы китайское общество никогда не знало и не знает деления на классы. По его мнению, в Китае все люди одинаково бедны и существует лишь разница в степени бедности.

Чжан Дун-сунь исходил из того, что лишь в будущем в Китае произойдет деление на классы капиталистов и пролетариев и только тогда начнется классовая борьба, а до тех пор «разговоры о социализме лишь ласкают слух, но не трогают сердце» [196, 48].

По его мнению, китайские крестьяне не подвергались такой жестокой эксплуатации, как трудящиеся в

европейских странах или в Америке, а если и страдали от жизненных тягот, то только потому, что были ленивы и невежественны. Крестьяне, писал он, в подавляющем большинстве имеют собственную землю, а те, кто ее не имеет, отдают помещикам половину или лишь две пятых собранного зерна. Нищета крестьян, считал Чжан Дун-сунь, проистекает от того, что у них не хватает знаний, они не могут защититься от стихийных бедствий.

Он утверждал далее, что ни рабочие, ни крестьяне сами не способны выдвинуть какие-либо революционные требования, что свержение помещиков, например, не даст крестьянам особенно больших выгод и что крестьяне будут сопротивляться социальной революции. «Крестьяне-собственники,— писал он,— консервативны, и поэтому они враги социальной революции» [цит. по 190, 47—48].

Таким образом, причины отсталости сельского хозяйства, общего разорения и нищеты крестьянства крылись, по мнению представителей либерально-буржуазной интеллигенции, не в помещичьей системе землевладения, не в несправедливых аграрных отношениях, а главным образом в стихийных бедствиях, междоусобных войнах и поголовной неграмотности сельского населения.

Возражая Чжан Дун-суню, приверженцы марксизма писали, что в Китае издавна существует деление на классы и в этом отношении китайское общество не отличается от европейского или американского. Ими делались первые попытки проанализировать характер классовых отношений в китайском обществе, в том числе и в китайской деревне. Так, Цзян Чунь (Ли Да) в статье «О социальной революции» писал: «С давних времен в Китае имелись два класса — помещики и арендаторы. Помещики никогда не работали, а жили в роскоши, присваивали себе плоды труда арендаторов» [246, № 2, 2]. Судьба же арендаторов, продолжал он, сколько бы они ни старались, предопределена навечно, они вынуждены более половины урожая, собранного их трудом, отдавать помещикам. Крестьяне-арендаторы не знают счастья, они умирают от голода, гибнут от холода. Но к страданиям этих людей все привыкли и не замечают их.

В статье, помещенной в третьем номере журнала «Гунчаньдан», подвергались серьезной критике взгляды тех, кто всех китайских крестьян поголовно относил к землевладельцам, не различая крупной и парцеллярной собственности.

Отмечая ошибочность подобных взглядов, автор, опиравшийся на материалы родного уезда, писал: «Некоторые считают, что все китайские крестьяне владеют землей. В этом есть известная доля истины, но далеко не вся. Семья из трех человек имеет в собственности тысячу му и считается владельцем земли, и семья из десяти человек имеет один му, и выходит, что ее тоже надо считать землевладельцем. Но разве это основание для вывода, что все крестьяне живут одинаково?» [246, № 3, 3].

Сельское население, по мнению автора, следовало делить на четыре слоя. К первому он относил владельцев больших площадей земли. Они сами не работают и живут за счет арендной платы. Таких людей нельзя считать крестьянами. Это «земельные богачи». Второй слой образуют те собственники, которые сами обрабатывают свою землю и сами же потребляют собранное зерно. Они вынуждены арендовать также и чужую землю. Это середняки. В третий слой входят те, кто имеет мизерный клочок земли, урожая с которого не хватает на пропитание семьи. Чтобы обеспечить свое существование, они вынуждены обрабатывать чужую землю. Это крестьяне низшей категории (бедняки). И, наконец, на самом низу социальной лестницы (четвертый слой) стоит голытьба, которая не имеет даже самого мизерного клочка земли, куда можно было бы шило воткнуть. Они живут только за счет обработки чужой земли. Это самые бедные крестьяне.

Автор статьи считал, что большинство китайских крестьян относится к третьей и четвертой категории. Он писал: «Те господа, которые замечают только тот факт, что крестьяне имеют собственную землю, и утверждают, что жизнь крестьян не так уж тяжела, просто лгут» [246, № 3, 4].

Далее в статье разбирались доводы тех, кто отрицал неравноправный характер отношений помещиков и арендаторов на том основании, что урожай делится поровну. Автор утверждал, что 90% крестьян вынуждены

отдавать помещику больше половины собираемого ими урожая.

Он отмечал также тенденцию к концентрации земли в руках помещиков и сокращению земли у бедняков. Не будучи в состоянии свести концы с концами, бедняки залезают в долги, закладывают землю, продают ее. Они понимают, что это все равно, что «разбирать изгородь, чтобы залатать крышу», или «вырезать у себя мясо, чтобы залечить рану», но ничего иного сделать не могут. Другого выхода у них нет. «Вся земля в одной местности концентрируется в руках небольшого числа людей, а повседневная жизнь, судьба, все существование большинства крестьян зависят от этой горстки людей. Пропасть между богатыми и бедными в нашем обществе становится все более глубокой, а классовые различия — все более четкими»,— подчеркивал автор [246, № 3, 6]. По его мнению, китайские крестьяне страдают не меньше, чем крестьяне в России накануне революции.

Ссылаясь на пример уезда Пинсян, где произошел крестьянский мятеж, автор приходил к выводу, что близится день всеобщего крестьянского возмущения.

«Пинсянские события — это проблеск пробуждения китайского крестьянства. А когда на востоке появляется заря, то за ней всходит и солнце на голубом небе» [246, № 3, 6],— писал он, призывая своих товарищей идти в деревню и способствовать пробуждению сознания крестьян.

Большой интерес представляют те лозунги, которые, по мнению автора, надо было пропагандировать среди крестьян. Все люди от рождения равны, и все имеют равное право на одежду и питание. Нельзя думать, что страдания крестьян предопределены судьбой, волей Неба. Это придумано небольшой горсткой людей, чтобы оправдать созданный ими же отвратительный порядок. Не надо жаловаться на плохую судьбу, поскольку корень зла заключается не в судьбе, а в том, что плохи существующие порядки. Земля принадлежит всем и должна быть распределена между всеми поровну. Богачи захватили землю у крестьян. Теперь ее нужно отнять обратно. «Если помещик-разбойник отнимет у вас одежду, вы обязательно постараетесь вернуть ее обрат-

но. А если у вас отняли землю, которая вас кормит, почему же вам не взять ее обратно?» [246, № 3, 6].

Автор подчеркивал, что необходимо разъяснять крестьянам-беднякам ту истину, что они должны полагаться только на свои силы. «Полагаться на то, что другие вас спасут, дело ненадежное. Если вы сами не будете действовать, вам никто не поможет» [246, № 3, 6],— говорилось в статье.

Автор считал, что настала пора звать крестьян на восстание. «Как только вы подниметесь, коммунизм обязательно придет к вам на помощь». Призывая китайских крестьян следовать примеру жителей Пинсяна, автор восклицал: «Коммунизм спасет вас от всех страданий и даст вам счастье, которого у вас никогда не было. Многострадальные крестьяне! Скорей подымайтесь, чтобы вернуть захваченные у вас земли!» [246, № 3, 7].

О тяжелом положении крестьянства, о социальном и экономическом неравенстве, наблюдавшемся в китайской деревне, писал и Ли Цзи в статье «Социализм и Китай» [212]. Он высмеивал корреспондента одной шанхайской газеты, который утверждал, что больше половины крестьян имеют собственную землю и поэтому принадлежат к имущему классу, т. е. к буржуазии. В Хунани, его родной провинции, отмечал Ли Цзи, большинство крестьян — арендаторы, они обрабатывают чужую землю. Максимальный урожай составляет 80 даней. Половину урожая забирает помещик. Крестьянину-арендатору остается 40 даней. Расходы на питание одного человека в год составляют десять даней, а надо еще кормить семью, оставлять зерно на семена, содержать скот, покупать сельскохозяйственные орудия, удобрения. Если крестьянин, трудясь весь год, сводит концы с концами, то это считается счастьем. На самом деле обычно его участь намного тяжелее.

Ли Цзи доказывал, что не только в Хунани наблюдается такая печальная картина, но и в остальных провинциях Китая крестьяне живут безотрадно, собственной земли не имеют и поэтому являются объектом грабежа со стороны землевладельцев.

Помещики ведут паразитический образ жизни за счет крестьянского труда. И при этом они претендуют на то, чтобы бедняки почитали их как родителей, кормящих и одевающих своих детей, на том основании, что

якобы благодаря тому, что помещики дают землю крестьянам, те имеют и еду, и одежду. Ли Цзи называл помещиков грабителями и угнетателями крестьян, не имеющих достаточно земли для пропитания своих семей.

Для авторов изложенных нами статей аграрно-крестьянский вопрос не был предметом специального исследования. Они касались его лишь постольку, поскольку это было необходимо для опровержения доводов противников социализма. Тем не менее в этих статьях на основе фактического, конкретного материала вскрывались несостоятельность, беспочвенность рассуждений о якобы имевшемся в китайской деревне социальном и экономическом равенстве, об отсутствии классовых различий в китайском обществе. В статьях четко и определенно говорилось об эксплуатации крестьян помещиками, отмечался несправедливый характер земельных отношений.

Авторы этих статей, делавшие в тот период только первые шаги в изучении марксистской теории, еще глубоко не задумывались над социально-экономической сущностью аграрных отношений. Вопрос о классовой структуре китайской деревни еще не был изучен ими с достаточной ясностью и определенностью. Преобладал описательный подход, а не научный анализ.

В целом многие участники дискуссии исходили из того, что для китайского общества характерны докапиталистические или раннекапиталистические отношения. Некоторые склонялись к мнению о буржуазном характере отношений в китайской деревне.

Но главное было в том, что авторы этих статей твердо и недвусмысленно выступали в защиту крестьянских интересов. Они с сочувствием писали о тяжелом положении крестьян и высказывались за ломку несправедливых отношений в деревне, за агитацию крестьян на восстание против господствующих порядков.

Размышляя о путях преодоления экономической и культурной отсталости Китая, первые китайские марксисты высказывались за изъятие у всех помещиков излишков земли [см. 196, 347].

В статьях, публиковавшихся в первых коммунистических журналах, писалось и о необходимости объединения крестьян в целях более решительного сопротивления помещикам и достижения счастливой жизни.

Подробно развивал эту мысль автор «Обращения к рабочим, солдатам и крестьянам» Цзи Шэн. Он советовал брать пример с муравьев, которые малы по своим размерам, но живут в счастье. Причину этого он видел в том, что все муравьи одинаково трудятся и плоды их труда идут в общее хранилище. Цзи Шэн писал: «Люди должны последовать примеру муравьев, т. е. осуществить те идеалы коммунизма, которые уже осуществлены нашими братьями в России» [68, 6].

Цзи Шэн выдвигал требование о ликвидации частной собственности на землю и передаче ее во владение всего общества. «Землю надо обобществить»,— заявлял он, предлагая установить принцип «не трудящийся да не ест». Достижение этой цели невозможно без борьбы, а чтобы успешно бороться, надо объединяться. В «Обращении» содержался призыв приступить к организации союзов, сначала в масштабах одной деревни, а затем и в масштабах всей страны[2]. Трудящиеся — рабочие и крестьяне,— объединенные в союзы, должны были, по идее автора «Обращения», сами решать свои дела через представителей, избираемых и сменяемых членами союза. По мнению Цзи Шэна, такие союзы должны взять на себя следующие функции: а) охрана интересов трудящихся от их врагов; б) распределение трудовых обязанностей; в) устройство школ; г) осуществление связей с иностранными трудящимися для совместной борьбы с иностранными капиталистами.

Из рассуждений автора ясно видно, что для него несомненным было наличие частной собственности на землю в Китае. В «Обращении» в простой форме была выражена мысль о «социализации» или о национализации земли, а также требование осуществления демократии.

Задача изъятия земли из помещичьей собственности и ее обобществления возлагалась на плечи трудового крестьянства, организованного в союзы. В «Обращении»

[2] Не только коммунисты, но и анархисты призывали в то время крестьян к организации своих союзов. Такой призыв содержался, например, в одной из прокламаций, составленных анархистами Фуцзяни: «Землеробы! Объединяйтесь в союзы. Только тот, кто сам обрабатывает землю, может пользоваться ее плодами. Земля дана природой. Ваш труд и силы принадлежат вам. Вносить подати правительству и платить аренду землевладельцам — это то же, что давать им пить вашу кровь и есть ваше мясо» [127, 3592].

не содержалось развернутой, детально разработанной программы решения земельного вопроса. Неясно, как конкретно представлял себе автор процесс претворения в жизнь своих предложений, но сама идея конфискации помещичьей земли и передачи ее обществу, переустроенному на демократических началах, была плодотворной. Высказанные автором идеи об объединении крестьян в союзы для защиты своих интересов, видимо, имели немало последователей среди участников первых марксистских кружков. Так, в журнале «Синь циннянь» в октябре 1921 г. мы находим запись выступления Шэнь Сюань-лу[3] на собрании крестьян уезда Сяошань [297].

В своем выступлении Шэнь Сюань-лу разоблачал лживость утверждений, что помещики честно приобрели свои земли, покупая их за серебро. «Но откуда они взяли серебро?» — спрашивал Сюань-лу. И отвечал, что если деньги накоплены за счет сдачи земли в аренду, то ясно, что они отобраны у крестьян, а если другим путем, то все равно за счет пота и крови трудящихся. Он говорил далее о том, что ценность земли увеличивается в результате трудов крестьянина, и подчеркивал несправедливость взимания арендной платы за землю.

Он указывал, что сила имущих классов в их организованности и в поддержке, которую им оказывают чиновники, закон, армия и полиция. Обращаясь к крестьянам, он говорил: «Вы же не имеете ни организации, ни союзов и подобны блюду рассыпанного песка, и, конечно, они (помещики.— *Л. Д.)* притесняют вас, низводя до положения рабочего скота» [297, 3].

Сравнивая положение китайских крестьян с условиями жизни русских крепостных в XVI—XVII вв., Шэнь Сюань-лу говорил, что обращение китайских помещиков с крестьянами более жестокое, чем в старой России, так как русские помещики обязаны были обеспечивать определенные условия жизни своих крепостных[4], а «по-

---

[3] Шэнь Сюань-лу (Шэнь Дин-и) — выходец из семьи крупного помещика, участник шанхайского кружка по изучению марксизма, перешедший затем в лагерь гоминьдановской реакции.

[4] Такое мнение высказывали не только китайские демократы. Ф. Достоевский, например, писал, что «помещики хотя и сильно эксплуатировали людей, но все же старались не разорять своих крестьян, пожалуй, для себя же, чтобы не истощить рабочей

мещики Сяошаня, Шаосина и других мест совершенно не несут никакой ответственности за поддержание жизни арендаторов» [297, 3].

Он указывал, что у крестьян нет иного выхода, кроме как добиться самоопределения, т. е. самим взять судьбу в свои руки. Основное требование, которое должны выдвинуть крестьяне,— это ликвидация частной собственности, «обобществление земли». Возможность осуществления этого лозунга и сроки его осуществления Шэнь Сюань-лу ставил в зависимость от способности крестьян к объединению, к созданию своей организации. Он считал неотложной задачей объединение крестьян в «крестьянские союзы».

Шэнь Сюань-лу осуждал неорганизованные мятежи, поскольку они быстро подавляются и не приносят никакой пользы. Кроме того, неорганизованными бунтами пользуются и к ним примазываются «опасные элементы», которые не чувствуют никакой ответственности перед обществом, занимаются грабежами, поджогами, насилиями над женщинами и тем самым умаляют славу трудовой профессии. Он призывал не отменять налоги, даже самые ненавистные, неорганизованным путем.

Шэнь Сюань-лу подчеркивал, что чем скорее крестьяне объединятся и будут иметь тесную организацию, тем скорее наступит день, когда помещики капитулируют [см. 297].

силы» («Дневник писателя»,— Полное собрание сочинений, т. 11, СПб., 1891, стр. 86). Аналогичное суждение содержится в известном очерке Г. Успенского «Власть земли». «Рискуя быть причисленным к разряду заскорузлых крепостников,— писал Г. Успенский,— я должен сказать, что при крепостном праве наше крестьянство было поставлено по отношению к земле в более правильные отношения, чем в настоящее время. Я не говорю о несправедливом труде, который нес крестьянин на своих плечах, о его вековой жажде высвободиться из-под этого гнета и т. д.— все это не может быть предметом настоящей статьи, предмет которой — только значение для крестьянина земли. И в этом отношении крестьянин имел земли гораздо больше, чем теперь; не ошибемся, если скажем, что земли у помещичьих крестьян было вдвое более против теперешнего. Кроме того, всякий помещик, если он не был безумным или выродком, вроде, например, Измайлова и других подобных ему зверей, из *личной выгоды* должен был поддерживать в своих крестьянах все, что делает их настоящими крестьянами-землевладельцами, так как только крестьянин исправный и есть исправный плательщик помещику, который жил его трудами» (Собрание сочинений, т. 5, М., 1956, стр. 131—132).

В уезде Сяошань был организован крестьянский союз, но мы не знаем ни его численности, ни продолжительности существования. Судя по всему, в его организации принимали участие члены шанхайского кружка по изучению марксизма, которые на страницах журнала «Синь циннянь» опубликовали «Декларацию крестьянского Союза деревни Яцянь» (уезд Сяошань, провинция Чжэцзян) [99].

В «Декларации» указывалось, что крестьяне, помимо того что они кормят подавляющее большинство китайского народа, несут на себе еще бремя расходов по содержанию правительства, армии, системы образования. Пот и кровь крестьян — это источники жизни восьми-девяти человек из десяти. Сами же крестьяне живут в страданиях и темноте. Они являются рабами помещиков — владельцев полей.

«Когда урожай обильный, он весь уходит к помещику, а мы, крестьяне, не получаем ничего. Когда недород, то помещики в книгах арендной платы записывают, что крестьяне обязаны вернуть долг на будущий год» [99, 1]. В «Декларации» отмечалось, что крестьяне сильно страдают и от ростовщиков.

В «Декларации» отвергалась власть «третьего класса» (имелась в виду буржуазия.— *Л. Д.*), поскольку «предлагаемая этим классом экономическая система лишь увеличивает нашу бедность гораздо быстрее, чем умножает богатство. От страданий, которые несет с собою эта дурная экономическая система, одинаково мучаются и крестьяне и рабочие. „Третий класс“ не должен быть нашим хозяином» [99, 1].

Далее в ней говорилось: «Только будучи организованными в союз, мы обретем путь избавления от плохой судьбы и поворота к хорошей судьбе. Разрешение нашей судьбы — это и будет разрешение судьбы всех китайцев» [99, 1].

«Декларация» призывала крестьян осознать ту истину, что «земля — это орудие, с помощью которого крестьяне применяют свою силу, чтобы кормить все человечество» [99, 2], отсюда делался вывод о необходимости передачи земли в распоряжение союзов, организованных крестьянами. «Крестьяне не должны забывать, что земля во всем мире должна быть передана в их распоряжение» [99, 2]. Такая передача мыслилась как

передача земли крестьянским организациям, которые должны были обладать правом распределения земли.

Кроме «Декларации» в этом же номере журнала «Синь циннянь» был опубликован и «Устав крестьянского союза деревни Яцянь». В нем говорилось, что членом союза может быть каждый крестьянин, который сам обрабатывает поле. Статья третья указывала, что союз занимает враждебные позиции по отношению к помещикам. В то же время союз рассматривал как своих лучших друзей промышленных рабочих и участников социалистического движения, им он обязывался оказывать поддержку.

По уставу члены союза избирали на своем общем собрании комитет из 6 человек сроком на один год. Внеочередное общее собрание должно было собираться по требованию одной пятой части членов союза.

Члены союза должны были информировать его о величине собранного ими урожая, а также об уплачиваемой ими арендной плате. Весьма важной была статья, обязывавшая союз оказывать поддержку арендатору, который из-за соблюдения постановления союза о норме арендной платы сгонялся помещиком с земли.

Если же помещик передаст дело на такого арендатора в суд, то ответчиком должен выступить весь союз [см. 100]. «Декларация» и «Устав», по свидетельству Шэнь Сюань-лу, были приняты 27 сентября 1921 г. на общем собрании крестьян деревни Яцянь. Одновременно был избран комитет крестьянского союза из шести человек. В журнале сообщалось, что подготовка к созданию таких союзов шла и в других деревнях в округе на 300—400 ли.

Судя по всему, и «Декларация крестьянского союза», и его «Устав» были разработаны членами марксистского кружка. Вряд ли сами крестьяне принимали участие в составлении этих документов. Можно лишь предполагать, что их мнения суммировались авторами. Нет никаких материалов о деятельности этого союза. Попытка его руководителей выставить требование о снижении арендной платы кончилась тем, что союз был запрещен властями и распущен, а его председатель был арестован и погиб в тюрьме. Этот первый опыт организации крестьянского союза не получил широкого распространения, и поэтому вполне правомерно начало ор-

ганизованного крестьянского движения в Китае связывать с деятельностью Пэн Бая в провинции Гуандун.

Представители китайской интеллигенции, выступавшие за социалистический путь развития страны и за освобождение крестьян, живо интересовались социально-экономическими преобразованиями в Советской России. Их внимание привлекали методы, применяемые рабоче-крестьянской властью для разрешения аграрного вопроса. В журнале «Синь циннянь» в январе 1921 г. была напечатана заметка Чжоу Фо-хая «Сельскохозяйственная система в рабоче-крестьянской России» [265][5]. В ней он писал, что надо обращать особое внимание на решение аграрного вопроса в ходе строительства новой России — стране аграрной, в которой крестьяне составляют большинство населения.

«Китай также аграрная страна,—указывал он.—В будущем, после социальной революции, главная трудность, с которой мы столкнемся,— это земельный вопрос. Поэтому необходимо сейчас его изучать, чтобы иметь образец, который поможет тогда разрешить этот вопрос» [265, 26].

Возражая тем публицистам, которые клеветнически писали о конфискации в Советской России земли и у крестьян, Чжоу Фо-хай подчеркивал, что отмена частной собственности в России означает прежде всего конфискацию земли у аристократии и крупных помещиков, а не у казаков и крестьян. Крестьяне, писал он, сохраняют право пользования землей, и лишь в том случае, если они по каким-либо причинам не могут реализовать его, земля переходит в распоряжение государства. «И хотя право частной собственности на землю само по себе не признается, тем не менее фактически нет никакого отличия от частной собственности на землю» [265, 27]. Автор объяснял и причины, по которым рабоче-крестьянское правительство не осуществляет сразу социализации земли, хотя и ставит это своей целью. «Это потому, что у русских крестьян отсталое сознание, узкий кругозор и они в течение многих лет жили надеждами заиметь собственную землю. И если этих надежд

[5] Материалы для своей статьи Чжоу Фо-хай брал из японского журнала «Изучение социализма» («Сякайсюги кэнки») и книг западных авторов.

не удовлетворить, то крестьяне могут устроить беспорядки, а так как рабоче-крестьянское правительство добивается их поддержки, оно не хочет немедленно осуществить социализацию земли и проводит политику ее раздела. В основе курса, проводимого рабоче-крестьянским правительством, лежит стремление не применять насилия при осуществлении социализма, но это не значит, что оно полностью отбросило идею социализации земли» [265, 27].

Автор коротко рассказывал о первых формах коллективного труда в русской деревне, об организации сельскохозяйственных коммун. Их он сравнивал с системой общественных или родовых земель в Китае, которые также обрабатывались крестьянами сообща.

Трудно сказать, действительно ли Чжоу Фо-хай не видел различия между сельскохозяйственными коммунами в России и общественными землями в Китае или такая аналогия понадобилась ему в чисто пропагандистских целях, дабы не отпугнуть китайского читателя от социалистического движения. Во всяком случае его статья пронизана стремлением убедить читателя в достоинствах и выгодах тех мероприятий, которые проводились Советской властью в деревне.

Давая краткую характеристику аграрной политики Советского правительства, Чжоу Фо-хай подчеркивал, что «аграрная политика Ленина основывается на тех же принципах, как и политика в других областях. В отношении активных контрреволюционеров он, осуществляя политику диктатуры пролетариата, применяет строгие меры, но в отношении народных масс он верит в силу убеждения, а не в насильственные методы» [265, 34]. Он отмечал веру Ленина в правильность своих принципов и своей программы. «Ленин придерживается правила: если крестьяне еще не приемлют его программу, то это значит, что они еще не поняли ее и надо помочь им лучше ее понять» [265, 34].

Полемизируя с противниками социализма, заявлявшими, что диктатура пролетариата в Китае будет отвергнута крестьянами в силу их консерватизма, Чжоу Фо-хай утверждал, что диктатура пролетариата потому и необходима, что без нее невозможно упрочить победу социальной революции и переделать отсталые привычки крестьян.

В заметке «Диктатура и крестьяне» он писал: «Некоторые люди ссылаются на консерватизм крестьян в качестве аргумента против установления в Китае диктатуры. Они считают, что крестьяне против коренных перемен, и если с помощью диктатуры начать менять их привычную жизнь, то обязательно столкнешься с их резким противодействием, и преобразования провести не удастся. Это мнение соответствует фактам, так как крестьяне действительно консервативны. Но мы не знаем, понимают ли они в конце концов, зачем надо устанавливать диктатуру? Диктатура потому и необходима, что крестьяне погрязли в косности! Крестьяне привыкли к системе собственности и поначалу будут против социальной революции. Диктатура необходима именно для того, чтобы не дать им возможности мешать социальной революции, упразднению частной собственности на землю. Иначе они, как и русские крестьяне, будут утаивать зерно, а горожане — умирать с голоду.

Если бы, вопреки нашим оппонентам, крестьяне не были консервативны и одобряли социальную революцию, то необходимость в диктатуре отпала бы, по меньшей мере частично. Они считают, что поскольку крестьяне консервативны, то в Китае не годится диктатура. Я же считаю, что именно потому, что крестьяне консервативны, в Китае надо осуществлять именно диктатуру» [264, 2].

Крестьянский вопрос рассматривался первыми китайскими сторонниками марксизма в контексте общих рассуждений о возможности и необходимости осуществления социалистической революции в Китае. По их мнению, в китайской деревне можно было осуществить «социализацию земли» при условии установления в стране диктатуры пролетариата. В своей аргументации они опирались на опыт революционной России, который они, разумеется, понимали по-своему, но пытались осмыслить и связать его с китайской действительностью.

Крестьянская проблема находила свое отражение и в статьях Ли Да-чжао — одного из основателей КПК.

В феврале 1919 г. он опубликовал в газете «Чэнь бао» статью «Молодежь и деревня», в которой призывал китайскую молодежь принять активное участие в деле просвещения крестьянства и вовлечения его в борьбу. В этой статье Ли Да-чжао прямо ссылается на

пример представителей русской интеллигенции, которые «отказались от личного счастья, не страшась никаких трудностей и преград, пошли в деревню для распространения идей гуманизма и социализма» [149, 91]. Заслугой Ли Да-чжао является то, что в отличие от многих представителей прогрессивного крыла китайской общественности, уповавших или на «сильную просвещенную личность», или на помощь и поддержку капиталистических держав, он писал о необходимости поднять крестьян на борьбу за освобождение, подчеркивая, что «без их освобождения не может быть и речи об освобождении нации» [149, 92]. При этом он исходил из того, что «Китай — аграрная страна, подавляющее большинство ее трудящихся составляют крестьяне» [149, 92].

Ли Да-чжао понимал, что крестьянство — это темная и забитая масса, которая не «знает, как защищать себя, не умеет организовать взаимопомощь», что крестьяне «ищут справедливого императора или послушно выполняют волю сельской бюрократии». Темнота и забитость крестьян приводят к тому, что они не только не помогают и не сочувствуют друг другу в борьбе против жестокого гнета помещиков, но иногда даже враждуют, к радости помещика [см. 149, 93].

Он упрекал грамотную сельскую молодежь за ее стремление уйти в город, хотя именно на ней «лежит ответственность за то, что деревня — источник всего светлого и чистого — оказалась в темноте и невежестве» [149, 95].

Ли Да-чжао обращался к китайской молодежи с прочувствованным призывом идти в деревню. «Стоит появиться в ней нынешней молодежи, проводнику современной цивилизации,— пишет он, — и крестьяне не будут отказываться от избирательного права, не проявят к нему равнодушия, не позволят обмануть себя всякому городскому сброду, не попадутся на удочку сельской знати». По его мнению, «чем больше молодежи вернется в деревню, тем тверже надежда на улучшение жизни. А улучшение жизни в деревне приведет к общему социальному прогрессу» [149, 96].

В цитированной статье автор не пытался вскрыть глубинных причин тяжелого положения крестьянства, не давал характеристики социально-экономических отношений в китайской деревне. Корень зла Ли Да-чжао видел

в господстве помещиков и продажных чиновников. Он ставил задачу побудить молодежь обратить взоры к темной, забитой деревне, вызвать сочувствие к крестьянам. Высказывания Ли Да-чжао о деревне преследовали агитационную цель: убедить городскую молодежь идти в деревню. Отсюда такое сопоставление: «Городская жизнь — это ад, а деревня — это источник вдохновенного труда. Отравленную атмосферу города не сравнить с деревенской свежестью» [149, 96]. Ли Да-чжао не жалеет красок для показа преимуществ сельской жизни. Заканчивая свою статью, он пишет о китайской деревне как о «крае мирных домашних очагов, где поют петухи и лают собаки» [149, 97]. Тем не менее патетический тон статьи не может снизить ее значения. И прав советский исследователь Ю. М. Гарушянц, когда указывает, что Ли Да-чжао «первый вынес на страницы печати проблему союза революционной интеллигенции с крестьянством» [133, 20].

I съезд КПК и его политические установки

Как видим, накануне созыва I съезда Коммунистической партии Китая в июле 1921 г. аграрно-крестьянский вопрос привлекал внимание китайских сторонников марксизма. Однако на съезде КПК вопрос о крестьянстве, о руководстве его борьбой, о методах разрешения аграрного вопроса совершенно не затрагивался. «Небольшая кучка, десяток-другой коммунистов, твердо подняла знамя борьбы за коммунизм, за диктатуру пролетариата, за дисциплинированную большевистскую партию, за классовое революционное профессиональное движение,— писал впоследствии Ю Ань-ли.— Перед коммунистической партией в этот момент еще не выступала задача участия, совместно с другими классами и партиями китайского общества, в национальной борьбе за освобождение от империалистического гнета.

Точно так же партия еще не ставила перед собой задачу борьбы за руководство крестьянством» [179, 182].

Собравшийся в Шанхае в июле 1921 г. учредительный съезд официально создал Коммунистическую партию Китая. Представитель Коминтерна на съезде сове-

товал китайским коммунистам обратить особое внимание на создание рабочих организаций [136, 246]. Такие советы вытекали из общей установки на формирование Коммунистической партии Китая как пролетарской партии. Поскольку компартия создавалась из участников марксистских кружков, куда входили преподаватели, журналисты, студенты, то ориентация на установление связи с рабочим классом, на развертывание работы среди китайского пролетариата и организацию профессиональных рабочих союзов была правомерной. В. И. Глунин правильно отмечает, что «легче всего из богатейшего арсенала марксистско-ленинских идей КПК в начальный период своей деятельности восприняла идеи классовой борьбы пролетариата против буржуазии, идеи диктатуры пролетариата и Советской власти» [136, 249].

Такое легкое и быстрое восприятие идей социалистической революции, диктатуры пролетариата было результатом огромного влияния Октябрьской революции, а отнюдь не было продиктовано объективными требованиями китайской действительности.

Рабочий класс Китая в тот период был малочисленным. Он составлял менее половины процента населения. Среди фабрично-заводских рабочих была чрезвычайно велика доля женщин и детей. Сосредоточен был рабочий класс лишь в нескольких крупных промышленных центрах. Рабочее движение еще только делало свои первые шаги. Исследователь рабочего движения в Китае Ж. Шэно пишет, что «большинство забастовок 1919—1921 гг. являлись стихийными, возникавшими внезапно по инициативе нескольких более решительных пролетариев» [125, 217].

Создание профессиональных союзов, организация рабочих, политическое воспитание их в революционном духе несомненно являлось главной задачей революционно-демократических интеллигентов, объединившихся в Коммунистическую партию. Обращение к этой задаче к тому же непосредственно вытекало из господствовавшего среди китайских марксистов [6] твердого убеждения

[6] Употребляя общепринятый термин «китайские марксисты», «китайские коммунисты», мы хотели бы подчеркнуть наше согласие с замечанием В. И. Глунина относительно того, что «название „коммунистическое“ отражало главным образом тенденцию, а не

в том, что Китаю предстоит совершить революционный переход от существующего общества, характер которого они точно еще не определили, к социалистическому, причем роль руководителя такого перехода, естественно, отводилась пролетариату.

Участник I съезда КПК Чэнь Тань-цю вспоминает, что делегат съезда от Пекина Лю Жэнь-цзин выступал за признание установления диктатуры пролетариата непосредственной целью борьбы. Иной точки зрения придерживался делегат от Шанхая Ли Хань-цзюнь. Он полагал, что «китайский пролетариат слишком молод, не понимает идей марксизма и нуждается в длительной пропагандистской воспитательной работе» [175, 53—54]. Ли Хань-цзюнь отвергал идею установления диктатуры пролетариата и выступал за буржуазную демократию.

По свидетельству Чэнь Тань-цю, «большинство делегатов резко выступило против обеих неверных точек. В конце концов были приняты общие установки, в которых основной задачей партии признавалась борьба за диктатуру пролетариата. При определении тактики борьбы в переходный период было указано, что партия не только не может отказываться, но, наоборот, должна активно призывать пролетариат к участию и руководству буржуазно-демократическим движением. Была принята установка, требующая организации боеспособной дисциплинированной партии пролетариата.

Развитие профсоюзного движения выдвигалось как центральная задача в работе компартии» [175, 54].

На I съезде обсуждался проект Манифеста и проект программы партии — документы о главных направлениях работы партии. Вокруг их основных положений разгорелись споры, примерное содержание которых и передает в своих воспоминаниях Чэнь Тань-цю. Поскольку делегаты съезда не могли прийти к общему согласию, было решено передать вопрос о принятии Манифеста и его публикации на усмотрение Чэнь Ду-сю, избранного на съезде генеральным секретарем партии [7].

действительное состояние коммунистических кружков, которые как по своему составу, так и по уровню идейно-политической зрелости были еще довольно далеки от марксизма» [136, 245].

[7] Как свидетельствует делегат съезда от Гуанчжоу Чэнь Гунбо, ему удалось уговорить Чэнь Ду-сю воздержаться от публикации Манифеста партии [см. 180, 48].

Документы, обсуждавшиеся на съезде, были впервые опубликованы в 1960 г. в приложении к диссертации Чэнь Гун-бо «Коммунистическое движение в Китае» [см. 75, 102—136].

Хотя эти документы не были тогда напечатаны в открытой коммунистической печати, они, видимо, определяли характер и формы деятельности китайских коммунистов, служили для них практическим руководством. Эти документы позволяют судить и о том, как понимали китайские коммунисты цели и задачи социальной революции. В них указывалось: «Программные установки нашей партии следующие:

а) вместе с революционной армией пролетариата свергнуть капиталистические классы, возродить нацию из трудящихся классов, добиться уничтожения классовых различий;

б) установить диктатуру пролетариата с тем, чтобы положить конец классовой борьбе — уничтожить классы;

в) ликвидировать частную собственность капитала, конфисковать все средства производства, такие, как машины, земля, здания, сырье и т. д., и передать их в общественную собственность;

г) объединиться с Третьим Интернационалом» [75, 102; 180, 39—40][8].

Далее говорилось, что «партия принимает советскую форму, организует промышленных и сельскохозяйственных рабочих, солдат, пропагандирует коммунизм и признает социальную революцию как нашу главную политическую установку» [75, 102].

В «Решении о целях Коммунистической партии Китая» подчеркивалась необходимость сосредоточить внимание членов партии на работе среди рабочего класса. В нем говорилось: «Организация индустриальных союзов — главная цель нашей партии. В любой местности, где имеется более чем одна отрасль промышленности, необходимо создавать индустриальный союз; если в данной местности отсутствует крупная промышленность и имеется лишь одно или два предприятия, тогда, сообразуясь с местными условиями, может быть организован союз на предприятии.

Партия должна внести в союзы дух классовой борь-

---

[8] У Ван Цзянь-миня отсутствует пункт «г».

бы. Если политическая борьба, развернутая различными союзами, не согласуется с нашей программой, партия должна избегать превращения в орудие других партий.

В существующие гильдии и технические союзы партия может направлять (своих) членов, чтобы предпринять первый шаг для их реорганизации» [301, 103—104].

Из документов I съезда КПК можно понять, что китайские коммунисты ставили перед собой в качестве непосредственной задачи осуществление социалистической революции (термин «социальная революция» в их выступлениях имел смысл «социалистической революции».— *Л. Д.)* и путем «прямых действий» (т. е. революционных) установление диктатуры пролетариата. Аграрный вопрос поэтому решался в соответствии с этой общей установкой — предполагалось, что земля, так же как фабрики и заводы, станет государственной собственностью. Говоря о победе социальной революции, китайские революционеры исходили главным образом из того, что в Китае капитализм находится еще на начальной стадии своего развития, что национальная буржуазия еще слаба и поэтому не в состоянии оказать серьезного противодействия социалистическому переустройству китайского общества. Они обращали внимание, по существу, лишь на политическую сторону проблемы, связывая все свои расчеты и планы на осуществление социализма с захватом государственной власти. Экономическая сторона дела, вопрос об объективных материальных предпосылках социалистического переворота рассматривался ими как второстепенный. В этой связи нельзя не вспомнить высказывания Ф. Энгельса об условиях, при которых возможна победа пролетарской революции. Он писал: «Переворот, к которому стремится современный социализм, состоит, коротко говоря, в победе пролетариата над буржуазией и в создании новой организации общества путем уничтожения всяких классовых различий. Для этого необходимо наличие не только пролетариата, который совершит этот переворот, но также и буржуазии, в руках которой общественные производительные силы достигают такого развития, когда становится возможным окончательное уничтожение классовых различий. У дикарей и у полудикарей часто тоже нет никаких классовых различий, и через такое состояние прошел каждый народ. Восста-

навливать его снова нам и в голову не может прийти уже по одному тому, что из этого состояния, с развитием общественных производительных сил, необходимо возникают классовые различия. Только на известной, даже для наших современных условий очень высокой, ступени развития общественных производительных сил становится возможным поднять производство до такого уровня, чтобы отмена классовых различий стала действительным прогрессом, чтобы она была прочной и не повлекла за собой застоя или даже упадка в общественном способе производства. Но такой степени развития производительные силы достигли в руках буржуазии. Следовательно, буржуазия и с этой стороны является таким же необходимым предварительным условием социалистической революции, как и сам пролетариат. Поэтому человек, способный утверждать, что эту революцию легче провести в такой стране, где *хотя* нет пролетариата, но *зато* нет и буржуазии, доказывает лишь то, что ему нужно учиться еще азбуке социализма» [2, 537].

Китайские коммунисты в то время не представляли и не осознавали всей сложности и трудности переустройства китайского общества на принципах социализма. Они не только не обсуждали, но и не поднимали вопроса об этапах развития китайской революции, социально-экономическое содержание которой объективно носило буржуазно-демократический характер.

Поэтому, по существу, перед ними стояла сложная задача приложения марксизма-ленинизма, пролетарской идеологии к решению проблем буржуазно-демократической, а не пролетарской, социалистической революции. Китайские же коммунисты настраивали себя на осуществление социалистического переворота, и все их мысли вращались вокруг вопроса об установлении в Китае диктатуры пролетариата, поскольку к этому, по их мнению, вела общая мировая тенденция, которая распространялась и на Китай.

В программных документах I съезда КПК ни слова не говорилось об антиимпериалистической и антифеодальной борьбе. Крестьянство и его роль в революции вообще выпали из поля зрения делегатов, что вполне объяснимо и понятно, поскольку главный упор делался на организацию и развитие рабочего движения. Впрочем, нельзя упрекать в этом молодых китайских комму-

нистов. Тот факт, что в Китае была впервые создана политическая партия, поставившая целью связать свою судьбу и судьбу всей страны с рабочим движением, сам по себе имел исключительное значение.

То обстоятельство, что вопрос о крестьянстве не выдвигался тогда на первый план, в известной степени объяснялось и тем, что, по мнению китайских коммунистов, крестьянство отличалось темнотой и невежеством и было тяжело на подъем. В докладе китайской делегации, представленном III конгрессу Коммунистического Интернационала (июнь — июль 1921 г.) [9], говорилось: «Крестьянство почти поголовно неграмотно, не имеет никаких организаций и лишено классового самосознания. Его подчиненность и покорность прямо-таки удивительна; голод охватил своими костлявыми руками всю страну в прошлом [19]20 г. Десятки тысяч людей голодали, тысячи из них умерли голодной смертью, и все-таки — ни одного голодного бунта, ни одного восстания и ни одного выражения протеста со стороны голодающих масс. Однако китайская коммунистическая партия знает, что эта покорность только временная и как бы несознательно ни было китайское крестьянство, оно в борьбе с империалистами и плантаторами за волю и землю будет вместе с рабочими массами» [56, 330].

О том, что такое отношение к крестьянству не было случайным, свидетельствует и более поздняя статья Чжан Го-тао «Место интеллигенции в политике и ее долг». Подчеркивая в этой статье важную роль интеллигенции в политической жизни Китая, автор пишет, что китайские крестьяне «не имеют интереса к политике, и это общее правило для всего мира... Они хотят лишь иметь законного Сына Неба, их интересует лишь всеобщий мир и богатые урожаи. Кроме этого, их абсолютно ничего не интересует» [263, 98]. По мнению Чжан Го-тао, рабочих нового типа в Китае очень мало и «сейчас они еще в младенческом состоянии. Имеются лишь две силы, способные влиять на политику: интеллигенция и армия» [263, 98].

Такая оценка революционных возможностей китайских трудящихся совпадала с мнением советских об-

---

[9] Несомненно, что этот доклад — плод коллективной работы китайской делегации и работников Коминтерна.

щественных деятелей и журналистов, писавших тогда о Китае. Так, Ю. Смургис писал, что крестьянская масса стоит в стороне от революционного процесса ломки старого, что «психика китайского крестьянства отличается консерватизмом и склонностью к фатализму», а «китайская деревня не знает внутренних противоречий, свойственных Западу, и единственные враги, с которыми ей приходится иметь дело,— стихийные силы природы и жестокое перенаселение» [118, 18][10]. Вместе с тем он отмечал, что под влиянием развития внутреннего и международного рынка китайская деревня вступила в полосу экономических потрясений, которые «неизбежно взбудораживают крестьянскую психику и делают ее более доступной для восприятия новых идей. Действие экономических факторов усиливается пропагандой китайского студенчества, стремящегося приобщить и крестьянство к делу национального освобождения от двуединого ига иностранного капитала и поддерживаемых им внутренних поработителей китайского народа сверх и просто тучунов (дуцзюней.— *Л. Д.*). Немалую роль в приобщении китайского крестьянства к кругу идей буржуазного прогресса играют и христолюбивые агенты иностранного капитала — католические и протестантские миссионеры» [118, 19].

Однако Ю. Смургис был весьма осторожен в своих выводах. «Под влиянием всех перечисленных факторов,— писал он,— китайская деревня должна несомненно пробуждаться, но пока конкретных фактов, свидетельствующих об этом пробуждении, не наблюдается» [118, 20].

Вл. Виленский-Сибиряков в статье «Перспективы революционного развития Китая» замечал, что «китайское крестьянство вне всякой организации и представляет собой буквально распыленную массу, находящуюся в аморфном состоянии. В таком положении оно обречено пребывать еще долгое время, ибо не только политически воспитать, но даже взрыхлить эту человеческую толщу

---

[10] Ю. Смургис правильно подмечал, что в китайской деревне отсутствуют противоречия, характерные для европейских капиталистических стран, но в то же время он не видел, что в китайской деревне существуют свои социальные противоречия, от которых крестьянство страдало не в меньшей степени, чем от стихийных бедствий.

можно только на протяжении очень большого времени и при помощи очень сильных средств» [128, 320]. Он считал, что «вековая китайская косность выработала в нем (крестьянстве.— *Л. Д.*) особую консервативность» [128, 321].

О том, что подобная точка зрения была широко распространенной, свидетельствует и историк Н. В. Кюнер, который свой анализ политических событий в Китае в 10—20-х годах строил главным образом на материалах прессы того времени. Описывая борьбу за национальное освобождение в Китае, Н. В. Кюнер отмечал, что «крестьянская масса населения Китая поныне пребывает пассивной, какой она показала себя уже во время китайской революции 1911—1912 гг., и, за немногим исключением, остается вне происходящих преимущественно в городах событий» [108, 49].

Представитель Коминтерна Г. Маринг, посланный в Китай для установления связей с китайскими революционерами, приходил к такому же пессимистическому выводу. «Широкая масса китайского населения,— писал он,— крестьянство, не принимает никакого участия в политической жизни, и в экономике его незаметно никаких следов развития. Здесь и по сей день существуют старые формы семьи и собственности, нет никакой связи с внешним капиталистическим миром, отсутствует какое бы то ни было расслоение внутри крестьянства, и деревня представляет из себя экономическое целое, удовлетворяющее все хозяйственные потребности своих обитателей. Развивающийся в некоторых приморских центрах капитализм не оказывает никакого влияния на жизнь крестьянства» [153, 805].

Можно привести также мнение Г. Войтинского, направленного в Китай в 1920 г. для помощи китайским марксистам в организации Коммунистической партии. Он писал: «Китайский промышленный пролетариат, лишь недавно начавший нарождаться и исчислявшийся в 2—3 миллиона, конечно, представляет еще только тоненькую прослойку в толще 400-миллионного китайского народа. Но политическое его значение в стране за последнее время не только превосходит значение стомиллионных крестьянских масс, до сих пор пребывающих в инертном состоянии по отношению к национальным политическим и государственным вопросам, но и

значение десятков миллионов ремесленников, объединенных в цехах и гильдиях» [129, 341].

Надо сказать, что представители Коминтерна, приезжая в Китай, знакомились прежде всего с жизнью городов. Шанхай, Тяньцзинь, Гуанчжоу производили на них сильное впечатление, что сказывалось и на их оценках. О положении дел в китайской деревне, о настроениях крестьянства они могли судить лишь по рассказам своих китайских собеседников, так что их оценки отражают мнение, господствовавшее тогда среди китайских коммунистов. Это мнение в целом не было проявлением высокомерия по отношению к крестьянским массам, оно сложилось в результате общения с крестьянами. Вспомним, что и В. И. Ленин, давая анализ положения дел в Китае после революции 1911 г., отмечал, что беда Сунь Ят-сена и его партии в том, что «она *недостаточно* еще смогла втянуть в революцию *широкие массы* китайского народа. Пролетариат в Китае совсем еще слаб,—поэтому нет передового класса, способного решительно и сознательно бороться за доведение демократической революции до конца. Крестьянство, не имея руководителя в лице пролетариата, страшно забито, пассивно, темно, равнодушно к политике» [4, 139].

Можно сказать, что содержавшаяся в представленном III конгрессу Коминтерна докладе китайской делегации оценка китайского крестьянства и его революционных потенций была общепринятой, и именно эта оценка лежала в основе отношения китайских коммунистов к крестьянству.

В этом докладе делалась попытка дать характеристику китайскому обществу как обществу переходного типа. «Китайское общество вышло уже из рамок узких феодально-крепостнических отношений,— утверждали авторы доклада.— Но, выйдя из этого состояния, оно в то же время не может приблизиться к буржуазной культуре» [56, 326], ибо Китай в настоящее время расчленен мировыми империалистами на целый ряд отдельных «сфер влияния». Основным фактором, сдерживавшим развитие китайской экономики, объявлялся иностранный империализм, «чужеземный капитал».

Совершенно справедливо отмечая пагубную роль иностранного капитала, авторы доклада упускали из виду воздействие старых производственных отношений

в деревне, помещичьей системы землевладения на все стороны социально-экономической жизни Китая. Характеризуя различные слои сельского населения, авторы доклада лишь упоминали о существовании помещиков, с которыми китайский пролетариат должен будет вступить в борьбу на почве «отвоевания у этих эксплуататоров их средств производства — земли» [56, 329], но ни социальной оценки класса помещиков, ни анализа сущности помещичьей эксплуатации в докладе не содержалось.

Деревенское население делилось в докладе на пролетарскую и непролетарскую часть. К последней относились крестьяне, владеющие небольшими участками земли. Они «составляют большую часть деревенского населения. Это самостоятельные мелкие производители, которые по сравнению с беднотой городов живут сносно, конечно, пока страну не постигает голод. Среди них много крепких и зажиточных, и они все проникнуты мелкобуржуазной идеологией. Их интересы, как интересы мелкого производителя, часто в экономике страны противопоставляются интересам городского и деревенского пролетариата-потребителя, отчего рассчитывать на быстрый альянс этих двух категорий населения не приходится» [56, 329].

В деревенский пролетариат зачислялись испольщики-арендаторы и сельскохозяйственные рабочие (батраки).

Не случайно, что о крестьянах не говорится в том месте доклада, где речь идет о социальных сферах деятельности партии. В докладе указывается, что Компартия ставит своей основной целью «форсированно объединять его распыленные силы (т. е. силы пролетариата.— *Л. Д.*) в мощные классовые организации», и при этом «партия не забудет, конечно, и деклассированную китайскую интеллигенцию и непримиримо революционное настроение китайских женщин» [56, 336]. Очевидно, что, когда говорилось о работе с пролетариатом, имелась в виду и работа с беднейшим крестьянством.

Данная в докладе характеристика китайского общества позволяет лучше понять, почему китайские коммунисты в своих первых документах обходили стороной вопрос о крестьянстве. Добрую половину крестьянства они заносили в разряд пролетариата, интересы которого не совпадали с интересами крестьян-собственников,

«проникнутых мелкобуржуазной идеологией». А поскольку интересы этой части крестьянства противопоставлялись интересам пролетариата (как городского, так и сельского), то нечего было и думать об установлении в ближайшее время союза между пролетариатом и крестьянством. Такой союз, по мысли авторов доклада, мог быть создан лишь в будущем, в процессе борьбы с помещиками за землю.

В докладе четко была выражена мысль о том, что грядущая революция в Китае будет коммунистической, ибо только она способна исцелить те социальные болезни, от которых страдал Китай. Авторы доклада считали, что никакие другие средства не помогут их стране. Они заявляли, что *«единственный путь для экономического возрождения страны и для спасения китайского народа от иностранной эксплуатации — это установление коммунистического строя, изъятие всех капиталов, средств и орудий производства из рук хилой национальной буржуазии, состоящей на услужении у мировых захватчиков, и передача их в руки организованного пролетариата для развития китайской индустрии»* [56, 324].

Такие заявления декларативного характера были весьма далеки от реальных требований, выдвигаемых в то время китайским обществом. Они не отражали существа конкретных проблем, стоящих перед революционным движением в Китае.

Подобные заявления были порождены прежде всего политической неопытностью молодых китайских коммунистов, их теоретической незрелостью.

Вовлекаясь логикой жизни в сложную политическую борьбу, китайские коммунисты не имели еще продуманной теории китайской революции. Ими еще не было проанализировано соотношение классовых сил в стране, характер происходящих процессов. Они еще не понимали значения внутренних и внешних факторов для развития революции, не представляли очередности тех задач, которые должна была решать китайская революция в зависимости от социально-экономического уровня страны, от степени сознательности и организованности рабочего класса и крестьянства, от готовности большинства китайского общества принять социалистические принципы переустройства экономики страны. Они не имели ясного представления о своем месте и о своей ро-

ли в национально-революционном движении. Большое значение для развертывания революционной деятельности китайских коммунистов имел первый съезд революционных организаций Дальнего Востока в 1922 г.

Китайский вопрос на первом съезде революционных организаций Дальнего Востока

Оценивая влияние этого съезда на молодую Компартию Китая, Ю Ань-ли писал: «Этот съезд имел огромнейшее значение для всего дальнейшего развития компартии, положив начало постоянной и систематической связи между Коммунистическим Интернационалом и революционным движением Китая.

Он произвел тот необходимый перелом, который был закреплен затем на II съезде китайской компартии, заключавшийся в переходе от пропагандистской работы в кружках и организации профсоюзов к активному участию в политической борьбе, к борьбе пролетариата за гегемонию в национальной, буржуазно-демократической революции» [179, 183].

Высокая оценка съезда революционных организаций Дальнего Востока дается и китайскими историками. «Для деятельности Коммунистической партии Китая,— пишет Хэ Гань-чжи,— решения этого съезда имели исключительно важное значение, поскольку в период создания партии была определена лишь ее конечная цель — построение в Китае коммунистического общества, но как эта цель будет достигнута — это для многих оставалось неясным. Исчерпывающий ответ на это дал ленинизм: достижение социализма и коммунизма полуколониальными и феодальными обществами возможно при том условии, если они вплотную займутся решением задач антиимпериалистической и антифеодальной революции» [106, 82].

В работе съезда приняли участие представители не только КПК, но и гоминьдана, а также делегаты от других общественных организаций. Китайские коммунисты приложили немалые усилия, чтобы послать на съезд представительную делегацию. Автор первого краткого очерка истории КПК Калачев (С. Н. Наумов)

отмечал, что партия «развила на страницах своей печати, на митингах и собраниях широкую агитацию за необходимость посылки такой делегации, причем надо сказать, что в этом вопросе КПК имела много противников, которые не только отрицательно относились к этой идее, а вели активную борьбу против ее проведения в жизнь. Однако, несмотря на это упорное сопротивление, коммунистам удалось организовать делегацию на Московскую конференцию народов Дальнего Востока в составе 30 человек» [145, 42 (30)].

Созыв съездов (народов Востока в Баку и революционных организаций Дальнего Востока в Москве) был практическим шагом по выполнению решений II конгресса Коминтерна по национальному и колониальному вопросам. Активное участие в выработке этих решений принимал, как известно, В. И. Ленин. В их основу был положен ленинский «Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам».

Красной нитью через эту работу проходит мысль о вовлечении непролетарских масс стран Востока в общую антиимпериалистическую борьбу, призыв бороться за сближение пролетариев и трудящихся масс всех наций и стран для совместной борьбы за свержение помещиков и буржуазии [см. 19, 163]. В. И. Ленин превосходно понимал, что коммунистам на Востоке придется иметь дело не с промышленными рабочими европейского типа, а с крестьянскими массами, с «типичными представителями трудящейся, эксплуатируемой массы крестьян, которые страдают от средневекового гнета» [8, 329]. Эта особенность постоянно подчеркивалась в выступлениях В. И. Ленина, когда он касался вопросов национального революционного движения на Востоке. Он не уставал предостерегать коммунистов от опасности перекрашивать в пролетарский цвет борьбу трудящихся восточных стран. Он категорически протестовал против зачисления крестьян в разряд пролетариата.

В. И. Ленин еще в годы первой русской революции последовательно выступал против смешивания пролетарского движения, носившего социалистический характер, с крестьянским, которое по своему общественно-экономическому содержанию носит буржуазно-демократический характер. В докладе на II съезде коммунисти-

ческих организаций народов Востока В. И. Ленин говорил: «Здесь перед вами стоит задача, которая не стояла раньше перед коммунистами всего мира: опираясь на общекоммунистическую теорию и практику, вам нужно, применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков» [8, 329]. Вовлечь, втянуть многомиллионные массы крестьянства в общую революционную борьбу против империализма можно было, лишь мобилизуя их на борьбу против средневекового гнета. В этом был глубокий смысл ленинских идей.

Основной задачей созванного в Москве съезда революционных организаций Дальнего Востока и являлась активизация борьбы коммунистов и революционеров-делегатов против империализма и феодальных сил.

Съезд открылся 23 января 1922 г. На нем присутствовали делегаты Китая, Японии, Кореи, Монголии, Бурятии, Явы, Калмыкии и с совещательным голосом представители Индии и Якутии. Китайскую делегацию возглавлял Чжан Го-тао.

Съезд открыл бывший тогда председателем Исполкома Коминтерна Г. Зиновьев. В своей речи он подчеркнул то особое значение, которое имеет национально-освободительное движение народов Дальнего Востока для достижения окончательной победы над мировым капитализмом. Он отмечал, что «в пределах нашего материка все виды империалистического соперничества ныне более или менее закончены, и в настоящее время, более чем когда бы то ни было, центр их тяжести передвигается в Азию. И это делает дальневосточный вопрос в миллион раз актуальнее, чем до сих пор, превращает его в ось всей мировой политики и всего освободительного движения пролетариата и угнетенных народов» [92, 10].

Призывая дальневосточных революционеров к координации своих действий, к усилению нажима на империалистов, он говорил: «Если даже нам суждена победа в Европе, то она все же будет непрочной, пока не разрешится дальневосточный вопрос, пока не поднимутся последние резервы человечества, пока не восстанут

многочисленные массы тех стран, которые вы здесь представляете» [92, 28].

Главные свои надежды руководство Коминтерна, судя по речи Г. Зиновьева, возлагало на Японию, как наиболее развитую страну с многочисленным промышленным пролетариатом. Но и Китай также находился в центре внимания организаторов съезда. Отчасти это объяснялось тем, что на Вашингтонской конференции 1921—1922 гг. китайская проблема занимала важное место. Империалистические державы стремились, примирив взаимные противоречия, договориться об общих принципах политики в отношении Китая с тем, чтобы сохранить зависимость Китая и его полуколониальное положение. Представители крупных империалистических держав — США, Японии, Англии, не желая поступиться своими привилегиями, отказывались считаться даже с робкими требованиями китайского правительства. Империалистической политике в Китае Коммунистический Интернационал противопоставлял пролетарскую политику, заявляя о решимости и готовности поддерживать борьбу китайского народа за свои национальные права и интересы, грубо попираемые империалистами Европы, Америки и Азии.

Руководство Коминтерна считало необходимым довести эту истину до сознания представителей Китая, поскольку из имеющихся в его распоряжении материалов было видно, что в революционном лагере Китая не все в достаточной мере понимали сущность империалистической политики.

Многие революционеры-демократы считали в то время главным врагом китайского народа Японию, чьи наглые притязания на китайскую территорию и попытки открытого вмешательства во внутренние дела страны вызывали гнев и возмущение китайских патриотов. Но они не были склонны переносить свое враждебное отношение к Японии на США и Англию, которые рассматривались как государства демократические [11]. Руко-

[11] С. Калачев в упомянутой выше работе пишет: «Народные массы ненавидели японцев, но это антияпонское движение ничего общего не имело с борьбой за изгнание империалистов из Китая. Так думали (опять-таки) не только широкие народные массы, но и передовые элементы общества. Даже гоминьдановцы и некоторые другие революционные группы точно так же подходили к этому вопросу, что японцы — враги китайского народа, а об осталь-

водство Коминтерна стремилось довести до сознания представителей китайских революционеров, что раскол страны, военные смуты, бандитский произвол дуцзюней, сохранение средневековых порядков, неслыханные формы эксплуатации китайских трудящихся — все это «объясняется, прежде всего, наглым вмешательством в жизнь Китая иностранных империалистов» [92, 16].

Руководители съезда видели свою задачу в том, чтобы «дать деятелям китайского революционного движения путеводную нить», «внести объединение в разрозненные ряды китайских революционеров». «Рабочие, организованные в Коммунистический Интернационал,— говорил Г. Зиновьев,— должны помочь раздробленному и угнетенному китайскому народу разрешить стоящую перед ним элементарную задачу: выгнать из Китая всех грабителей и угнетателей, приносящих так много вреда китайскому народу» [92, 16].

Руководители Коминтерна исходили из того, что революционное движение в Китае не является ни социалистическим, ни коммунистическим, что первоочередной задачей китайских революционеров является борьба против империалистов, за национальную независимость. Руководство Коминтерна разъясняло китайским революционерам, что «нарастающее в Китае возмущение против империалистов не является протестом коммунистическим» [92, 17]. Признавая некоммунистический характер революционного движения в Китае, Коминтерн не отмахивался от него, а, наоборот, считал своим пролетарским долгом помогать и поддерживать непролетарские, национально-революционные движения на Востоке, что вытекало из решений II конгресса Коминтерна. Поэтому Г. Зиновьев от имени Коминтерна заверил китайских делегатов, что Коминтерн «ставит себе задачей помочь всем своим весом, всей своей силой, всем своим моральным и политическим авторитетом китайскому народу, требующему элементарного раскрепощения и основной примитивной независимости. Коминтерн поста-

---

ных империалистах ни слова» [145, 47(53)]. К этому надо добавить, что Сунь Ят-сен и другие революционеры-демократы Китая надеялись на помощь развитых капиталистических государств в установлении мира в стране и в ее экономическом развитии. В докладе КПК II конгрессу Коминтерна также говорилось лишь о борьбе против японских империалистов [см. 56, 335—336].

рается добиться, чтобы японская, английская и американская буржуазия, чтобы ее бравые офицеры не могли больше издеваться над народными массами Китая, чтобы они не чувствовали себя там, как в конюшне, чтобы не позволяли себе того безнаказанного разбоя, каким они запятнали себя во время подавления боксерского восстания, когда вам пришлось расплатиться не только кровавыми слезами, но и грудами золота» [92, 17—18].

Сосредоточив внимание на разоблачении сущности империалистической политики в Китае и в других странах Дальнего Востока, Г. Зиновьев не затрагивал внутренних социальных проблем китайского общества. В его речи мы не найдем ни слова о социальной опоре империалистического господства в Китае, о внутренних факторах, тормозящих общественно-экономическое развитие Китая.

Вопрос о феодально-помещичьей эксплуатации китайского крестьянства не был поднят и в обстоятельном докладе Г. Сафарова «Колониальный вопрос и борьба за национальное освобождение на Дальнем Востоке». В нем отмечалось, что «китайского крестьянина грабят все, кому не лень: и иностранный капиталист, и японский офицер, и китайский дуцзюнь, и деревенский ростовщик» [92, 59]. Как видим, помещик в этом перечне не фигурирует. «Китаец должен оставаться крестьянином-каторжником, прикрепленным к своей земле и отдающим свои последние крохи через деревенского ростовщика американскому капитализму,— отмечал Г. Сафаров.— Обирая крестьянина, разоряя ремесленника, не выдержавшего конкуренции с европейской и американской промышленностью, капитал создает массы новых пролетариев, всецело находящихся в его власти» [92, 53].

В докладе давалась краткая характеристика китайского феодализма, причем он рассматривался главным образом как политическое явление. Экономическую сущность феодально-помещичьей системы докладчик не разбирал.

«В Китае феодализм представлял собою военно-бюрократическую организацию, господствующую над мелким общинно-патриархальным крестьянским хозяйством. Пережиток этого феодализма капитализм старается использовать для того, чтобы рвать на части тело Ки-

тая, расчленить государственную территорию Китая и поддерживать там непрерывную гражданскую войну, помогающую им обделывать свои делишки» [92, 54].

Г. Сафаров подчеркивал важное значение работы по вовлечению крестьянских масс в борьбу за национальное освобождение, поскольку малочисленный рабочий класс не сможет, даже объединившись с буржуазно-демократическими революционерами, добиться успеха в этой борьбе. «Небольшая кучка рабочих,— разъяснял Г. Сафаров,— даже поддержанная буржуазными демократическо-радикальными элементами, неизбежно потерпит поражение, если не всколыхнутся крестьянские массы» [92, 59].

Чтобы поднять на борьбу крестьянские массы, говорил докладчик, рабочий класс Китая должен был выставить лозунги национализации земли и экспроприации иностранных концессий. Г. Сафаров считал необходимым оговориться, что «в этом требовании нет ничего специально коммунистического, его может и должен поддерживать всякий честный демократ, действительно борющийся за интересы широких масс и заинтересованный в том, чтобы трудящиеся массы стали активной силой революции» [92, 59].

В качестве ближайших задач перед китайскими коммунистами выдвигались: а) освобождение Китая от иностранного ига; б) национализация земли; в) ниспровержение дуцзюната; г) установление единой Федеративной Демократической Республики; д) введение единого прогрессивного подоходного налога.

По существу, в этом докладе Коминтерна китайским коммунистам рекомендовалась программа, отличавшаяся от программы, принятой на их I съезде. В задачах, сформулированных Коминтерном, отсутствовало требование о свержении капитализма, установлении диктатуры пролетариата, о ликвидации капиталистической частной собственности. Общим был лишь пункт о национализации земли. Задачи, выдвигаемые перед Компартией Китая Коминтерном, в значительно большей степени отвечали объективным требованиям китайской революции на буржуазно-демократическом этапе ее развития. Коминтерн заострял внимание китайских коммунистов на необходимости борьбы против империалистического гнета. Выдвинутый им лозунг создания

единой Федеративной Демократической Республики также подчеркивал особенности буржуазно-демократического этапа, переживаемого китайской революцией, и призван был способствовать созданию широкого объединенного демократического фронта. Если программу, принятую на I съезде КПК, можно назвать программой-максимум, то программу, предложенную Коминтерном, можно считать программой-минимум.

В докладе Г. Сафарова, так же как и в документах I съезда КПК, перед рабочим классом Китая выдвигалось требование не связывать «свою судьбу с той или иной демократической партией, с теми или иными буржуазными элементами» [92, 60].

Г. Сафаров пояснял это положение: «Мы знаем, правда, что на ближайшее время между нами и этими буржуазно-демократическими элементами, объединенными в национально-революционную организацию, никаких острых конфликтов быть не может, и тем не менее мы должны заявить этим буржуазно-демократическим элементам, что если они попытаются держать в пеленках молодое китайское рабочее движение, препятствуя его освобождению от старых цеховых уз и проповедуя гармонию труда и капитала, то мы будем решительно бороться против них. Мы поддерживаем всякое национально-революционное движение, но лишь постольку, поскольку оно не направлено против пролетарского движения. Мы заявляем: тот изменник делу пролетарской коммунистической революции, кто не поддерживает национально-революционного движения; но, с другой стороны, мы говорим: изменник национальному делу — тот, кто борется против пробуждения пролетарского движения и мешает китайскому рабочему классу встать на ноги и заговорить своим собственным языком» [92, 60].

Эти установки отдавали сектантским духом. Они противоречили не только призыву к объединению всех национально-революционных сил, прозвучавшему в рассматриваемом докладе, но и разработанным вскоре рекомендациям Коминтерна о вступлении Компартии Китая в суньятсеновский гоминьдан.

Судя по всему, доклад Г. Сафарова и его статья, помещенная в сборнике документов I съезда революционных организаций Дальнего Востока [92, 29—46], были

составлены с учетом тех материалов, которые привезли с собой в Москву китайские делегаты. В этих материалах, а также в докладах на съезде подробно описывалось политическое и экономическое положение страны, ее культурная жизнь, содержались сведения о положении рабочих и крестьян, о рабочем и крестьянском движении, давалась характеристика политических партий и групп.

В материалах отмечалась слабость китайского капитала, подчеркивалось, что главную роль в экономической жизни страны играет иностранный капитал [92, 160]. Сельское население делилось на три группы: а) крестьяне-землевладельцы; б) крестьяне-арендаторы; в) наемные сельскохозяйственные рабочие (батраки) [92, 161—162]. Социальная характеристика крестьянства отличалась от той, которая была дана в докладе КПК для III конгресса Коминтерна. Арендаторы и батраки не относились к пролетариату. В докладе делегата КПК отмечалось, что в Китае имеется громадное число безземельных крестьян [92, 165]. Владеют же землей приблизительно три десятых крестьянского населения. Землевладельцы или сами обрабатывают свою землю, или сдают ее в аренду (докладчик включал в одну группу и помещиков и крестьян-собственников). В докладе подчеркивалась незавидная участь арендаторов и батраков, которых эксплуатируют землевладельцы, грабят чиновники и милитаристы. Положение крестьянства непрерывно ухудшается и под давлением иностранного капитала [92, 166]. Делегат компартии жаловался на пассивность крестьян, их аполитичность, темноту и забитость.

«Китайские крестьяне,— говорил китайский коммунист,— очень суеверны. Они создали себе множество богов, которым и поклоняются при всевозможных обстоятельствах жизни. В случае какого-нибудь семейного несчастья китайский крестьянин молится одному богу, а в случае благоприятного урожая он благодарственно молится другому.

Крестьянство в глубине Китая осталось до сих пор тем же, чем оно было столетия тому назад. В своей религии, обычаях, одежде крестьяне здесь не сделали ни одного шага вперед на протяжении столетий. Они совершенно не интересуются экономической и политической

жизнью страны или даже хотя бы своей собственной провинции.

Собираются они между собой довольно часто. Но единственной интересующей их темой является урожай. После революции 1911 г. был издан закон, согласно которому каждый крестьянин, владеющий участком ценностью в 500 долларов или больше, имеет право голосования, но до настоящего времени крестьяне не имеют ни малейшего представления об этом. Они никогда не принимают участия в голосованиях, даже когда происходят выборы их непосредственного начальства, а часто они даже не подозревают о том, что такие выборы происходят. Они очень боятся войны, потому что во время войны они страдают в первую голову как от постоя солдат, так и от набегов разбойничьих шаек» [92, 186]. При этом уездные чиновники «применяют все имеющиеся в их распоряжении средства к тому, чтобы отбить у крестьян всякий интерес к политическим делам» [92, 188]. Безземелье и отсутствие работы вынуждают крестьян уходить в бандитские шайки, в существовании которых заинтересованы империалисты. Чиновники также покровительствуют бандитам и не мешают им грабить крестьян. «Весьма часто чиновники работают заодно с бандитами» [92, 191].

Естественно, что в Манифесте, принятом съездом, нашли свое отражение все те оценки, которые содержались как в докладе Г. Сафарова, так и в докладах и материалах китайской делегации. В Манифесте не говорилось о феодально-помещичьей эксплуатации китайского крестьянства, не выдвигались поэтому и задачи антифеодальной борьбы. В нем отмечалось: «Китайский крестьянин сгибает спину под непосильным трудом по 16 и 18 часов в день, и, однако, продукт его труда идет на пользу только иностранным ростовщикам и кровопийцам и растекается по карманам их продажных лакеев» [92, 3—4]. И далее: «Консорциум, затевавшийся в 1918 г. Америкой, должен был обратить все китайское крестьянство в крепостных данников американского капитала. Китайские крестьяне должны были платить громадный налог американским банкирам. Китайская промышленность должна была стать придатком американской.

Эта попытка сорвалась ввиду разногласий в среде

захватчиков и благодаря единодушному протесту китайских народных масс» [92, 4].

В Манифесте объявлялась война не на жизнь, а на смерть японским, американским, английским, французским и всем другим мировым хищникам, а также их лакеям и прихвостням в Китае.

Съезд революционных организаций Дальнего Востока обратился к трудящимся массам Китая, Кореи, Японии и других стран с призывом: «Организуйтесь! Становитесь в наши боевые ряды! Стройте рабочие и крестьянские союзы для борьбы с капиталом и империализмом!» [92, 4].

Взяв с самого начала линию на усиление антиимпериалистической направленности национально-демократического движения в странах Дальнего Востока (в том числе и в Китае), что было правильным и необходимым, организаторы и руководители съезда преувеличили до известной степени влияние империалистического гнета на ухудшение положения китайского крестьянства, переоценили роль иностранного капитала в эксплуатации и ограблении китайских крестьян (хотя и то, и другое имело место) и недооценили пагубное значение феодально-помещичьего гнета как тормоза на пути развития производительных сил страны и улучшения положения крестьянских масс.

Участие китайских коммунистов в работе съезда явилось для них хорошей политической школой. Сам факт их приобщения к международному революционному движению, общение с революционными деятелями других стран Дальнего Востока, с деятелями Коминтерна были весьма полезны и сыграли важную роль в повышении идейно-политического уровня китайских коммунистов, в привитии им духа интернационализма. На съезде последовательно подчеркивалась идея солидарности угнетенных народов Востока с пролетариатом передовых стран, их тесного союза в борьбе против общего врага — международного империализма.

Глава II

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ КПК ДО СОТРУДНИЧЕСТВА С ГОМИНЬДАНОМ

II съезд КПК и проблема единого фронта

В течение года, прошедшего после I съезда, немногочисленная группа китайских коммунистов развернула энергичную деятельность. На Севере, в Пекине, их работу возглавлял Ли Да-чжао, на Юге, в Гуанчжоу,— Чэнь Ду-сю. Для организации рабочих был образован Всекитайский секретариат профсоюзов, который сразу же начал подготовку к созыву Всекитайского съезда. В Пекине, Гуанчжоу и Ухане в октябре 1921 г. были созданы региональные бюро Всекитайского секретариата. Было организовано издание еженедельника «Труд» («Лаодун чжоукань»). Начиная работу в рабочей среде, коммунисты столкнулись с соперничеством анархистов, а также гоминьдановцев, влиянию которых были подчинены профсоюзы в ряде городов Южного и Центрального Китая. На пути сближения коммунистов с рабочим классом стояли и всякого рода земляческие организации и тайные общества средневекового типа, система подрядчиков и старшинок, державших под своим контролем простых рабочих.

Под руководством коммунистов устраивались стачки и забастовки. Коммунистами накапливался первый опыт работы среди рабочих. Просвещая рабочих, они воспитывались и сами, познавая не из книжек, а из практической жизни нужды рабочих, их настроения. Но рабочим движением занимались отдельные члены партии. Партия была немногочисленной, к тому же общение с рабочими было делом, непривычным для многих ком-

мунистов. Тем не менее, учитывая, что в КПК ко II съезду (июль 1922 г.) насчитывалось всего 123 члена, можно сказать, что они добились немалых успехов. Рабочее движение отличалось крайней неравномерностью, что было связано с географическим размещением промышленности, сосредоточенной преимущественно в приморских городах. Молодой рабочий класс еще не порвал своих связей с крестьянством. Китайская официальная историография усматривает в этом одну лишь положительную сторону, подчеркивая относительную легкость установления союза между рабочим классом и крестьянством при руководстве первого [см. 106, 37]. Это было бы верно, но лишь при условии, что сами рабочие уже порвали бы пуповину, соединявшую их с крестьянством, изжили бы крестьянскую психологию и прониклись новым, пролетарским сознанием, осознали бы себя как класс, отличный от крестьянства[12]. Только тогда рабочий класс, организованный и просвещенный, мог бы играть руководящую роль в союзе рабочих и крестьян. Но в начале 20-х годов китайский рабочий класс еще не обладал такими качествами. Он был раздроблен территориально, сильные земляческие предрассудки, текучесть мешали классовому сплочению рабочих. Подавляющее большинство их было неграмотным.

Иными словами, в тот период китайский пролетариат еще не был готов к руководству крестьянством. Практически речь могла идти лишь о работе среди крестьян представителей интеллигенции и студенчества.

Китайские коммунисты, перед которыми стояла задача внести в ряды рабочих социалистическое сознание,

---

[12] В. И. Ленин учил различать среди рабочего класса истинных пролетариев и тех, кто еще не обладал пролетарским сознанием, хотя уже и работал у станка. «У нас постоянно считаются за рабочих такие лица,— писал он,— которые ни малейшей серьезной школы, в смысле крупной промышленности, не прошли. Сплошь и рядом в категорию рабочих попадают самые настоящие мелкие буржуа, которые случайно и на самый короткий срок превратились в рабочих» [13, 18].

«Безусловно необходимо,— подчеркивал В. И. Ленин,— чтобы не обманывать себя и других, определить понятие „рабочий“ таким образом, чтобы под это понятие подходили только те, кто на самом деле по своему жизненному положению должен был усвоить пролетарскую психологию. А это невозможно без многих лет пребывания на фабрике без всяких посторонних целей, а по общим условиям экономического и социального быта» [13, 20].

объективно сами еще не были достаточно подготовлены к этому, хотя многие из них искренне стремились сродниться с рабочими, отдавали все свои силы организации и просвещению рабочих, привитию им классового сознания, пробуждению их политической активности. Но для выполнения этой задачи требовалось время и время.

Учитывая малочисленность и политическую слабость китайского рабочего класса, его неорганизованность и неподготовленность к самостоятельной классовой борьбе, Коминтерн и его представители в Китае пришли к выводу о целесообразности вступления Коммунистической партии Китая в гоминьдан. Такое вступление рассматривалось как важный шаг в деле создания единого национально-демократического фронта, усиления его антиимпериалистической направленности, расширения сферы деятельности китайских коммунистов. Эта идея появилась на свет и в результате того, что представители Коминтерна в Китае, вступив в контакты с гоминьдановскими лидерами, пришли к выводу, что это единственная политическая партия, вокруг которой можно объединить национально-демократические элементы страны и превратить ее в серьезную антиимпериалистическую силу.

Представитель Коминтерна Г. Маринг, ознакомившись с деятельностью профсоюзов в Гуанчжоу, где было весьма сильным влияние гоминьдана, писал: «Если мы, коммунисты, хотим с успехом работать в этих южнокитайских профсоюзах, которые стараются теперь завязать сношения с северокитайскими рабочими и создать общий единый центр, то нам прежде всего нужно поддерживать самые дружеские отношения с южнокитайскими националистами. В Китае, где пролетариат находится еще в начальной стадии своего развития, мы, проводя в жизнь тезисы II конгресса, должны всячески поддерживать революционно-националистические элементы Юга. Мы должны постараться объединить эти революционно-националистические элементы и толкать все движение влево» [153, 5814—5815].

Рекомендации Коминтерна о вхождении коммунистов в гоминьдан вступали в противоречие с решениями I съезда КПК, а также с советами, полученными китайскими коммунистами на съезде революционных организаций Дальнего Востока, «идти собственным пу-

тем», не связывая «свою судьбу с той или иной демократической партией, с теми или иными буржуазными элементами» [92, 60].

В действительности же объединение коммунистической партии с другими революционно-демократическими организациями, в данном случае с гоминьданом, несомненно отвечало интересам усиления национально-демократической борьбы.

Вступление молодой коммунистической партии в уже имевший свою историю гоминьдан должно было, во-первых, помочь коммунистам быстрее включиться в активную политическую жизнь. А во-вторых, можно было использовать участие коммунистов в немарксистской, непролетарской партии для распространения коминтерновского влияния на ее деятельность. При этом речь шла именно о вступлении одной партии в другую, а не о равноправном партнерстве между полностью самостоятельными партиями.

Принятие такого решения, видимо, вызывалось и тем, что гоминьдан, по оценкам Г. Маринга, не рассматривался как партия в строгом смысле этого слова. По мнению коммунистов, гоминьдан имел общепризнанного вождя, но у него не было ни действенной организации, ни четкой и ясной программы. В Китае тех лет существовало мнение, что «гоминьдан — это Сунь Ят-сен». В статье, опубликованной в журнале «Цяньфын», издаваемом КПК, говорилось, что «гоминьдан нельзя считать политической партией». В подтверждение автор приводил слова одного китайского генерала: «В Китае нет партии гоминьдан, а имеется лишь партия Сунь Ят-сена». По мнению автора, гоминьдан нельзя было считать сильной политической организацией и потому, что он прибегал лишь к военным методам борьбы против северного правительства и не отказался еще от методов общества «Тунмынхуй» [233, 6].

Характеризуя то место, которое в начале 20-х годов занимал гоминьдан в политической жизни страны, Ли Да-чжао писал, что «его цветы расцвели только на тех деревьях гоминьдана, которые выращены в южной провинции Гуандун и местах, где разбросаны китайские эмигранты, и стоит только подуть сильному ветру, как эти цветы завянут» [210, 154].

Ли Да-чжао призывал широко разнести семена этих

деревьев, чтобы они по всему Китаю пустили прочные корни, которые не засохли бы даже тогда, когда подуют горячие ветры из пустыни.

Ошибку гоминьдана Ли Да-чжао видел в том, что тот в прошлом увлекался противопоставлением одной вооруженной силы другой и не придавал серьезного значения силе народного движения. Он советовал повернуться лицом к массам — рабочим, студентам, крестьянам, торговцам, сплотить их вокруг знамени гоминьдана и образовать объединенный фронт для борьбы против милитаристов и иностранного империализма [210, 155].

Рекомендации присоединиться к гоминьдану были вначале отвергнуты руководителями КПК, и в первую очередь Генеральным секретарем ЦК КПК Чэнь Ду-сю. Только в результате настойчивых советов со стороны представителей Коминтерна Чэнь Ду-сю и другие руководители КПК постепенно смирились с необходимостью установить сотрудничество с гоминьданом [см. 136, 252—254].

Конечно, вхождение в гоминьдан при сохранении политической и организационной самостоятельности ставило коммунистов в сложное и противоречивое положение, поскольку это не было сотрудничеством на равных началах, когда две партии, составляя блок, вырабатывают общую программу, обязательную для обоих партнеров, когда из целей и задач каждой партии выделяется то общее, что позволяет соединить их усилия, когда в ходе практической революционной борьбы сотрудничающие партии согласовывают свои действия, а в случае расхождений стремятся найти компромиссное решение, устраивающее обе партии.

Предполагавшееся сотрудничество Компартии Китая с гоминьданом было объединением иного рода. Сунь Ятсен, авторитарный вождь гоминьдана, так же как и руководители КПК, не сразу согласился с предложением о сотрудничестве. Его также пришлось долго уговаривать, прежде чем он принял эту идею. Когда Г. Маринг впервые заговорил об этом с Сунь Ят-сеном, тот категорически отверг его предложение [см. 180, 93]. Согласившись в конце концов с предложением о принятии коммунистов в гоминьдан, Сунь Ят-сен настоял на том, чтобы прием осуществлялся в индивидуальном порядке.

Каждый коммунист вступал лично и при этом обязывался подчиняться программе и организационным требованиям гоминьдана. Коммунистов Сунь Ят-сен надеялся использовать как посредников в связях с Москвой. Коммунистическая партия Китая в то время еще не приобрела авторитета среди рабочих и крестьян страны и не пользовалась их поддержкой. Ее политическое значение в глазах гоминьдана определялось лишь наличием у нее прочных связей с Советским Союзом и Коминтерном. Принятие их в гоминьдан было своеобразной платой за помощь, которую он рассчитывал получить от Советской России. Союз с КПК Сунь Ят-сен и другие лидеры гоминьдана рассматривали не как равноправное сотрудничество, а как полное подчинение коммунистов руководству гоминьдана. Это серьезно осложняло деятельность коммунистов. И все же они оказывались в выигрыше.

Вступая в гоминьдан, они получали возможность значительного расширения своей деятельности. Они порывали с кружковой замкнутостью и попадали в бурную, полную страстей политическую атмосферу, знакомились с реальным соотношением классовых сил в стране, с конкретными проявлениями социальных противоречий. Присоединяясь к гоминьдану, коммунисты имели за своей спиной поддержку Коминтерна, на их стороне был авторитет Советского Союза, и это значительно укрепляло их положение в гоминьдане.

Выигрывала от вступления коммунистов и суньятсеновская партия. Гоминьдан в тот период не был однородной по своему классовому составу политической организацией. Вокруг Сунь Ят-сена объединилась пестрая, разношерстная публика: представители буржуазно-помещичьей интеллигенции, военные, студенты, торговцы и промышленники, помещики, а также китайские эмигранты. Большинство из них признавали лишь один из его трех народных принципов, а именно национализм. К двум другим они относились скептически, настороженно, истолковывая их с точки зрения своих интересов.

Все это, понятно, сказывалось на их отношении к коммунистической партии. Выражая полную готовность получить помощь от Советского Союза, правые гоминьдановцы резко выступали против вхождения КПК в гоминьдан и только под давлением Сунь Ят-сена, чей

авторитет был непререкаем, вынуждены были примириться с этим, оставаясь в душе противниками коммунистов. Но у них не было другого выхода. Попытки Сунь Ят-сена заручиться поддержкой и практической помощью правящих кругов США, Канады, Англии в создании боеспособной революционной армии не увенчались успехом [см. 180, 98]. Лишь Советская Россия оказывалась реальным союзником и другом революционного Китая.

Сунь Ят-сен, не разделявший марксистской идеологии, будучи противником осуществления на практике ее принципов в Китае, с готовностью принял протянутую ему руку помощи, тем более что представители Советского Союза согласились с мнением Сунь Ят-сена о том, что ни коммунистический строй, ни советская система не могут быть введены в Китае [см. 95, 65].

Таким образом обе стороны с большой неохотой шли на союз. Сказалась настойчивость и последовательность Коминтерна, который понимал, что ни гоминьдан, ни компартия в отдельности не обладают достаточными возможностями для успешного ведения антиимпериалистической борьбы и освобождения Китая [13].

[13] В 1928 г., уже после разрыва гоминьдана с КПК и начала открытой борьбы между ними, прежняя политика сотрудничества оценивалась Коминтерном положительно. В материалах «Коммунистический Интернационал перед Шестым Всемирным конгрессом» говорилось: «Основной задачей этого периода именно и была задача прорваться к массам, построить революционные профсоюзы, закрепить в них свою руководящую роль, связаться с многомиллионными слоями городской и мелкой буржуазии, в особенности с крестьянством, сколотить единый блок всех действительно оппозиционных империализму и милитаризму сил китайского народа.

Эту задачу партия правильно решила, войдя в гоминьдан и оставшись в то же время самостоятельной партией китайского пролетариата со своей особой организацией, программой и тактикой. Эта организационная и идейная самостоятельность позволила партии в скором времени стать действительно массовой партией рабочего класса, безраздельно им руководившей. В то же время вхождение в гоминьдан содействовало консолидации всех антиимпериалистических сил, превращению гоминьдана из ряда политических клубов в революционную антиимпериалистическую партию — партию, в которой нашел свое политическое выражение блок пролетариата, крестьянства, мелкой городской буржуазии и национальной (преимущественно промышленной) буржуазии, ведшей в то время революционную борьбу с империализмом.

Тактика установления единого национального фронта от пролетариата и включительно до национально-революционных слоев крупной и средней буржуазии совершенно правильна в полуколониальном Китае, где ни о какой решительной борьбе с империализ-

Мысль о необходимости создания единого демократического фронта мы находим в «Первом заявлении КПК о современной обстановке», принятом 15 июня 1922 г. [63а, 12—19][14]. Содержание этого документа свидетельствует о том, что участие китайских коммунистов в съезде революционных организаций Дальнего Востока не прошло бесследно. В основу «Заявления» легли идеи, выдвигавшиеся на этом съезде. В нем подчеркивалось, что Китай лишь по названию является республикой, фактически же реальная власть находится в руках милитаристов, которые действуют в сговоре с международным империализмом. Китай назывался «полусамостоятельным феодальным государством». Причем слово «феодальный» имело здесь чисто политический смысл. Под ним подразумевалась политическая раздробленность страны. Вопрос о характере производственных отношений в стране авторами заявления не рассматривался.

ЦК КПК анализировал положение различных слоев китайского населения. Вначале, говорилось о положении китайских предпринимателей, которые страдают от конкуренции иностранного капитала, от таможенных договоров, от местных беспорядков, от произвола чиновников. Далее затрагивался вопрос о мелких фабрикантах и купцах, которые под воздействием иностранных товаров и крупных капиталистов постепенно опускаются до уровня пролетариата, о ремесленниках и рабочих, которые в результате иностранного экономического давления превращаются в безработных бродяг. В заключение речь шла и об участи крестьян, которые из-за роста цен постепенно теряют свои земли.

В этом документе по-прежнему не проводилось четкого различия между рабочими и крестьянами: и те, и другие относились к классу пролетариев. Вопрос о социально-экономической сущности и о формах эксплуатации рабочих и крестьян не ставился и не рассматривался. Об угнетении крестьян помещиками вовсе не

мом — в период организационной слабости рабоче-крестьянского движения — не могло быть и речи без использования контакта со всеми антиимпериалистическими силами страны» [29, 366—367].

[14] Перевод этого документа, опубликованный в журнале «Новый Восток» [55], неточен.

упоминалось. Ухудшение положения крестьян объяснялось лишь ростом цен.

В «Заявлении» содержалось важное требование об обновлении политической организации страны на принципах демократии, что могло быть достигнуто лишь революционным путем.

Из всех политических сил, действовавших в то время в Китае, ЦК КПК выделял гоминьдан как «сравнительно революционную демократическую группировку» [63а, 14].

ЦК КПК предлагал гоминьдану и другим демократическим организациям провести совместное совещание и создать единый демократический фронт, чтобы продолжать войну против милитаристов феодального типа.

В документе были сформулированы ближайшие цели китайских коммунистов:

1. Пересмотр системы таможенных тарифов, отмена привилегий держав в Китае, аннулирование железнодорожных займов и полное возвращение Китаю прав управления (железными дорогами).

2. Ликвидация милитаристов с конфискацией имущества, принадлежащего им и бюрократам; раздел их земель между бедными крестьянами.

3. Введение всеобщего избирательного права.

4. Обеспечение для народа свободы организации союзов, собраний, слова, печати, отмена полицейских законов охраны порядка, запрещающих забастовки рабочих.

5. Принятие законов, охраняющих детский и женский труд, а также законов о соблюдении санитарии на фабриках и о страховании рабочих.

6. Установление закона об ограничении норм арендной платы.

7. Осуществление системы всеобщего обязательного образования.

8. Отмена лицзиня и других налогов, взимаемых сверх нормы.

9. Улучшение системы судопроизводства, отмена смертной казни, запрещение пыток.

10. Введение прогрессивного налога.

11. Признание равноправия между мужчиной и женщиной [63а, 14].

Как мы видим, этот документ представлял собой ши-

рокую платформу, которая могла служить приемлемой основой для совместных действий коммунистической партии, гоминьдана и других демократических сил страны.

Аграрный вопрос в заявлении затрагивался лишь в связи с требованием о борьбе против милитаристов, земли которых подлежали конфискации и распределению между бедняками. О помещичьем землевладении и о формах эксплуатации крестьян не говорилось ни слова. Имелся пункт об ограничении арендной платы, но он был изложен в общей форме.

Китайские коммунисты в ту пору еще не поднялись до полного понимания места и значения аграрной проблемы. Характер социально-экономических отношений в китайской деревне еще не был достаточно изучен, и вопрос о том, кто является главным врагом китайского крестьянства, оставался, по существу, открытым. Детально разработанной политики по отношению к крестьянству и программы решения аграрной проблемы не было. Об объективных нуждах и настроениях крестьянских масс коммунисты имели лишь умозрительное представление. В то время из них, пожалуй, только один Пэн Бай проявлял живой интерес к организации крестьян и первым начал практическую работу в крестьянской среде.

На II съезде КПК в Шанхае были одобрены основные положения «Заявления» от 15 июня 1922 г., которое следует рассматривать как проект Декларации, принятой съездом. В ней повторялась мысль о том, что главными врагами революции являются империалисты и милитаристские клики, и поэтому борьба против них называлась общим делом всего китайского народа.

«Пролетариат вместе с бедным крестьянством,— утверждалось в Декларации,— должен помогать демократическому революционному движению. И пролетариат верит, что в ходе нынешней борьбы только объединенные действия сил пролетарской революции с силами демократической революции могут обеспечить быстрый успех этой революции» [98, 81]. Китайская революция определялась как демократическая, и пролетариат уже не признавался главной силой. Ему вместе с крестьянством отводилась роль помощника демократических сил.

С помощью Коминтерна китайские коммунисты осознали, что в данный период революционное движение в Китае не может развиваться как коммунистическое. Главным виновником, сдерживающим развитие китайской национальной экономики, объявлялся международный империализм. Буржуазия рассматривалась как революционная сила, которая может успешно выступать против милитаристов и продажного пекинского правительства, вести решительную борьбу против империалистов.

В Декларации отмечалось, что важнейшим фактором революционного движения в Китае является 300-миллионное крестьянство. «Из-за нехватки земли, плотности населения, частых стихийных бедствий, войн и беспорядков, вызываемых бандитами, чрезмерных налогов и эксплуатации милитаристов, засилья иностранных товаров, удорожания стоимости жизни и других причин,— говорилось в Декларации,— нищета и страдания крестьян с каждым днем усиливаются все больше... Если бедные крестьяне хотят избавиться от нищеты и страданий, они смогут этого достигнуть, лишь поднявшись на революцию. Причем, если огромные массы бедных крестьян встанут на путь революции, сомкнувшись с рабочими, то успех китайской революции будет обеспечен» [98, 80].

Как и в предыдущих документах КПК, крестьянство делилось на три группы:

1. Богатые крестьяне-землевладельцы (т. е. помещики-дичжу.— *Л. Д.)*.

2. Мелкие крестьяне — работающие на собственной земле.

3. Арендаторы и сельскохозяйственные наемные рабочие (батраки).

К бедным крестьянам относились последние две категории, составлявшие, по мнению авторов Декларации, минимум 95% сельского населения.

В том разделе Декларации, где формулировались задачи КПК и цели ее борьбы на ближайшее время, подчеркивалось, что рабочий класс, участвуя в демократической революции, не должен забывать о своих классовых интересах.

Коммунистическая партия Китая объявляла своей задачей организовать пролетариат и, используя методы

классовой борьбы, установить диктатуру рабочих и крестьян, упразднить частнособственнические порядки и постепенно перейти к коммунистическому обществу.

II съезд КПК заявлял: «Коммунистическая партия Китая во имя насущных интересов рабочих и бедных крестьян нацеливает рабочих помогать демократическому революционному движению с тем, чтобы рабочие, крестьяне и мелкая буржуазия создали единый демократический фронт» [98, 82].

В предлагавшейся программе единого демократического фронта содержались требования и по аграрному вопросу: отмена подушного и других обременительных налогов, введение общего для всех сел и городов страны земельного налога, введение прогрессивного налога, принятие законодательства об ограничении арендной платы за землю [см. 98, 81—83].

Как видим, в этой программе не выдвигалось требование о конфискации помещичьих земель или о национализации земли, а предусматривалась более скромная и более реалистичная мера: ограничение арендной платы за землю. В Декларации, правда, не конкретизировалось, какой должна быть норма арендной платы, но сам факт выдвижения требований об ограничении арендной платы и упразднении обременительных налогов имел несомненно положительное значение. В тот период именно эти лозунги, как показала последующая практика, более всего были доступны пониманию крестьян и именно на их основе можно было развертывать работу по организации крестьянских масс.

II съезд КПК принял решение о сотрудничестве с гоминьданом при сохранении полной организационной самостоятельности и политической независимости. Но форма этого сотрудничества вначале не была определена, ибо делегаты съезда не поддержали предложения представителя Коминтерна об индивидуальном вступлении в гоминьдан. Только после прямой директивы Коминтерна и под давлением его представителя совещание ЦК КПК в августе 1922 г. официально приняло решение о вступлении коммунистов в гоминьдан в индивидуальном порядке и согласилось участвовать в его реорганизации. Это решение сыграло исключительно важную роль в истории Коммунистической партии Китая, а также в судьбах китайской революции.

Присоединяясь к гоминьдану, китайские коммунисты намеревались овладеть командными постами в нем.

На IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 г. представитель КПК давал такую характеристику гоминьдану: «Партия Куоминтанг (гоминьдан.— *Л. Д.)*, националистическая революционная партия Китая, в течение многих лет поддерживала проект военной революции. Другими словами, эта партия считала возможным осуществить демократию в Китае путем военного завоевания провинций. Она не заботилась о массовой пропаганде в стране, она не организовывала масс, она только стремилась к использованию военной силы для достижения своей цели».

Нелестные оценки давались членам гоминьдана: «До получения власти в свои руки они являются ярыми революционерами, но впоследствии становятся ярыми консерваторами. Большинство членов партии — потенциальные реакционеры. Когда они завладеют властью в других провинциях, они будут противодействовать дальнейшим военным планам...» [27, № 20, 4].

В своем выступлении представитель КПК завышал степень подъема рабочего движения и в косвенной форме исходил из возможности ведения борьбы за социализм. «Дух возмущения против класса капиталистов пробудился в рабочих массах,— говорил он.— Из этого видно, что массовое движение в Китае не является только мечтой социалистов, оно проявляется на деле. Кроме того, из этого видно, что коммунистическая партия может вести успешную агитацию среди масс. Это показывает также, что Коммунистическая партия в Китае будет хорошо развиваться, не так, как в прошлые годы, когда она представляла собой лишь академический кружок, лишь секту. В этом году наша коммунистическая партия развивается в массах» [27, № 20, 5].

Китайский делегат, останавливаясь на вопросах сотрудничества КПК с гоминьданом, заявлял: «Наша партия, считая, что необходимо установить единый антиимпериалистический фронт для того, чтобы изгнать из Китая империалистов, приняла меры к установлению единого фронта между нами и националистически-революционной партией — партией Куоминтанг. Метод этого единого фронта заключается в том, что мы входим в эту партию каждый от своего имени. Делая это,

мы имеем в виду два факта: во-первых, что за националистической революционной партией стоит много организованных рабочих; мы входим в эту партию, чтобы вести агитацию среди рабочих и привлекать их на свою сторону. Кроме того, мы можем вести борьбу против империализма, только объединяя силы пролетариата и мелкой буржуазии. Мы хотим конкурировать с этой партией, организуя массы и ведя пропаганду среди них. Если бы мы не вошли в ее ряды, мы повисли бы в воздухе; проповедуемый нами коммунизм был бы высоким и прекрасным принципом без сторонников. Массы следовали бы за мелкобуржуазной партией, которая пользовалась бы ими для своих собственных нужд. Если же мы присоединимся к этой партии, то мы сможем показать массам, что мы также проповедуем революционную демократию, но что эта демократия является лишь средством для осуществления наших, идущих более далеко, целей. Мы получаем также возможность показать, что, проповедуя конечную цель, мы не игнорируем повседневных и промежуточных требований масс. Мы сможем завоевать массы и расколоть партию Куоминтанг» [27, № 20, 5].

Позиция делегата КПК подверглась на конгрессе критике. Один из руководителей Коминтерна призвал китайских коммунистов не переоценивать своих сил. «Если здесь перед нами выступает китайский товарищ и говорит: „Мы пустили глубокие корни во всем Китае“, — то я должен ответить: Уважаемый товарищ, разумеется, хорошо, если, начиная работу, человек чувствует себя достаточно сильным, чтобы выполнить ее. Однако следует видеть вещи такими, каковы они есть на самом деле. Наша китайская партия развивается в двух частях Китая и притом сравнительно независимо одна от другой. Товарищи, работающие в Кантоне и Шанхае, мало сумели установить связь с рабочими массами. В течение целого года мы с ними воевали по этому поводу, ибо многие из них полагали, что настоящий коммунист не должен вмешиваться в столь будничные дела, как забастовки. Многие из наших тамошних товарищей запирались у себя в кабинете, чтобы так же изучить Маркса и Ленина, как они некогда изучали Конфуция. Так дело обстояло еще несколько месяцев тому назад. Разве при таких условиях возможно, чтобы революция, и без

того претерпевшая вследствие падения Сунь Ят-сена крупный удар, внезапно оказалась бы могущественной силой?»

Представитель Коминтерна обращался к китайским коммунистам с советом трезво оценивать требования момента. «Товарищи! — говорил он.— Вы должны понять, что в Китае в порядке дня еще не стоит вопрос ни о завоевании социализма, ни о завоевании Советской Республики. К сожалению, с исторической точки зрения, в Китае не стоит в порядке дня даже вопрос о национальном единстве и о единой национальной республике... И если Коммунистический Интернационал обращается к западным коммунистическим партиям со словами: „К массам!“, то к вам мы обращаемся прежде всего с призывом: покиньте пропитанные духом конфуцианства кабинеты, в которых вы изучаете коммунизм, и подойдите ближе к массам! Не только к массам рабочих, не только к толпе кули, но и к крестьянским массам, взволнованным и взбудораженным всеми этими событиями» [27, № 20, 16].

Конечно, в этом выступлении деятельность Компартии Китая рисовалась в утрированном виде. Глубоко неверным было высказывание о том, что «в Китае не стоит в порядке дня даже вопрос о национальном единстве и о единой национальной республике». Но в основном правильно подмечалась та «детская болезнь левизны», которой тогда страдала Компартия Китая. Действительно, Коминтерн настаивал на вступлении КПК в гоминьдан, чтобы реорганизовать его, а китайский делегат на IV конгрессе заявлял о намерении коммунистов расколоть эту организацию, что совсем не входило в планы Коминтерна и не отвечало интересам самой Компартии Китая.

Совершенно верным было замечание о том, что коммунисты Китая недооценивали и пренебрежительно относились к повседневной работе в рабоче-крестьянских массах.

Справедливости ради надо сказать, что для этого у них не хватало ни сил, ни умения. Выдвигая на первый план антиимпериалистические задачи революционной борьбы, они не в состоянии были одновременно заниматься вопросами борьбы против феодальных сил. Аграрная проблема как бы отодвигалась на задний план.

Между тем в тезисах IV конгресса содержались важные общепринципиальные указания об аграрном вопросе в колониях, об аграрной революции и о ее значении в борьбе с империализмом. «Только аграрная революция, ставящая своей задачей экспроприацию крупного землевладения, способна поднять огромные крестьянские массы, призванные оказать решающее влияние на борьбу с империализмом» [22, 47]. В тезисах отмечалась связь национальной буржуазии колоний с феодальным землевладением и указывалось на ее «боязнь» лозунгов аграрного переустройства [22, 47].

IV конгресс подчеркивал: «Революционное движение в отсталых странах Востока не может иметь успеха, если оно не базируется на действиях широких крестьянских масс. Поэтому революционные партии всех восточных стран обязаны ясно определить свою аграрную программу, которая должна требовать полного уничтожения феодализма и его остатков. В целях активного вовлечения крестьянских масс в борьбу за национальное освобождение необходимо провозгласить радикальное изменение основ землевладения; необходимо также заставить буржуазно-национальные партии в возможно большей степени присвоить себе эту революционную аграрную программу» [22, 47]. Коминтерн указывал, что именно «борьба за влияние на крестьянские массы должна подготовить пролетариат к роли политического вождя» [22, 49]. Коминтерн призывал коммунистов Востока «участвовать во всяком движении, открывающем им доступ к массам» [22, 50].

Начало работы коммунистов среди крестьян. Деятельность Пэн Бая

В начале 20-х годов отдельные коммунисты от литературного подхода к рабочему и крестьянскому вопросу стали переходить к практической организаторской и просветительской работе в рабоче-крестьянских массах. Главное внимание они уделяли рабочему классу, нащупывали пути сближения с ним, искали эффективных методов ведения агитационной и организаторской работы в пролетарской среде. Но основные силы малочисленной Компартии Китая были заняты главным обра-

зом на работе среди студенчества и интеллигенции. Г. Войтинский, хорошо знакомый с положением дел в КПК в те годы, впоследствии писал: «Китайская компартия в это время (1922—1923 гг.) представляла собой еще малочисленную организацию, состоящую преимущественно из интеллигентов, занимавшихся пропагандой среди студентов, и только начавшую устанавливать связи с рабочими Шанхая и нескольких других городов» [131, 91].

Что касается работы среди крестьян, то она, по существу, велась одиночками. Первым китайским коммунистом, от слов перешедшим к делу и смело, не боясь трудностей, взявшимся за работу по воспитанию и организации крестьян, был Пэн Бай, которого гоминьдановцы позднее окрестили «великим царем крестьян» («нунминь даван»).

Пэн Бай — сын крупного помещика, уроженец провинции Гуандун, член Компартии со дня ее основания. Еще в 1921 г., после напряженных раздумий о революционных потенциях крестьянства, он принял твердое решение покинуть уездный город Хайфын и отправиться в деревню для вовлечения крестьян в активную борьбу за свои права и интересы, для ведения среди них революционной пропаганды. Друзья отговаривали его, считая, что он взваливает на свои плечи невыполнимую задачу. По общепринятому мнению, «крестьяне погрязли по колени в навозе и не способны к организации» [200, 35]. Но уговоры не поколебали решимости Пэн Бая. Вместе со своим другом Лю Чунь-тао он налаживает выпуск нескольких номеров еженедельника «Чисинь» («Красное сердце»), читателями которого должны были стать рабочие и крестьяне. Но, как признавал сам Пэн Бай, и рабочие, и крестьяне отнеслись к нему равнодушно [см. 220, 51]. Пэн Бай все же был убежден, что вопреки существующему мнению о распыленности крестьян, их невежественности, невосприимчивости к пропаганде их можно организовать, и в мае 1921 г. приступил к осуществлению своей идеи в районе Чишань Хайфынского уезда. Свою работу Пэн Бай начал с бесед о причинах тяжелой жизни крестьян, о методах помещичьей эксплуатации, о том, что крестьяне должны иметь собственные организации для защиты своих интересов. Вначале Пэн Бай столкнулся с недоверием

крестьян, не понимавших, почему вдруг сын помещика проявляет заботу об их жизни. Они отказывались выслушивать обвинения в адрес помещиков, свою тяжелую участь объясняли предопределением судьбы, волею Неба. Чтобы завоевать расположение и доверие крестьян, Пэн Бай устраивал собрания, завлекал на них крестьян обещаниями «принести граммофон и показать фокусы». В беседах он старался говорить языком, понятным крестьянам. Для успеха своей деятельности Пэн Бай должен был предварительно изучить формы крестьянского сознания, узнать их сокровенные мысли и настроения, их повседневные нужды и требования. Прежде чем объединять крестьян в союзы, необходимо было выяснить, вокруг каких лозунгов они могут сплотиться для совместных действий.

Большинство крестьян района Чишань не имело собственной земли и вынуждено было арендовать ее у помещиков, поэтому их общим желанием было снижение арендной платы [15]. Вопрос о возможности конфискации помещичьей земли и передачи ее в собственность крестьян у них даже не возникал. Более того, и требование о снижении арендной платы казалось многим крестьянам неосуществимым.

Пэн Бай потратил немало усилий, чтобы убедить крестьян в том, что, объединившись в союз, они смогут успешно противостоять притязаниям помещиков. Понадобилось полтора месяца терпеливой настойчивой агитации, чтобы преодолеть скованность и осторожность крестьян. В первую ячейку крестьянского союза вошли 30 человек. Они поклялись дружно стоять друг за друга, взаимно оказывать помощь.

Одним из первых выступлений крестьянского союза была схватка с теми помещиками, которые сгоняли с земли старых арендаторов, что в условиях земельного голода вызывало соперничество среди крестьян и вело к увеличению арендной платы. Крестьянский союз постановил: ни один из его членов не имеет права без разрешения союза брать в аренду участок земли, ранее

---

[15] В уезде Хайфын, по обследованию Пэн Бая, арендаторы составляли 55% всех крестьян, полуарендаторы — 25% и крестьяне-собственники — 20%. Традиционная норма арендной платы равнялась 50—70% урожая [см. 220, 44].

арендованный другим. Согласие союза требовалось и в том случае, если помещик увеличивал плату с участка, обрабатываемого членом крестьянского союза, или передавал этот участок другому арендатору. Короче говоря, союз брал на себя посреднические функции в отношениях между крестьянами-арендаторами и помещиками. Это в известной степени ограничивало произвол и самоуправство последних. Пэн Бай рассказывает, что после опубликования этого первого постановления крестьянского союза «полностью прекратилось соперничество между членами союза, а помещики присмирели и не осмеливались в отношении членов союза увеличивать арендную плату» [220, 59—60]. Крестьянский союз помогал и не членам союза, что способствовало повышению его авторитета в глазах крестьян.

Если помещик настаивал на своем, то крестьянский союз объявлял ему бойкот, и помещик оказывался перед угрозой не найти нового арендатора на освободившийся участок.

Популярности крестьянского союза способствовало и то, что он взял на себя улаживание конфликтов и раздоров между членами союза, избавляя их от разорительной необходимости обращаться в суд или к чиновникам. О конфликтах с помещиками члены союза должны были ставить в известность союз.

Первые же шаги крестьянского союза были направлены, таким образом, на ослабление господства и контроля помещиков и чиновников над крестьянами, раньше находившимися в полной от них зависимости. Результаты не замедлили сказаться. К сентябрю 1922 г. количество членов союза увеличилось с 30 до 500 человек [см. 220, 61]. В Чишане был образован районный комитет крестьянского союза.

По мере количественного роста крестьянского союза и повышения его авторитета расширялась и сфера его деятельности. Возникла тенденция к превращению его в фактический, неофициальный орган деревенской власти. Крестьяне постепенно привыкли обращаться в союз по всем своим повседневным делам. У союза был свой денежный фонд, образуемый из членских взносов. Союз оказывал денежную помощь нуждавшимся крестьянам, создал общество взаимопомощи, чем подрывались позиции местных ростовщиков. Союз открыл

свою аптеку и медицинский пункт, где можно было получить бесплатную консультацию.

К началу 1923 г. крестьянский союз охватил все районы уезда Хайфын. В нем было уже около 20 тысяч крестьянских дворов. Это означало, что под прямым влиянием крестьянского союза находилась четверть населения уезда Хайфын [220, 63]. На проходившей в январе 1923 г. уездной конференции союза был принят Устав и утверждена структура его руководящих органов.

Устав состоял из следующих разделов:

«1. Программа: 1) улучшение жизни крестьян; 2) развитие сельского хозяйства; 3) деревенское самоуправление; 4) распространение просвещения среди крестьян.

2. Организация подразделяется на три ступени — районный союз, уездный союз, провинциальный союз. В каждой ступени имеется два органа — общее собрание и исполнительный комитет. Высшим органом является общее провинциальное собрание.

3. Задачи союза: 1) защита от злых помещиков, которые мешают крестьянам спокойно жить; принятие мер против использования пахотных земель без внесения удобрений, ибо это ведет к снижению производства; 2) в неурожайные годы или в случаях, когда дороговизна жизни слишком высока, союз обязан разобраться в обстановке и просить помещика о снижении арендной платы; 3) член союза в случае возникновения спорного дела сам приходит в союз в поисках мирного решения, чтобы не оказаться втянутым в тяжбу; 4) членам союза запрещается курить опиум, играть в азартные игры и пр.; 5) в деревнях организуются школы, читальни, драматические кружки и проводятся просветительные мероприятия; 6) осуществление мероприятий, направленных на развитие шелководства, освоение пустошей, осуществление лесопосадок, совершенствование методов обработки и удобрения почвы, улучшение семеноводства, семян, сельхозорудий и пр.; 7) проведение мероприятий, направленных на улучшение ирригации, таких, как расчистка и углубление каналов, русел рек, прудов, строительство плотин и пр.; 8) устройство крестьянских больниц, сиротских домов, помощь престарелым и другим нуждающимся; 9) учет сельского населения, пахотной площади, полученного урожая и пр.,

изучение положения крестьян; 10) организация сельскохозяйственных банков, потребительских объединений и проведение прочих экономических мероприятий; 11) откорм волов для тех членов союза, которые сами не в силах содержать скот; 12) организация вооруженных отрядов для защиты от грабителей и разбойников и охраны крестьянского имущества» [207, 6—7].

Крестьянский союз в ту пору еще не поднимал вопроса о борьбе за снижение арендной платы, поскольку крестьянские массы еще не созрели для этого. Эту борьбу союз планировал начать через три года. Но он успешно отбил попытки помещиков увеличить ее, что уже было большим выигрышем для арендаторов. Объединившись в масштабах уезда и приобретя таким образом большую силу, крестьяне Хайфына вырвали из-под контроля чиновников и помещиков право рыночного сбора с местных рынков. Получаемые деньги отныне расходовались на общественные нужды.

Крестьянский союз взял в свои руки и создание сельских школ с бесплатным обучением, которое велось применительно к нуждам крестьян.

Разумеется, помещики не могли оставаться равнодушными к опасной для них деятельности Пэн Бая и его товарищей. Через своих агентов они пытались подорвать престиж крестьянского союза, ослабить его влияние с помощью клеветнических выдумок о том, что союз якобы ставит своей целью обобществление всего имущества и введение общности жен. Помещики стали преследовать с помощью чиновной администрации активистов крестьянского союза. В противовес ему они образовали помещичий союз. Но они были не в состоянии ликвидировать крестьянский союз или ослабить его позиции в уезде. По примеру Хайфына движение за организацию крестьянских союзов распространялось по тем районам Гуандуна, на которые простиралась власть Гуанчжоуского правительства. Этому благоприятствовала позиция обладавшего реальной властью в Гуандуне милитариста Чэнь Цзюн-мина, заигрывавшего в то время с Сунь Ят-сеном, прикидывавшегося демократом и даже выражавшего свое сочувствие идеям коммунизма. Поэтому местные чиновники не решались на открытые репрессии против руководителей и активистов крестьянского союза.

Серьезным испытанием жизнеспособности союза была начатая весной 1923 г. борьба за снижение арендной платы. Случившееся в ту пору наводнение нанесло огромный ущерб крестьянам. Вопрос о снижении арендной платы требовал безотлагательного решения. Но не все члены крестьянского союза были готовы к тому, чтобы вступить в прямое сражение с помещиками. Одни считали целесообразным не пересматривать первоначальный план, предусматривавший развертывание такой борьбы через 3 года, опасаясь, что, начав преждевременно борьбу против помещиков, они не смогут заручиться поддержкой большинства крестьян и навлекут на союз репрессии со стороны властей. Другие полагали, что ухудшение положения крестьян требует ускорить решение вопроса о снижении арендной платы и оттягивать начало борьбы было бы ошибочно. По их мнению, это будет означать недооценку силы крестьян и их готовности под влиянием обрушившихся на них бедствий вести борьбу до победного конца. Находились и сторонники того, чтобы, не подвергая опасности существование крестьянского союза, побудить крестьян действовать в индивидуальном порядке. В ходе обсуждения выявилось и более радикальное мнение, сторонники которого выступали не только за снижение арендной платы, но и за полный отказ от ее внесения. Сторонники этой точки зрения переоценивали политическую зрелость крестьянских масс, преувеличивали их способность предъявить решительные требования помещикам и, по существу, объявить им войну.

Характерно, что на уездной конференции крестьянских делегатов предложение о полном отказе от внесения арендной платы собрало менее половины голосов. Большинство делегатов проголосовало за выдвижение лозунга «вносить не более 30% арендной платы» [220, 91]. Крестьянский союз обратился к арендаторам с соответствующим призывом и организовал разъяснительную работу во всех деревнях.

Результаты обсуждения свидетельствовали о том, что крестьянство, даже будучи организованным, еще не готово к борьбе за радикальные требования, что лозунг отмены арендной платы, даже брошенный в особо тяжелых условиях стихийного бедствия, далеко не у всех находит открытую поддержку. Более того, даже в этих

условиях не все арендаторы готовы были вступить в борьбу за снижение арендной платы.

Начав борьбу за снижение арендной платы, крестьянский союз натолкнулся на яростное сопротивление помещиков, которых поддержал чиновно-полицейский аппарат. Последовали аресты и избиение вожаков крестьянского движения. Помещики добились запрещения союзов. Пэн Бай вынужден был просить о вмешательстве Чэнь Цзюн-мина. Но тот взял сторону помещиков. Крестьянский союз был вынужден перейти на нелегальное положение, а Пэн Бай покинул родной уезд.

Этот первый опыт организации крестьян в классовые союзы был исключительно важен. Работа Пэн Бая среди крестьян показала, что крестьяне хотя и с трудом, но поддаются пропаганде и агитации, что политическое сознание крестьян повышается медленно, в ходе борьбы за конкретные, близкие им лозунги, что преждевременное выдвижение радикальных призывов и требований, не отвечающих уровню классового сознания крестьян и степени их организованности, не способствует росту их активности, что Компартия должна при выработке аграрной программы не только наметить конечные цели, но и разработать систему переходных лозунгов, способных постепенно подвести крестьянские массы к решительной борьбе за ликвидацию помещичьего строя и передачу земли в их собственность.

На практике работы в Хайфыне Пэн Бай и другие коммунисты убедились в том, что в условиях сохранения политической власти в руках генералов и продажных чиновников помещики могут пойти на уступки лишь в некоторых второстепенных вопросах, но когда крестьяне замахиваются на их коренные экономические интересы и политические привилегии, то помещики оказывают сильнейшее сопротивление, не уступая своих позиций. Надежды на либерализм отдельных генералов также оказались иллюзорными. Считавшийся прогрессивным генерал Чэнь Цзюн-мин, когда дело дошло до посягательства на классовые интересы помещиков, сразу же показал свое истинное лицо, поддержав помещиков в их борьбе против крестьянского союза. Пока политическая власть оставалась в руках представителей помещичьего класса, нечего было и думать об успешном

ведении борьбы за коренное улучшение участи крестьян. Не случайно позднее, в годы подъема китайской революции, крестьяне уезда Хайфын выставили в первую очередь как предварительное условие наступления на позиции помещичьего класса требование создать свои вооруженные отряды.

Аналогичные выводы вытекали и из событий в Хунани. Здесь в уезде Хэншань крестьянский союз был создан коммунистами и левыми гоминьдановцами в августе 1923 г. За короткое время число членов его возросло с 10 до 100 с лишним тысяч человек. В члены союза принимали батраков, мелких арендаторов и самостоятельных крестьян. Из других групп сельского населения право на вступление в союз получали те, кто по рекомендации многих крестьян был способен проявлять заботу о крестьянских интересах. Союз был организован по следующему принципу: от каждой семьи выделялось по одному представителю; затем на районном собрании каждые 10 представителей сообща выбирали общего делегата. На общем собрании последних избирался оргкомитет из 7 членов во главе с председателем. Каждый из членов отвечал за свой участок работы: финансы, обследование, связь, пропаганда и просвещение. Комитет являлся высшим органом крестьянского союза и должен был переизбираться один раз в год. На учредительном собрании крестьянские делегаты приняли резолюции о путях улучшения жизни крестьян, об отношении союза к правительству, о просвещении в деревне, об улучшении жизни деревенских женщин.

Союзом была опубликована декларация, в которой говорилось: «Дорогие друзья-крестьяне! Мы относимся к рабочему, крестьянскому, солдатскому и торговому люду, но в области человеческих прав мы не имеем ничего, кроме права терпеть обиды и оскорбления, стонать от голода и от холода да работать с утра до ночи так, что пот градом льет! Вы хотите читать? Но в школу может поступить лишь тот, у кого есть деньги! Вы хотите жить в доме? Но стоит вам переступить порог маломальски порядочного дома, и хозяин заподозрит вас в желании украсть что-нибудь. Вы хотите есть? Но каждый раз в период между урожаями нужны деньги, а запасов зерна нет. Вы хотите одеться? Но иностранцы взвинтили цены на китайский хлопок и вывезли его,

так что мы остались голыми и не имеем возможности напрясть пряжу и соткать холст. Те же, кто добился чинов и денег, пользуясь властью, скупают у людей землю. Чиновники, стремясь получить деньги, взимают преждевременно налоги. Иностранцы тайком натравливают милитаристов друг на друга, повсюду солдаты. Сегодня нас заставляют возить грузы, завтра — посылают курьерами, а кому достаются на дорогах тумаки и побои? Тоже нам! Иностранцы навезли в Китай заморских товаров, и теперь предметы нашего ремесла, изготовлением которых мы всегда занимались, ничего не стоят! Мы подвергаемся теперь такому гнету потому, что давно забыли, что наше оружие — солидарность, и даже никогда не оказываем сопротивления врагу! Теперь мы знаем, что, если мы хотим избавиться от несчастья, если хотим постоять за свои интересы, нужно объединиться всем вместе и провозгласить лозунги: „Не покупаем иностранных товаров!", „Долой милитаристов — верных псов и рабов заморских дьяволов!", „Да здравствует независимость Китайской республики!", „Да здравствует единение крестьян!"» [207, 8].

После создания союза крестьяне установили правила продажи зерна по государственным ценам и запретили вывоз зерна и хлопка из уезда. Помещики решили расправиться с крестьянским союзом с помощью местных бандитов, что вызвало возмущение крестьянских масс. Тогда в ход были пущены солдаты. С их помощью крестьянский союз был разгромлен. При этом было убито 67 человек, более тысячи человек ранено, 70 с лишним — арестовано. Солдаты сожгли более 100 крестьянских дворов [207, 7—9].

Опыт крестьянской борьбы в Гуандуне и Хунани подтверждал ленинский тезис о том, что «осуществить аграрный переворот крестьянство не может без устранения старой власти, постоянного войска и бюрократии, ибо все это — вернейшие оплоты помещичьего землевладения, связанные с ним тысячами нитей» [3, 329].

Эта ленинская мысль проникала и в сознание китайских коммунистов. Так, Чэнь Ду-сю, возмущаясь расправами с крестьянами в Гуандуне и Хунани, арестами крестьянских активистов, предпринятыми милитаристами, приходил к выводу: «Мы должны до конца понять, что рабочее, крестьянское или студенческое движение

нельзя отрывать от политического движения, ибо политическая свобода — необходимая предпосылка для всякого движения» [274, 368].

III съезд КПК и аграрный вопрос

С помощью Коминтерна китайские коммунисты постепенно осознавали, что стоящая перед ними задача состоит не в борьбе непосредственно за социалистическую революцию, за установление диктатуры пролетариата, а в активном участии, в союзе с другими революционно-демократическими силами страны, в борьбе за ликвидацию зависимости от международного империализма, за уничтожение реакционной системы дуцзюната и объединение страны.

Это сказалось на содержании политического еженедельника «Сяндао», который с сентября 1922 г. начал издавать ЦК КПК. На страницах этого небольшого по своим размерам журнала китайские коммунисты получили возможность систематически излагать свои взгляды по животрепещущим вопросам общественно-политической жизни страны, освещать проблемы международного коммунистического движения. «Сяндао» развернул последовательную пропаганду, направленную против империалистов и милитаристов.

В заявлении его редакции, опубликованном в первом номере, указывалось, что большинство китайского народа выступает за объединение и мир. Из-за смут учащиеся не могут учиться, сужается рынок сбыта для промышленности, торговцы не могут спокойно торговать, рабочие и крестьяне страдают от роста цен и безработицы, солдаты бессмысленно приносят в жертву свои жизни. Поэтому нужен мир.

Редакция подчеркивала, что перед китайским народом стоят задачи добиться единства страны, мира, свободы, независимости.

Коммунисты разъясняли, что достижение этих целей невозможно без упорной борьбы, а для успешного ведения этой борьбы необходимо, чтобы революционные силы Китая создали армию, преданную интересам всей нации и готовую сражаться за ее свободу и независимость.

В статье «Относительно строительства государства» Чэнь Ду-сю писал о том, что создание подлинно независимой Китайской республики невозможно без ведения политической войны, для чего необходимо организовать настоящую национальную армию. Эта армия должна быть сформирована из патриотических элементов всех угнетенных классов Китая. По мнению Чэнь Ду-сю, ни один класс китайского общества не обладал достаточной силой, чтобы претендовать на монополию в строительстве нового государства. В Китае еще не было партии, представляющей интересы буржуазии, что являлось свидетельством незрелости последней. Недостаточно окреп и пролетариат. «Промышленность Китая в своем развитии еще не достигла такого уровня, при котором рост классов приводит к их четкой дифференциации, поэтому время для пролетарской революции еще не наступило, созрел лишь период для национальной революции, которую осуществляют совместно два класса (т. е. буржуазия и пролетариат.— *Л. Д.*)» [284, 9],— писал Чэнь Ду-сю.

Он предлагал разбить план создания национального государства на следующие этапы:

1. Организация национальной армии.
2. Освобождение с помощью национальной революции от внешнего и внутреннего гнета.
3. Образование всекитайского единого демократического правительства.
4. Развитие экономики путем государственного социализма [284, 10].

Изложенный Чэнь Ду-сю план был заметным шагом к сближению позиций Компартии Китая и Сунь Ят-сена. Он свидетельствовал об определенных сдвигах в настроениях китайских коммунистов, хотя не все они признавали необходимость союза между буржуазией и пролетариатом в интересах революции.

Настойчивость Коминтерна в вопросе о создании единого фронта сыграла свою роль. Чэнь Ду-сю, ранее заявлявший, что «фактически нет никакой возможности вступления в гоминьдан», теперь стал активно пропагандировать идею присоединения коммунистов к партии Сунь Ят-сена. Весной 1923 г. ЦК КПК переехал в Гуанчжоу, что заметно облегчило установление прямых контактов с гоминьдановскими лидерами.

Соглашаясь на сотрудничество с гоминьданом, который рассматривался как политическая организация национальной буржуазии, как представитель и выразитель ее интересов, руководители КПК подчеркивали слабость и буржуазии, и пролетариата и отсюда делали вывод о необходимости объединения этих двух классов. Они требовали, чтобы революционная буржуазия порвала свои связи с феодальной буржуазией и объединилась с пролетариатом [285, 163—164][16].

При таком подходе к расстановке классовых сил из поля зрения выпадало крестьянство, хотя о его значении и роли в национально-демократической революции китайские коммунисты до этого неоднократно писали[17]. К тому времени Чэнь Ду-сю и другие руководители КПК главной своей задачей считали установление революционного союза с буржуазией и потому в их расчетах крестьянство отодвигалось на задний план. Так, в статье Цай Хэ-сэня, отмечавшей необходимость соединения усилий рабочего класса и буржуазии, автор ни слова не упоминает о крестьянстве. Во многом такое умолчание зависело от того, что китайское крестьянство, особенно его беднейшие слои, как и прежде, рассматривалось как часть пролетариата.

В известной же степени это было связано с тем, что, подчеркивая антиимпериалистическую направленность китайской революции, китайские коммунисты почти не касались вопроса об ее антифеодальном характере, причем когда речь шла о феодальных силах, то они рассматривались лишь в политической плоскости. Под феодализмом понималось господство милитаристов и бюрократии. Экономическая сущность китайского феодализма еще не была исследована, а землевладельцы-помещики зачислялись или в разряд богатых, или в класс капиталистов. Поэтому, хотя в статьях китайских коммунистов того времени можно встретить термин «феодалы», но под ним подразумевались военщина и

[16] Под феодальной буржуазией Чэнь Ду-сю понимал ту часть китайской буржуазии, которая была связана с милитаристами и бюрократами.

[17] Сунь До, например, призывая вести агитацию среди крестьянства и рабочего класса, настаивал на вовлечении крестьянства в национальную революцию. «Какой смысл будет иметь наша революция, если она не окажет никакого влияния на крестьян?» [233, 9] — спрашивал он.

реакционная бюрократия. Именно в этом смысле упоминаются «внутренние феодальные силы» в статье Цай Хэ-сэня [243].

О том, что китайские коммунисты задачу борьбы против империалистов выдвигали на передний план, свидетельствуют и их критические замечания в адрес гоминьдана. Цай Хэ-сэнь, например, называл ошибочными представления гоминьдана о китайской революции как о движении, направленном только на разрешение внутренних вопросов политики. Он упрекал гоминьдан за то, что тот молчит о противодействии иностранному империализму [см. 243].

Из статьи Цай Хэ-сэня видно, что, взяв курс на сближение с гоминьданом, руководители КПК стремились заставить его занять более ясную позицию в вопросах борьбы против империализма и ориентации на Советский Союз и Коминтерн. Они обращались к руководителям гоминьдана с призывом разобраться в том, кто является врагом китайской революции, провести четкую грань между революционными и контрреволюционными силами и понять ошибочность политики заигрывания с милитаристами [277, 130]. Китайские коммунисты доказывали, что стремление Сунь Ят-сена и его единомышленников опираться лишь на военные силы, а не на силы народных масс, попытки найти «хорошего милитариста» и с его помощью объединить Китай и превратить его в демократическое процветающее государство, являются нереальными, неосуществимыми и успеха Сунь Ят-сену не принесут [см. 232]. Убеждая себя в необходимости объединиться с гоминьданом, китайские коммунисты одновременно убеждали и его в полезности и выгодности для дела революции такого шага, доказывая, что в выигрыше от такого союза будет не только компартия и пролетариат, но и буржуазия и гоминьдан.

Идя на сближение с гоминьданом, китайские коммунисты стремились заставить и гоминьдан стать ближе к народным массам, сделать шаг навстречу Компартии Китая. Чжан Го-тао, признавая заслуги Сунь Ят-сена и других вождей революционного гоминьдана в преобразовании Китая и создании Китайской республики, отмечал, что в результате увлечения военными методами «народ отдалился от гоминьдана», а «народные массы совершенно забыли о гоминьдановцах» [261, 80].

Сами коммунисты продолжали направлять свои усилия на завоевание прочных позиций среди рабочего класса. В феврале 1923 г. всю страну потрясла забастовка на Пекин-Ханькоуской железной дороге, решающую роль в организации которой сыграли коммунисты. Устраивались стачки и забастовки в других городах. Намечалась определенная тенденция подъема рабочего движения. Экономические требования бастующих рабочих дополнялись политическими лозунгами антиимпериалистического содержания. Конечно, не все рабочие понимали сущность антиимпериалистической борьбы. Для многих из них она означала борьбу только против иностранных эксплуататоров. Антиимпериалистическая пропаганда подменялась антииностранной, вследствие чего она окрашивалась больше в национальный и даже националистический цвет, а социальный смысл ее затушевывался, терялся. Но это ни в какой мере не снижало революционного значения борьбы китайского пролетариата.

Китайские коммунисты советовали гоминьдану поддержать рабочее движение. «По нашему мнению,— писал „Сяндао",— китайский гоминьдан, по-видимому, еще не понял важности пробуждения китайских рабочих. Но мы твердо убеждены, что руководители гоминьдана не будут выступать против действий китайских рабочих. В противном случае они лишились бы доверия со стороны наиболее сильных участников борьбы за национальную независимость» [234, 89]. Журнал призывал гоминьдан проявить внимание и сочувствие к трудящимся массам, которые составляют «авангард китайского народа в борьбе за свободу» [234, 89].

Таким образом, идя на союз с гоминьданом, Компартия Китая показывала свою самостоятельность, демонстрировала критическое отношение к политической деятельности лидеров гоминьдана, стремилась «толкать гоминьдан влево». Большое значение имели и усилия Компартии Китая, направленные на придание революционно-демократическому движению, возглавляемому Сунь Ят-сеном, общенационального характера, за превращение его из локального, южнокитайского в общенациональное движение, объединяющее все прогрессивные силы страны с общими целями и задачами.

В статьях и выступлениях китайских коммунистов

того времени нашли отражение идеи, содержавшиеся в резолюции Исполкома Коминтерна об отношении Коммунистической партии Китая к гоминьдану от 12 января 1923 г. Исходным пунктом этой резолюции было положение о том, что «единственно серьезной национально-революционной группировкой в Китае является партия гоминьдан, опирающаяся на либерально-демократическую буржуазию и мелкую буржуазию, частью из интеллигенции и рабочих», что «независимое рабочее движение в стране еще слабо», а рабочий класс «еще недостаточно дифференцирован как совершенно независимая социальная сила» [22, 112]. В то же время в успехе национальной революции заинтересованы и буржуазия и пролетариат, и это создает основу для координации их действий.

Считая целесообразным вступление членов КПК в гоминьдан, Исполком Коминтерна подчеркивал, что «это не должно быть куплено ценой уничтожения специфического политического облика КПК» [22, 112]. В резолюции говорилось: «Поддерживая во всех кампаниях на национально-революционном фронте партию гоминьдан, поскольку эта последняя ведет объективно правильную политику, КПК все же не должна сливаться с нею и во время этих кампаний не свертывать своего собственного знамени» [22, 112].

Выполнение этого пункта было связано с большими трудностями. В конкретной ситуации нелегко было сочетать подчинение программе и политической линии гоминьдана с сохранением своего собственного политического лица. Практически это могло быть возможным только при условии принятия гоминьданом такой программы, которая включала бы в себя общие для обеих партий требования. На данном этапе развития китайской революции их объединяли общедемократические и общенациональные задачи. Вождь гоминьдана Сунь Ятсен подчеркивал, что он выступает от лица всей нации, а не какого-либо отдельного класса. Главной целью своей деятельности он считал национальное освобождение и возрождение страны, а не победу одного класса над другим.

В достижении национального единства и независимости, в политической стабилизации действительно были заинтересованы различные классы Китая: и буржуазия, и

рабочий класс, и крестьянство — вплоть до некоторых групп помещичьего класса. Эта общая заинтересованность могла возникнуть лишь в условиях незрелости и слабости капиталистических отношений в стране, в условиях ее политической и экономической зависимости от иностранных государств.

В январской резолюции Исполкома Коминтерна ударение делалось на национальных задачах китайской революции, но Коминтерн не упускал из виду и ее социального содержания. В «Директиве» Исполкома Коминтерна III съезду Компартии Китая (май 1923 г.) большое место отводилось аграрному вопросу. В обращении к китайским коммунистам Коминтерн, основываясь на ленинских положениях, выдвинутых еще в период работы II конгресса Коминтерна, указывал на исключительную важность этого вопроса для судеб китайской революции, показывал ту тесную связь, которая существует между борьбой антиимпериалистической и борьбой антифеодальной, между национальной революцией и аграрной.

В «Директиве» содержались следующие положения:

«1. Национальная революция в Китае и создание антиимпериалистического фронта необходимо будет сопровождаться аграрной революцией крестьянства против остатков феодализма. Только в том случае эта революция сможет быть победоносной, если в движение удастся вовлечь основную массу китайского населения — парцеллярное крестьянство.

2. Таким образом, центральным вопросом всей политики является именно крестьянский вопрос. Обходить этот основной пункт по каким бы то ни было соображениям — значит не понимать всей важности социально-экономической подпочвы, на которой только и можно строить победоносную борьбу против иностранного империализма и за уничтожение дотла феодального режима в Китае.

3. Поэтому компартия как партия рабочего класса должна стремиться к союзу рабочих и крестьян. Этого можно достигнуть лишь путем неустанной пропаганды и осуществления на деле лозунгов аграрной революции, как то: конфискация помещичьих земель и бесплатная передача их крестьянам; уничтожение голодной аренды; уничтожение современной налоговой системы; уничтоже-

ние откупов, таможенных застав между провинциями; уничтожение института откупщиков; уничтожение мандарината; создание органов крестьянского самоуправления, коим передается конфискованная земля, и т. д. и т. п.

4. Исходя из этих требований, необходимо подводить всю массу крестьянской бедноты к необходимости борьбы с иностранным империализмом, используя для этого тот факт, что таможенные доходы, соляная монополия, отчасти финансы и пр. находятся в руках иностранного капитала. Только подводя аграрный базис под лозунги антиимпериалистического фронта, мы можем надеяться на действительный успех...

8. Компартия обязана постоянно толкать партию гоминьдан в сторону аграрной революции. В местах, занимаемых войсками Сунь Ят-сена, необходимо добиться, чтобы была проводима конфискация земли в пользу беднейшего крестьянства и целый ряд других революционных мероприятий. Только таким путем можно обеспечить успех революционной армии Сунь Ят-сена, обеспечить ей поддержку крестьянства и расширять базис антиимпериалистической революции» [22, 114—115].

Выдвинутые Исполкомом Коминтерна лозунги были рассчитаны на то, чтобы обеспечить всемерную широкую поддержку национальной революции со стороны крестьянских масс. Однако в них не учитывалась степень классовой зрелости китайских крестьян, еще не готовых требовать конфискации помещичьих земель. Лозунг об уничтожении голодной аренды в большей степени соответствовал уровню сознания китайских крестьян. Важной была мысль о создании органов крестьянского самоуправления как демократических организаций в сельских районах.

Директивы подразумевали, что в Китае наступает подъем революции, в ходе которой массовое движение крестьян приобретет широкий размах, чему и должна была способствовать деятельность Компартии Китая и гоминьдана. Авторы директив исходили из надежды на благоприятное развитие событий.

III съезд КПК состоялся в июне 1923 г. В центре прений на съезде стоял вопрос об отношениях с гоминьданом. Если необходимость сотрудничества между двумя партиями признавали все, то конкретные его фор-

мы — необходимость вступать в гоминьдан в индивидуальном порядке и тем самым принять «двойное гражданство» — вызвали жаркие дебаты. Большинство делегатов во главе с Чэнь Ду-сю высказались за принятие рекомендации Исполкома Коминтерна. Чжан Го-тао и Цай Хэ-сэнь выступали против вхождения в гоминьдан. Мао Цзэ-дун присоединился к большинству [см. 136, 259; 180, 79][18].

Резолюция III съезда[19] по вопросу о формах сотрудничества с гоминьданом была выдержана в духе коминтерновских указаний. Вступая в гоминьдан, коммунисты сохраняли свою самостоятельную организацию. Более того, они намеревались «приложить все усилия для вовлечения в нашу партию революционных и классово-сознательных элементов из рабочих организаций и из левого крыла гоминьдана для постепенного увеличения нашей партии и введения строгой дисциплины, создавая тем самым фундамент для сильной и большой коммунистической массовой партии» [136, 259]. Этот пункт впоследствии стал объектом нападок правых гоминьдановцев на КПК.

Споры на съезде шли и вокруг вопроса о разделении сфер влияния между компартией и гоминьданом. Цай Хэ-сэнь и его сторонники стояли за то, чтобы гоминьдан ограничился работой среди буржуазии и интеллигенции и не занимался бы работой в рабоче-крестьянских массах, что КПК «должна занять самостоятельную позицию в отношении движения трудящихся и эту работу в гоминьдан не передавать» [123, 5]. Материалов, рисующих подробно содержание дискуссии на III съезде, в нашем распоряжении не имеется[20].

---

[18] Ван Цзянь-минь пишет, что при Чэнь Ду-сю руководство было патриархальным «и Мао не осмеливался „бороться“ против него» [180, 79].

[19] Интересно сравнить ее с изложением в книге Хэ Гань-чжи [см. 106, 103].

[20] С. Калачев в «Кратком очерке истории КПК» сообщает следующее: «На этом съезде вопрос о гоминьдане вызвал длительные прения, и только в результате этих прений было решено, что гоминьдан должен иметь влияние и среди рабочих масс, а особенно среди крестьянства, поскольку ККП не может рассчитывать на возможность завоевания на 100% всех этих масс в ближайший период. Если ККП приняла бы обратное решение, т. е. что гоминьдан не должен иметь доступа к рабочим массам, тоже к кресть-

Увлеченные спорами о вступлении в гоминьдан (а надо учитывать, что принятие этого решения сильно било по самолюбию руководителей КПК), делегаты III съезда не уделили должного внимания аграрно-крестьянскому вопросу[21].

Нельзя сказать, что в резолюциях и других документах III съезда этот вопрос совершенно не затрагивался. III съезд подчеркнул в своих решениях необходимость «обратить особое внимание на всемерное развитие рабоче-крестьянского массового движения в Гуандуне, находящемся под властью гоминьдана» [180, 80]. В Декларации съезда упоминалось о необходимости развернуть агитационную работу среди рабочих и крестьян.

В аграрном разделе Политической резолюции говорилось о необходимости унификации и снижения арендной платы, принятия закона, ограничивающего норму арендной платы, признания права крестьянских союзов решать вопросы снижения или повышения арендной платы и установления минимальных цен на важнейшие сельскохозяйственные продукты.

В резолюции содержались требования об улучшении системы орошения и мелиорации, а также об улучшении качества семян и почвы [180, 81].

Если сопоставить директивы Исполкома Коминтерна и резолюции III съезда КПК по аграрному вопросу, то последние выглядят скромными и умеренными. Съезд не поставил вопроса о конфискации помещичьей земли и ее бесплатной передаче крестьянам. На съезде не была выработана развернутая аграрная программа. Общие требования по аграрному вопросу не были конкретизированы. Это, конечно, не означает того, что

янству, то тогда все эти разговоры о блоке с гоминьданом потеряли бы всякий интерес, ибо гоминьдан нужен был ККП, поскольку через него предполагалось организовать и влиять на широкие массы и руководить нац.-рев. движением» [145, 59(47)].

[21] Г. Войтинский впоследствии вспоминал: «Надо сказать, что у руководства КПК, в том числе и у меня, не было, несмотря на указанную выше директиву ИККИ (имеется в виду директива III съезду КПК,— *Л. Д.*), поставившую по-большевистски крестьянский вопрос, правильного представления о значении и глубине начавшихся событий и о перспективе, когда аграрно-крестьянская подоплека революции выступит на авансцену и разовьет национально-освободительное движение в аграрную антиимпериалистическую революцию» [131, 92].

крестьянский вопрос не занимал китайских коммунистов, но они не уделяли ему того внимания, которого он заслуживал. Е. Иолк, внимательно изучавший аграрную проблему в Китае, считает, что «пионером в области работы среди крестьянства явилась комсомольская организация. В период с 1921 по 1924 г. преобладающей частью работников крестьянского движения были комсомольцы-студенты, сумевшие в некоторых уездах создать комсомольские ячейки в деревнях еще в те годы, когда даже в городах еще не существовало партийной организации». По его мнению, «лишь после III съезда КПК стала уделять серьезное внимание крестьянскому движению, хотя, как явствует из многих документов того периода, партия в ту пору имела весьма неясное представление о характере и путях крестьянской борьбы» [144, 207].

В то время среди некоторых китайских коммунистов и комсомольцев наблюдалось стремление вести в деревне агитацию не столько в духе национально-демократических лозунгов, сколько в коммунистическом духе. Чэнь Ду-сю, возражая против ведения коммунистической пропаганды среди крестьян, писал: «В мелкотоварном Китае крестьяне-собственники составляют больше половины. У этого мелкобуржуазного класса частнособственнические представления необычайно сильны. Каким образом можно в их среде вести коммунистическое движение? Каким образом коммунистическое движение может в китайской деревне, где большинство составляют крестьяне-собственники, стать массовым движением? В настоящее время потребностям деревни отвечает лишь национальное движение. Кроме того, национальное движение является сейчас необходимым для всего Китая. Только оно может опрокинуть милитаристов и открыть путь для нашего коммунистического движения» [22] [311, 1923, № 34, 258].

Правильно указывая на преждевременность пропаганды коммунистических идей в Китае, ибо такая пропаганда, как свидетельствовал опыт, могла лишь отпугнуть крестьян от Компартии и облегчить антикоммунистическую деятельность реакционных сил, Чэнь

[22] Под национальным движением имелась в виду пропаганда лозунгов национально-освободительного характера, под коммунистическим — пропаганда социалистических идей.

Ду-сю в то же время не разъяснял, какие социальные и экономические лозунги должны быть положены в основу агитационной работы в деревне. Он ошибался, утверждая, что в деревне возможно лишь движение под национальными лозунгами. Деятельность Пэн Бая в гуандунских деревнях свидетельствовала о том, что крестьяне восприимчивы в первую очередь именно к социально-экономическим лозунгам.

Однако «Сяндао» в то время звал крестьян активнее включаться именно в политическую борьбу. Так, в связи с очередным переворотом в Пекине в июле 1923 г., когда к власти пришел милитарист Цао Кунь, «Сяндао» опубликовал призыв к крестьянам пробудиться и выступить против бэйянской клики милитаристов, чье господство тяжелым бременем ложится на их плечи. Для защиты своих интересов крестьянам советовалось: во-первых, организовать сельские отряды самообороны, как это делают в деревнях провинции Гуандун, и давать отпор бандитам и бесчинствующим войскам, грабящим сельское население; во-вторых, вслед за торговцами, рабочими и студентами требовать созыва Национального собрания и упразднения нынешнего правительства и парламента, представляющих бэйянских милитаристов, организации правительства из интеллигентов [ши], крестьян, рабочих и торговцев, выступить за ликвидацию внутренних милитаристов с целью недопущения беспорядков в дальнейшем.

Журнал призывал: «Крестьяне! Проснитесь! Нынешняя эпоха — это не та эпоха, когда законный Сын Неба может прийти и спасти вас. Мы должны свое имущество и судьбу держать в своих руках. Не надо надеяться на других, надо надеяться на избранного нами самими „истинного Сына Неба“, который защитит нас» [208, 240][23].

---

[23] В этом же номере были опубликованы статьи, посвященные роли рабочего класса, купечества, студенчества, военных в связи с событиями в Пекине. Перу Мао Цзэ-дуна принадлежала статья «Политический переворот в Пекине и торговцы». В ней он выдвигал на первый план задачу объединения всех сил нации в духе решений III съезда КПК. Мао Цзэ-дун писал: «В настоящее время перед Китаем стоит не какая-либо иная политическая проблема, а проблема национальной революции. Силами всей нации покончить с милитаристами и выступающими заодно с милитаристами иностранными империалистами — вот историческая миссия китайского

Поскольку позиция, занимаемая Чэнь Ду-сю по аграрно-крестьянскому вопросу, и его взгляды на методы решения этого вопроса оказывали серьезное влияние на коммунистов и отражались на деятельности Компартии Китая, целесообразно более подробно остановиться на них. Эти взгляды с наибольшей полнотой изложены в статьях «Крестьянский вопрос в Китае» и «Национальная революция в Китае и борьба классов», опубликованных в журнале «Цяньфын» в 1923 г.

Чэнь Ду-сю исходил из того, что крестьянство в таких экономически отсталых странах, как Китай, где основой экономики является земледелие, составляет большинство населения (40 млн. дворов из 60, т. е. почти 70% населения). Именно поэтому «в таких странах ни одна революция не может не считаться с той силой, какую представляет собой крестьянство» [291, 51]. В то же время «крестьянство не испытывает столь сильного гнета со стороны помещиков, как в странах с мощным помещичьим классом (например, в старой России, Индии) или в странах развитого капитала (страны Европы и США), поэтому здесь движение за социальную революцию поднять очень трудно» [291, 51].

Кто же тогда угнетает крестьян, что является причиной их недовольства, почему все же в китайской деревне вспыхивают бунты и мятежи? По мнению Чэнь Ду-сю, массовые движения в таких странах, как Китай, «порождаются вторжением иностранных товаров, страданиями, причиняемыми чиновниками, лешэнь (злыми помещиками.— *Л. Д.*), милитаристами и стихийными бедствиями» [291, 51]. В силу этих причин крестьянство Китая способно стать «великой потенциальной силой национальной революции» [291, 51], направленной против иностранного гнета и господства милитаристов и чиновников [24].

народа. Эта революция является общенациональной задачей и все — торговцы, рабочие, студенты, преподаватели — по всей стране должны взять на себя часть революционной работы. Однако в силу необходимости и современной действительности торговцы в национальной революции должны выполнить более насущную и более ответственную по своему характеру работу, чем остальная часть нации». Стоит отметить, что в перечне революционных сил здесь отсутствует крестьянство [216, 233—234].

[24] Мысль о том, что китайское крестьянство восприимчиво к лозунгам борьбы против империалистов и милитаристов, мы

Сельское население Чэнь Ду-сю делил на следующие категории:

1. Помещики, не обрабатывающие землю (они, в свою очередь, делятся на крупных, средних и мелких).
2. Средняя буржуазия (сдающие землю в аренду крестьяне-собственники и помещики, а также крестьяне-собственники, использующие наемный труд).
3. Мелкая буржуазия (крестьяне-собственники и крестьяне полусобственники-полуарендаторы).
4. Полукрестьяне-полупролетарии (крестьяне-арендаторы, использующие наемный труд, и крестьяне-арендаторы).
5. Сельский пролетариат (батраки).

Крестьяне, относящиеся к двум последним группам, собственной земли не имеют. Они составляют, писал Чэнь Ду-сю, 40% сельского населения страны. Но их число постоянно растет, поскольку в Китае происходит процесс обезземеливания крестьян.

находим у других китайских авторов. Чжан Тай-лэй, например, писал: «Мы знаем, конечно, что 95% китайского крестьянства неграмотно и что вследствие этого крайне трудно вести среди них пропаганду. Но тем не менее они отлично сознают свое тягостное положение, презирают китайских милитаристов, опустошающих своими войнами их поля, ненавидят бюрократов, эксплуатирующих их, но больше всего они ненавидят бюрократов и милитаристов за то, что они одновременно являются и крупными землевладельцами, и крестьяне понимают, что необходимо уничтожить их господство и создать правительство, при котором крестьянам будет гарантировано спокойствие и возможность мирно возделывать свое поле и пользоваться продуктами своего труда. Китайский крестьянин не знает значения слова „империализм", но зато он отлично чувствует гибельное влияние иностранных товаров на деревенские кустарные промыслы и знает, что с появлением на его родине иностранцев появилась и страшная дороговизна. Затем он знает, что иностранец всячески помогает его отечественным милитаристам душить и выжимать из него соки на каждом шагу. И хотя китайский крестьянин не посвящен в тонкость дипломатических сделок между китайскими и иностранными милитаристами, но зато он у солдат видит винтовки и хорошо знает, какое отношение имеют к этим винтовкам иностранцы.

Революционной партии Китая предстоит ответственная задача — вовлечь китайское крестьянство в русло революционного движения. Без крестьянства, составляющего огромное большинство китайского населения и являющегося экономическим базисом страны, успех революции немыслим» [177, 74].

Чэнь Ду-сю подробно разбирал причины тяжелой жизни крестьян, выделяя факторы, от которых страдает все крестьянство в целом (экспансия иностранных товаров, рост цен на предметы общего потребления и понижение цен на продукты сельского хозяйства; нестабильная политическая обстановка; войны между милитаристами; засухи и наводнения); факторы, от которых страдают крестьяне-собственники (произвол чиновников, взыскивающих чрезмерные налоги, увеличение фактической суммы налогов и поборов); факторы, от которых страдают крестьяне-арендаторы и батраки (местный бандитизм и связанные с этим беспорядки, стихийные бедствия, взаимная конкуренция из-за получения земли в аренду или устройства на работу; рост цен на городские промышленные товары, удорожание жизни, повышение арендной платы, ростовщичество).

Однако в этом анализе отсутствует указание на помещичью эксплуатацию как основную причину тяжелого положения крестьян, хотя автор и упоминал о тенденции к повышению нормы арендной платы и нормы ростовщических процентов. Чэнь Ду-сю не ставил вопроса о социально-экономической сущности помещичьей эксплуатации.

Вместе с тем он понимал, что земля в Китае распределяется несправедливо и что надо ограничить размеры земельной собственности, так же как и установить определенный потолок для арендной платы.

В целях избавления крестьян от переживаемых ими страданий и трудностей и вовлечения их в национально-освободительное движение, писал Чэнь Ду-сю, нужно заняться просвещением крестьян и обучением их грамоте. Пропагандистская работа в деревне должна развертываться вокруг требований: «Вон империалистов!», «Долой милитаристов!», «Ограничение землевладений!», «Ограничение арендной платы!», «Свержение чиновников и лешэнь!». Задача конфискации помещичьей земли Чэнь Ду-сю не ставилась, что соответствовало решениям III съезда КПК.

В статье «Крестьянский вопрос в Китае» [291] выдвигались практические предложения по организации крестьян. Формы организации могли быть следующими:

1. Крестьянский союз. Внутри крестьянства Китая — страны мелкокрестьянской — нет отчетливой дифферен-

циации между его отдельными слоями, так что все крестьяне одного села (крестьяне-собственники, арендаторы, батраки) могут быть объединены в одной организации на базе общности интересов. Хотя во многих местах имеются ранее созданные крестьянские союзы, признаваемые законом, но члены этих организаций в большинстве своем не являются крестьянами. В настоящее время нужно призвать подлинных крестьян реорганизовать эти союзы и нацелить их на борьбу против чиновников, творящих произвол при сборе налогов, помещиков, притесняющих арендаторов, лешэнь, притесняющих бедноту и узурпирующих власть; нужно также развернуть кампанию «за организацию потребительской кооперации», «за создание кредитных учреждений для крестьян», «за создание консультативного органа, устанавливающего цены на зерно».

2. Сельские органы самоуправления — это уже имеющиеся местные политические организации. На Юге они в настоящее время создаются. Основным направлением их деятельности должно быть создание сельских отрядов для борьбы с бандитизмом, улучшение ирригации, борьба за то, чтобы начальник уезда избирался народом.

3. Общество крестьян-арендаторов, призванное ограничить арендную плату (т. е. размер арендной платы, взимаемой помещиком ежегодно, должен устанавливаться Обществом арендаторов из различных деревень в зависимости от полученного урожая), а также развернуть движение арендаторов вокруг требования к правительству «ограничить землевладения» (т. е. ограничить размеры частной земельной собственности, а все земли, имеющиеся у крупных и средних помещиков сверх установленной нормы, разделить между арендаторами, обрабатывающими эти земли).

4. Общество батраков, основной задачей которого является согласование размеров заработной платы и посредничество при найме на работу.

Таким образом, Чэнь Ду-сю видел острую необходимость в организации крестьянских союзов, куда входили бы все крестьяне, кроме помещиков и сельской буржуазии. Он выделял батраков в самостоятельную группу со своим союзом, что вытекало из концепции о пролетарском характере китайских батраков. В статье

Чэнь Ду-сю содержалась важная мысль об изъятии у помещиков земельных излишков и распределении их между крестьянами-арендаторами.

Если в рассмотренной выше работе речь шла о значении крестьянства для успешного свершения национальной революции и об объективных факторах, способствующих втягиванию крестьян в политическую борьбу, то в статье, посвященной анализу позиций различных классов Китая в национальной революции [287], Чэнь Ду-сю сосредоточивал внимание на тех трудностях, с которыми связана работа по активизации крестьянских масс. Он указывал, что «силы крестьянства распылены и их нелегко консолидировать; низкий уровень культуры и примитивность жизненных устремлений обусловливают приверженность крестьянства к консерватизму; обширность территории Китая позволяет попавшим в беду искать удачи в другом месте. Эти три обстоятельства и являются причиной того, что трудно вовлечь крестьян в революционное движение. В то же время приток иностранных товаров, день ото дня все губительнее действующий на крестьянское хозяйство, беспорядки от войн и бандитизма, непрерывные стихийные бедствия, бесчинства, совершаемые чиновниками и шэньши,— эти четыре обстоятельства могут толкнуть крестьянство на участие в революции. В последние годы возникающие то там, то здесь небольшие по своим масштабам крестьянские движения в виде отказа от уплаты налога, прекращения внесения арендной платы стали весьма распространенным явлением, и, если бы в один прекрасный день у крестьян появилась организация, никто не посмел бы сказать, что они не способны принять участие даже в национальной революции» [287, 5].

Чэнь Ду-сю протестовал против попыток отдельных коммунистов придать крестьянскому движению несвойственный ему коммунистический характер[25].

«Есть люди,— заявлял он,— которые в страданиях крестьянства и в его многочисленности не только усматривают великий стимул к национальной революции, но и считают, что можно немедленно развернуть среди крестьянства движение за коммунистическую револю-

[25] Надо сказать, что эти попытки практического значения не имели, ибо мало кто из коммунистов (а их было тогда немногим более 100 человек) занимался работой в деревне.

цию. На самом же деле такой подход, пожалуй, несостоятелен. Коммунистическая революция, безусловно, нуждается в сочувствии и поддержке со стороны крестьян. Однако лишь при непременном наличии сильного класса пролетариев возможно осуществление такой революционной борьбы и завершение дела такой революции силами, ее поддерживающими. Ибо лишь в этом случае имеется необходимость и возможность осуществления совместного производства и совместной жизни в широких масштабах. Ремесленники же и крестьяне, являющиеся самостоятельными производителями, не нуждаются в этом. Более того, частнособственнические настроения среди крестьян крайне устойчивы. В Китае более половины крестьян — это единоличники, относящиеся к мелкой буржуазии, так что не приходится говорить, что революция, направленная на создание коммунистического общества, коренным образом противоречит их интересам. И даже безземельные арендаторы, которые являются лишь полупролетариями, выступая против помещиков, не могут подняться выше желания, чтобы собственность помещиков перешла в их собственность. Батраки же, хотя и находятся на положении пролетариата, немногочисленны и очень разрозненны. Таким образом, для крестьянского движения в Китае необходима полная победа национальной революции, после чего — бурное развитие отечественной промышленности, после чего — развитие капитализма в сельском хозяйстве в широких масштабах, после чего — рост и концентрация сил сельского пролетариата, и только после этого в деревне действительно появится необходимость и возможность революции, имеющей целью построение коммунистического общества» [287, 5—6].

Чэнь Ду-сю был совершенно прав, утверждая, что коммунистические призывы не отвечают реальным требованиям большинства крестьян и что эти призывы не помогут вовлечь крестьянские массы в активную борьбу за национальное освобождение страны.

Чэнь Ду-сю, отрицая возможность участия рабочего класса в национальной революции в качестве самостоятельной политической силы, объяснял это тем, что китайский пролетариат слаб и количественно и качественно, не имеет ни закалки, ни опыта революционной борьбы. В ряды пролетариата им зачислялись и бед-

нейшие слои крестьянства, а это мешало правильному пониманию проблемы союза рабочего класса и крестьянства. Не было у него, как и у других коммунистов, и ясности в вопросе о сочетании национальных и социальных задач китайской революции. В определенной степени это объясняется и тем, что в директивах Коминтерна не было определенного конкретного ответа на эти вопросы. Самостоятельно же руководители КПК были не в состоянии решить эту трудную проблему.

Подчеркивание первостепенного значения антиимпериалистической борьбы отвлекало внимание от обстоятельного изучения социальных проблем. Отчасти это было связано и с тем, что среди китайских коммунистов было весьма распространено мнение о возможности быстрого завоевания политической власти, достижения полной национальной независимости, после чего открылся бы путь и к разрешению чисто внутренних социально-экономических проблем.

Однако возникавшие в то время крестьянские мятежи и бунты проходили под лозунгами не национальными, а социально-экономическими. Крестьяне добивались не изгнания империалистов, а снижения арендной платы. Такое требование, в частности, выставляли в 1922 г. крестьяне в провинции Чжэцзян, восстание которых было жестоко подавлено милитаристами.

В начале 1923 г. крестьяне-арендаторы пекинского района послали в столицу делегацию, которая потребовала от правительства сокращения арендной платы, так как землевладельцы и местные власти им в этом отказали. В июле 1923 г. 60 тыс. организованных крестьян в Хайфыне выставили требование сокращения арендной платы. Выступления крестьян против помещиков за снижение арендной платы имели место и в других районах Китая [см. 177]. Все это говорило о том, что именно социально-экономические лозунги способствовали пробуждению крестьянских масс, повышали их классовое сознание, сплачивали и поднимали на революционную борьбу.

Разумеется, повседневная работа коммунистов в крестьянской среде содействовала бы ускорению процесса пробуждения классовой сознательности и повышению политической активности масс, но коммунистов и комсомольцев было слишком мало, чтобы охватить

своим влиянием широкие крестьянские массы. Не было у них опыта работы в массах. Этот опыт приобретался в ходе практики. В общении с массами коммунисты мучительно искали методы работы с неграмотными, забитыми крестьянами. Некоторые из них, столкнувшись с инертностью и пассивностью крестьян, впадали в отчаяние, разочаровывались и приходили к выводу о бесперспективности и бесплодности своих усилий. Другие, наоборот, причину неудач искали в недостаточности своих усилий. Так, Дэн Чжун-ся усматривал причину политической пассивности и слабой организованности рабочих и крестьян в том, что коммунисты относятся к этому делу без должной энергии. Он писал, что «наша молодежь ограничивается лишь пустыми призывами в печати и телеграммах и не берет на себя труд пойти в массы, чтобы вести среди них пропаганду и организовывать их» [202, 1].

В процитированной статье можно заметить скрытую полемику с Чэнь Ду-сю. Не называя последнего по имени, Дэн Чжун-ся утверждал, что не буржуазия, а рабочие, крестьяне и солдаты являются основными тремя силами революционного движения. Ссылаясь на опыт русской революции, он писал, что «Октябрьская революция в России осуществлена этими тремя массовыми силами» [202, 1].

Способность рабочих, крестьян и солдат России к решительным революционным действиям Дэн Чжун-ся объяснял тем, что русская молодежь и студенчество отдавали много сил воспитанию «трех масс» в революционном духе. Он призывал китайскую молодежь смелее идти в гущу народных масс. «Если мы не хотим превратиться в прислужников Цао Куня, в безродных рабов,— восклицал он,— мы должны срочно заняться организацией движения среди этих трех масс, являющихся главной силой революции. Мы должны договориться между собой и организованно двинуться в массы, чтобы выполнить лежащую на нас ответственность и почетную миссию» [202, 3].

Дэн Чжун-ся возражал против недооценки рабочего класса, которому он отводил главную роль в демократической революции [см. 204] (что прямо противоречило высказываниям Чэнь Ду-сю). «Только пролетариат,— писал он,— обладает такой революционностью, с кото-

рой не может сравниться никакой другой класс общества. Только пролетариат, борясь за свои жизненные интересы, обладает такой стойкостью и таким упорством в революции, с которыми не могут сравниться другие участники революции, борющиеся за идеи гуманизма или движимые справедливым гневом» [203, 5]. Именно потому «рабочие массы были и остаются великой силой революционного движения в Китае» [206, 5].

Второй силой китайской революции Дэн Чжун-ся называл крестьянские массы. Соглашаясь с тем, что крестьяне — народ темный и отсталый, он, однако, считал, что эти качества крестьян не могут служить большим препятствием для вовлечения их в революционную борьбу. Дэн Чжун-ся отмечал то мужество, бесстрашие и героизм, которые проявляли крестьяне в своих выступлениях против помещиков и чиновников. «Несомненно,— заявлял он,— что крестьяне консервативны по своей идеологии, что они не отличаются прогрессивностью, присущей рабочим; живут они разрозненно, а не концентрированно, как рабочие, и с точки зрения теории надежды на революционность крестьян очень мало. Но если подойти с практической стороны, то военные поборы и трудовые повинности, налагаемые милитаристами, эксплуатация со стороны иностранного капитала, беспорядки, чинимые солдатами и бандитами, непрестанные стихийные бедствия, беззаконие злодеев шэньши, жизненные трудности, бесконечные скитания вдали от семьи — все это постоянно и повсеместно толкает их на путь революции. Исходя из этого, мы смело утверждаем, что в китайских крестьянах имеются революционные потенции» [205, 2].

Главную задачу Дэн Чжун-ся видел в сплочении крестьян. Работу по организации крестьянского движения он считал неотложной, ибо «для крестьян наступило время пробуждения революционного сознания, и если молодежь, следуя примеру русской интеллигенции эпохи царизма, бросит клич „В народ!“, займется их воспитанием, их организацией, то в скором будущем крестьянское движение станет более оформленным, чем та стихийная крестьянская борьба, которую мы наблюдаем в настоящее время» [205, 3].

Дэн Чжун-ся намечал и примерный план работы по организации крестьян, который в общих чертах совпа-

дал с предложениями Чэнь Ду-сю. Особое значение он придавал созданию крестьянских отрядов (миньтуань), «ибо роль миньтуаней не меньше, чем роль крестьянских союзов. Пусть от каждого крестьянского двора хоть один человек войдет в миньтуани, которые призваны заменить имеющиеся в настоящее время миньтуани, созданные помещиками и шэньши. С одной стороны, эти новые миньтуани необходимы для защиты от солдат и бандитов, а с другой стороны, в нужный момент они могут сыграть роль армии и использоваться в интересах революции. Если не заняться их созданием по всей стране, то крестьянское движение никогда не наберет нужной силы» [207, 10]. Необходимость вооружения крестьян Дэн Чжун-ся обосновывал примерами кровавых трагедий крестьянских организаций уездов Хайфын (Гуандун) и Хэншань (Хунань).

* * *

В период 1921—1924 гг., т. е. в период от создания КПК до ее вступления в гоминьдан, китайские коммунисты неоднократно говорили о важности крестьянского вопроса, о его значении для судеб национально-демократической революции. Некоторыми из них был выдвинут ряд лозунгов, отражавших реальные требования крестьянских масс (снижение арендной платы, отмена незаконных налогов и поборов). Плодотворной была мысль о необходимости организации крестьян в классовые союзы и создания крестьянских отрядов самообороны. В документах КПК было выставлено важное предложение об отчуждении излишков помещичьей земли и разделе ее между арендаторами.

Важно отметить эволюцию взглядов коммунистов по аграрному вопросу. Начав с нереальных требований о национализации земли, проистекавших из неверных представлений о социалистическом характере предстоящей революции, они затем стали выдвигать лозунги, менее радикальные, но в большей степени соответствующие действительному положению вещей.

У руководителей молодой компартии не было тогда научного представления о характере китайского общества, о социально-экономическом характере китайской революции. Понимание важности аграрно-крестьянского

вопроса не дополнялось анализом сущности производственных отношений в деревне. Работа по изучению настроений крестьянства, его экономических и политических требований еще только начиналась, еще шли поиски методов и форм работы в деревне, сближения с крестьянскими массами. Проблема создания союза между рабочим классом и крестьянством рисовалась еще в весьма туманном, неопределенном виде. У коммунистов отсутствовало и ясное представление о соотношении социальных сил на политической арене Китая. Все это затрудняло и осложняло выработку правильной политической линии в аграрно-крестьянском вопросе. Но при этом весьма положительным моментом было признание самого факта существования аграрного вопроса, постепенное проникновение в его конкретное содержание, стремление понять и защитить интересы крестьянских масс.

В центре внимания коммунистов стоял тогда вопрос о сотрудничестве с гоминьданом и о формах этого сотрудничества. Это было главной проблемой, и споры внутри партии разгорались именно вокруг нее. Союз с гоминьданом должен был облегчить коммунистам доступ к массам, развертывание агитационно-воспитательной и организаторской работы среди рабочих и крестьян.

Вступление молодой, немногочисленной Компартии Китая в гоминьдан в целом способствовало усилению ее влияния на ход национально-революционного движения. Коминтерн приобретал возможность более эффективного воздействия на деятельность партии Сунь Ятсена, на активизацию ее усилий в борьбе против империализма.

Присоединение коммунистов к гоминьдану имело огромное значение для формирования аграрной программы КПК. У Сунь Ят-сена была своя концепция аграрной проблемы и методов ее решения. Коммунисты должны были считаться с суньятсеновской программой, приноравливаться к ней и использовать ее в своей работе в деревне.

Глава III

АГРАРНО-КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КПК В ПЕРИОД СОТРУДНИЧЕСТВА С ГОМИНЬДАНОМ ДО СЕВЕРНОГО ПОХОДА

Взгляды Сунь Ят-сена по аграрному вопросу

В январе 1924 г. состоялся I конгресс гоминьдана. На нем была осуществлена реорганизация гоминьдана, в чем огромную помощь Сунь Ят-сену оказали Коминтерн и Коммунистическая партия Китая. Хотя в принципе вопрос о вступлении коммунистов в гоминьдан был решен, среди делегатов конгресса имелись и враждебно настроенные по отношению и к КПК, и к Советскому Союзу. Правые гоминьдановцы боялись «покраснения» своей партии, опасались, что Сунь Ят-сен даст слишком большой крен влево.

Противники коммунистов распускали слухи о том, что те хотят превратить гоминьдан в компартию [26]. Они считали ненормальным существование внутри их партии другой, члены которой обязаны подчиняться прежде всего своему уставу, и заявляли, что это само по себе уже будет нарушением гоминьдановского устава.

Правые запугивали других гоминьдановцев, что коммунисты могут взорвать их партию изнутри. Но их

---

[26] Буржуазные журналисты, работавшие в Китае в те годы, писали об опасности советизации Китая. После приезда русских советников им, как свидетельствует К. Кроу, «казалось неизбежным, что Китай станет одной из составных частей Советского Союза. Большинство из нас было уверено, что, если не принять экстренных мер, Китай станет полностью коммунистическим» [302, 73].

усилия разбились о непреклонную волю Сунь Ят-сена, который энергично настаивал на принятии коммунистов.

От имени коммунистов на I конгрессе гоминьдана выступил Ли Да-чжао. Обосновывая идею сотрудничества двух партий, он подчеркивал необходимость единства и сплоченности всех национально-революционных сил в борьбе против угнетателей китайского народа — империалистов и милитаристов. Успеха нельзя достичь, заявлял Ли Да-чжао, если «ум и сила всей нации не сконцентрируются в одной партии» [180, 101]. Он подчеркивал, что коммунистов влечет в гоминьдан не стремление извлечь для себя выгоду, а желание внести свой вклад в дело национальной революции. Коммунисты не хотят, используя репутацию гоминьдана, вести коммунистическое движение, поскольку в условиях экономически отсталого Китая — полуколонии империалистов — единственным жизненным путем китайской нации может быть лишь национальная революция.

Ли Да-чжао доказывал, что объединение отвечает интересам гоминьдана и принесет пользу делу национальной революции, так как благодаря коммунистам, партия которых является национальной секцией Коммунистического Интернационала, гоминьдан установит прочные связи с этой всемирной организацией, цели которой не противоречат его целям. Он заверял делегатов конгресса, что коммунисты будут проводить в жизнь программу гоминьдана, соблюдать его устав и партийную дисциплину [см. 180, 102].

Китайские коммунисты были приняты в гоминьдан, но недоверие к ним сохранилось, и неприязнь, враждебное отношение «старых» членов к «новым» постоянно давали себя знать.

Программа гоминьдана, принятая на I конгрессе, была составлена с учетом рекомендаций Коминтерна. «Три народных принципа» Сунь Ят-сена наполнились новым содержанием, значительно усилившим их революционную антиимпериалистическую направленность [см. 38; 119, 405—409].

Рекомендации Коминтерна касались и аграрной проблемы. Лозунг национализации земли признавался преждевременным. Коминтерн советовал выставить требование уничтожения помещичьей системы землевладе-

ния и передачи земли в руки тех, кто ее обрабатывает [см. 38].

Насколько эти рекомендации соответствовали аграрным взглядам Сунь Ят-сена?

Аграрная проблема привлекала внимание основателя гоминьдана еще в молодые годы, когда он делал лишь первые шаги по революционному пути. В 1894 г. в послании на имя Ли Хун-чжана он выдвинул план подъема сельского хозяйства и улучшения жизненного положения крестьян. В нем предусматривалось проведение правительством мер, которые способствовали бы внедрению в земледелие новых, научных методов агротехники, применению машин, открытию сельскохозяйственных училищ и замены неспособной, некомпетентной сельской администрации новой, сформированной из знающих дело специалистов.

Это первое публичное выступление Сунь Ят-сена было выдержано в умеренном тоне и носило реформаторский характер. Автор не задумывался над характером земельных отношений и не выступал против существующей системы землевладения. Свои надежды он возлагал на повышение внимания со стороны государства к сельскохозяйственным делам. Мысль о вмешательстве государства в управление экономикой и контроле за ее развитием была естественна для традиционного мышления китайцев.

Спустя одиннадцать лет, в декларации Тунмынхуя Сунь Ят-сен выдвигает лозунг «уравнения прав на землю», ставший важной частью «трех народных принципов». Сунь Ят-сена волнует рост цен на землю, от чего выигрывает только владелец земли, а не общество в целом, хотя повышение цен на землю есть результат усилий всего общества. Он предлагает поэтому отчуждать этот прирост в пользу государства.

В этом документе мысль Сунь Ят-сена еще не поднимается до требования передела земли. По традиции все сельское население рассматривается им в совокупности, без всякой дифференциации, все владельцы земли относятся к одной категории, деление на помещиков и крестьян отсутствует.

В 1906 г. в Токио, в речи, озаглавленной «Три народных принципа и будущее Китая», решение социальных проблем Китая Сунь Ят-сен ставит в зависимость

от разрешения аграрного вопроса. Китаю предстоит создать социалистическое государство, но если не решить аграрного вопроса, то богатый будет все больше богатеть, а бедный — все больше беднеть[27]. Причина этого кроется, по мнению Сунь Ят-сена, в росте цен на землю. Избавиться от этого зла можно не путем экспроприации земель у богатых, а установлением твердой цены на землю, что поможет устранить несправедливость и будет способствовать обогащению государства.

В том «идеальном» государстве, которое было бы создано в Китае в результате революции, налоги были бы отменены, цены на товары — снижены, народ стал бы зажиточным, злоупотребления искоренены, и страна обрела бы счастье. И все это благоденствие можно достичь в огромной степени за счет установления государством твердой цены на землю.

Сунь Ят-сен тогда был противником нарушения существующего порядка вещей в аграрных отношениях, он не допускал и мысли о возможности насильственного передела земли. Он — сторонник сохранения частной собственности на землю при условии ограничения свободы земельного собственника в определении цены земли.

Стремясь лишь ограничить с помощью государственных законов монопольное право кучки богатых на доходы, получаемые в результате усилий всего общества, Сунь Ят-сен не хотел и слишком сильно ущемлять их интересов. Ему казалось, что предлагаемая им мера не принесет богачам особенного убытка, что она «проста и наиболее легко осуществима» [119, 129]. Выиграют ли от этого бедняки и что они приобретут в случае реализации этих предложений — об этом Сунь Ят-сен не размышлял. Главное для него — усиление государства.

После свержения цинской монархии Сунь Ят-сен подтвердил свою верность идее уравнения прав на землю. Ее он считал краеугольным камнем принципа

---

27 «Приходилось слышать, — говорил он,— будто осуществление принципа народного благосостояния сопряжено с уничтожением половины нашего 400-миллионного населения и экспроприацией земель богатых. Это безответственная болтовня людей, не уяснивших суть принципа, и на нее не стоит обращать внимания» [119, 128].

народного благосостояния и важнейшей задачей социальной революции. «Если мы сможем провести его (принцип народного благосостояния.— *Л. Д.*) в жизнь, то социальная революция будет тем самым осуществлена на 70—80%» [119, 139],— заявлял он. Национализацию земли он отвергал, так как государство не располагает достаточными средствами для выкупа всех земель. Эффективным средством для осуществления уравнения прав на землю он считал введение налога в соответствии с ценой земли в сочетании с предоставлением государству права в случае необходимости выкупать у землевладельцев землю по установленной твердой цене. Эта мера, по его мнению, должна была привести к социальному благоденствию. Уравнение прав на землю рассматривалось как способ предотвращения капитализма, как предпосылка перехода к социализму.

Отвергая мысль о национализации всех земель в стране, Сунь Ят-сен считал возможным осуществить частичную национализацию земли с выкупом, если это диктовалось нуждами экономического строительства и интересами государства [119, 148].

В 1919 г., разъясняя суньятсеновский принцип народного благосостояния, Ляо Чжун-кай подчеркивал, что цель этого принципа — осуществление уравнительных прав на землю. «Мы должны с помощью аграрной политики разрешить социально-экономические проблемы» [184, 70],— говорил он.

Излагая суньятсеновскую теорию о зависимости цен на землю от прогресса всего общества, Ляо Чжун-кай указывал, что причина упадка земледелия и огромного различия между бедными и богатыми классами лежит в неразрешенности земельного вопроса. В Китае крупных помещиков нет из-за плохих путей сообщения. Арендная плата, которую, не трудясь, получают мелкие помещики, имеет пределы. Но с развитием путей сообщения цены на землю будут расти, и тогда появятся крупные помещики. Они-то и будут в выигрыше от роста цен на землю, что несправедливо.

Ляо Чжун-кай полагал, что необходимо передать государству или обществу собственность на землю в тех районах, где строятся новые города, прокладываются железные дороги и каналы. А на другие земли установить фиксированный (твердый) налог. Таким обра-

зом, плоды социального прогресса будут переданы всему обществу и «правами на землю будет в равной степени пользоваться весь народ» [184, 73].

В 1912 г. с общественно-политическими взглядами Сунь Ят-сена ознакомился В. И. Ленин, внимание которого привлекла статья «Социальное значение китайской революции», опубликованная в большевистской газете «Невская звезда» [169].

В этой статье Сунь Ят-сен излагал в краткой форме свой метод разрешения аграрного вопроса. Проблемы классовой дифференциации китайской деревни он не касался. Земельные собственники делились им на три группы в зависимости от природных свойств земли, от ее качества. Сунь Ят-сен не давал и социальной характеристики китайской деревни. Приводимые им примеры позволяют думать, что его беспокоил главным образом рост цен на земельные участки в приморских городах типа Шанхая или Гуанчжоу.

Работа Сунь Ят-сена попала в поле зрения В. И. Ленина в тот момент, когда он вел полемику с русскими неонародниками, разоблачал мелкобуржуазную сущность их воззрений о социализме, демократии и равенстве. В ней он увидел «совершенно исключительный интерес для нас, русских», так как китайский идеолог поставил «чисто русские вопросы», «его сходство с русским народником так велико, что доходит до полного тождества основных мыслей и целого ряда отдельных выражений» [7, 400].

В. И. Ленин высоко оценил статью Сунь Ят-сена, назвав ее платформой великой китайской демократии, и использовал ее как удобный повод «рассмотреть вопрос о соотношении демократизма и народничества в современных буржуазных революциях Азии» [7, 400].

Ошибку народников В. И. Ленин видел в том, что они пытаются «опереться на *неразвитость* противоречий современного строя, на *отсталость* страны» [9, 241]. Но именно на неразвитость форм общественно-экономических отношений в Китае, на отсталость страны и возлагал свои надежды Сунь Ят-сен для введения социализма в Китае. И в этом заключалось его сходство с русскими народниками, хотя другие стороны его учения сильно отличались от народничества. Подобно русским народникам, китайский революционер-демократ

мечтал о возможности миновать путь капитализма для Китая. Но эта возможность была исключена. В Китае уже возникли капиталистические отношения, и для отсталой страны это было прогрессивным фактором. Сам Сунь Ят-сен писал, что «Китай стоит накануне гигантского промышленного развития; торговля разовьется в громадных размерах и через 50 лет у нас будет много Шанхаев» [119, 566].

При анализе «социалистических» взглядов Сунь Ятсена В. И. Ленин постоянно подчеркивает их реакционный характер. При этом надо иметь в виду замечание В. И. Ленина, что термин «реакционный» употребляется «в *историко-философском* смысле, характеризуя только *ошибку* теоретиков, берущих в *пережитых* порядках образцы своих построений. Он вовсе не относится ни к личным качествам этих теоретиков, ни к их программам» [9, 211].

Теория Сунь Ят-сена о предупреждении капитализма была, по мнению В. И. Ленина, типичной теорией мелкобуржуазного «социалиста»-революционера. Мечта о переходе Китая к государственному социализму была утопичной, ибо она основывалась лишь на субъективных симпатиях и устремлениях, на заимствовании социалистических идей Запада, а не вытекала из общественных условий «отсталой, земледельческой, полуфеодальной страны» [7, 403].

В то время как в Европе и Америке на очереди дня стояло освобождение от капиталистического гнета и установление социализма, в Китае жизнь выдвигала требование ликвидации феодального гнета путем буржуазно-демократической революции. В 10-х годах XX в. в Китае не было еще реальной политической силы, способной бороться за социализм. «В том-то и состоит диалектика общественных отношений Китая,— отмечал В. И. Ленин,— что китайские демократы, искренне сочувствуя социализму в Европе, переделали его в реакционную теорию и *на основании* этой реакционной теории о „предупреждении“ капитализма проводят *чисто капиталистическую,* максимально-капиталистическую аграрную программу!» [7, 404—405].

Но, отмечая реакционность идей Сунь Ят-сена, В. И. Ленин не ограничивался критикой. Он стремился вскрыть и выявить до конца их исторически-реальное и

исторически-правомерное содержание. В. И. Ленин считал ошибочным подход некоторых марксистов, которые не улавливали противокрепостнического смысла народнических теорий. «Критикуют и справедливо критикуют,— писал он,— „трудовое начало“ и „уравнительность“, как отсталый, реакционный, мелкобуржуазный *социализм,* и забывают, что эти теории выражают передовой, революционный мелкобуржуазный *демократизм...»* [3а, 213]. Идею «уравнительности» В. И. Ленин считал прогрессивной и законной именно потому, что она выражала стремление крестьянства к борьбе против феодального неравенства.

Именно антифеодальная направленность аграрной платформы Сунь Ят-сена придавала ей революционно-демократический характер. Осуществление этой платформы не только не спасло бы китайскую деревню от капитализма, а, наоборот, способствовало бы наиболее быстрому развитию капитализма в земледелии.

Противоречивость субъективных антикапиталистических намерений Сунь Ят-сена и объективного содержания его аграрной программы была превосходно подмечена В. И. Лениным. Сам Сунь Ят-сен не понимал, к каким социальным последствиям приведет реализация его программы. Его заблуждение базировалось на ошибочном анализе сущности социально-экономических отношений в Китае. Сунь Ят-сен отрицал необходимость классовой борьбы, для него оставался темным смысл противоречий между крестьянами и помещиками, и тем не менее выдвинутая им программа была прогрессивной, ибо объективно вела к проведению буржуазно-демократических аграрных преобразований независимо от воли и желания ее автора.

Критика В. И. Лениным взглядов Сунь Ят-сена — критика доброжелательная. Отмечая ошибочность и утопичность воззрений китайского демократа, В. И. Ленин вскрывал их истинную сущность, не имеющую ничего общего с научным социализмом, что не мешало им быть прогрессивными для Китая того времени.

К аграрным теориям Сунь Ят-сена вполне применимы ленинские оценки народнических и левоэсеровских квазисоциалистических взглядов, о которых В. И. Ленин писал, что «на деле ни в каком „праве на землю“, ни в каком „уравнительном распределении“ земли, ни

в какой „социализации земли“ нет *ни капли* социализма. Это должен понимать всякий, кто знает, что товарное производство, власть рынка, денег, капитала не только не затрагивается, а, напротив, еще шире развертывается при отмене частной собственности на землю и новом, хотя бы и самом „справедливом“, ее разделе» [16, 284].

Демократический дух суньятсеновских взглядов вызывал у В. И. Ленина искренние симпатии и сочувствие.

Подчеркивая, что демократические идеи Сунь Ят-сена порождены самим ходом исторического процесса, «глубоким революционным движением сотен и сотен миллионов людей, которые теперь окончательно втягиваются в поток всемирной капиталистической цивилизации», Ленин называет их великой идеологией «действительно великого народа, который умеет не только оплакивать свое вековое рабство, не только мечтать о свободе и равенстве, но и *бороться* с вековыми угнетателями Китая» [7, 401].

Занятый в начале 20-х годов поисками наиболее выгодных комбинаций с милитаристами, погруженный в организацию военного похода против северных милитаристов, Сунь Ят-сен мало занимался дальнейшей разработкой и совершенствованием своей аграрной концепции. Интерес к ней появился снова в период реорганизации гоминьдана, когда Коминтерн поставил перед последним задачу расширения массовой базы национально-революционного движения.

В августе 1923 г. по приглашению Сунь Ят-сена в Гуанчжоу приехал М. Бородин, занявший пост верховного политического советника при гоминьдане. Уже в первых беседах с руководителями гоминьдана он обратил их внимание на аграрную проблему, предложив выдвинуть лозунг уравнительного передела земли и улучшения жизни рабочего класса [195, 775]. Ознакомившись же с положением гоминьдана, М. Бородин увидел его слабость в том, что у него не было классовой опоры, что крестьяне Гуандуна не поддерживают его вооруженной борьбы против милитаристов. Войска, подчиненные гоминьдану, наталкивались на такое же враждебное отношение крестьян, как и милитаристские армии. Выступая 13 ноября 1923 г. на совещании гоминьдановских руководителей, М. Бородин предложил издать

закон о конфискации помещичьей земли и передаче ее крестьянам.

«Думаете ли вы,— говорил М. Бородин,— что вашей веры в великое будущее Китая достаточно, чтобы заставить гуандунских крестьян идти вам навстречу? Половина крестьян обрабатывает крошечное поле в неслыханно тяжелых условиях. Им приходится платить высокую арендную плату помещикам и высокие налоги правительству для ведения какой-то совершенно для них непонятной и, по их мнению, ненужной войны. Вы до сих пор ничего не сделали для того, чтобы прийти на помощь крестьянам, и тем самым лишились одного из важнейших оплотов партии. Правительство должно немедленно издать декрет о наделении землей гуандунских крестьян. Мы не будем сейчас останавливаться на деталях этого декрета, но в нем должно быть ясно указано, что земля помещиков будет конфискована в пользу крестьян, фактически ее обрабатывающих; что государственные налоги на эту землю будут иметь в виду развитие крестьянского хозяйства, а не уничтожение. Вам предстоит собрать возможно большее число членов партии и на велосипедах, мотоциклах, сампанах, автомобилях двинуться к крестьянам с этим декретом» [124, 38—39] [28].

Предложение верховного советника ошеломило гоминьдановцев, и не думавших о такой радикальной мере. Посягательство на права земельных собственников казалось им неслыханным и немыслимым. По их мнению, политика гоминьдана вовсе не была направлена против землевладельцев. Противники реорганизации гоминьдана вообще были обеспокоены выпячиванием принципов народовластия и народного благосостояния и якобы имевшим место отходом от принципа национализма.

Большинство гоминьдановских деятелей высказывались за умеренный, сугубо осторожный подход к методам решения аграрной проблемы.

В конечном итоге гоминьдановские руководители соглашались выступить с требованием о снижении аренд-

---

[28] Речь М. Бородина, наполненная революционным пафосом, свидетельствовала о незнании им расстановки сил в гоминьдане, реальных возможностей Сунь Ят-сена, о плохом представлении об уровне крестьянского сознания.

ной платы на 25% и разрешить организацию в Гуандуне крестьянских союзов [195, 775].

Сунь Ят-сен, который вначале склонялся к принятию предложений М. Бородина (или делал вид, что согласен с ними), переменил свое мнение, сославшись на отрицательные позиции своих товарищей по партии.

Бородину Сунь Ят-сен разъяснил: «Я по-прежнему согласен провести в жизнь декреты о социальном законодательстве для рабочих и об облегчении положения мелкой буржуазии. Что же касается декрета о земле, я предлагаю сначала связаться с крестьянством и выяснить его нужды, а главное, создать группу пропагандистов для разъяснения этого декрета крестьянам...» [124, 43].

Не было принято и предложение М. Бородина о создании общественных фондов за счет земель крупных землевладельцев и тех собственников, которые не работают на земле, а занимаются торговлей или являются государственными служащими и обирают крестьян при помощи денежной или натуральной ренты.

М. Бородин в выступлениях на заседаниях комиссии по подготовке I конгресса гоминьдана доказывал, что государство должно оказать помощь крестьянству в создании сети оросительных каналов, освоении новых земель и т. д. Он говорил, что, хотя эти мероприятия, возможно, не понравятся некоторым членам гоминьдана, они будут с радостью приняты лучшими людьми партии и послужат базой для развертывания агитации и пропаганды в массах [см. 124, 58—59]. Это предложение Бородина также показалось гоминьдановцам слишком радикальным. Сунь Ят-сен, присутствовавший на этом заседании, не поддержал своего советника.

В Манифесте гоминьдана, принятом на I конгрессе, принципы аграрной политики были изложены следующим образом: «Основная причина неравенства в экономической организации порождается тем, что землей владеет небольшое число людей. Поэтому государству следует ввести земельный закон — закон о землепользовании, о налоговом обложении, о зависимости размера налога от цены на землю. Цену на землю, находящуюся в частной собственности, определяют ее владельцы и доводят до сведения правительства. Государство взимает налог согласно объявленной цене, а в слу-

чае необходимости по той же цене выкупает землю. Вот в чем основной смысл уравнения прав на землю» [119, 407].

И далее: «Гоминьдан считает, что крестьян, которые из-за нехватки земли превратились в арендаторов, государство должно наделить землей и оказывать им помощь в ее обработке; оно должно упорядочить систему ирригации и заселить пустующие окраинные районы» [119, 407—408].

В этом пункте нашли свое отражение советы М. Бородина о помощи крестьянам. Но его четкие и ясные предложения представлены в Манифесте в достаточно туманной форме. Говорилось о наделении арендаторов землей, но не определялось, откуда взять эту землю и на каких условиях будет производиться распределение земли среди безземельных или малоземельных крестьян-арендаторов. В Манифесте имелись фразы об улучшении жизни крестьян, об избавлении крестьян от ростовщического ига. Но в общем он не был обращен к крестьянам, не учитывал их реальных требований. В целом Манифест не предлагал программы революционного решения аграрной проблемы. Не был направлен он и на мобилизацию крестьянских масс на революционную борьбу во имя коренной ломки старых производственных отношений.

Сунь Ят-сен и другие гоминьдановцы стремились избежать обострения классовой борьбы в деревне. Они вели курс на постепенное преобразование земельных отношений административными мерами сверху, с помощью соответствующих законодательных актов. Крестьянское движение они допускали при условии сохранения в своих руках полного контроля над формами и темпами его развития.

Сунь Ят-сен признавал правильность проведения аграрных преобразований в России, необходимость ликвидации крупных помещиков и раздела земли между крестьянами. Он говорил, что в России после революции применен «самый справедливый метод разрешения земельного вопроса. Осуществляя революцию, мы должны воспринять этот справедливый русский метод и сделать так, чтобы каждый пахарь получил свое поле. Только в этом случае революцию можно считать завершенной. Если же в результате революции пахарь не получит

земли и ежегодно будет платить арендную плату, то такую революцию нельзя будет считать доведенной до конца» [119, 492].

Соглашаясь с принципом «Земля тому, кто ее обрабатывает», Сунь Ят-сен в то же время был против его немедленного проведения в жизнь. «Если мы без предварительной подготовки,— говорил он,— последуем радикальному русскому методу, немедленно конфискуем всю землю и передадим ее крестьянам, то... мелкие собственники обязательно окажут нам сопротивление. И если даже наша революция временно будет иметь успех, позже эти мелкие землевладельцы неизбежно начнут свою революцию» [119, 492] [29].

Опасаясь возникновения конфликта в деревне, Сунь Ят-сен предлагал следующий путь постепенного решения проблемы освобождения крестьян: развертывание работы по повышению сознательности крестьян, организации их в союзы, сотрудничество крестьян с правительством и помещиками в урегулировании аграрных отношений. «Если бы удалось удовлетворить интересы первых, не нанося ущерба вторым, мирный путь разрешения вопроса был бы обеспечен» [119, 493—494],— говорил Сунь Ят-сен.

По его мнению, не только помещики, но также рабочие и купцы притесняли и эксплуатировали китайское крестьянство. Избавиться от этого гнета крестьяне могут только тогда, когда между ними и правительством будет установлено тесное сотрудничество. Без этого, говорил Сунь Ят-сен, выступая в августе 1924 г. перед слушателями курсов руководителей крестьянского движения, «они не смогут освободиться от гнета со стороны купцов и рабочих. Именно с помощью правительства крестьяне могут занять первостепенное положение в обществе и стать хозяевами. Крестьяне сначала должны объединиться в рамках волости, уезда и т. д. И тогда правительство сможет лучше и эффективнее поддерживать крестьян в борьбе против притеснения купцов и рабочих» [187, 1838].

Работа по объединению крестьян должна быть, по

---

[29] Сунь Ят-сен отрицал наличие в Китае крупных помещиков. К мелким землевладельцам он относил интеллигенцию, рабочих и купечество.

мысли Сунь Ят-сена, первым этапом. Вторым же будет борьба за интересы крестьян. Эту борьбу он предлагал вести следующим образом: крестьяне, объединенные в союзы, выбирают представителей для доклада правительству, которое и возьмет на себя руководство работой по осуществлению задач второго этапа. Если же решать эти задачи до объединения крестьян, то последние не смогут добиться успеха. Купцы и землевладельцы не позволят им объединиться. «Поэтому,— повторял Сунь Ят-сен,— вы должны сперва объединиться, и только после этого можно будет бороться за свои интересы» [187, 1839].

Окончательное решение аграрного вопроса Сунь Ятсен и его единомышленники предлагали отложить до победы национальной революции [30].

Выступая на этих же курсах руководителей крестьянского движения, ближайший соратник Сунь Ят-сена Ляо Чжун-кай подчеркивал огромное значение крестьянского движения для завоевания успеха в национальной революции. Он говорил: «Если крестьяне не прозреют и не сплотятся под знаменем нашей партии (гоминьдана.— *Л. Д.*), то нечего и говорить об успехе революции» [184, 169].

Ляо Чжун-кай призывал своих слушателей помочь крестьянам осознать связь между их интересами и интересами национальной революции. Причиной упадка сельского хозяйства и ухудшения жизни народа в Китае он считал империалистическую агрессию. Китайские крестьяне страдают от сложившегося международного разделения труда, поскольку промышленные государства, используя торговлю, превратили аграрные страны в источник больших прибылей. Страдает крестьянство и от роста городов, где жизнь более привольная, чем в деревнях. Ляо Чжун-кай подводил своих слушателей к выводу, что без борьбы против империалистической буржуазии нельзя ни облегчить страданий китайского народа, ни добиться процветания государства и народа. Но интересы борьбы с империализмом требуют предварительного ведения войны против китайских генералов-

[30] Цюй Цю-бо замечал, что Сунь Ят-сен, возглавляя Гуанчжоуское правительство, экономически зависел от помещиков и потому был против аграрной революции [192, 35].

милитаристов. Ляо Чжун-кай считал, что главной пружиной крестьянского движения должен стать международный вопрос — вопрос национальной революции, а не чисто внутренний вопрос отношений между крестьянами и помещиками.

Ляо Чжун-кай добивался мобилизации сил крестьянства против империализма и китайских милитаристов, называя их главными врагами всей нации, а следовательно, и крестьянства, составляющего подавляющее большинство населения Китая. Поскольку империалистическая агрессия объявлялась главной причиной тяжелого положения китайских крестьян, то всю агитационно-массовую работу в деревне необходимо подчинять задачам не социальной, классовой, а национально-освободительной борьбы, т. е. борьбы против иностранных угнетателей и их агентуры — китайских милитаристов. Все надежды на улучшение своего положения крестьянство должно, по его мнению, связывать с успешным исходом национальной революции, поскольку именно победа над империалистической буржуазией принесет ему облегчение [см. 184, 171—174].

Таким образом, Ляо Чжун-кай, как и другие гоминьдановцы, уходил от рассмотрения социальной сущности аграрного вопроса как проблемы, связанной с необходимостью развертывания борьбы против средневековых порядков в китайской деревне, за ликвидацию помещичьего землевладения. Вопрос о разрешении классовых противоречий между крестьянством и помещиками отодвигался им на задний план.

Мысли Сунь Ят-сена Ляо Чжун-кай излагал также в своем выступлении в 1924 г. перед крестьянами уезда Чжуншань (Гуандун). Он указывал, что крестьяне, чтобы спасти себя, должны полагаться в первую очередь на собственные силы, а не на армию и правительство. Но в этой речи Ляо Чжун-кай вообще обошел молчанием вопрос о том, кто является врагом крестьян и от кого они должны спасаться. Он ни слова не сказал ни о помещиках, ни об империалистах [184, 175—178].

Наконец, в наиболее полном, законченном и отчетливом виде взгляды Сунь Ят-сена по аграрно-крестьянскому вопросу изложены в некоторых из его «Лекций о трех народных принципах», прочитанных в августе 1924 г.

В них Сунь Ят-сен отвергал мысль о возможности осуществления идей социализма в Китае в имеющихся условиях (тем более, что неизвестно, какую из множества разновидностей социалистических теорий следует считать правильной [186, 769]) [31]. Что же касается марксистского социализма, то, по мнению Сунь Ят-сена, ход общественно-исторического процесса не подтвердил правильности этой теории.

Он считал, что разработанный им принцип народного благосостояния является более всеобъемлющим, более соответствующим законам социального исторического развития, чем марксистский социализм. Китай мог прийти к обществу народного благосостояния путем применения двух способов — уравнения прав на землю и ограничения (регулирования) капитала [см. 186, 788].

Разъясняя принцип народного благосостояния, который, по его мнению, был ключом к коренному решению социальных проблем, Сунь Ят-сен затрагивал вопрос о классовой структуре китайского общества. По Сунь Ят-сену, в китайском обществе отсутствует сословие крупных богачей: это общество общей бедности. Когда сами китайцы говорят о неравенстве между бедными и богатыми, они имеют в виду различие в степени бедности: большая бедность и малая бедность. Даже наиболее крупные капиталисты Китая выглядят мелкими бедняками по сравнению с иностранными капиталистами. Отсутствовало, по его мнению, социальное неравенство, классовые различия и в китайской деревне. И там, хотя и в разной степени, все были поголовно бедными. Помещики — это продукт феодальной системы. Но если Европа до сих пор не порвала с феодализмом, то Китай уже две тысячи лет назад покончил с феодальным строем. Однако, вследствие неразвитости промышленности и торговли, социальные условия остались прежними. Крупные помещики исчезли, остались мелкие помещики, которые в большинстве районов Китая не притесняют людей.

Таким образом, не в существовании помещичьего строя, не в феодальной системе землевладения усматривал Сунь Ят-сен сущность земельного вопроса. Глав-

---

[31] Сунь Ят-сен ссылается на почерпнутое на Западе мнение о существовании 57 разновидностей социализма.

ным для него, как и раньше, являлся рост цен на землю в городах в результате экономического влияния Европы и Америки, а затем и экономического развития городов (Гуанчжоу, Шанхая). Помещики (а вернее, землевладельцы), считал он, становятся богачами именно благодаря развитию экономики и связанному с этим росту цен на землю.

Предметом внимания Сунь Ят-сена являются в первую очередь не аграрные отношения в деревне, а земельная проблема в растущих приморских городах Китая. Но предлагаемые им меры для разрешения этой проблемы Сунь Ят-сен считает возможным применить для разрешения аграрного вопроса во всем Китае — и городском, и сельском.

Несправедливый характер аграрных отношений Сунь Ят-сен видит в том, что цены на землю растут благодаря усилиям всего общества, благодаря деятельности торговцев и промышленников, а выигрывают от этого только землевладельцы, те, кто палец о палец не ударил для увеличения национального богатства. Уравнение прав на землю — установление твердой цены на нее и введение налога в соответствии с этой ценой — и должно, по его мысли, положить конец подобной несправедливости и расчистить путь для осуществления принципа народного благосостояния.

Какой метод избирает Сунь Ят-сен для воплощения в Китае своих идеалов? Он не разделял марксистское учение о классах и классовой борьбе и был твердо уверен, исходя из убеждения об отсутствии социального неравенства в Китае и китайской деревне, в непригодности методов классовой борьбы. Он считал, что с помощью «методов Маркса нельзя разрешить социальных проблем Китая» [186, 802]. Сунь Ят-сен высмеивал тех молодых китайских интеллигентов, которые выступали за применение марксистских методов для разрешения социально-экономических проблем Китая. По его мнению, они не понимали, что «сегодня Китай страдает от бедности, а не от неравенства» [186, 803]. Сунь Ят-сен считал возможным изучать идеи Маркса, но не применять его методы. Он в принципе категорически отвергал революционный метод решения социально-экономических проблем, так как революция способна решать лишь политические, но не социальные или экономические про-

блемы. «За шесть лет, прошедших после русской революции,— писал он,— мы убедились, что, применяя революционные методы, там разрешили только политические проблемы. Использование революционных методов для разрешения политических проблем в России можно признать успешным. Однако нельзя сказать того же самого о применении революционных методов для решения экономических проблем» [186, 788].

Эффективного и совершенного метода разрешения аграрного вопроса, считал Сунь Ят-сен, ни в Европе, ни в Америке найти нельзя. Но Китай на основе принципа народного благосостояния способен решить эту проблему и решить ее сейчас, ибо «если дожидаться развития промышленности и торговли, то разрешить ее будет... невозможно» [186, 798]. Именно в различии методов, применяемых для решения социальных проблем, и состоит, по мнению Сунь Ят-сена, разница между принципом народного благосостояния и социализмом Маркса.

Уравнение прав на землю легко осуществимо, поскольку хотя китайские помещики и боятся уравнения прав на землю, но все они мелкие и не располагают большой силой. Кроме того, считал Сунь Ят-сен, у помещиков нет оснований для страха. Земля будет выкупаться у них в соответствии с ценой, которую определят они сами. Поскольку дата выкупа не будет названа заранее, а правительство будет взимать с них налог в соответствии с ценой земли, то помещики сами будут заинтересованы в установлении правильной цены на землю, чтобы не платить излишних налогов. Это избавит правительственные органы от лишних хлопот. Если помещик завысит цену земли, то он понесет ущерб при уплате налога, если занизит, то потеряет, когда закон обяжет его продать землю. Такой метод казался Сунь Ят-сену самым простым и самым эффективным, требующим минимума усилий со стороны правительства. Это был, по его мнению, и наиболее справедливый метод, поскольку он учитывал интересы и государства, и землевладельца. Ведь в Китае самыми крупными капиталистами, т. е., по Сунь Ят-сену, людьми, имеющими самые высокие доходы, являются лишь помещики, а поэтому уравнение прав на землю и ограничение капитала в целях разрешения земельного вопроса будет

очень легким делом. Разрешение таким методом аграрной проблемы будет означать осуществление принципа народного благосостояния на пятьдесят процентов [см. 186, 800, 801].

Земельный вопрос рассматривался Сунь Ят-сеном главным образом сквозь призму решения проблемы индустриализации страны. Земля была необходима для строительства фабрик и заводов, прокладки железных и шоссейных дорог. Рост производительных сил сельского хозяйства зависел, по его мнению, не столько от преобразования социально-экономических отношений в деревне, сколько от внедрения агротехнических новшеств, развития просвещения в деревне, использования достижений сельскохозяйственной науки, применения машин и механизмов.

Отрицая наличие классов и социального неравенства в китайской деревне, Сунь Ят-сен вместе с тем не мог при рассмотрении аграрного вопроса не коснуться условий жизни крестьян, которые, по его словам, страдают от несправедливого раздела урожая. Помещик забирает больше половины зерна, собранного тяжелым трудом крестьян. 90% крестьян не имеют земли, они вынуждены обрабатывать поля, принадлежащие другим, и отдавать им больше половины урожая. Сунь Ят-сен считал такое положение несправедливым, ведущим к снижению производственной активности крестьян. Он выступал за освобождение крестьян посредством осуществления лозунга «Земля тому, кто ее обрабатывает» [186, 810]. Однако он воздерживался от разъяснения конкретных, практических методов претворения в жизнь этого лозунга. Больше внимания он уделял вопросам повышения продуктивности сельскохозяйственного производства.

Сунь Ят-сен называл семь способов увеличения производства сельскохозяйственных продуктов: 1) применение машин; 2) использование удобрений; 3) селекция семян; 4) борьба с сельхозвредителями; 5) организация переработки сельскохозяйственных продуктов; 6) развитие путей сообщения; 7) борьба против стихийных бедствий [см. 186, 811].

Все это, вместе взятое, должно было, по его мнению, обеспечить значительный рост урожайности китайских полей, разрешить продовольственную проблему Китая без изменения земельных отношений.

Аграрная программа Сунь Ят-сена не была строго последовательной и определенной. Она была основана на неверном анализе характера социальных отношений в китайском обществе и в китайской деревне, а также на ошибочном представлении о перспективах развития Китая.

Взгляды Сунь Ят-сена весьма противоречивы. Он считал несправедливым сохранение такого порядка, когда безземельный крестьянин должен был отдавать большую часть плодов своего труда тунеядцу-помещику, и признавал необходимость изменения такого порядка. В то же время он отказывался видеть социальные противоречия в китайской деревне, не признавал разделения общества на классы. Выдвинутый им лозунг «Земля тому, кто ее обрабатывает» нес в себе огромный революционный заряд, он мог поднять крестьянские массы Китая на решительную борьбу и принести гибель помещичьему строю. Но Сунь Ят-сен был противником разжигания социальных конфликтов. Он не был сторонником революционного способа разрешения земельного вопроса, предпочитая осторожный, постепенный подход, стремясь не обижать помещиков, не причинять им несправедливого ущерба.

Незавершенность аграрных теорий Сунь Ят-сена, их неопределенность, непоследовательность и противоречивость создавали объективные предпосылки для различной их трактовки. Коммунисты подчеркивали революционные стороны его учения, выделяли из него те положения, которые способствовали подъему крестьянского движения против помещичьего гнета. Они брали на вооружение его знаменитый лозунг «Земля тому, кто ее обрабатывает». Коммунисты отмечали сходство принципа народного благосостояния с положениями научного социализма. В учении Сунь Ят-сена они подчеркивали те его стороны, которые сближались с идеями социализма. Они использовали заявление самого Сунь Ят-сена о том, что «коммунизм — это друг принципа народного благосостояния», что «коммунизм нельзя осуществить в Китае сегодня, его можно осуществить в будущем» [186, 800].

Реакционные и умеренные гоминьдановцы использовали непоследовательность Сунь Ят-сена в антинародных целях. Его учение они истолковывали в духе защиты помещичьих интересов. Опираясь на соответствую-

щие места его учения, они настаивали на мирных, постепенных методах решения земельной проблемы, оттягивали проведение в жизнь лозунга «Земля тому, кто ее обрабатывает».

Суньятсеновскую критику марксистской теории классов и классовой борьбы они использовали для нападения и на марксизм, и на коммунистическую партию. Ссылаясь на авторитет Сунь Ят-сена, реакционные элементы гоминьдана выступали за сдерживание крестьянского движения, за отсрочку решения земельного вопроса по крайней мере до тех пор, пока не будут выполнены задачи национальной революции. Они старались притупить остроту земельного вопроса в Китае, стремились не допустить ликвидации помещичьей собственности на землю, ссылаясь на заявление Сунь Ят-сена об отсутствии в Китае крупных помещиков.

Короче говоря, отталкиваясь от аграрных теорий Сунь Ят-сена, можно было идти влево, по пути революционной ломки аграрных отношений, уничтожения феодально-помещичьей системы землевладения и землепользования, и можно было оставаться на месте или идти вправо, по пути сохранения существующих порядков или их постепенного преобразования путем куцых и половинчатых реформ, с тем чтобы не наносить серьезного ущерба землевладельцам.

Компартия Китая и крестьянское движение в провинции Гуандун до движения «30 мая» 1925 г.

После присоединения к гоминьдану коммунисты, занявшие посты в крестьянском отделе ЦИК гоминьдана, активно участвовали в организации крестьянского движения. Лозунги Сунь Ят-сена о поддержке рабочих и крестьян предоставляли им относительно широкий простор для развертывания работы среди народных масс, которую они вели от имени гоминьдана и под его знаменем. Их настойчивость способствовала активизации усилий гоминьдана по привлечению на свою сторону крестьянства. Деятельность коммунистов отвечала военно-политическим целям гоминьдана, но они формально обязаны были подчиняться политическим установкам гоминьдана, проводить их в жизнь и при всей своей

активности и энергии не могли выйти из рамок, поставленных гоминьдановской программой.

Впрочем, поскольку они сами принимали участие в формировании политики гоминьдана, то вопрос о проведении иной линии был весьма проблематичен.

Во время подготовки к I конгрессу гоминьдана при обсуждении предложений М. Бородина по аграрному вопросу позиция коммунистов мало чем отличалась от умеренной позиции гоминьдановцев.

Но было бы неправильным утверждать, что Компартия Китая после вступления в гоминьдан являлась лишь послушным исполнителем указаний гоминьдановского руководства. Коммунисты стремились сами оказать влияние на формирование политики гоминьдана, и с помощью политических советников из Советского Союза они добивались определенных успехов. Представители КПК принимали активное участие в составлении уже упоминавшегося Манифеста, определенную роль сыграли они и в опубликовании в июле 1924 г. «Первой декларации о крестьянском движении», в которой правительство Сунь Ят-сена призывало крестьян объединяться в крестьянские союзы и создавать отряды самообороны [см. 101, 148].

Для организации последних, согласно Декларации, требовалось разрешение правительственных органов. В них могли вступать лишь члены крестьянского союза. Отряды самообороны могли действовать только в пределах своего села.

Крестьянским союзам Декларация не предоставляла административной власти, но они получали право давать рекомендации правительству об увольнении в отставку продажных чиновников. Запрещалось принимать в союз владельцев 100 и более му земли, угнетателей крестьян, людей, связанных с империалистами, и тех, кто курил опиум или играл в азартные игры. Цели и задачи крестьянских союзов не должны были противоречить трем народным принципам [101, 150].

Главные же свои усилия коммунисты сосредоточивали на организационной работе внутри гоминьдана. В. И. Глунин совершенно правильно отмечает, что «организаторская работа КПК в гоминьдане в начале 1924 г. поглощала практически все силы партии (ее численность тогда не превышала 500 человек), отвлекала ее от

решения своих собственных классовых задач» [136, 267]. Коммунисты отдавали много энергии созданию местных гоминьдановских ячеек, закреплению в них своего влияния и контроля, налаживанию политической работы в Национально-революционной армии. Компартия Китая способствовала укреплению позиций суньятсеновского правительства в провинции Гуандун.

Последнее было сформировано в Гуанчжоу в результате победы сблокировавшихся между собой юньнаньских и гуансийских генералов над гуандунским милитаристом Чэнь Цзюн-мином. Но, вручив номинально власть Сунь Ят-сену и согласившись именовать его генералиссимусом (даюаньшуай), эти генералы склонны были ему подчиняться только тогда, когда это не противоречило их интересам. Тем более не торопились они отдать под его контроль денежные средства, собираемые ими с населения провинции.

Военно-политическая ситуация в Гуандуне была как бы сколком с положения в масштабах всей страны. Реальная власть правительства Сунь Ят-сена не простиралась вначале дальше городских стен Гуанчжоу. К началу 1925 г. оно контролировало лишь одну треть провинции, да и то лишь постольку, поскольку этому не препятствовали местные власти. Генералы, на словах признавая авторитет Сунь Ят-сена, на деле вели себя как самостоятельные царьки, продолжая грабить население и пополнять свои сундуки. Они лицемерно заявляли о принятии трех народных принципов, а фактически противились их осуществлению. Сунь Ят-сен был вынужден терпеть их произвол, он даже пошел на то, чтобы включить этих генералов в ЦИК гоминьдана, надеясь обуздать их. Но эта мера не способствовала перевоспитанию генералов.

В этих условиях первоочередной задачей правительства Сунь Ят-сена было объединение провинции Гуандун под единой властью. Военное решение этой проблемы — ликвидация враждебных генеральских клик — должно было дополняться и подкрепляться борьбой против реакционной власти местных чиновников и помещиков. Советские советники предлагали Сунь Ят-сену провести ряд мероприятий по улучшению жизни рабочих и крестьян, чтобы укрепить и расширить социальную базу революционного правительства. Коммунисты и ле-

вые гоминьдановцы поддерживали эти предложения, но против них резко выступали правые элементы гоминьдана, боявшиеся роста политической активности трудящихся масс.

Компартия Китая не переставала призывать гоминьдановское руководство повернуться лицом к рабочим и крестьянским массам, развивать, а не сковывать их политическую активность в национально-революционном движении. Коммунисты требовали, чтобы гоминьдан как революционная партия стал выразителем интересов всех низших классов китайского общества. «В каждой стране революция является акцией протеста низов (плебса) против верхов,— писал Цюй Цю-бо,— поэтому революционная партия должна стать партией, представляющей интересы низших классов. Кроме того, революционная организация всегда должна иметь резерв из низов» [248, 424]. По его мнению, такой резерв образуют, как подсказывает опыт социалистических партий Европы и Америки, организации рабочих и крестьян. Что же касается русской компартии, то ее организации целиком состоят из рабочих и крестьян. Цюй Цю-бо требовал от гоминьдана равнения на народные массы, а не на высшие слои общества, усиления борьбы за интересы простых людей, составляющих большинство нации.

Те же мысли в статье «Гоминьдан и движение трудящихся» развивал Чэнь Ду-сю. Он писал, что из принципа народного благосостояния вытекает задача заботиться, хотя бы в малой степени, об интересах рабочих и крестьян, об улучшении их жизненного положения [см. 272].

Чэнь Ду-сю опровергал доводы правых гоминьдановцев, которые считали, что поскольку гоминьдан является партией сотрудничества всех классов, то активная помощь трудящимся классам приведет к посягательству на интересы буржуазии. Он доказывал, что гоминьдан должен представлять интересы трудящихся. Игнорируя эти интересы, не помогая трудовому народу, гоминьдан может лишиться его поддержки и превратиться в чисто буржуазную партию. Разбирая отношение различных классов к революции, генеральный секретарь ЦК КПК подчеркивал, что низшие классы (рабочие и крестьяне) обладают наибольшим революционным боевым духом и именно они могут обеспечить успех в движении за ос-

вобождение китайской буржуазии, за освобождение всей китайской нации.

Ведя борьбу против правых в гоминьдане, коммунисты обвиняли их в склонности к соглашательству, в отсутствии у них революционного духа и даже в отходе от национализма [271, 495]. В спорах с правыми гоминьдановцами коммунисты отстаивали и свое право вести работу среди рабочих и крестьян и защищать в гоминьдане их классовые интересы [см. 268].

Правые гоминьдановцы и генералы, поддерживавшие Сунь Ят-сена, придерживались традиционных, привычных взглядов о всесилии оружия. Для них сила власти измерялась количеством войска. Рабочему и крестьянскому движению они не придавали большого значения и не очень учитывали его в своей политической игре. Проводимая коммунистами линия на развязывание политической активности масс тревожила и озлобляла их. Коммунисты же, естественно, опасались усиления военных, они боялись появления новых милитаристов и в активности рабочих и крестьян видели тот противовес, который сможет установить выгодное для развития революции соотношение сил.

Летом — осенью 1924 г. отношения между гоминьдановцами и коммунистами, постепенно обостряясь, накалились до предела. Руководство КПК поставило даже вопрос о разрыве с гоминьданом и о выходе из него коммунистов. Линия на прекращение сотрудничества находила свое выражение в статьях Чэнь Ду-сю и Пэн Шу-чжи, направленных против военной деятельности гоминьдана [см. 136, 271—275]. В то же время в этих статьях содержались правильные мысли о необходимости шире и решительнее опираться на рабоче-крестьянские массы, без активного участия которых революция утратила бы свое демократическое содержание и либо окончилась бы поражением, либо остановилась бы на полпути.

Призывая гоминьдан шире опираться на трудово народ, поддерживать его требования и защищать его интересы, китайские коммунисты сами пытались усилить агитационную и организаторскую работу в массах, и особенно в крестьянских. Вся сельская работа КПК в тот период была сосредоточена в Гуандуне. На другие провинции Китая она мало распространялась. Это объяс-

нялось отсутствием достаточного количества кадров, а также тяжелыми политическими условиями. Без поддержки или хотя бы нейтрального отношения местных властей наладить работу по просвещению и организации крестьян и придать этой работе массовый характер практически было невозможно.

В Гуандуне же, несмотря на противодействие правых деятелей гоминьдана и генералов, крестьянское движение постепенно расширялось. Оно проходило главным образом под лозунгом поддержки крестьянством национальной революции. Гоминьдановское руководство не чинило особых препятствий патриотической агитации среди крестьян, но болезненно реагировало на попытки добиться улучшения их положения, отвергало требования о снижении арендной платы и ограничении помещичьего произвола. Гоминьдан добивался от рабочих и крестьян отказа от своих классовых интересов, мотивируя это общенациональными интересами. Рабочие и крестьяне должны были положить на алтарь национальной свободы свои жертвы, не получая ничего взамен. Между тем опыт Пэн Бая ясно свидетельствовал, что для пробуждения крестьянства и активизации его участия в политической борьбе одних только патриотических призывов недостаточно. Крестьянство не проявляло горячего стремления участвовать в национальной революции и даже, по мнению отдельных коммунистов, враждебно относилось к ней [см. 298]. Ведь война увеличивала и без того тяжелое бремя крестьян.

Компартия стремилась шире привлечь к работе в деревне студенческую и школьную молодежь. Но городские студенты не всегда оказывались в состоянии найти общий язык с крестьянами, среди которых они должны были вести революционную агитацию. Они плохо знали жизнь крестьян, их психологию, их обычаи. Журнал «Чжунго циннянь», призывая студентов, молодых интеллигентов к сближению с крестьянскими массами, советовал, «приезжая в деревню, не начинать сразу с разговоров о революции, протесте» [298, 11], а прежде всего самим изучить жизнь крестьян. Рекомендовалось ведение задушевных бесед с крестьянами, оказание им практической помощи, осторожное отношение к деревенским обычаям и нравам, учет психологии крестьян. Журнал советовал не осуждать их суеверий, этических норм,

беседы вести на простом, доступном языке, не употреблять непонятных терминов и выражений; устанавливать с крестьянами личные связи, помогать им писать письма, составлять контракты, обучать их чтению, пению, кулачному бою, физкультуре; подробно и объективно изучать страдания и нужды крестьян, чтобы выяснить, какие лозунги производят на них наиболее сильное впечатление [см. 298].

Центром работы в гуандунской деревне стал крестьянский отдел ЦИК гоминьдана, где коммунисты занимали ключевые позиции (начальником секретариата был Пэн Бай). При отделе были открыты курсы, готовившие организаторов крестьянского движения [см. 96, 7—8]. Крестьянский отдел ЦИК гоминьдана рассылал в различные районы Гуандуна своих уполномоченных, пропагандировавших в деревнях аграрную политику гоминьдана и помогавших в организации союзов [см. 96, 36][32].

Курсами крестьянского движения руководили фактически коммунисты, которые разъясняли слушателям три народных принципа, цели и задачи национальной революции, читали лекции об аграрном и крестьянском вопросе, о методах пропагандистской работы. На курсах было организовано и военное обучение слушателей [см. 126, 144—145].

С помощью слушателей и выпускников курсов руководители КПК, непосредственно занимавшиеся крестьянским движением, собирали богатый конкретный материал о земельных отношениях в различных районах Китая, о формах помещичьей эксплуатации, об уровне крестьянского сознания. Крестьянский отдел выпускал ежемесячный журнал «Чжунго нунминь» и еженедель-

---

[32] В корреспонденции, помещенной в органе Международного Крестьянского Совета — журнале «Крестьянский Интернационал», сообщалось: «Крестьянские организации существовали в провинции Гуандун и раньше, но они носили чисто местный характер. Только после опубликования крестьянским отделом ЦИК гоминьдана устава крестьянских союзов и создания в Кантоне крестьянской школы крестьянское движение начинает принимать организованную форму, превращаясь в могучий фактор революционного развития Китая. Несмотря на неоднократные разгромы крестьянских организаций со стороны помещиков, поддерживаемых правым крылом гоминьдана, крестьянское движение при содействии революционных элементов партии гоминьдан с каждым днем развивается и крепнет» [147, 34].

ник «Нунминь юньдун», издавал серию популярных брошюр по аграрно-крестьянскому вопросу [см. 96, 9].

В этих условиях острой борьбы с правыми в гоминьдане, стимулировавшей сектантские настроения, и развертывания массовой работы среди трудящихся, порождавшей определенные иллюзии, в январе 1925 г. состоялся IV съезд Коммунистической партии Китая, на котором был взят курс на усиление пролетарского руководства национально-революционным движением.

Руководители КПК, не считаясь с объективными условиями и субъективными возможностями (в КПК к этому времени насчитывалось менее 1000 членов), поставили вопрос о завоевании пролетариатом гегемонии в революции. «Национально-революционное движение может добиться победы только тогда, когда в нем примет энергичное участие и при этом займет руководящее положение самый революционный класс — пролетариат» [64, 20],— говорилось в резолюции о национально-революционном движении.

Съезд и переоценивал зрелость, уровень движения народных масс, и недооценивал силы милитаристов, заявляя, что настал час их политического краха. В резолюции по докладу ЦК КПК утверждалось, что «рабочее движение стало основой национального движения в Китае», «центром развития национального движения» [64, 9]. Рост национального движения ставился в прямую зависимость от роста рабочего движения. «Классовая борьба ускоряет ход национального движения, а национальное движение в свою очередь усиливает классовую борьбу»,— заявлял съезд. Ссылаясь на опыт Гуандуна, съезд приходил к заключению, что по мере подъема национального движения обостряется борьба между буржуазией и рабочим классом [64, 10].

Такое заключение было не только преждевременно, оно таило в себе серьезную опасность подрыва единого фронта с буржуазией. Оно вновь показывало, что руководители КПК явно тяготятся своим пребыванием в гоминьдане, хотя именно благодаря вступлению в гоминьдан и использованию авторитета Сунь Ят-сена они смогли включиться в активную политическую жизнь в рамках национально-демократического движения [33]. Это

---

[33] Это признавалось и в документах съезда [см. 64, 23].

движение не ставило, да и не могло ставить своей задачей борьбу против национальной буржуазии, представители которой возглавляли его.

Заявление IV съезда КПК о том, что, участвуя в национальном движении, пролетариат борется не только за свержение империалистического гнета, не только против иностранной, но и против отечественной буржуазии, вряд ли могло содействовать укреплению сотрудничества между КПК и гоминьданом. Это заявление свидетельствовало о сохранении у руководителей КПК намерения придать общенациональному, общедемократическому движению пролетарский, социалистический характер, что было и нереально, и опасно для самих коммунистов.

Такое забегание вперед, завышение уровня движения, преувеличение степени классовой организованности и сознательности рабочего класса вытекало из ошибочной оценки соотношения классовых сил в стране, преувеличения своих способностей и возможностей, а также из глубоко укоренившегося у руководителей КПК традиционного для Китая представления о том, что захват политической власти — это главная цель, достижение которой поможет решить одним махом все социально-экономические проблемы независимо от того, имеются ли объективные условия для этого.

Правильно отмечая склонность китайской буржуазии к соглашательству с врагами революции, китайские коммунисты своими преждевременными домогательствами на гегемонию лишь усиливали у правых лидеров гоминьдана подозрительность, стремление контролировать действия коммунистов и особенно их работу в армии и среди рабочих и крестьян.

Рассматривая позиции различных классов китайского общества в национальном движении, IV съезд зачислял помещиков и компрадоров в разряд буржуазии, в ее контрреволюционное крыло. Новая промышленная буржуазия также называлась контрреволюционной. К сторонникам революции были отнесены мелкие торговцы, ремесленники, необеспеченная интеллигенция, люмпен-пролетариат. Считалось, что все они могут сыграть свою роль в национальной революции, находясь под руководством пролетариата. Важной частью революционного движения в Китае являлось движение

крестьян, «чьи кровные интересы делают их естественными союзниками рабочего класса» [64, 19].

В резолюции IV съезда отразилось неверное представление китайских коммунистов о социальной структуре китайского общества. Социальные группы подгонялись под мерку капиталистической системы отношений. Непомерно расширялись ряды буржуазии, куда включались и помещики. Правда, они выделялись в контрреволюционное крыло буржуазии. Подобный анализ мешал правильной оценке не только соотношения классовых сил в стране, но и гоминьдана, который характеризовался как партия буржуазная.

Фронт национально-демократической революции при такой постановке вопроса искусственно сужался, на первый план выдвигались не объективно уже назревшие, а только еще возникающие противоречия.

Из такого подхода к расстановке классовых сил можно было сделать вывод (хотя прямо об этом не говорилось), что буржуазии нет места в лагере революции, а следовательно, борьба должна быть направлена и против нее. В резолюции о национально-революционном движении отмечалось, что в нем «участвуют рабочие, крестьяне, студенты, средние и мелкие торговцы, люди свободных профессий; крупные торговцы, компрадоры и промышленная буржуазия обращаются лишь с петициями к правительству милитаристов об участии в Национальном собрании и не намерены сотрудничать с низшими классами, чтобы совместно ускорять движение. Подобно милитаристам, они уже почувствовали, что низшие классы и особенно пролетариат становятся опасны для них и поэтому замышляют подавление их» [64, 21—22].

Из всего этого логически напрашивался вывод о пролетарском характере и содержании революционного процесса в Китае. Но такой вывод рассматривался как левоуклонистский, и IV съезд формально осудил тех коммунистов, которые после присоединения к гоминьдану продолжали пропагандировать идею пролетарской революции, диктатуры пролетариата и выступали против участия в национальной революции. Сторонники такой точки зрения смотрели на пребывание в рядах гоминьдана как на соглашательство с буржуазией, угрожающее превратить КПК в желтую партию.

В то же время съезд квалифицировал как проявление правого уклона позицию тех коммунистов, которые стояли за сосредоточение всех усилий на работе в гоминьдане и были против самостоятельной деятельности КПК. Некоторые представители этого уклона, в целом более распространенного, чем левый, высказывались за примирение интересов труда с капиталом и выступали против ведения классовой борьбы [см. 64, 24—25].

Проблема сочетания социальных и национальных задач революции была весьма трудной, сложной и противоречивой. Найти правильное соотношение между этими задачами было нелегко. Как ускорить процесс национально-демократического движения и в то же время сохранить классовые позиции, добившись улучшения жизни рабочих и крестьян и усиления их роли в политической жизни страны,— над решением этой головоломки думали и представители Коминтерна, и руководители Компартии Китая, думали и не находили безошибочного ответа. Чтобы безопасно проплыть между Сциллой национальных и Харибдой классовых интересов, требовалось огромное политическое искусство, большой опыт политической борьбы, хорошее знание китайской действительности. Всего этого не хватало ни представителям Коминтерна, работавшим в Китае в те годы, ни руководству Компартии Китая. Отсюда постоянные крены то вправо, то влево.

Коммунисты стремились в национальной революции защитить интересы пролетариата и крестьянства, но наталкивались на упорное сопротивление буржуазии и помещиков. Неудовлетворение социально-экономических требований рабочих и крестьян снижало их революционную активность. Открытая и активная борьба за интересы рабочих и крестьян вызывала озлобление у правых, вела к разрушению единого фронта. Образовался заколдованный круг, выхода из которого коммунисты так и не сумели найти, и это сказалось на исходе революции.

Свою политику внутри гоминьдана, направленную на завоевание там командных высот, руководство КПК строило на основе деления его членов на правое крыло, центр и левое крыло (сами гоминьдановцы отвергали законность такого деления, усматривали в нем стремление расколоть гоминьдан). К левому крылу относились рабочие, крестьяне, интеллигенты и радикальные

элементы, к правому — военные, бюрократы, политиканы и капиталисты. В группу центра зачислялись представители мелкой буржуазии и революционные элементы интеллигенции.

Признавая, что гоминьдан является важным орудием национального движения в Китае (хотя и не представляет все движение в целом), IV съезд КПК обязывал коммунистов теснее блокироваться с левым крылом гоминьдана, одновременно разоблачая ошибочное, нарушающее интересы революции поведение правых гоминьдановцев. Таким образом, помогая гоминьдану, коммунисты оставляли за собой право вести в нем политическую борьбу.

IV съезд призвал коммунистов открыто разъяснять в массах самостоятельные позиции партии, вскрывать ошибки гоминьдановцев и поднимать рабоче-крестьянские массы на защиту своих интересов. В своих решениях он настаивал на том, чтобы классовые профессиональные организации рабочих и крестьян были независимы от гоминьдана. Крестьяне и рабочие должны были воздерживаться от вступления в гоминьдан. «Необходимо, чтобы гоминьдан ясно понял, что если рабочие и крестьяне будут иметь свои сильные организации, то они смогут оказывать еще более действенную помощь революционному движению гоминьдана. Участие в революционном движении рабочих и крестьян целыми организациями имеет более важное значение, чем вступление рабочих и крестьян в гоминьдан в индивидуальном порядке» [64, 32].

Назревавший в недрах гоминьдана конфликт между коммунистами и правыми гоминьдановцами не выливался в открытое столкновение и раскол лишь благодаря личному авторитету Сунь Ят-сена, который умело лавировал среди противоборствующих течений и своей гибкой тактикой сглаживал их противоречия. Пользуясь своим влиянием, Сунь Ят-сен заслонял и прикрывал разношерстную, пеструю публику, собравшуюся в рядах гоминьдана. За ним было последнее слово, он определял дух всех решений гоминьдана. Не зря в Китае говорили, что «гоминьдан — это Сунь Ят-сен, и когда он умрет, китайская революция остановится».

Сунь Ят-сен был и отцом и детищем революции, с ним были связаны все надежды прогрессивных деяте-

лей Китая. Его смерть в марте 1925 г. нанесла революционному делу непоправимый ущерб. Она ускорила вызревание раскола внутри гоминьдана, серьезно ослабив его левое крыло, и усилила позиции реакционеров. Слишком многое в гоминьдане и в лагере революции зависело от воли одного человека, и, когда его не стало, обнаружилась непрочность созданной им организации, отсутствие органических связей между отдельными ее частями. Началась эпоха комментирования и толкования его непоследовательных, противоречивых взглядов, его двойственных теоретических концепций. Реакционные и умеренные гоминьдановцы стремились вытравить из суньятсенизма его революционное содержание, придать ему смысл, выгодный для буржуазно-помещичьих интересов. Коммунисты и примыкавшие к ним левые гоминьдановцы стремились подчеркнуть революционные стороны его учения.

Военные силы и административный аппарат в Гуандуне находились под контролем гоминьдановцев. В их руках была сосредоточена реальная власть. Коммунисты могли противопоставить ей лишь действия рабоче-крестьянских масс, движение которых они стремились расширить с целью увеличения его веса и значения в игре различных политических сил. Не случайно поэтому, что проблемы развития рабочего и крестьянского движения занимали видное место в работе IV съезда.

На нем были приняты резолюции по профсоюзному, женскому, молодежному и крестьянскому движениям. В основе всех этих резолюций была идея о завоевании пролетариатом, а точнее компартией, руководящего положения в национально-демократической революции.

В резолюции о крестьянском движении подчеркивалось: «Крестьянский вопрос занимает важное место в мировой революции, руководимой пролетариатом, и особенно в национально-революционном движении на Востоке. Одной из крупнейших заслуг ленинизма является то, что он нашел в крестьянстве союзника пролетариата» [64, 60].

В ней отмечалась исключительная важность крестьянского вопроса в экономически отсталом Китае, где класс крестьян до сих пор является важной частью общества, составляя 80 процентов всего населения страны. «Если Компартия Китая и рабочий класс хотят приве-

сти китайскую революцию к победе, то они должны использовать все возможности для того, чтобы систематически поднимать и организовывать повсеместно крестьян в целях экономической и политической борьбы. Без этих усилий невозможно надеяться ни на успех в китайской революции, ни на завоевание гегемонии в национальном движении» [64, 60—61]. Перед коммунистами выдвигалась задача «способность крестьян к примитивному, стихийному протесту превратить в сознательную организованную экономическую и политическую борьбу» [64, 61—62]. В качестве практических лозунгов, указывалось в резолюции, необходимо требовать, чтобы налоги устанавливались местными властями после согласования с крестьянскими союзами. Одновременно надо выступать против досрочного сбора налога. Необходимо поднимать большинство мелких собственников-крестьян на борьбу против тухао и лешэнь, а среди арендаторов и полуарендаторов вести агитацию за борьбу против высоких налогов, а также за организацию арендаторских союзов, батрацких союзов и отрядов самообороны («сянтуань»).

В районах, находящихся под властью гоминьдановского правительства, кроме этого надо требовать строительства ирригационных сооружений, создания крестьянских кредитных банков для избавления от ростовщиков.

В резолюции говорилось, что на Юге, в районах, подвластных гоминьдану, крестьяне уже вовлечены в национально-освободительное движение. В результате крестьянской политики гоминьдана увеличивается возможность вовлечения крестьян в борьбу против милитаристов и помещиков и на Севере.

IV съезд призывал бороться против ошибочной политики вождей гоминьдана по отношению к крестьянам Юга. Эти вожди обвинялись в том, что думали только об использовании в своих целях крестьян, а не о действительном обеспечении их политических и экономических интересов.

Отмечалось, что гоминьдан в районах военных действий, добиваясь поддержки крестьян, организует крестьянские союзы, требуя от них жертв во имя национально-освободительного движения, но не оказывает никакого давления на крупных помещиков в пользу

крестьян, не обеспечивает политических прав последних. Более того, крестьяне не получают помощи от вождей гоминьдана и тогда, когда военные или злостные помещики (местные богатеи) грабят и мучают их. Крестьянские союзы часто разгоняются правыми чиновниками, милитаристами и помещиками. В резолюции подчеркивалось, что такая политика гоминьдана не находит одобрения у крестьян.

IV съезд указал на следующие ошибки и недостатки работы коммунистов в деревне:

1. В пропаганде иногда слишком подчеркивается зависимость крестьянского движения от гоминьдановского правительства, и у крестьян появляется неверие в собственные силы. Из-за этого исчезает представление, что крестьянские союзы — это собственная классовая организация, поэтому, когда органы правительственной власти не могут их защищать, крестьяне перестают надеяться и на коммунистов.

2. Призывы, обращенные к крестьянам, бывают слишком завышенными, слишком широкими, выставляются преждевременно.

3. В ряде случаев задачи экономической борьбы возлагаются только на небольшую группу товарищей, работающих в союзах. В результате крестьянские союзы становятся пустой формой, а не базой массовых сил.

4. Организуя под вывеской гоминьдана крестьянские союзы в целях сплочения крестьян, необходимо также в каждом конкретном случае вести борьбу против гнета правых гоминьдановцев и милитаристов, с тем чтобы крестьяне поняли возможность использования гоминьдана и его политики для защиты своих интересов. Нужно работать над сплочением самих крестьян и их объединением с городскими рабочими, так как только это даст им настоящие гарантии и только тогда они смогут с помощью рабочего класса оказывать влияние на гоминьдан и добиваться, чтобы национальная революция под воздействием рабоче-крестьянских сил продвигалась вперед.

В резолюции далее подчеркивалось, что работники крестьянских союзов должны действовать под руководством местных партийных комитетов. Агитационная работа должна вестись так, чтобы крестьяне постепенно

увидели в КПК борца за их интересы. Коммунисты должны поднимать классовое сознание крестьян. Когда крестьяне высказывают сомнения в отношении политики гоминьдана, разъяснять им характер различных группировок внутри него (правой, центра и левой), знакомить их с сущностью программы и задач КПК, что особенно важно, так как в деревнях ведется антикоммунистическая пропаганда.

IV съезд КПК рекомендовал при выдвижении лозунгов учитывать конкретные требования крестьян в данный момент, в данной местности, не начинать борьбу без проведения агитационно-массовой подготовки, предостерегал против легковесного отношения к проведению движения за сокращение арендной платы. Съезд указывал на необходимость объединять середняков, арендаторов, бедняков и батраков против крупных помещиков (опыт Гуандуна свидетельствовал, что неправильная тактика отталкивала середняков в сторону крупных помещиков), обеспечивая интересы бедняков и батраков. Особое внимание в пропаганде следовало обращать на необходимость отмены высоких налогов и различных поборов.

С помощью этого лозунга, по мысли авторов резолюции, можно было, во-первых, завоевать сочувствие и поддержку мелких помещиков; во-вторых, изолировать крупных помещиков и нанести по ним удар; в-третьих, добиваться полевения политики гоминьдана. Если же гоминьдан не сможет удовлетворить этого требования крестьянства, оно глубже поймет, что такое гоминьдан.

Крестьянам советовалось требовать также от гоминьдановского правительства раздела казенных земель между бедняками.

Резолюция предостерегала против ненужного ущемления патриархальной психологии крестьян на начальном этапе развития крестьянского движения. Подчеркивалась в ней и важность борьбы с помещичьими вооруженными отрядами, создания с этой целью отрядов крестьянской самообороны, которые должны были находиться под политическим руководством компартии. Особо ставился вопрос о борьбе против местных бандитов, которые использовались помещиками для усиления гнета над крестьянами, но рекомендовалось самим борьбу

не начинать, избегая резни и драки между крестьянами [см. 64, 60—70].

Эта резолюция в основном правильно отражала объективные условия развития крестьянского движения в Гуандуне, она учитывала политические и экономические требования крестьян.

Крупным ее недостатком был осторожный подход к вопросу о борьбе за снижение арендной платы. На этот больной вопрос, волновавший крестьянские массы, резолюция не давала определенного ответа. Она, по существу, предлагала сдерживать крестьян на этом этапе их борьбы, когда требование снижения арендной платы уже находило себе все больше сторонников среди гуандунских крестьян.

Резолюция IV съезда КПК о крестьянском движении легла в основу работы по подготовке и проведению первого съезда китайских крестьян и нашла отражение в документах этого съезда.

Этот съезд явился большим событием в истории крестьянского движения в Китае. Он открылся в мае 1925 г., на нем было официально провозглашено создание провинциального крестьянского союза [34].

Делегаты представляли более 200 тыс. членов союза, организации которого имелись в 22 уездах провинции (из 94). Крестьянское движение в Гуандуне достигло относительно широкого размаха. Его количественный рост был совершенно очевиден. Что же касается уровня крестьянского движения, классового сознания крестьянских масс, то их нельзя было признать высокими. Крестьяне не всегда и не везде ясно понимали цели движения. «Крестьянство еще не везде верило в свои

---

[34] В журнале «Крестьянский Интернационал» отмечалось, что «созыв провинциального съезда крестьянских союзов является, несомненно, фактом громадного политического значения в истории крестьянского движения и национальной революции в Китае...» [147, 34].

«Крестьянство в Гуандуне проникнуто глубокой враждой к правым гоминьдановцам, поддерживающим помещиков и кулаков. На состоявшемся в Кантоне съезде делегаты крестьянских союзов заняли весьма революционную позицию. Присоединением к Крестинтерну Кантонский съезд подчеркнул, что крестьянское движение в Китае является частью мирового революционного движения, что его конечной целью является освобождение крестьянства всего мира от гнета и порабощения буржуазии и помещиков и захват политической власти пролетариатом» [147, 37].

собственные силы и не считало союзы своими коренными организациями. Во многих выступлениях большая часть крестьян возлагала все надежды на помощь правительства и революционной армии» [144, 219].

Организаторы крестьянских союзов — коммунисты и комсомольцы — также не имели достаточно четкого представления о социальной направленности революции. Е. Иолк писал: «Многие руководящие товарищи рассматривали в тот период крестьянское движение главным образом с точки зрения его роли и значения для национально-революционного движения в целом и в меньшей степени с точки зрения непосредственных интересов крестьянства. Центр тяжести работы по крестьянскому движению переносился в сторону мобилизации крестьянства через крестьянские союзы на помощь правительству в его борьбе с реакционными генералами. Во многих партийных документах того времени, во внутренних партийных обсуждениях на первый план выдвигалась так называемая «политическая сторона» крестьянского движения, а именно: участие крестьянских отрядов в военных действиях против врагов правительства. Такая линия в работе, несомненно, имела свои отрицательные последствия. В одном из своих отчетов, относящихся к тому периоду, гуандунский провинциальный комитет КПК признает, что „в области экономической борьбы мы в крестьянском движении сделали весьма мало, ввиду чего создалось такое положение, что крестьянские массы не видят большой пользы от крестьянских союзов“» [144, 219].

Сравнительно быстрый рост крестьянского движения в Гуандуне во многом объясняется тем, что, не поощряя особенно социально-политической активности крестьян, гоминьдановские чиновники и генералы использовали их в борьбе со своими военными противниками. В ряде районов покровительство властей облегчало и задачу сдерживания этого движения, установления над ним контроля в целях предотвращения его революционизации и перехода к борьбе за захват помещичьих земель.

Попытки крестьян добиться снижения арендной платы гоминьдановцы объявляли «детской болезнью левизны» и анархизмом.

По мнению Г. Скалова, хорошо знакомого с военно-

политической обстановкой в Гуандуне тех лет, «для большинства „новых милитаристов“, составлявших Национально-революционную армию Кантонского правительства, движение гуандунских крестьян, гуандунских арендаторов было именно движением гуандунских, а не хунаньских, чжэцзянских и т. п. крестьян. Это было движение не их крестьян, не их арендаторов. В то же время оно в известной степени было даже полезно им. Крестьянское движение этого периода помогало борьбе Национально-революционной армии с Чэнь Цзюн-мином и другими милитаристами. Оно было выгодно в военных целях, оно разлагало тыл противника, оно затрудняло его действия, отвлекало его внимание и в то же время обеспечивало частям Национально-революционной армии хороший прием, хороших проводников, обеспеченность тыла» [167, 283—284].

Далее Г. Скалов отмечал, что «поддержка крестьянского движения „новым милитаризмом“ в Гуандуне была весьма своеобразна. Она просто заключалась, так сказать, в нейтральности военных частей к борьбе крестьян с помещиками и миньтуанями. Правда, и это „невмешательство“ для возможности роста крестьянского движения значило очень много, и этот режим полулегальности в чрезвычайной степени облегчал расширение движения, его организацию, возможность подготовки перехода движения на высшие ступени борьбы, т. е. к борьбе за землю и власть. Но как далеко еще отсюда до той „помощи“ крестьянскому движению со стороны армии, о которой кричали уже не только левые гоминьдановцы, но и некоторые советники гоминьдана, которые официально гоминьдановцами тогда еще не считались» [167, 284] [35].

Крестьянское движение, из которого гоминьдановцы пытались выхолостить социально-экономическое содержание, лишалось прочной и твердой базы [36].

---

[35] Г. Скалов преувеличивал степень развития крестьянского движения и его возможности перейти к борьбе за землю и власть.

[36] Крестьяне по-прежнему оставались под средневековым гнетом помещиков, и их попытка вырваться из-под этого гнета встречала сильное противодействие. Не случайно, что после выступления Национально-революционной армии в Северный поход в июле 1926 г. реакционные силы в Гуандуне вновь оживились. Помещичьи вооруженные отряды стали громить организации крестьян. Крестьянские союзы были объявлены «бандитскими организациями», и

Принятый на I съезде крестьянских делегатов Гуандуна Манифест об образовании Гуандунского провинциального союза был выдержан в духе программных установок гоминьдана. В нем говорилось, что рабочие и крестьяне Китая испытывают гнет империалистов и милитаристов. Манифест был нацелен на то, чтобы возбудить у крестьян чувство национального протеста. «С тех пор как иностранцы свободно ввозят и продают свои заморские товары, они заграбастывают и вывозят китайское золото и драгоценности, а продуктами сельского хозяйства, производимыми в деревнях нашими крестьянами, пренебрегают, и они не находят сбыта. Поэтому из-за убытков их больше не производят, а употребляют только чужие товары. Раньше пользовались кремнями, а сейчас — спичками, раньше для освещения служило масло из бобов, а теперь — керосин, раньше одевались в тканую материю, а сейчас — одежды из заморской пряжи. Посмотри: то, что ты ешь, одеваешь, употребляешь,— все это вещи чужие. Это — результат политического и экономического вторжения империализма, от чего особенно страдаем мы, крестьяне» [96, 173],— указывалось в Манифесте.

Далее в нем говорилось о произволе, творимом лихоимцами-чиновниками, которые непосредственно обирают крестьян, облагая их всевозможными поборами (крестьяне насчитывали более 30 видов налогов). Они обирают крестьян с помощью солдат, полиции, помещиков и бандитов. Не мог крестьянский съезд не поднять голос протеста и против помещичьей эксплуатации. «Чиновники объединяются с помещиками, образуя местный реакционный фронт в целях угнетения крестьян» [96, 175]. Им помогают милитаристы, солдаты, полиция и местные бандиты.

В Манифесте отмечалось, что созданные гуандунскими помещиками организации — отряды самообороны, органы самоуправления, в которых многие крестьяне продолжают состоять,— превратились в руках помещиков в орудие для угнетения крестьян, стали контрреволюционной силой.

помещики потребовали их ликвидировать. Административные власти провинции поддержали помещиков в их борьбе против крестьян [см. 222].

Приводились в нем и факты оказания гоминьдановскими властями и войсками помощи помещикам в подавлении крестьян, выступавших за снижение арендной платы [см. 96, 175].

Манифест призывал строить организации крестьянского союза исключительно на классовой крестьянской основе и не допускать в них представителей от других классов, ибо «освобождение крестьян зависит только от собственного сплочения и от собственной боевой силы» [96, 176].

Кроме Манифеста гуандунский съезд крестьянских делегатов принял резолюции: 1) по экономическим вопросам; 2) о целях дальнейшей деятельности крестьянских союзов; 3) о крестьянских отрядах самообороны и о миньтуанях.

В экономической резолюции подчеркивался ущерб, наносимый китайскому крестьянству политикой империалистов. Экономические трудности крестьян объяснялись главным образом господством империалистов и милитаристов. Другим источником крестьянских тягот объявлялись крупные помещики, ростовщики, торговцы, компрадоры. Указывалось, что крестьянство страдает от ростовщических процентов, высоких процентов в закладных лавках, от низких цен на сельскохозяйственные продукты, монопольно устанавливаемых торговцами-спекулянтами, и высоких цен на рис в случае недорода, от жестоких налогов и незаконных поборов [см. 96, 185].

Этот перечень представляет собой документ, свидетельствующий не только о некоторых формах экономического угнетения крестьян, но и о степени зрелости крестьянских руководителей. В перечне не найти жалоб крестьян на безземелье или малоземелье, на несправедливую арендную плату, хотя далее в резолюции вопрос об аренде затрагивается. Характеристику положения различных групп деревенского населения авторы резолюции начинают с батрака, хотя не он был главным объектом помещичьей эксплуатации. Здесь, видимо, сказалось желание отдать приоритет «пролетарским» слоям деревни. Далее перечислялись арендаторы и затем крестьяне-собственники.

В резолюции указывалось, что путь к экономическому освобождению крестьян состоит в полной ликвидации

господства империалистов, чиновников, политиканов, бандитов, помещиков, купцов-спекулянтов и ростовщиков. Именно против них все крестьянство как класс должно развернуть экономическую борьбу. В резолюции подчеркивалось, что «настоящее освобождение может быть обретено только после победы революции» [96, 184]. До этого, говорилось в ней, можно добиться частичной свободы, для чего необходимо вести экономическую борьбу против ростовщических процентов, высоких закладов, за создание крестьянского банка (или кредитных кооперативов), против торговой спекуляции, за создание потребительских, сбытовых и производственных кооперативов, против жестоких налогов и незаконных поборов. Подчеркивалось, что в удовлетворении этих требований заинтересовано все крестьянство. Для каждой группы крестьянства выдвигались свои, специфические требования:

для батраков — увеличение зарплаты, сокращение рабочего дня и улучшение питания;

для крестьян-арендаторов — упразднение системы субаренды, установление максимальной нормы арендной платы; введение общей системы мер и весов; ликвидация системы залогов и предварительного внесения арендной платы, а также всякого рода «подарков» сверх арендной платы, отмена ее в случае неурожая, отказ от возмещения производственных расходов помещикам, запрещение беспричинной передачи земли от одного арендатора к другому;

для крестьян-собственников — запрещение досрочного сбора налогов, взимания налога свыше установленной нормы, а также введения незаконных поборов.

Съезд потребовал, чтобы средства, собираемые с крестьян на содержание отрядов миньтуаней и местного управления, передавались в распоряжение крестьянского союза.

Рассмотренные материалы I съезда крестьянских делегатов Гуандуна позволяют сделать вывод о том, что крестьяне еще не были готовы к постановке вопроса о передаче им помещичьей земли. Право собственности на землю в их глазах было окружено ореолом святости и неприкосновенности, о нарушении его нельзя было и помышлять. Крестьянин-арендатор решался тогда лишь

поставить вопрос о снижении или ограничении арендной платы.

Съезд и в этом вопросе проявил осторожность. В резолюции не было конкретного предложения о максимальном размере арендной платы, говорилось только о необходимости ее понижения. Но и это было значительным сдвигом в развитии сознания крестьян.

В решении о дальнейших задачах и целях работы крестьянских союзов [96, 185—193] подчеркивалось, что помещики повсюду стремятся подавить крестьянское движение, расколоть единство крестьян, подорвать и ликвидировать их организации, физически уничтожить их вожаков и активистов. Поскольку в ряде уездов деятельность крестьянских союзов сковывалась или даже парализовывалась тем, что их руководители во всем полагались на помощь и поддержку правительственных органов, съезд рекомендовал местным организациям больше опираться на собственные силы, быть более самостоятельными и помнить, что освобождение крестьян зависит прежде всего от них самих. Отмечалось также, что в ряде мест крестьяне не понимали разницы между крестьянскими союзами и правительственными органами, а потому с подозрением и страхом относились к союзу, остерегаясь вступать в его члены. Слабостью крестьянских организаций было сосредоточение всей работы в руках небольшой группы активистов, пассивность большинства рядовых членов.

Съезд обращал внимание и на опасность переоценки руководителями крестьянских союзов своих сил и возможностей и предлагал выдвигаемые ими лозунги формировать на основе тех требований, за осуществление которых крестьяне готовы бороться уже сейчас. Указывалось, что руководители уездных организаций не понимали важности сплочения всех тружеников деревни с целью полной изоляции помещиков, ослабляя тем самым силу крестьянского движения. Это вело к тому, что крестьяне-собственники и крестьяне-полуарендаторы оказывались на стороне помещиков и враждебно относились к союзу. В решении говорилось и об ошибочности попыток наносить удар по мелким торговцам и тем самым восстанавливать их против крестьян.

Съезд обращался к крестьянским союзам с призывом усилить разъяснительную работу, добиваясь того,

чтобы все крестьяне полностью осознали, что «союзы — это их собственные боевые органы классовой борьбы» [96, 188]. Все отделения союза должны действовать в едином духе, согласовывать и координировать свою деятельность для достижения наибольшего эффекта. В резолюции подчеркивалась общность интересов всего крестьянства. «Интересы, отстаиваемые союзом,— говорилось в ней,— это интересы крестьянского класса, а враги союза — это враги всего крестьянства в целом. Крестьянский союз — это представительный орган крестьян, авангард борьбы за интересы крестьян. Он не делит крестьян на [фамилии] Ли или Ван, не проводит границы между селами и деревнями, между уездами и провинциями и даже между государствами, он не делает различия между белыми и желтыми, между мужчиной и женщиной. Он требует только одного, чтобы все „крестьяне были едины в радости и горе“» [96, 189].

Агитационная и пропагандистская работа союзов должна была, согласно резолюции съезда, носить антиимпериалистический характер, разоблачать антинародные действия китайских генералов-милитаристов, лиходеев-чиновников, лешэнь и тухао, обладавших реальной властью в деревне и притеснявших крестьян, а также вскрывать зло, приносимое крупными помещиками и спекулянтами-торговцами.

В поле зрения участников съезда находился и вопрос о вооружении крестьян. Накопленный уже опыт первых крестьянских организаций убедил крестьян в том, что, не имея оружия, они не могут противостоять вооруженным помещичьим отрядам, жестоко расправлявшимся с активистами и зверски убивавшим тех, кто осмеливался открыто поднять голос протеста против помещиков. Опираясь на свои вооруженные отряды, последние запугивали и терроризировали сельское население, не давая крестьянам поднять голову, громили организации крестьянского союза. На съезде приводилось немало примеров того, как помещики и их агенты расправлялись с наиболее активными членами союза.

Интересно, что, когда Пэн Бай в феврале 1925 г., после изгнания войск Чэнь Цзюн-мина, вернулся в родной уезд, активисты крестьянского движения потребовали в первую очередь оружия. Они выступали за понижение арендной платы, за отмену незаконных обложе-

ний, но главным было требование вооружить их. Пэн Бай писал: «В настоящий момент, когда дело идет о подавлении реакции, крестьянство должно быть вооружено. Без оружия основные задачи крестьянского союза не могут быть разрешены» [116, 109].

Настоятельную потребность крестьян в создании классовых отрядов вооруженной самообороны съезд отразил в специальной резолюции. В ней указывалось, что солдаты и офицеры часто действуют заодно с помещиками и полагаться на их защиту нельзя. «Если крестьяне не будут вооружены,— говорилось в ней,— то крестьянское движение в Гуандуне не сумеет противостоять контратакам объединенного фронта класса помещиков и милитаристов» [96, 195].

Вооруженные сельские отряды (миньтуани) являлись орудием в руках помещиков, хотя их содержание оплачивалось за счет крестьян. Они являлись серьезной преградой на пути организации крестьян, мешая их сплочению и борьбе за свои права. Порядка же в деревне, ради чего эти отряды были формально созданы, они не поддерживали, и поэтому съезд признал, что везде, где имеются организации крестьянского союза, крестьяне, составляющие большинство сельского населения, должны, объединившись, сами защищать себя. «Их сил более чем достаточно для поддержания спокойствия в деревнях» [96, 196]. Когда крестьянские союзы будут иметь собственные вооруженные отряды самообороны, они будут иметь надежную гарантию защиты их интересов от помещиков и миньтуаней. Резолюция советовала союзам развернуть обучение бойцов крестьянской самообороны, расширяя их отряды, привлекая в них годных к военной службе крестьян, а также тех из них, которые были ранее в миньтуанях. Съезд призывал крестьян отказываться от уплаты денег на содержание помещичьих вооруженных отрядов.

Крестьянский союз Гуандуна заявил о своей поддержке политики гоминьдана и революционного правительства.

Журнал «Коммунистический Интернационал», публикуя сообщение об этом съезде, подчеркивал важность принятых на нем решений. В статье «Пробудившийся Китай» отмечалось, что решения съезда означают «крупнейший поворот в крестьянском движении Китая.

Крестьянство открыто выступает против империализма, начинает отдавать себе отчет в огромном политическом смысле единения с рабочими и революционными солдатами, впервые осознает себя частью международного крестьянства, борющегося за свои крестьянские нужды. Крестьянство открыто высказывается за поддержку левых гоминьдановцев... Китайское крестьянство уже не удовлетворяется общественной деятельностью, а в целях защиты своих интересов добивается участия в органах власти революционного кантонского правительства» [172, 16].

В статье обращалось внимание на то, что крестьянский съезд «решительно ставит вопрос о вооружении крестьянства, о создании крестьянской армии для обороны своих завоеваний от нападений милитаристов. Все эти факты указывают на огромный рост политической сознательности китайских крестьян. Правда, это решение было вынесено на съезде крестьян передовой, наиболее революционной провинции, являющейся базой гоминьдановского влияния, но все же оно в высшей степени симптоматично» [172, 16] [37].

Руководство Международного Крестьянского Совета (Крестьянский Интернационал) также высоко оценило итоги работы Гуандунского съезда крестьянских делегатов, особо выделив значение решения о присоединении гуандунских крестьян к Крестьянскому Интернационалу.

В воззвании к крестьянам и крестьянкам Китая руководство Международного Крестьянского Совета писало: «Созыв первого крестьянского конгресса в Кантоне — первый признак пробуждения крестьянства и проникновения в его толщу идей международной солидарности трудящихся. Конгресс вынес решение о присоединении к Международному Крестьянскому Совету (Крестьянскому Интернационалу). Китайское крестьянство вступило на путь борьбы за свои насущные интересы, против эксплуататоров рука об руку с крестьянами всего мира. Китайское крестьянство подало пример единения трудящихся крестьянам всей Азии» [172, 114]. Далее в воззвании говорилось: «Когда об этом решении

---

[37] В этой статье рост политической сознательности крестьян Китая явно переоценивался. В статье подчеркивалось главным образом антиимпериалистическое значение крестьянской борьбы.

200 000 организованных китайских крестьян было доведено до сведения ваших братьев-китайцев, проживающих в Москве, то среди слез умиления и безмерной радости ваших сородичей раздался единодушный клич 2000 китайских граждан (между которыми были и рабочие, и крестьяне, и торговцы, и студенты): „Смерть империализму!“» [172, 114].

Международный Крестьянский Совет звал китайских земледельцев к объединению со всеми антиимпериалистическими, демократическими силами: «Ваша задача сейчас прийти на помощь тем, кто, лишенный оружия, бастует и отказывается работать на иностранных империалистов; кто требует очищения всей китайской земли от иностранных захватчиков; кто требует, чтобы в своем доме распоряжался сам хозяин; кто требует, чтобы китайский народ сам решал свою судьбу; кто требует великого социального и политического равенства — „тайпинг“ в объединенной свободной Китайской республике» [172, 115].

Международный Крестьянский Совет выражал глубокую радость в связи с тем, что «в этот великий момент крестьянство не оставило своих братьев-рабочих, что оно по собственному почину отказалось продавать иностранным захватчикам съестные припасы и бойкотирует произведения промышленности империалистов, что оно не покупает английского шертинга [38], японских материй и готово проводить ночь в темноте, без бесплатно прилагаемой к керосину лампы» [172, 115].

Воззвание Крестинтерна заканчивалось призывом:

«Товарищи, братья и сестры!

То, что китайское крестьянство рука об руку с рабочим классом и городским населением бойкотирует иностранных империалистов, это только первый шаг в его борьбе. Знайте, что борьба потребует других, более решительных средств. Она будет длительной. Иностранные империалисты, которые в Шанхае и Ханькоу высаживают войска, попытаются не только кроваво расправиться с вами, но и сокрушить ваш единый фронт, используя китайских милитаристов и разных предателей народа.

Будьте на страже! Вы должны создать народные

---

[38] Шертинг — рубашечная ткань.

органы борьбы. Организуйтесь! Создавайте комитеты самообороны и защиты Китая в деревнях, объединяйте их между собою и вливайте их в комитеты борьбы за независимость Китая, организованные в городах.

Пусть по деревням всего Китая собираются широкие крестьянские массы на митинги протеста и пусть они знают, что необходимо вооружаться, создавать для самообороны в самое ближайшее время деревенскую милицию, чтобы противопоставить в нужный момент армиям империалистов и их наемников весь вооруженный народ.

Организуйте также среди солдат-крестьян комитеты борьбы за независимость, на защиту от заграничных и внутренних врагов.

Пусть проснется весь трудящийся народ Китая и возьмет в свои руки собственную судьбу.

Знайте, что в час решительной борьбы, когда изменят трудовому народу милитаристы-предатели, вокруг созданных вами комитетов защиты Китая и комитетов борьбы за независимость объединятся все, кому действительно дорога свобода Китая и благо китайского народа. Комитеты борьбы за независимость в городах и крестьянские комитеты на местах станут очагами будущей народной власти.

Товарищи, братья и сестры!

Вставайте под знамена Коминтерна! Выполняйте заветы бессмертного вождя Сунь Ят-сена! Воплощайте в жизнь лозунги первого крестьянского китайского конгресса в Кантоне.

1) Китайские крестьяне — под знамя Крестинтерна! Организуйтесь! Формируйте деревенские и солдатские комитеты самообороны и защиты Китая!

2) Вместе с рабочими и любящими свою родину образованными людьми, если они идут с рабочим классом и крестьянством!

3) Долой иностранных империалистов-поработителей!

4) Долой китайских милитаристов — приказчиков иностранных захватчиков — виновников кровавой междоусобной войны!

5) За возвращение китайских земель китайскому народу!

6) Вся земля пусть будет землей китайского крестьянина!

7) На китайской земле пусть будет хозяином китайский народ, а потому — отмена иностранной юрисдикции и концессий!

8) За созыв Всекитайского Народного Революционного Собрания, которое организует центральную народную власть вместо самоуправства дуцзюнов!

9) Да здравствует Всекитайское Революционное Народное Собрание — основа грядущей единой Федеративной Китайской Республики!

10) Дружно на борьбу против эксплуататоров вместе с крестьянством и рабочим классом всего мира!

Крестьяне и рабочие всех стран, соединяйтесь!» [172, 115—117].

Обращение Международного Крестьянского Совета заостряло внимание опять-таки на борьбе против империалистов и милитаристов. В нем подчеркивалась важность союза рабочего класса и крестьянства, а также международной сплоченности и солидарности для достижения успеха в общей борьбе против империализма. Оно было проникнуто верою в силу китайского крестьянства, твердой надеждой на осуществление его дум и чаяний о земле, свободе и лучшей жизни. Но вера эта базировалась не столько на почве реальности, сколько на чувствах и настроениях авторов Обращения. Им очень хотелось вовлечь китайское крестьянство в международное объединение, и это желание застилало им глаза, мешало объективно и трезво оценить положение крестьянства и состояние крестьянского движения в Китае.

Этот документ любопытен тем, что показывает, какие представления о характере крестьянского движения в Китае, о степени классовой сознательности и организованности китайских крестьян господствовали тогда в руководящих органах Коминтерна. Возможности крестьянского движения и его влияние на ход революционных событий в Китае преувеличивались. Оценки давались не столько на основе изучения и анализа реального положения, сколько на основе деклараций, резолюций. По документам, составленным руководителями, судили и делали выводы о настроениях крестьянских масс, об их готовности к активной революционной борьбе. Эмоцио-

нальное восприятие событий, радостное настроение, порождаемое тем, что застывший, неподвижный крестьянский Китай сдвинулся наконец с мертвой точки, вышел из дремотного состояния, не способствовали выработке правильных выводов и заключений. Патетические призывы, обращенные к китайским крестьянам и солдатам, рекомендации создавать деревенские и солдатские комитеты повисали в воздухе, ибо почва для их восприятия и тем более осуществления еще не была подготовлена.

Крестьянский вопрос в период подготовки к Северному походу

Если крестьянское движение ограничивалось главным образом рамками провинции Гуандун, то борьба китайского пролетариата велась в различных промышленных центрах страны, приобретая таким образом общенациональный характер. Рабочее движение становилось существенным фактором политической жизни страны. Забастовки рабочих, особенно на предприятиях, принадлежащих иностранному капиталу, привлекали всеобщее внимание, будоражили китайскую общественность, способствуя подъему патриотических чувств среди студенчества, интеллигенции и мелкой буржуазии. Забастовщиков поддерживала и часть китайской промышленной буржуазии, видевшая в стачках одно из эффективных средств подрыва позиции иностранных соперников.

В ходе стачечных боев росли и укреплялись профсоюзные организации, хотя этот процесс и шел неравномерно. Повседневная работа в профсоюзах оставалась слабым местом в деятельности коммунистов. Даже в Гуанчжоу, где условия были относительно благоприятными, им не удалось распространить свое влияние на все профсоюзы, в частности на крупный союз механиков, который занял враждебную позицию по отношению к КПК.

В крупнейшем промышленном центре страны — Шанхае, где позиции коммунистов в пролетарской среде были относительно сильными, им приходилось преодоле-

вать влияние традиционных тайных союзов, державших под своим контролем многих рабочих. В условиях подъэма рабочего движения его слабости и недостатки если и замечались, то не подвергались серьезному обстоятельному анализу и потому не исправлялись. Впоследствии, в трагические дни революции, это дало себя знать.

Забастовочное движение зимой — весной 1925 г. производило сильное впечатление на руководителей КПК. В пробуждении рабочего класса они видели подтверждение своих концепций об авангардной роли пролетариата в национальной революции. Чэнь Ду-сю в статье «Силы рабочих в национально-революционном движении Китая», подразделяя буржуазию на контрреволюционную, нереволюционную и склоняющуюся к революции, подчеркивал, что «только рабочие массы являются революционным классом», «единственным непримиримым революционным классом» [288, 845][39]. «Благодаря стремительному росту борьбы рабочего класса постепенно поднимается и национально-революционное движение внутри страны, поднимает голову и буржуазия» [252, 845],— писал Цюй Цю-бо. Цай Хэ-сэнь в статье, посвященной проблемам развития революции после смерти Сунь Ят-сена, утверждал, что революционная база в Гуандуне держится лишь благодаря усилиям рабочих, крестьян и студентов [241, 895].

Коммунисты преувеличивали в то время близость гоминьдана (особенно его левого крыла) к трудящимся массам, переоценивали процесс его полевения[40]. На страницах «Сяндао» можно было прочесть о том, что в глазах крестьян «война гоминьдана против милитаристов стала частью борьбы крестьян против помещиков, что она может помочь крестьянам в их борьбе против взимания арендной платы, за уравнительный передел

---

[39] Чэнь Ду-сю писал, что в полуколониальном, полукапиталистическом китайском обществе существуют три силы: милитаристы, буржуазия и рабочий класс. О помещиках он не упоминал, поскольку относил их к буржуазии, а крестьян называл союзником пролетариата.

[40] В заметке, опубликованной в «Сяндао» в мае 1925 г., говорилось, что «за последние несколько лет гоминьдан постепенно стал партией, охраняющей интересы трудящихся масс Китая» [236, 1061].

земли. Тенденция сдвига гоминьдана в сторону трудовых классов совершенно очевидна» [236, 1061].

На самом же деле гоминьдановцы, как правые, так и левые, хотели, чтобы крестьянство кормило национальную революцию, не получая ничего взамен. Крестьяне же не желали бесплатно работать даже на революцию, цель и задачи которой им не были ясны, и это сказывалось на их отношении к гоминьдановским войскам, которые не поддерживали крестьян в их борьбе против помещиков и в лучшем случае занимали позиции наблюдателя. Не встречали особого сочувствия у гоминьдановцев и требования рабочих об увеличении зарплаты. Рабочий класс уговаривали подождать до окончания национальной революции.

Тем не менее весной — летом 1925 г. именно рабочий класс своими действиями всколыхнул всю страну, вызвал новый мощный подъем национально-революционной волны. В апреле 1925 г. забастовали рабочие японских текстильных фабрик в Циндао. В мае начались стачки на японских предприятиях в Шанхае. Выступления рабочих были поддержаны студенчеством, интеллигенцией, мелкой буржуазией. 30 мая в Шанхае состоялась мощная антиимпериалистическая демонстрация. Расстрел демонстрантов иностранной полицией поднял на ноги широкие круги общественности.

Все лето 1925 г. отмечено широким забастовочным движением, носившим ярко выраженный антиимпериалистический характер. Кампания солидарности с шанхайскими стачечниками охватила различные слои китайского общества. Компартия Китая обратилась ко всему народу с призывом протестовать против варварской расправы империалистов над демонстрантами в Шанхае, поддержать и усилить национальную борьбу [см. 69, 1076]. Коммунисты стремились придать борьбе общенародный характер. Они разоблачали склонность верхних слоев общества к соглашательству с империалистами, предостерегали народные массы от иллюзий в отношении пекинского правительства. Компартия подчеркивала, что в антиимпериалистической борьбе нет места для иллюзий: «У нас только два пути — или мы покоримся империалистам, или они покорятся нам». Коммунисты предупреждали также, что империалисты будут стараться подорвать изнутри национальное дви-

жение, расколоть его ряды, нарушить единство торговцев, рабочих и студентов. «Движение за национальную свободу,— писал Чэнь Ду-сю,— это всекитайское движение. Студенты, рабочие и торговцы всей страны должны выступить одновременно в наступление на всех империалистов» [292, 1078].

Характерно, что компартия обращалась только к трем группам китайского общества — студентам, купцам и рабочим, на них она возлагала все свои надежды.

В обращении КПК гоминьдан совершенно не упоминался, ни слова не говорилось о сотрудничестве с ним в общем натиске на позиции империалистов. В обращении выражалась надежда, что события в Шанхае, которые империалистическая пропаганда объявила делом рук коммунистов, приблизят к компартии — партии рабочих и крестьян — широкие массы всех классов, которые сплотятся вокруг нее, ибо она отстаивает не только интересы рабочего класса и крестьянства, но и интересы всей угнетенной китайской нации.

Умалчивание о роли гоминьдана и подчеркивание не только классового, но и общенационального значения деятельности коммунистической партии нельзя считать случайным. Руководители КПК явно показывали свою решимость сменить гоминьдан на посту вождя национально-демократической революции. Эта решимость подкреплялась тем, что именно рабочий класс выступал как передовая ударная колонна в атаке на позиции империализма в Китае.

Интересно, что в воззвании Исполкома Коминтерна о расстрелах в Циндао и в Шанхае говорилось о совместном руководстве коммунистической партии и гоминьдана антиимпериалистической кампанией шанхайских жителей. ИККИ считал вождями освободительного движения в Китае компартию и гоминьдан [22, 121] [41].

Компартия Китая рассматривала майские события не просто как один из эпизодов национального движения, а как качественно новый этап. «30 мая,— писал

---

[41] В «Сяндао» был опубликован неполный перевод этого воззвания. Места, где говорилось о руководстве компартии и гоминьдана, были опущены. «Преобладающая роль рабочего класса» в переводе звучала как «руководящая позиция рабочего класса» [см. 311, 1925, № 120, 1109—1110].

Цюй Цю-бо,— это начало китайской национальной революции» [251, 1097].

По своему содержанию лозунги, выдвинутые КПК (отмена неравноправных договоров, возвращение Китаю всех концессий и арендованных земель, передача Китаю контроля над таможнями и управлением соляной монополии, ликвидация консульской юрисдикции, вывод с китайской территории иностранных войск), носили национальный характер, и только требования свободы слова, печати, собраний и организаций имели демократическое содержание [см. 251, 1097].

Коммунисты призывали развернуть массовое движение за свержение правительства милитаристов в Пекине и передачу общегосударственной власти в руки революционного правительства. Компартия предлагала создавать по всей стране объединенные союзы рабочих, торговцев, студентов, солдат и крестьян, превращая их в органы действия масс, сформировать Всекитайский совет этих союзов как центральный орган по руководству национальным движением, немедленно вооружить студентов, рабочих, торговцев и крестьян, повсеместно организовать отряды крестьянской самообороны для отпора милитаристам [см. 269, 1105].

Содержание и смысл этих лозунгов не оставляли сомнения в том, что КПК брала курс на образование новой народной власти как органа по руководству национальной революцией. Дальнейшие события показали его нереальность и неосуществимость.

Стремясь расширить масштабы национального движения, Компартия Китая выставила и социально-экономические требования. В совместном Манифесте КПК и китайского комсомола от 10 июля 1925 г. содержались лозунги об отмене лицзиня и всех жестоких налогов и незаконных поборов, об установлении максимального размера землевладения, изъятии у крупных помещиков земельных излишков и распределении их между бедняками и безземельными крестьянами, об определении максимальной нормы арендной платы, сокращении ее до минимального уровня и запрещении преждевременного ее взимания, о признании за рабочими права на союзы и забастовки, предоставлении профсоюзам полной свободы, об установлении минимума заработной платы с учетом уровня жизни, выработке закона о стра-

ховании труда, о предоставлении крестьянам и рабочим права иметь вооруженные отряды самообороны, о создании Всекитайского фонда просвещения, о созыве подлинно народного Национального собрания [см. 229, 1172].

Манифест преследовал цель поднять активность в первую очередь рабочих и крестьян. Основное внимание в нем было уделено требованиям, направленным на улучшение экономического положения этих классов. Интересы студенчества затрагивались в предложении создать единый национальный фонд на нужды просвещения.

Манифест представлял собой широкую социально-экономическую программу, содержание которой носило буржуазно-демократический характер. Он призывал народные массы сплотиться, поддержать гоминьдан и национальную армию, цели которых, как в нем указывалось, не расходились с целями, провозглашенными КПК.

Однако это признание коммунистами гоминьдана в качестве политической силы сочеталось с упреками в адрес его деятелей за прохладное отношение к общенациональному движению. В «Сяндао» появилась даже статья, содержавшая призыв создать на базе всеобщего подъема «великую национально-революционную партию или объединенную национально-революционную партию» [229, 1172].

Летом—осенью 1925 г. китайские коммунисты жили предчувствием больших перемен, стремились приложить все усилия к тому, чтобы объединить вокруг себя все патриотические силы китайской нации, чтобы довести национально-демократическую революцию до победного конца. Им казалось, что движение развивается уже под руководством рабочего класса, который ведет за собой другие классы и слои китайского общества, участвующие в революции. Более того, они полагали, что китайский пролетариат начинает играть главную роль и в мировой революции [см. 260, 1182]. При этом, по их мнению, пролетариат, играя ведущую роль в национально-освободительном движении, должен был одновременно вести и классовую борьбу против буржуазии. Его победа в этой борьбе должна обеспечить полное развитие национально-освободительного движения. В случае же победы капитала, считали они, национальные и демо-

кратические интересы Китая будут принесены в жертву в результате соглашательской политики и своекорыстных действий буржуазии [см. 255, 1183]. Критикуя Чжоу Фо-хая, требовавшего от коммунистов прекратить пропаганду классовой борьбы и сосредоточить внимание на воспитании национального самосознания, журнал «Чжунго циннянь» писал, что рабочий класс и крестьянство должны силой воздействовать на буржуазию, поставить ее под свой контроль и заставить ее следовать по пути национальной революции [219, 731].

Китайский пролетариат в движении «30 мая» действительно шел в авангарде революции, но это не значит, что он был ее гегемоном и занимал прочные руководящие позиции. Быть впереди и руководить — далеко не одно и то же. Борьба пролетариата оказывала огромное влияние на ход национальной революции, вносила в нее боевой дух, но в конечном счете не она тогда была определяющим фактором, не она решала исход революционных событий. Опыт движения «30 мая» свидетельствовал об этом с достаточной убедительностью. Попытки китайских коммунистов поднять рабочее движение на более высокую ступень, перейти от забастовок к созданию вооруженных отрядов рабочих и крестьян, создать объединенные союзы рабочих, купцов и студентов как прообраз будущей революционной власти наталкивались на серьезные преграды.

Милитаристы и крупная буржуазия активно выступали против рабочего класса. Проявляла колебания и мелкая буржуазия [см. 255, 1189]. Поддерживая национальные лозунги, она не одобряла социальные требования пролетариата. Радикализм коммунистов отпугивал и страшил ее.

Наконец, не откликнулись на события в городах крестьяне. М. Ф. Юрьев отмечает, что «основная масса крестьянства не участвовала в движении „30 мая“» [126, 322]. Несмотря на его широкий национальный характер, оно оставалось движением в основном городских слоев: промышленного пролетариата, студенчества и мелкой буржуазии. Молодые революционеры, работавшие в то время в деревне, жаловались на слабое воздействие антиимпериалистической пропаганды на сознание крестьян, которые считали, что между ними и империалистами нет ни прямых, ни косвенных отношений и что они не

испытывают страданий от гнета иностранного капитализма [см. 237].

Движение «30 мая» продолжалось примерно до сентября 1925 г. Основными его формами были забастовки, митинги и собрания, петиционные кампании. Старания коммунистов придать ему более широкий революционный размах, перевести на путь более решительной борьбы, вплоть до вооруженной, не увенчались успехом. Рабочий класс Китая не располагал достаточными силами, чтобы сломить сопротивление внутренней реакции и международного империализма. У него не было большого политического опыта, он был слабо организован. Его естественный союзник — крестьянство также было неорганизовано (кроме Гуандуна), его политическое сознание находилось на низком уровне, и оно не было готово вступить в решительную битву ни за свои, ни за национальные интересы. Китайская буржуазия, даже крупная, была еще экономически слаба, политически неопытна и не сумела использовать в своих интересах патриотический подъем, вызванный движением «30 мая».

Эти ее качества отметил Цюй Цю-бо в своей работе «Китайская революция и компартия», где писал, что «национальная буржуазия Китая никогда не играла полностью самостоятельной роли ни в экономике, ни в политике» [192, 15]. На слабость китайской буржуазии указывал и Л. Геллер, автор статьи «Рабочее движение в Китае», написанной по горячим следам событий 30 мая: «В крупнейших отраслях промышленности, за исключением разве текстильной и мукомольной, китайский капитал, по сравнению с иностранным, играет второстепенную и даже третьестепенную роль... Еще два обстоятельства умаляют значение китайской промышленной буржуазии в национально-освободительном движении. Одно — экономического порядка — нередкое в Китае сочетание в одних руках торговой, посреднической деятельности с промышленной. Две души живут в груди такого китайского буржуа (а их много): одна — компрадорская — толкает на соглашение, на сотрудничество с иностранными капиталистами; другая — промышленная — толкает на борьбу с ними. Уже по одному этому борьба не могла быть особенно решительной. Но была еще другая причина — политического характера — раннее и недвусмысленное классовое выступление на

политическую арену молодого китайского пролетариата» [134, 97].

Китайская буржуазия была действительно зависима и от иностранных капиталистов и от помещиков, была связана с ними, но в целом она уже пыталась выступать как самостоятельный политический фактор, и ее стремление играть более значительную роль в жизни страны возрастало по мере развития национальной революции. Она лавировала, шла на уступки трудящимся и империалистам, но, когда дело касалость ее классовых интересов, она умела показывать зубы — в меньшей степени сильному противнику, каким она считала империализм, в большей степени слабому, каким она считала рабочий класс.

Правые идеологи гоминьдана усилили в это время свои атаки против коммунистов, обвиняя их в пренебрежении национальными интересами Китая. Запевалой в этом антикоммунистическом хоре был Дай Цзи-тао, примыкавший ранее к марксистам. Он выступил под знаменем так называемых «чистых трех народных принципов», противопоставляемых им коммунистической идеологии, и стал идейным вдохновителем кампании, направленной против пребывания коммунистов в рядах гоминьдана и против левых гоминьдановцев, настаивавших на сохранении союза с Компартией Китая.

Дай Цзи-тао резко осуждал коммунистов за то, что они якобы провоцируют классовую борьбу в китайском обществе. Он считал, что рабочие и крестьяне должны отложить заботу об улучшении материального положения до тех пор, пока не будет создано государство трех народных принципов, в котором без всякого давления снизу правительство само из гуманных и милосердных соображений проявит заботу о трудящихся массах. До этого же нужно думать лишь о «национальной культуре» и «интересах государства».

Дай Цзи-тао писал: «Причина, по которой мы не признаем классовую борьбу единственным средством революции, заключается в том, что помимо классовой борьбы еще существует принцип революционного единства. Противоположность классов есть болезненное состояние общества. Она отнюдь не является чем-то нормальным». По Дай Цзи-тао, «проповедуемая Сунь Ят-сеном национальная революция практически является революцией

всех классов, действующих в единении», а поэтому «необходимо пробуждать сознание всей массы народа, а не только сознание одного класса» [цит. по 139, 144—145].

Практическим требованием Дай Цзи-тао было ликвидация или самороспуск компартии. Его работа «Национальная революция и китайский гоминьдан» стала настольной книгой реакционных элементов гоминьдана, теоретической основой их антикоммунистической и антисоветской деятельности [см. 180, 131].

В ней Дай Цзи-тао подчеркивал национальную исключительность Китая, умело оперируя цитатами из статей и речей Сунь Ят-сена и используя в своих целях его авторитет [42].

---

[42] Краткий анализ взглядов Дай Цзи-тао был дан в докладе Тань Пин-шаня на VII расширенном пленуме ИККИ (ноябрь — декабрь 1926 г.). Докладчик отметил следующие основные положения дайцзитаоизма: «Он против классовой борьбы, отрицает деление общества на классы и противопоставляет классовой теории теорию подразделения общества на сознательные и несознательные элементы. Сознательные, правящие элементы могут защищать интересы несознательных, управляемых элементов (следовательно, сознательные капиталисты могут защищать интересы трудящихся классов, сознательные помещики — интересы крестьянской бедноты и т. д.). Далее он утверждает, что классовый характер общества может быть сведен на нет и заменен так называемым национальным характером.

Он противопоставляет классовой диктатуре свою диктатуру революции. Он считает, что социализм Сунь Ят-сена в корне отличается от коммунизма. Коммунизм нуждается для своего проведения в непосредственных революционных актах, ввиду чего коммунисты утверждают, что через диктатуру класса можно прийти к ликвидации классового общества, между тем как сун-ят-сенизм (социализм Сунь Ят-сена) в форме „народной революции" достигает своей цели в политическом строительстве посредством государственной власти, поскольку революционные силы всех классов приходят к „диктатуре революции" в целях сужения власти классов и строительства совместной экономической организации общества путем государственной власти и таким образом к постепенной ликвидации классов.

Он игнорирует Коммунистический Интернационал как центр мировой революции и хочет создать „национальный" Интернационал угнетенных народов как центр „народной революции".

В области международной политики он занимает, в полном смысле слова, пассивную позицию и предпочитает отказ от сотрудничества. Он склонен бороться только с английским империализмом; что же касается японских империалистов, то при определенных условиях он готов пойти с ними на компромисс.

Он признает, что его ортодоксальная идеология является продолжением традиций древности (конфуцианство и т. д.). В дейст-

Вызов, брошенный Дай Цзи-тао, не остался без ответа. Руководители КПК подвергли обстоятельному критическому анализу его теорию, показав, какой огромный ущерб наносит она делу сплочения революционных сил страны. В статье «Национальная революция в Китае и дайцзитаоизм» Цюй Цю-бо убедительно показал, что Дай Цзи-тао печется не столько о национальных интересах, сколько об интересах китайской буржуазии, что его идеи есть «идеи буржуазного национализма, которые, объявляя так называемым высшим принципом государство или национальную культуру, на самом деле направлены на оболванивание народа. Их конечной целью является формирование империалистической китайской буржуазии» [97, вып. 2, 42].

Цюй Цю-бо разоблачал подлинный смысл проповеди национального единения, сплочения всех слоев китайского общества в гармоничном единении. Он писал, что, отказывая рабочим и крестьянам в праве бороться за улучшение своего жизненного положения, запрещая им вести классовую борьбу, Дай Цзи-тао выступает не как выразитель интересов всей нации, а как защитник буржуазии, так как «политические и экономические требования рабочих и крестьян — это революционные требования, неизбежно порождаемые условиями существующей экономической системы» [97, вып. 2, 46].

Попытки Дай Цзи-тао «погасить классовую борьбу» могут, по мнению Цюй Цю-бо, привести к тому, что гоминьдан полностью потеряет доверие рабоче-крестьянских масс. Классовая идеологическая борьба в гоминьдане неизбежна, и с точки зрения объективной — достичь абсолютной унификации идей невозможно. «Запрещать рабочим и крестьянам, находящимся в гоминьдане, выступать за свои классовые интересы — значит превратить гоминьдан полностью в буржуазную партию». Этого, указывал Цюй Цю-бо, добивается Дай Цзи-тао. На самом же деле, писал Цюй Цю-бо, «классовая борьба в ходе национальной революции стала фактом; и по мере возрастания классовой борьбы рабочих и крестьян

вительности же его идеология является продолжением древней феодальной идеологии.

Он за национальную революцию, но называет ее буржуазно-национальной революцией» [120, 19—20].

будет шириться и национальное революционное движение» [97, вып. 2, 49], потому что «классовая борьба китайских рабочих и крестьян играет авангардную роль в национальной революции Китая» [97, вып. 2, 42].

Цюй Цю-бо замечал, что, протестуя на словах против классовой борьбы, Дай Цзи-тао на деле сам ведет идеологическую классовую борьбу против пролетариата с позиций буржуазии. «Имеются лишь два пути развития национально-революционного движения в Китае,— утверждал Цюй Цю-бо,— первый — это подчеркивание классовой борьбы рабочих и крестьян и продвижение вперед всех революционных классов под водительством пролетариата; второй — это забота об интересах буржуазии, разговоры о „золотой середине“, о „примирении“, о „единении“ и выступления против классовой борьбы, что поставит движение на службу компрадорскому классу и приведет к полному сползанию его на сторону правых и империалистов» [97, вып. 2, 55].

Обстоятельную критику взглядов Дай Цзи-тао дал и Чэнь Ду-сю в своем письме на его имя. Он доказывал, ссылаясь на события 1925 г., что «в национальной борьбе необходима классовая борьба. Причина этого заключается в том, что артерии экономики в колониях и полуколониях большей частью находятся в руках иностранных капиталистов-империалистов, внутри страны экономику подрывают милитаристы. Пока национальная революция не достигла определенного успеха, на пути развития национальной буржуазии стоят объективные трудности в силу наличия класса компрадоров-купцов и помещиков, связанных с империализмом и феодалами-милитаристами. Поэтому в колониях и полуколониях совершенно исключается возможность буржуазных революций европейского типа (это — главная причина незавершенности Синьхайской революции). Успех национальной революции в колониях и полуколониях зависит от развития и концентрации сил рабоче-крестьянских масс, а эти силы могут развиваться и концентрироваться только тогда, когда будут иметь свои классовые организации и вести борьбу за свои кровные интересы. Поэтому тот, кто стоит за прекращение классовой борьбы в колониях и полуколониях, подрывает главную силу национальной борьбы» [275, 1187]. Чэнь Ду-сю подчеркивал, что борьба за классовые ин-

тересы рабоче-крестьянских масс усиливает революционное движение, а не ослабляет его.

Гоминьдан, писал он, не является партией одного класса, а объединяет различные классы [43], и у его членов, естественно, помимо общей веры, общих позиций, могут и должны существовать различные убеждения, при условии что они не будут наносить вреда единым идеалам и организационной прочности гоминьдана. Разговоры же об общей единственной вере равносильны требованию о слиянии разных классов, входящих в гоминьдан, в один класс, что просто неосуществимо.

Чэнь Ду-сю утверждал, что конфликт между пролетариатом и мелкой и средней буржуазией носит не столь острый характер, как конфликт между ней и бюрократией, помещиками и компрадорами. Намерения же Дай Цзи-тао создать чистую буржуазную партию он квалифицировал как утопию, так как в Китае еще нет класса национальной буржуазии [см. 275] [44].

Отбивая атаки правых гоминьдановцев, китайские коммунисты стали с еще большей активностью проводить линию на сближение с левым крылом гоминьдана. Они стремились изолировать правых и изгнать их из гоминьдана как реакционную, контрреволюционную силу.

В тот период левые гоминьдановцы выступали (по крайней мере на словах) за поддержку массового движения рабочих и крестьян, считая, что именно они составляют большинство китайской нации и, следовательно, говорить об интересах всей нации означало в первую очередь говорить об интересах рабоче-крестьянских масс. Ван Цзин-вэй, лидер левых гоминьдановцев, определял выступления против движения рабочих и крестьян как действия контрреволюционного характера. Борьбу рабочих и крестьян против капиталистов и помещиков он тогда признавал законной и справедливой.

В статье «Что такое контрреволюция», опубликованной в декабре 1925 г., он писал: «Что означает понятие

[43] По характеристике Г. Н. Войтинского, «гоминьдан — это сравнительно большая народно-демократическая партия, социальная база которой довольно пестра. Здесь имеется крестьянство, ремесленники, городские рабочие, интеллигенция и купечество» [130, 98].

[44] Это утверждение находилось в противоречии с прежними высказываниями Чэнь Ду-сю, что свидетельствовало об отсутствии у него твердых и последовательных взглядов.

„массы“? Под этим понятием нужно, безусловно, понимать всю нацию. Но разве большая часть этих масс не состоит из крестьян и рабочих? Если отбросить эти два класса, то от „масс“ останется лишь незначительная часть. Совершенно очевидно поэтому, что разбудить массы это почти то же самое, что содействовать движению крестьян и рабочих. Некоторые говорят: „Дело вовсе не обстоит так, что мы не содействуем движению крестьян и рабочих: мы хотим посоветовать капиталистам обращаться с рабочими мягко, как это мы советуем и помещикам в отношении крестьян“. Такую постановку вопроса можно сравнить (простите за иронию) с надеждой на возможность существования Верного Сына или Мудрого императора в феодальную эпоху. Почему же в таком случае не заменить известное изречение Конфуция „Владыка должен быть великодушным“ изречением, что „капиталист или помещик должен быть великодушным?“» [77, 47].

Ван Цзин-вэй называл контрреволюционерами тех, кто пытался под предлогом заботы о других классах общества не допустить развития рабоче-крестьянского движения. «Можно ли на основании приведенных утверждений о крестьянском и рабочем движении сказать,— говорилось в его статье,— что я принимаю во внимание только крестьян и рабочих и обхожу другие классы? Мой ответ таков: „Нет, я не забыл о существовании других классов: я только хочу, чтобы несчастные крестьяне и рабочие были в состоянии добиться справедливого отношения к ним со стороны других классов. Иными словами, я стремлюсь сделать их (крестьян и рабочих) способными взять власть, с тем чтобы водворить справедливость. Я хочу заявить, что те, кто видел, в каких ужасных условиях живут крестьяне и рабочие под притеснением других, и тем не менее не помог им освободиться от этих притеснений, такие люди враждебны нам и являются контрреволюционными“» [77, 48].

Далее он подчеркивал: «Антиимпериалистическое движение и движение крестьян и рабочих только кажутся двумя самостоятельными течениями: в действительности же это одно движение. Кто выступает против империализма, тому обеспечено сотрудничество крестьян и рабочих. Освобождение крестьян и рабочих равноценно освобождению государства и нации, и наоборот.

Кто подпевает империализму, тот склонен презирать крестьян и рабочих, такие люди даже топчут ногами крестьян и рабочих, так как цель этих лизоблюдов империализма — побольше нажиться на крови и тяжком труде этих двух классов и тем удовлетворить свое тщеславие» [77, 49].

Из таких заявлений коммунисты вполне естественно делали вывод о том, что левые гоминьдановцы всецело на их стороне и являются их верными союзниками в борьбе за классовые интересы рабочих и крестьян внутри общенационального демократического лагеря.

В Китае назревала в то время новая военная схватка между генеральскими кликами. На этот раз фронт борьбы поворачивался против мукденского милитариста Чжан Цзо-линя. Состоявшийся в октябре 1925 г. пленум ЦК КПК предполагал, что «конфликт произойдет на чрезвычайно расширенной в сравнении с прежними конфликтами базе, что борьба между мукденскими и антимукденскими силами вызовет огромное напряжение сил всей страны и неминуемо вовлечет — в той или иной форме — в борьбу империалистов. Этим национально-революционная энергия будет настолько развязана, что конфликт сможет стать началом завершения революции 1911 г. и поставит на очередь дня вопрос о революционно-демократической власти в стране» [160, 90].

В своих оценках политической ситуации в стране КПК исходила из того, что она продолжает оставаться революционной, что «развитие революционного и рабочего движения продолжает в общем и целом идти вверх» [160, 90].

КПК явно переоценивала степень революционизирования народных масс страны. Она рассчитывала на усиление своих позиций в гоминьдане путем сближения с его левым крылом [45]. Коммунисты надеялись на то, что, подобно расстрелу 30 мая демонстрации в Шанхае, не-

---

[45] Для деления гоминьдановцев на правых и левых, контрреволюционных и революционных строгих критериев не было. Деятель, сегодня считавшийся левым, завтра оказывался правым, и наоборот, что, правда, случалось реже. Чэнь Ду-сю в статье «Кого относить к левым и правым в гоминьдане?», перечисляя лидеров левого крыла, называл Ван Цзин-вэя, Чан Кай-ши, Ху Хань-миня, Тан Янь-кая и др. [293, 1247]. Крайние реакционеры распускали слухи о том, что некоторые из этих лиц являются коммунистами.

посредственное вмешательство империалистов во внутренние распри китайских генеральских клик вызовет новый подъем национального революционного движения.

В корреспонденции об этом пленуме ЦК КПК, помещенной в журнале «Коммунистический Интернационал»[46], говорилось: «Последние полгода революционного движения в стране создали в китайской компартии новую психологию. Партия осенена духом революции. Чувствуется, что сравнительно небольшая коммунистическая партия начинает получать большой политический аппетит — она хочет стать массовой партией. Это, между прочим, сказалось и в том, что на последнем пленуме была произведена оценка политической обстановки в стране, как и подобает пролетарской партии, когда она начинает играть политическую роль». В корреспонденции отмечалось: «У партии увеличилась вера в себя. Среди большинства партийного актива нет уже разговора о том, что мы, мол, малочисленны, многого не можем сделать, надо подождать с расширением рядов партии, ибо мы не можем обработать новых членов, и т. д. Такие настроения у большинства партийных товарищей уже изжиты.

Следующий крупный результат революционного движения в течение последнего полугодия — это стремление партии к организационному закреплению своего влияния не только в рабочей массе, но и среди крестьянства, революционной интеллигенции и широких слоев буржуазной демократии. Между прочим, установление более тесного блока с левым крылом гоминьдана, расширение и укрепление союза с широкими слоями демократии через посредство этого блока является одним из организационных вопросов партии в настоящий период».

Далее в журнале обращалось внимание на то, что «никогда раньше, ни на съездах, ни на пленумах вопрос о крестьянстве не ставился так серьезно, как в этот раз.

---

[46] Публикация сообщения с пленума и высокая положительная оценка его решений свидетельствуют о том, что в Коминтерне, как и в руководстве КПК, сложилось твердое убеждение в наступлении качественно нового этапа в развитии китайской революции, которая якобы уже обрела прочную массовую базу. Из такой оценки вытекал вывод о необходимости бросить в массы более радикальные лозунги, хотя прежние призывы коммунистов еще не стали практической программой революционного движения рабоче-крестьянских масс.

Крестьянская комиссия пленума, разобрав значительное количество материалов по крестьянскому вопросу с мест, пришла к выводу, что для партии является своевременным начать популяризацию идеи конфискации земли. Пленум счел, что выставлявшиеся нашей партией до сих пор переходные крестьянские требования, как-то: снижение арендной платы, облегчение налогового пресса, право крестьян на организацию союзов, вооружение крестьян для борьбы против бандитизма и джентри, изъятие соляной монополии из рук империалистов, снижение налогов на соль и, наконец, уничтожение лицзина (внутренние таможенные пошлины) — не являются достаточными требованиями, чтобы действительно перетянуть крестьянство на сторону революции и сделать его опорой революционно-демократической власти.

Из практических мероприятий для большего втягивания в революционное движение крестьянства, для политического пробуждения его намечено: 1) приступить к массовой агитации; 2) бросить достаточно сил в деревню; 3) приступить к организации крестьянских школ, где партийцы и комсомольцы будут подготавливаться для работы среди крестьян» [160, 93—94].

Призывы усилить работу в деревнях, чтобы пробудить, расшевелить и привести в движение крестьянские массы, все громче звучат в пропаганде китайских коммунистов. Коммунистическая партия настойчиво зовет студенческую молодежь отдать свои силы делу политического просвещения крестьян. Журнал «Чжунго циннянь» советует студентам на время каникул отправляться в родные деревни, изучать социальное и материальное положение крестьян, разъяснять им пользу организации крестьянских союзов, вести политическую агитацию. В рекомендациях, дававшихся студентам, лозунг борьбы за конфискацию помещичьей земли не упоминается, говорится лишь об агитации за отмену жестоких поборов, о борьбе против спекулянтов-купцов [см. 266]. Но если учесть малочисленность компартии и комсомола, то можно себе представить, сколь незначительными могли быть масштабы массовой работы в китайских деревнях. Даже с помощью студентов можно было охватить агитационно-организаторской деятельностью лишь небольшое число сел и деревень, да и то главным

образом в тех районах, где власти не чинили им особых препятствий.

Но и там приходилось преодолевать традиционный консерватизм крестьян, их настороженное отношение к пришельцам из городов, их равнодушие к национальным лозунгам. Опыт работы в деревне подсказывал коммунистам, что «вначале надо вовлекать крестьян на путь экономической борьбы и таким способом сплачивать и превращать их в революционную силу» [213, 370].

Центром руководства крестьянским движением являлся крестьянский отдел ЦИК гоминьдана, где у коммунистов были прочные позиции[47], используя которые они пытались придать более радикальный характер аграрной политике гоминьдана. Коммунисты — работники крестьянского отдела подбирали людей на курсы крестьянского движения, составляли учебную программу, сами читали лекции по проблемам китайской революции, по крестьянскому вопросу.

За время, прошедшее после I съезда крестьянских делегатов Гуандуна, крестьянское движение в этой провинции развивалось быстрыми темпами. В течение года крестьянские союзы были созданы в 66 уездах Гуандуна, а число членов возросло втрое и достигло 630 тысяч человек. Основной костяк союзов образовали крестьяне — арендаторы и полуарендаторы. Они составляли 60% членов союза, крестьяне-собственники — около 20%, батраки и сельские ремесленники — около 15% [см. 144, 226].

Такой состав крестьянских союзов показывал, что именно безземельные или малоземельные крестьяне, арендовавшие земли у помещиков и потому непосредственно заинтересованные в «черном переделе», являлись той потенциальной силой, которая способна была выступить против феодально-помещичьей системы. Именно эта часть крестьянства была наиболее восприимчива к лозунгам коммунистов. Зажиточная часть крестьянства и кулаки воздерживались от вступления в крестьянский союз, но занимали по отношению к нему позицию «дружественного нейтралитета». Е. Иолк указывал, что, несмотря на рост крестьянского движения, его лозунги продолжали оставаться на старом уровне. «Большинст-

---

[47] Тайваньский историк Ван Цзянь-минь сетует на то, что «крестьянский отдел был всецело в руках Пэн Бая» [180, 113].

во конфликтов крестьянства с помещиками за 1925 г.,— писал он,— происходило на почве защиты крестьянских союзов от нападения реакции. Борьба повсеместно шла за право существования крестьянской организации, в отдельных случаях за те или иные частичные экономические и политические требования крестьянства — снижение арендной платы, снятие какого-либо сверхналога, контроль над общественными суммами и т. п.» [144, 227].

Главная же слабость крестьянского движения состояла в том, что оно нигде не поднялось до того, чтобы стало возможным не только пропаганда лозунгов, но и практическое осуществление минимальных требований крестьянства. А без этого трудно было ставить вопрос о более радикальных, более революционных целях движения[48]. Е. Иолк отмечает, что Компартия Китая «при всех своих усилиях в направлении расширения крестьянского движения и организационного закрепления достигнутых успехов делала со своей стороны очень мало в смысле подъема движения на более высокий уровень. Наоборот, в материалах того периода мы находим многочисленные указания на сдерживающую роль партии в развитии крестьянской борьбы. В резолюции I съезда крестьянских союзов партия дает совет „не выдвигать слишком настойчивых требований по снижению арендной платы там, где крестьянские союзы находятся только в процессе организации". В отчете о крестьянском движении (1926) гуандунский комитет ККП, отмечая трудности в строительстве крестьянских союзов, указывает на ряд „субъективных ошибок", в числе которых ошибкой является „вызывающая военные столкновения тактика крестьянских союзов по отношению к миньтуаням". Причина этой тактики, по мнению гуандунского комитета КП, заключается в том, что „во многих местах стимулом к созданию крестьянских союзов является стремление союзов к захвату власти в деревне. Отсюда союзы немедленно после своей организации вступают в конфликт с миньтуанями". И в другом месте

[48] Пэн Бай писал: «В начале кампании (имеется в виду поход против Чэнь Цзюн-мина.— *Л. Д.*) революционные войска широко оповестили крестьян, что все незаконные налоги и поборы отменяются. И все же в настоящее время, за исключением разве опиумного налога, все остальные налоги, взимавшиеся при Чэнь Цзюн-мине, взимаются и кантонской армией, что вызывает у крестьян сильное смущение и недовольство» [116, 110].

того же отчета: „Крестьянские союзы иногда заходят слишком далеко. Многие союзы, только что организованные, сразу хотят забрать в свои руки денежные средства и оружие миньтуаней“. Далее, в анализе ошибок говорится: „В нашей агитации мы выдвигали слишком высокие лозунги“. В том же документе сообщается о настроении крестьянства Южного района (Лейчжоу, Хайнань) после прихода (в январе 1926 г.) армии Ли Цзи-шена, изгнавшей Ден Бен-ина. Крестьяне, возлагавшие много надежд на приход нацревармии, оказались обманутыми. Ни одно из требований крестьянства не было выполнено, ввиду чего крестьяне стали говорить: „Долой второго Ден Бен-ина!“, и только после наших разъяснений крестьяне успокоились» [144, 228].

В отдельных случаях коммунисты помогали гоминьдановской армии в разоружении крестьян. «Такие действия отдельных коммунистов руководителей крестьянского движения и вся линия парторганизации в целом, — замечает Е. Иолк,— замыкали движение в узкие, гоминьданом дозволенные рамки» [144, 228].

Коммунисты, работая в сельской местности, как правило, выступали от имени гоминьдана, что дало основание Чэнь Гун-бо, докладчику по крестьянскому вопросу на II конгрессе гоминьдана, заявить: «Наша партия является единственной политической партией, взявшей на себя руководство китайской национальной революцией и защиту интересов крестьянства» [цит. по 78, 26].

Между тем, пользуясь попустительством или поддержкой генералов и офицеров Национально-революционной армии, помещики и чиновники продолжали оказывать противодействие крестьянскому движению. Имея в своем распоряжении вооруженные отряды наемников, они громили организации безоружных крестьян. В результате все труднее становилось сохранить доверие крестьян к политике гоминьдана. Гуандунская провинциальная организация гоминьдана, видимо не без влияния коммунистов, приняла в конце 1925 г. резолюцию, потребовавшую от руководителей партии принять меры к тому, чтобы не отпугнуть крестьянство от гоминьдана. В резолюции отмечалось, что помещики «в стремлении задушить растущее крестьянское движение не брезгают никакими средствами, не останавливаются перед самыми подлыми преступлениями.

Почти ни одного месяца не проходит без того, чтобы не было разрушено некоторое количество крестьянских организаций или не были убиты заранее намеченные активные крестьянские деятели» [79, 116].

Гуандунская организация гоминьдана требовала распустить «сельские отряды» во всех местах, где существует крестьянская милиция, и сменить в кратчайший срок главное командование этих отрядов, а вместо них организовать крестьянскую милицию для охраны порядка в селах и областях [см. 79, 117].

В резолюции содержались также требования об аннулировании всей крестьянской задолженности, упразднении непосильных налогов, земельной монополии, о борьбе с ростовщичеством, о запрещении отбирать без всякого повода землю у крестьянина, об установлении предельной арендной платы, отмене налогов в случае плохого урожая, организации крестьянского банка и кооперативов, земельной реформы, улучшении оросительной системы. Гуандунская организация предложила также обеспечить безземельных крестьян землей, не указав при этом, откуда взять эту землю. Возможность конфискации помещичьей земли авторами резолюции не предусматривалась [см. 79, 118].

На состоявшемся в январе 1926 г. II конгрессе гоминьдана вопросам крестьянской политики был посвящен специальный доклад, по которому была принята соответствующая резолюция.

К началу работы II конгресса левым гоминьдановцам, опиравшимся на поддержку коммунистов, удалось оттеснить правых и обеспечить свое превосходство в руководящих органах гоминьдана. Коммунисты полагали, что девять десятых местных организаций гоминьдана находились под руководством их и левых гоминьдановцев [см. 120, 22]. Среди них господствовало мнение о том, что пролетариат уже вырвал руководство из рук буржуазии. Руководители КПК были убеждены в том, что, оттеснив правых, они обеспечили за собой контроль над гоминьданом.

На самом же деле состав участников конгресса не давал объективного представления о реальном соотношении политических сил в лагере национальной революции. Резолюции, принимаемые в Гуанчжоу руководством гоминьдана, не выполнялись даже в пределах Гуан-

дуна. Это особенно ясно видно на судьбе решений по крестьянскому вопросу, которые саботировались генералами Национально-революционной армии. Укреплением своих позиций в Гуандуне гоминьдановское правительство было обязано не столько движению крестьян (хотя последнее и играло важную роль), сколько военному превосходству над своими противниками. Военные деятели гоминьдана использовали крестьянское движение в своих целях, но вовсе не хотели, чтобы их солдат и офицеров использовали в интересах крестьянских масс. Конгресс гоминьдана мог принять любые, самые хорошие резолюции, но последнее, решающее слово оставалось за военными.

Накануне открытия II конгресса Гуандунский крестьянский союз устроил митинг в честь его делегатов под председательством Пэн Бая, на котором представители крестьян подвели итоги крестьянского движения в провинции и заявили о том, что они ждут от конгресса. Митинг прошел под лозунгами: «Поддержка политики Сунь Ят-сена по рабоче-крестьянскому вопросу!», «Долой милитаризм и империализм!», «Долой помещиков, дворян и всякого рода спекулянтов!», «Разоблачение контрреволюционеров!», «Да здравствуют делегаты второго конгресса гоминьдана!», «Да здравствует партия гоминьдан!», «Да здравствует национальное освобождение китайского народа!» [81, 169].

В основном докладе на митинге подчеркивалось, что классовая сознательность и организованность крестьян Гуандуна значительно возросла, что от экономической борьбы они переходят к политической, что крестьянское движение необходимо распространять на всю страну. «Когда крестьяне приобретут некоторые навыки в области экономической и политической борьбы,— говорил докладчик,— они должны взять в свои руки дело освобождения народа от милитаристов и империалистов. Для достижения свободы необходимо, однако, вовлечь в движение всю массу крестьянства, хорошо ее организовать, чтобы сломить помещичий класс. Есть люди, говорящие, что крестьянам нет необходимости враждовать и бороться с помещиками, что помещики, живя мирно с крестьянами, могут дать им некоторые выгоды. Но все гуандунские крестьяне, у которых теперь уже имеется кое-какой практический опыт, никогда этому не пове-

рят. А из наших товарищей все, кто участвовал в крестьянском движении и в каждом сражении видел крестьян, боровшихся за освобождение от помещичьего гнета, никогда не решатся высказать такое мнение.

Мы надеемся, что второй конгресс гоминьдана будет проводить более решительную крестьянскую политику, чем раньше, и выработает более энергичную крестьянскую программу для организации 300 000 000 крестьян как основной революционной базы» [81, 172].

Таким образом, в докладе содержался, по существу, упрек в адрес тех гоминьдановских лидеров, которые не желали портить отношения с помещичьим классом.

На митинге был поставлен самый больной для крестьянских организаций вопрос о роспуске наемных помещичьих отрядов, притесняющих крестьян. «Если мы не согласны сносить помещичий гнет, мы должны разоружить помещичьи отряды, и крестьяне должны стать под знамя революции и сбросить иго милитаристов,— заявил докладчик и потребовал,— 1) обезоружения наемных отрядов помещиков и 2) разгрома всех контрреволюционных организаций» [81, 172—173].

Судя по отчету, оратор, выступавший от имени делегатов конгресса, осторожно отнесся к требованиям крестьянских представителей.

«Хотя крестьянство Китая многочисленно,— заявил он,— но вследствие отсутствия выработанных методов борьбы мы не в состоянии были сделать его основным ядром нашей революции. Сегодняшний день нам принес большой опыт, который мы должны хранить и сделать достоянием всей страны. Наши крестьяне, являющиеся главными сельскохозяйственными производителями, порабощены помещиками, спекулянтами, дворянами и милитаристами и таким образом фактически превращаются в эксплуатируемый класс, но они должны восстать.

Работе наших товарищей мешают два обстоятельства: слабо развитая связь и отсутствие хороших методов борьбы. Методы, выявившиеся сегодня, должны быть проработаны в дискуссионном порядке на конгрессе» [81, 173].

На II конгрессе гоминьдана в докладе по крестьянскому вопросу повторялись заученные формулы о том, что если крестьяне, составляющие 80% населения стра-

ны, не будут участвовать в национальной революции, то она не добьется успеха.

Докладчик подчеркивал, что наиболее жестоко крестьяне страдают от политического гнета, и предлагал: «Для того чтобы облегчить страдания и тяготы крестьян, чтобы внушить им доверие к нашей партии и побудить их сотрудничать с ней, необходимо подвергнуть строгим наказаниям всех этих лжереволюционных солдат, военачальников и представителей власти; точно так же следует наказать местных ростовщиков и джентри, вступающих в блок с военными и гражданскими властями в целях обеспечения бесконтрольного ведения общественных дел и угнетения крестьян. Только при проведении указанных мер крестьянские союзы смогут развиваться и крестьянская политика партии сможет быть проведена в жизнь. Крестьяне должны быть привлечены к работе местных органов самоуправления, к борьбе с бандитизмом, а также в просветительные, судебные и административные учреждения; таким образом крестьянам будет дана возможность защищать свои интересы. С другой стороны, правительство гоминьдана должно в срочном порядке провести законы, обеспечивающие защиту интересов всего крестьянства в целом» [77, 33].

Для облегчения тяжелого экономического положения крестьянства докладчик рекомендовал принять следующие меры: снизить высокие проценты, взимаемые по займам и закладным; освободить детей от обязательства выплачивать долги их родителей; аннулировать старую задолженность по аренде; запретить компрадорам монопольно устанавливать цены на продукты; отменить все чрезмерные налоги и специальные сборы; учредить крестьянский кооперативный банк, кооперативное общество закупок, кооперативное общество торговцев и сельскохозяйственное кооперативное общество; улучшить ирригацию; оказывать населению помощь в случае голода и других стихийных бедствий; развивать земледелие.

Им предлагались следующие меры для улучшения положения отдельных категорий крестьянства. В отношении батраков: повысить заработную плату, потребовать сокращения их рабочего времени и улучшить условия их труда. Заработная плата и условия труда подростков и женщин должны быть такими же, как и для

взрослых мужчин-батраков. В отношении арендаторов: отменить существующую систему субаренды, установить предельный размер арендной платы; ввести официальные меры веса и объема; запретить взимание залогов и арендной платы авансом и отменить всякие незаконные сборы и практику подарков; освободить арендаторов от уплаты аренды в неурожайные годы и предоставить им в такие годы необходимые средства к существованию; воспретить землевладельцам повышать арендную плату по своему усмотрению, передавать без достаточных оснований участки, сданные арендатору, другим лицам и требовать от арендатора уплаты причитающихся с самого землевладельца налогов и сборов. В отношении крестьян-собственников: отменить всякие дополнительные налоги, кроме нормального земельного налога, и все специальные сборы; установить законный размер поземельного налога; воспретить сбор налогов за год вперед; освободить от налогового обложения безземельных крестьян и упорядочить размежевание земель.

«Кроме того,— говорил докладчик,— все окружные крестьянские союзы должны представить правительству гоминьдана доклады с указанием всех общественных фондов и земель, отобранных в данном округе минтуанью, отрядами обороны и сельской стражей, после чего означенные фонды и земли с разрешения правительства гоминьдана будут переданы в ведение и распоряжение крестьянских союзов для использования их на благо крестьянства.

Пустопорожние участки общественной земли и иные угодья, кроме посевной земли, должны быть с разрешения правительства гоминьдана переданы крестьянским союзам для обработки и насаждения лесов. Участки же, пригодные для посевов, должны быть розданы безземельным крестьянам-беднякам» [77, 36—37].

В докладе рекомендовалось всем провинциальным и районным организациям гоминьдана создать крестьянские отделы, так как до этого в провинциальных, районных и городских партийных организациях работа по крестьянскому движению проводилась крайне слабо и большинство этих партийных организаций вообще не имело крестьянских секций. Было намечено также расширить подготовку работников крестьянского движения на курсах в Гуанчжоу.

II конгресс принял все предложения крестьянского отдела ЦИК гоминьдана, что и нашло свое отражение в специальной резолюции. Ее содержание находилось в полном соответствии с решениями I съезда крестьянских делегатов Гуандуна. Гоминьдановская аграрная программа отражала существовавший уровень крестьянского движения и не стремилась его повысить. Коммунисты были полностью солидарны с этой программой. Иначе и быть не могло, поскольку они принимали самое непосредственное участие в ее составлении.

Надо заметить, что время от времени на страницах журнала «Чжунго нунминь» появлялись предложения более радикального порядка. Так, автор статьи «Прошлое, настоящее и будущее китайского крестьянства» [244] Цзоу Цзин-фан выступал за кардинальное решение революционным правительством аграрной проблемы, а именно за национализацию земли и передачу ее в пользование крестьянам. Он не соглашался с теми, кто сводил крестьянский вопрос к чисто экономическим проблемам, полагал, что для его решения необходимо покончить с низкой рентабельностью в сельском хозяйстве и избавить крестьян от хозяйственных трудностей. Возражал он и тем, кто искал ответа в социальной сфере, считал, что для решения крестьянского вопроса нужно покончить с арендаторскими тяжбами и беспорядками, происходящими в деревне, добиться улучшения условий крестьянского быта, повышения культуры в деревне, улучшения системы образования, санитарии и гигиены, организации крестьянского досуга и т. д.

Автор считал, что главное содержание крестьянского вопроса — это земельная проблема, служащая источником бед крестьянства. Именно появление неравенства в правах на землю породило все многочисленные экономические, политические и этические проблемы.

«Что же является первопричиной крестьянских страданий? — спрашивал автор. — На этот вопрос можно ответить: исключительно земельная проблема. Ибо поскольку людям разрешено владеть землей, закон — и гражданский, и уголовный кодексы — защищает владельца. Занял деньги под процент — должен отдать, засеял чужое поле — должен платить аренду. И какими

бы бесчеловечно жестокими ни были условия, устанавливаемые помещиками, долг непременно следует уплатить, аренду непременно следует внести» [244, 14]. Устранить эту несправедливость, по мнению автора, можно только в том случае, если «правительство конфискует всю имеющуюся в стране землю в собственность государства, а затем поровну распределит ее между крестьянами, наделяя каждого крестьянина, способного обрабатывать землю, участком в три-пять даней в вечное пользование. В качестве платы за землю правительство ежегодно будет собирать одну десятую или одну девятую урожая, полученного с данного участка земли; престарелые крестьяне будут получать от государства ежегодное пособие в определенном размере, молодым государство даст воспитание и образование. Присвоение земли частными лицами будет категорически воспрещаться. Все это будет означать, что право собственности на землю принадлежит государству, а крестьяне обладают лишь правом пользования... Только так крестьяне избавятся от трудностей, только тогда класс помещиков, вытягивающий из крестьян все жилы и соки, лишится своей опоры» [244, 15—16].

Но выступления, подобные статье Цзоу Цзин-фана, отнюдь не выражали общей линии КПК по крестьянскому вопросу в тот период.

Умеренный характер методов разрешения аграрной проблемы, предлагаемых коммунистами, их в целом сдержанное отношение к лозунгу конфискации помещичьей земли, на выдвижении которого настаивал Коминтерн, по-видимому, можно объяснить и тем, что для многих руководителей КПК в ту пору вопрос о характере китайского общества и о социальной природе помещичьего класса оставался неясным. В публиковавшихся тогда статьях отсутствовало четкое разграничение между буржуазией и помещиками. Нередко все китайское общество в них делилось на два класса — имущих и неимущих. Помещики квалифицировались как сельские капиталисты. А из этого определения вытекало, что в их отношении, как и в отношении всех капиталистов, на этапе национально-демократической революции необходимо применять политику ограничения. Что и находило свое конкретное выражение в требовании снижения арендной платы, вполне приемлемом для гоминьдановцев, по-

скольку оно не противоречило учению Сунь Ят-сена и его принципу народного благосостояния.

Несмотря на убеждение в том, что роль гегемона в китайской революции перешла в руки пролетариата, китайские коммунисты, за небольшим исключением, считали, что она находится на этапе буржуазно-демократическом, а точнее, на национально-демократическом. Но в этом случае, считали они, революция не могла преследовать цель полного сокрушения и уничтожения капитализма с его системой частной собственности на средства производства, в том числе и на землю. Самое большее, на что она могла быть направлена во внутреннем плане, было ограничение сферы действия капитала, лимитирование прибыли, извлекаемой капиталистами, к которым причисляли и помещиков.

Мнение о капиталистическом характере китайского общества было весьма распространенным [49]. Об этом свидетельствует и статья Мао Цзэ-дуна «Анализ классов китайского общества», опубликованная в феврале 1926 г. [218]. В ней автор излагал в популярном и упрощенном виде те взгляды, которые высказывались руководителями Компартии Китая.

В современной китайской историографии эта статья фигурирует как пример подлинно марксистского анализа крестьянского вопроса и вообще проблем и перспектив развития китайской революции. В книге «История современной китайской революции» об этой статье говорится, что она «явилась наиболее ранним в Китае и самым ясным марксистским программным документом. В ней был сделан конкретный анализ и даны научные выводы по ряду коренных вопросов китайской революции, правильно разрешены те вопросы, которые не на-

---

[49] Эта точка зрения находила своих приверженцев за пределами Китая. Так, Н. В. Кюнер в своих «Очерках новейшей политической истории Китая» писал, что «помещиков в Китае не существует, так как более крупные земельные участки обычно принадлежат государству» [108, 40]. Имеющихся же как исключение крупных землевладельцев он относил к буржуазии «в прямом смысле» [108, 46]. Анализируя социальную структуру Китая и «главнейшие классы» китайского общества, Кюнер писал, что «среди них, однако, мы не находим более остатков феодального строя». По его мнению, следы феодализма в экономической жизни страны были давно вытравлены сначала ростом торгового, а в последние годы и промышленного капитала [108, 47].

шли последовательного разрешения на состоявшихся съездах партии, в частности вопрос о гегемонии пролетариата, крестьянский вопрос и вопрос об отношении к буржуазии» [106, 140] и т. д. и т. п. Восторженную оценку этой работе дает и Ху Цяо-му, заявляя, что в ней Мао Цзэ-дун «1) дал всестороннюю оценку роли крестьянства в китайской революции; 2) указал на необходимость перехода всей власти в деревне к крестьянским союзам и на необходимость создания крестьянских вооруженных сил в деревне; 3) дал оценку различных групп крестьянства и указал на то, что крестьяне-бедняки, составляющие подавляющее большинство населения Китая, являются наиболее революционной силой в деревне; 4) указал, что нужно широко пропагандировать революционные идеи о необходимости опираться на массы, поднимать крестьян на революционную борьбу, сплотить их вокруг партии.

Труд товарища Мао Цзэ-дуна стал руководящим документом для коммунистов Китая в крестьянском вопросе» [122, 25].

В примечании к этой статье, вошедшей в первый том «Избранных произведений» Мао Цзэ-дуна, указывается, что она «была направлена против двух уклонов, существовавших тогда в партии». Представителем первого уклона объявляется Чэнь Ду-сю, сторонники которого «забывали о крестьянстве», а представителем второго — Чжан Го-тао, сторонники которого «тоже забывали о крестьянстве». В примечании подчеркивается, что не кто иной, как «товарищ Мао Цзэ-дун указал, что самым массовым и самым верным союзником китайского пролетариата является крестьянство, и разрешил, таким образом, важнейший вопрос китайской революции — вопрос о союзнике» [109, т. 1, 13—14].

Ознакомление с журнальным вариантом статьи не дает никаких оснований утверждать, что она была направлена против Чэнь Ду-сю, который был тогда Генеральным секретарем ЦК КПК, или против Чжан Го-тао. Ни прямой, ни косвенной критики их в статье не найти, да ее и не могло быть, поскольку в тот период взгляды Мао Цзэ-дуна вряд ли чем-либо отличались от взглядов других китайских коммунистов и левых гоминьдановцев. Что же касается роли крестьянства в китайской революции, то важность ее признавали как Сунь Ят-сен и

многие лидеры гоминьдана, так и Чэнь Ду-сю, Ли Дачжао и другие китайские коммунисты.

Помещая в 1951 г. данную работу Мао Цзэ-дуна в его «Избранные произведения», составители, видимо, понимали, что она не вполне отвечает положениям марксизма-ленинизма, и потому сделали все возможное для повышения ее теоретического уровня.

Рассмотрим некоторые из изменений, внесенных при подготовке издания 1951 г. Из первоначального варианта изъяты ссылки Мао Цзэ-дуна на Декларацию I конгресса гоминьдана. Не вошло в новый вариант и рассуждение автора о том, что «в любом государстве люди естественно делятся на три разряда: высший, средний и низший, а по более детальному разделению — на пять разрядов: крупная буржуазия, средняя буржуазия, мелкая буржуазия, полупролетариат и пролетариат» [218, 1]. Как видим, ни помещики, ни крестьянство здесь не рассматриваются как отдельные классы.

В исправленном варианте помещики выделяются в отдельный класс, тогда как в журнальном крупные помещики относятся к крупной буржуазии, а мелкие — к средней буржуазии[50].

Составители «Избранных произведений» сочли целесообразным опустить при подготовке нового текста и следующее суждение: «Отношение различных классов Китая к национальной революции почти полностью аналогично отношению различных классов в западноевропейских капиталистических государствах к социальной революции» [218, 2]. Вместо этого в новом варианте в разделе «Класс помещиков и компрадорская буржуазия» добавлено, что эти классы «олицетворяют наиболее отсталые и наиболее реакционные производственные отношения и препятствуют развитию производительных сил Китая» [109, т. 1, 16]. Соответственно раздел статьи, посвященный пролетариату, усилен словами, что «именно он олицетворяет новые производительные силы и является самым прогрессивным классом современного Китая» [109, т. 1, 24].

---

[50] В статье Тань Пин-шаня «Политическая борьба в деревне» [238], опубликованной в этом же номере журнала, отношения в сельском хозяйстве Китая характеризуются как капиталистические, а помещики относятся к категории «сельских капиталистов».

В первоначальном тексте автор вообще не употребляет таких понятий, как производственные отношения и производительные силы. Во многих случаях выражения «национальная революция», «национально-революционное движение» заменены на «революцию», «революционное движение».

В первоначальном тексте мы не найдем ни слова о том, что крестьянство является верным союзником китайского пролетариата. Во-первых, Мао Цзэ-дун в то время считал крестьян-полуарендаторов и бедняков полупролетариями, а крестьян-батраков — пролетариями, а во-вторых, вопрос о друзьях и врагах рассматривался им не по отношению к пролетариату или с позиций пролетарской партии, а по отношению к революции (национальной) и с позиций революционной партии (т. е. гоминьдана).

В этом же году в рукописном журнале «Кантон», который выпускал кружок советских специалистов, работавших тогда в Гуанчжоу, был опубликован критический обзор статьи Мао Цзэ-дуна, автор которого М. Волин убедительно показал ее схематичный и немарксистский характер. Проделанный М. Волиным разбор показывает, что в 1926 г. Мао Цзэ-дун в своей статье не только не разрешил какого-либо важного вопроса китайской революции, но не в состоянии был и поставить его, ибо в то время он не понимал ни характера и особенностей китайского общества, ни объективного содержания буржуазно-демократического этапа китайской революции.

Свой интерес к статье Мао Цзэ-дуна М. Волин объяснял тем, что она «является весьма характерной для современной марксистской литературы в Китае и в этом отношении представляет для русского читателя особый интерес.

Давая ряд весьма ценных данных, облегчающих читателю в известной мере ориентировку в сложном вопросе классовой дифференциации и классовых отношений в китайском обществе, статья тов. Мао Цзэ-дуна, с другой стороны, дает интересный образец современного китайского коммунистического произведения со всеми его достоинствами и недостатками» [132а, 149].

У Мао Цзэ-дуна все классы китайского общества были распределены по следующей схеме:

Класс	Количество	Отношение к революции
Крупные капиталисты	1 000 000	Абсолютные контрреволюционеры
Средние капиталисты	4 000 000	Правое крыло приближается к контрреволюционерам; левое крыло иногда принимает участие в революции, но фактически находится в блоке с врагами революции. Говоря грубо, левое крыло можно считать полуконтрреволюционным
Всего. . .	5 000 000	
Мелкие капиталисты		
Правое крыло	15 000 000	Правое крыло может быть названо полуконтрреволюционным, подобно средней буржуазии; в условиях роста революционной борьбы и ее успехов они могут перейти на сторону революции
Группа нейтральных . . .	75 000 000	Вообще говоря, они нейтральные, но в условиях революционной борьбы они могут принять участие в революции
Левое крыло	60 000 000	Приветствуют революцию
Всего. . .	150 000 000	
Полупролетариат		
Полусамостоятельные крестьяне	50 000 000	Участники революции
Арендаторы-испольщики	60 000 000	Активные участники революции
Бедные крестьяне	60 000 000	Решительная сила революции
Ремесленники	24 000 000	То же, что и испольщики
Мелкие торговцы	5 000 000	То же самое
Разносчики	1 000 000	То же, что и бедные крестьяне
Всего. . .	200 000 000	

Класс	Количество	Отношение к революции
Пролетариат		
Промышленный пролетариат	2 000 000	Основная сила революции
Кули в городах	3 000 000	Ближайшая к промышленному пролетариату сила
Сельскохозяйственный пролетариат	20 000 000	Решительная сила революции
Безработные пролетарии	20 000 000	Могут стать силой революции
Всего. . .	45 000 000	

Внимательно разобрав эту схему, М. Волин пришел к выводу, что китайское общество рассматривается Мао Цзэ-дуном как общество развитого капиталистического строя: «По описанию тов. Мао Цзэ-дуна весь Китай делится на капиталистов (крупные, средние и мелкие), на полупролетариев и пролетариев. Приняв за исходное такое подразделение, тов. Мао Цзэ-дун, естественно, должен был разместить все существующие в Китае более или менее значительные социальные слои по установленным им пяти основным категориям. В результате получилась такая картина, что в класс крупных капиталистов огулом были зачислены помещики, милитаристы, крупные чиновники и проч.; в класс полупролетариев — полусамостоятельные крестьяне, арендаторы и „бедные" крестьяне (всего 170 000 000 человек); в класс средней буржуазии — мелкие помещики и проч.

Совершенно понятно, что такое подразделение является более чем произвольным. Здесь тов. Мао Цзэдун совершенно пренебрегает крупнейшим моментом современной общественной жизни в Китае, именно — остатками полуфеодальных отношений, которые, естественно, находят свое отражение в классовой структуре современного китайского общества.

Попытка распределить более чем трехсотмиллионное сельскохозяйственное население в Китае на капиталистов, пролетариев и полу-пролетариев не могла не извратить настоящей природы китайских общественных классов и этим объясняются такие неестественные циф-

ры, как 200 000 000 полупролетариев, 45 000 000 пролетариев и проч.» [132а, 159, 160].

Далее М. Волин писал, что Мао Цзэ-дун «не учел того существенного обстоятельства, что Китай в настоящее время только идет к капитализму, что так называемое национально-освободительное движение, направленное одной своей стороной против империализма, другой своей стороной обращено против всех пережитков феодального прошлого и, таким образом, классовая структура китайского общества в действительности более сложная и более противоречивая, чем это представлено тов. Мао Цзэ-дуном в его схеме.

Мы совершенно не останавливаемся на том обстоятельстве, что понятие „класс" в анализе тов. Мао Цзэдуна является вообще весьма условной категорией и с точки зрения марксистского анализа более чем неточное» [132а, 160].

Арифметический подход Мао Цзэ-дуна к проблеме соотношения классовых сил в революции приводит его к выводу, что победу над врагами революции одержать не так уж сложно, стоит только объединить 395 млн. человек, причисляемых им к мелкой буржуазии, полупролетариату и пролетариату.

«Основным недостатком разбираемой статьи,— резюмировал М. Волин,— является ее чрезмерная схематичность. Если этот недостаток достаточно ясно выражен в первой части статьи, где дается общий анализ классов в Китае, то особенно резко этот недостаток выступает в конце статьи, где противоречия классов в Китае изображаются как противоречие 5 000 000 крупной и средней буржуазии и 395 000 000 остальных.

Такое упрощенное, чисто формальное толкование вопроса классовых противоречий в современном Китае является большим недостатком разбираемой статьи» [132а, 161].

Состоявшийся в марте 1926 г. VI расширенный пленум Исполкома Коминтерна в своей резолюции по китайскому вопросу оценил итоги работы II конгресса гоминьдана как дальнейший шаг вперед в его революционизации, так как, осуждая правых и подтверждая необходимость боевого союза гоминьдана с коммунистами,

конгресс «закрепляет революционное направление деятельности гоминьдана и кантонского правительства и обеспечивает гоминьдану революционную поддержку пролетариата» [22, 123][51]. Исполком Коминтерна переоценивал широту и прочность социальной базы революционного правительства в Гуанчжоу. В резолюции было записано, что это «правительство успело уже связаться с самыми широкими массами рабочих, крестьян и городской демократии» [22, 122]. Дальнейшее развитие событий показало, что эта оценка была преувеличенной. Завышенной была и оценка армии, поддерживавшей гоминьдан. В резолюции было сказано, что гуанчжоуское правительство создало «более последовательные формы организации демократических военных сил и их взаимоотношений с массами трудящегося населения и городской демократии» [22, 123]. Подобная характеристика противоречила реальным фактам. Слов нет, Народно-революционная армия, воевавшая под флагом гоминьдана, отличалась от милитаристских войск. Сказывалось прогрессивное влияние работы русских советников и китайских политических работников (коммунистов и левых гоминьдановцев). Но она далеко еще не стала демократической, народной, и ее отношение к крестьянской борьбе против помещиков (в лучшем случае нейтральное, а в худшем — открыто враждебное) красноречиво свидетельствовало об этом[52].

---

[51] Г. Войтинский считал главным успехом II конгресса гоминьдана устранение опасности раскола. Он писал: «Последний съезд гоминьдана показал, что левому крылу гоминьдана удалось сохранить единство партии. Пришлось лишь исключить из партии ряд правых гоминьдановцев, чтобы оздоровить партию и дать ей возможность расти, вовлекая новые массы.

Единство гоминьдана сейчас особенно важно. Нельзя идти единым фронтом против империалистов, если не будет тесного блока между коммунистами и гоминьдановцами. Поэтому закончившийся съезд гоминьдана считал, что основная задача на ближайшее время заключается не только в сохранении единого фронта, но и в расширении его, включив в него не только гоминьдановцев, но и те политические группировки и элементы, которые желают идти против империалистов, хотя не разделяют платформы гоминьдана» [130, 98].

[52] Иная оценка положения давалась в статье Тань Пин-шаня «К современному политическому положению в Китае», опубликованной в 1926 г.: «На самом деле кантонская армия недостаточно сильна, положение кантонского правительства недостаточно прочно, практическая политика правительства в Квантуне (Гуандуне) не-

VI пленум Исполкома Коминтерна вновь напоминал китайским коммунистам, что крестьянство является основным и решающим фактором китайского национально-освободительного движения, предупреждал о необходимости борьбы «против двух одинаково вредных уклонов: против правого ликвидаторства, игнорирующего самостоятельные классовые задачи китайского пролетариата и ведущего к бесформенному слиянию с общим демократическим национальным движением, и против крайних левых настроений, стремящихся перескочить через революционно-демократический этап движения непосредственно к задачам пролетарской диктатуры и советской власти, забывая о крестьянстве» [22, 124][53].

Крестьянский вопрос в резолюции называется основным вопросом китайского национально-освободительного движения, ибо «от того, в какой мере массы 400-миллионного китайского крестьянства окажутся вовлеченными в решительную революционную борьбу совместно с китайскими рабочими и под их руководством, зависит победа революционно-демократической тенденции ки-

---

удовлетворяет массы, и потому различные социальные слои относятся к экспедиции кантонской армии совершенно различно: 1) купцы стояли за экспедицию, ибо они надеялись, что по крайней мере часть из 100 000 армии, которая до того содержалась в Квантуне (Гуандуне), каков бы ни был исход войны, перейдет в другие провинции и этим облегчится бремя, лежащее на купцах в Квантуне (Гуандуне); 2) рабочие и крестьяне, особенно страдающие от жестокостей милитаристов, которые больше не в силах терпеть гнета империалистов и милитаристов, которых разбудила широкая пропаганда и агитация гоминьдана, вначале энергично отстаивали экспедицию. Но теперь, когда военное бремя легло главным образом на крестьян, они стали колебаться» [170, 19].

[53] Г. Войтинский впоследствии говорил: «Действительно, линия компартии в это время в основном заключалась в том, что мобилизовался и организовывался пролетариат, велась политика за сохранение общенационального фронта, чрезвычайно большое внимание уделялось малейшим колебаниям буржуазии, но не было должного внимания вопросу о развитии аграрного движения, вопросу поднимания и раскачивания крестьянских масс.

Особенно это относилось к Гуандунской провинции, к центру гоминьдановского влияния и силы. Тем более это необходимо подчеркнуть, что в 1925 г. крестьянское движение в Гуандунской провинции было самым передовым, самым значительным во всей стране». По его мнению, период между 30 мая 1925 г. и июлем 1926 г. (начало Северного похода) характерен «отставанием крестьянского движения от революционного движения в городах» [131, 93—94].

тайского национально-освободительного движения» [22, 125].

Указывая на то, что «в общем крестьянство в Китае остается еще распыленным» и «дело организации его очень мало еще продвинулось вперед», VI пленум Исполкома Коминтерна подчеркивал: «Основной задачей китайских коммунистов в гоминьдане является разъяснить массе крестьянства во всем Китае, что только образование независимой революционно-демократической власти на основе союза рабочего класса и крестьянства может радикально улучшить материальное и политическое положение крестьянства, вовлечь массу крестьянства в активную борьбу под боевыми лозунгами, объединяющими понятные и близкие ему политические и экономические требования с общими политическими задачами борьбы против милитаристов и империалистов» [22, 125].

Резолюция особо оговаривала, что в этой борьбе «китайское крестьянство еще долго будет выступать как единая сила» [22, 126]. Это можно было понять как критику решений КПК о создании отдельно союзов батраков и арендаторов. Резолюция оставляла открытым вопрос о характере земельных отношений в китайской деревне. Виновником всех бедствий крестьянства по-прежнему назывались милитаристские клики и иностранные империалисты. Говорилось о том, что «внедрение в страну иностранного капитала подорвало патриархальные отношения в деревне» [22, 125], но социальная сущность этих отношений не раскрывалась. В резолюции упоминалось о «кабальных условиях аренды», о «ростовщическом институте посредников между богатыми землевладельцами и массой арендаторов», об «изнуряющей системе непосильных налогов» [22, 125], о «полуфеодальных порядках в китайской деревне», которые поддерживаются администраторами, посредниками и джентри [см. 22, 126], однако в ней не поднимался в прямой форме вопрос о борьбе против помещичьей системы эксплуатации. В этом смысле резолюция мало чем помогала в понимании сущности и содержания аграрной проблемы в Китае.

Слова об образовании «независимой революционно-демократической власти на основе союза рабочего класса и крестьянства» могли быть истолкованы как отказ

от союза с национальной буржуазией. Появление подобного тезиса свидетельствовало о неправильном понимании конкретной ситуации в Китае и способствовало усилению левацких настроений в руководстве КПК.

После II конгресса гоминьдана происходит заметное оживление работы крестьянского отдела. Значительно расширился набор на курсы крестьянского движения, причем если раньше на них занимались в основном представители Гуандуна, то теперь число слушателей из других провинций значительно увеличилось.

Слушателям читались курсы: «Три народных принципа» (лекторы — Чэнь Гун-бо, Чэнь Ци-хуань), «История гоминьдана» (Гань Най-гуан), «Крестьянский вопрос в Китае» (Мао Цзэ-дун), «Образование в деревне» (Мао Цзэ-дун), «Империализм» (Сяо Чу-нюй), «История национально-революционного движения в Китае» (Сяо Чу-нюй), «Социальные проблемы и социализм» (Сяо Чу-нюй), «Политическое положение Китая» (Пэн Шу-чжи), «Положение в Советской России» (Чэнь Ци-сю), «Профсоюзное движение в Китае» (Ли Ли-сань), «Военное движение и крестьянское движение» (Чжоу Энь-лай) [см. 83]. Лекторами, за небольшим исключением, были коммунисты. Учебная программа предусматривала двухнедельную практику в уезде Хайфын — колыбели крестьянского движения в Китае.

При крестьянском отделе ЦИК гоминьдана в марте 1926 г. был сформирован комитет крестьянского движения, который собирал информацию о положении крестьян во всех провинциях страны, о их борьбе. Он распределял окончивших курсы на работу и ведал расходами на организацию крестьян [см. 84].

В результате крестьянское движение из Гуандуна перекидывалось в другие провинции, хотя там организация крестьянских союзов шла значительно медленнее. Вся эта работа велась от имени гоминьдана, хотя выполняли ее главным образом коммунисты и комсомольцы.

Одновременно с формальным укреплением позиции коммунистов в гоминьдане, с усилением их деятельности по активизации рабочих и крестьянских организаций шел процесс консолидации правых реакционных сил, вы-

ступавших под знаменем антикоммунизма и антисоветизма. В борьбе против растущего влияния КПК реакционеры использовали такие события, как образование Монгольской Народной Республики и сохранение за Советским Союзом прав на КВЖД. Правые подняли вокруг этих вопросов бешеную националистическую кампанию, направленную против КПК и Советского Союза. Кроме того, они обвиняли коммунистов и советских советников в том, что те захватили в свои руки власть в Гуандуне [см. 85, 1345—1346].

Распространяемые реакционерами клеветнические слухи о «покраснении» гоминьдана и гуандунского правительства, о том, что генерал Галин (Блюхер) забрал в свои руки всю военную власть, а советник Бородин — гражданскую, преследовали цель обосновать их требования об ограничении деятельности коммунистов в гоминьдане и в конечном счете о ликвидации компартии. Коммунисты, вскрывая подоплеку этой реакционной пропаганды, доказывали, что она созвучна с контрреволюционной деятельностью милитаристских клик и империалистов и играет им на руку.

Кульминационным пунктом кампании против КПК и Советского Союза явились события 20 марта 1926 г. Чан Кай-ши, обвинив коммунистов в заговоре против него и в намерении создать в Гуанчжоу рабоче-крестьянское правительство, произвел военный демарш с целью оказать давление на политику гоминьдана [см. 290]. В результате будущему диктатору и стоявшей за его спиной группе удалось частично достигнуть своих целей [см. 126, 312—317].

Цюй Цю-бо впоследствии объяснял секрет успеха Чан Кай-ши тем, что он увидел нерешительность и неуверенность коммунистов, которые сами после победы над правыми обнаружили свое намерение уступить им ради сохранения единого фронта и заявляли о том, что их «политика действительно несколько „забежала вперед“». Среди коммунистов стали раздаваться голоса о том, «не смягчить ли рабочее движение, не ослабить ли борьбу крестьян и не ограничить ли забастовки рабочих». Цюй Цю-бо считал, что такая «тактика коммунистов и вытекающие из нее последствия имели в известном отношении решающее значение для переворота 20 марта, совершенного Чан Кай-ши. Чан Кай-ши, обо-

дренный неуверенной политикой коммунистов, решился на переворот и начал после этого собирать силы для дальнейшего наступления» [32, 87—88].

События 20 марта были пробой сил, и в итоге Чан Кай-ши удалось доказать, что коммунисты вовсе не являются хозяевами положения и что военные деятели гоминьдана сохраняют в своих руках реальную власть. Чан Кай-ши и его сторонники, выступив против рабочих и крестьян, показали себя защитниками буржуазии и помещиков. События в Гуанчжоу подбодрили помещиков и сельских реакционеров, которые также стали усиливать свою деятельность против крестьянских союзов.

Правильная оценка пагубного влияния переворота Чан Кай-ши на крестьянское движение в Гуандуне была дана в статье П. Мифа «Крестьянский вопрос в Китае». В ней автор указывал, что суть дела не только в перегруппировке сил внутри центрального аппарата гоминьдана и отстранении от власти левых гоминьдановцев. «Социальный смысл всех последовавших после 20 марта событий в значительной мере заключается в общем наступлении на крестьян реакционных элементов»,— писал П. Миф. Он отмечал, что «кантонское правительство за два года своей работы мало еще успело сделать для проникновения в низы, для реорганизации низового аппарата власти, для подлинного улучшения положения крестьян.

В провинции Гуандун до сих пор уездная и волостная власть сохранилась в руках правящего слоя джентри и крупных землевладельцев. По-прежнему господствует арендная и ростовщическая кабала. По-прежнему крестьяне находятся под давлением налогового пресса... Именно в этой провинции рост сил крестьянских союзов вызвал в первую очередь противодействие со стороны реакции. Контрреволюционные силы были подавлены, но не были окончательно уничтожены. Они повели бешеную агитацию против крестьянских союзов. Но это делу не помогло. Не могли они бороться с крестьянством, стоя вне гоминьдана. Они начали вступать в ГМД, чтобы, прикрываясь революционной вывеской, вносить разложение в его ряды. Одновременно эти реакционные элементы собирали вооруженные силы для подавления крестьянского движения. В условиях этой обостренной

социальной борьбы события 20 марта и больше всего уход правительства Ван Цзин-вэя, явившийся результатом демонстрации 20 марта, независимо от субъективных желаний самого Чан Кай-ши сыграли на руку помещикам и джентри тем, что открыли шлюзы реакции на местах» [156, 24—25].

Но Чан Кай-ши не дошел в своем контрреволюционном рвении до конца. Он и близкие к нему политические и военные деятели гоминьдана еще нуждались в народных массах. Они не хотели окончательно порывать с Советским Союзом, откуда они получали военную помощь. В то время в военно-политическом руководстве гоминьдана при участии представителей Советского Союза обсуждался вопрос о практической подготовке к Северному походу против милитаристских клик и за национальное объединение страны.

Цай Хэ-сэнь пишет, что в тот период Чан Кай-ши «не раз весьма недвусмысленно и грубо давал нам понять, что он хочет использовать нас как носильщиков паланкинов и что ему нужна сила рабоче-крестьянских масс. С другой стороны, мы также еще не совсем окрепли и не могли немедленно отобрать обратно гегемонию в ревдвижении; этой слабостью нашей и объясняется, почему крестьянское движение не переходило границ Гуандуна и почему так слабо развивались в провинции рабочие организации» [173, 11]. Цай Хэ-сэнь отмечает, что «переворот 20 марта приостановил успешное развитие классовой борьбы в деревне» [173, 13]. По мнению Г. Войтинского, из событий 20 марта не был сделан правильный вывод о необходимости «всячески укреплять свой союз с крестьянством». Коммунистическая партия Китая «не понимала, что только быстрое развитие аграрной революции и руководство ею компартией, а также развитие революционной борьбы пролетариата в решающих центрах страны может разрешить внутреннее противоречие китайской революции в сторону создания перевеса сил на стороне пролетариата и крестьянства», а между тем «в деревнях в это время уже происходило довольно значительное движение... Организовывались крестьянские союзы, боровшиеся за землю и за власть в деревне. Наша партия недоучла величайшего значения этого процесса и не бросила главные силы на организацию его» [131, 95, 96].

На II пленуме ЦИК гоминьдана в мае 1926 г. под давлением Чан Кай-ши и других генералов были осуждены «ошибки так называемого детского характера».

Прямые выпады против крестьянского движения, заслуги которого в поддержке походов за расширение революционной базы были общепризнанными, противоречили бы официальным заявлениям гоминьдановского руководства, поэтому правые деятели гоминьдана сосредоточили свое внимание на «ошибках» и «перегибах», допущенных крестьянскими союзами, умалчивая о жестокостях помещиков и о их кровавых методах подавления крестьянского движения.

Некоторые гоминьдановцы сетовали на отсутствие конкретных установок по аграрному вопросу. Так, У Чжао-шу указывал, что, хотя поддержка рабочего и крестьянского движения является принципом политики партии, до сих пор нет сформулированного и определенного образа действия, обязательного для партии в этом вопросе. Он предлагал выработать соответствующие планы и доложить их III национальному конгрессу.

По существу, это была попытка перечеркнуть прежние решения гоминьдана по крестьянскому движению и отмежеваться от той борьбы, которую вели крестьяне Гуандуна.

Выступавший на пленуме Ли Цзун-жэнь заявил, что крестьянское движение в различных местах сделало много ошибок. Лозунги партии, говорил он, часто неверно понимаются, или используются как повод для частых ссор, или служат предлогом для организации банд или связи с бандами, чтобы волновать страну, противодействуя сбору налогов. По его мнению, необходимо было принять меры к запрещению подобных действий, разъяснению лозунгов и устранению недоразумений.

Пленум ЦИК гоминьдана в своем решении признал, что крестьянское и рабочее движение совершали ошибки «так называемого детского характера». Вместе с тем пленум не мог не вспомнить о том, что программа гоминьдана выдвигала поддержку рабочего и крестьянского движения в качестве принципа. «Мы не можем отказаться от этого принципа из-за нескольких ошибок. Более того, такое положение вещей неизбежно в современных условиях в Китае и на ранней стадии развития

крестьянского и рабочего движения» [78, 342],— говорилось в решении.

Решения II пленума ЦИК гоминьдана не отличались последовательностью. В них много недомолвок и двусмысленных мест. Правые не могли в тот период навязать гоминьдану политику открытого подавления рабочего и крестьянского движения. Но они сумели провести такие формулировки, которые играли на руку реакционной военщине и помещикам в их борьбе против организованного движения крестьянских масс. Отныне любой протест со стороны крестьян, доведенных до отчаяния помещичьими репрессиями, мог быть истолкован как «эксцесс», как «детская ошибка левизны» и т. д. Такая двойственность была выгодна помещикам и невыгодна крестьянам. Решение гоминьдана означало, что его руководство берет курс на сдерживание и ограничение крестьянского движения страны интересами национальной борьбы [см. 126, 319—320].

Ценою больших уступок со стороны коммунистов сотрудничество КПК и гоминьдана было сохранено. Но сфера деятельности коммунистов была сильно сужена, а их влияние на формирование политики гоминьдана ограничено. Они оказались в подчиненном положении. За ними оставалась еще возможность вести среди крестьян и рабочих агитационно-массовую работу, но в тех пределах, которые были установлены руководством гоминьдана, где у дирижерского пульта стоял уже Чан Кай-ши.

В мае 1926 г. в Гуанчжоу был созван II съезд крестьянских делегатов Гуандуна. На этом съезде делегаты представляли уже более 620 тысяч организованных крестьян Гуандуна [см. 96, 9][54]. В его работе приняли участие представители провинций Гуанси, Фуцзянь, Хунань, Хубэй, Чжэцзян, Цзянсу, Хэнань, Шаньдун, Шаньси, Цзянси, Гуйчжоу.

К этому времени в Хунани и Хубэе уже были созданы провинциальные крестьянские союзы. Считалось, что по всей стране имеется более одного миллиона организованных крестьян. Однако если учесть, что в это число входило более 600 тысяч членов крестьянских сою-

---

[54] В одном из документов съезда называлась другая цифра — 800 тыс. [см. 96, 219].

зов в Гуандуне и 300 тысяч в Хунани, то можно понять, какую мизерную долю сельского населения удалось вовлечь в крестьянские союзы в других районах страны. Основные крестьянские массы Китая не были охвачены ни коммунистической, ни гоминьдановской пропагандой.

Участники II съезда крестьянских делегатов Гуандуна, заявив о своей поддержке гоминьдана и революционного правительства, обратились к ним с просьбой пресечь действия внутренних реакционных элементов и покарать тех солдат и офицеров, которые, нарушая политику партии, попирают права крестьянских союзов и громят их организации [см. 96, 199].

Крестьяне напоминали о том вкладе, который они внесли в дело разгрома врагов гуанчжоуского правительства. В то же время делегаты заявляли о том, что жизнь крестьян не улучшилась, что они по-прежнему мучаются под тяжелым гнетом помещиков, ростовщиков и чиновников.

В принятом на съезде Манифесте обращалось внимание на незаконную подрывную деятельность помещиков и их агентов, на их бесчинства в отношении крестьян. В нем говорилось о том, что в деревнях реакционные помещики и всякого рода сброд вступают в гоминьдан, проникают в крестьянские союзы и с помощью клеветы, запугивания и других методов нарушают сплоченность крестьян. Своим вступлением в гоминьдан, говорилось в Манифесте, помещики преследуют цель стать над крестьянским союзом и командовать им. Среди них были популярны следующие суждения: «Гоминьдан — отец, а крестьянский союз — сын. Мы должны вступить в гоминьдан, чтобы управлять детьми» или: «Члены гоминьдана — это те, кто сидит в паланкине, а крестьяне — носильщики. Присоединяясь к гоминьдану, мы заставляли крестьян нести нас» [101, 137]. «Эти реакционные силы деревни,— отмечали делегаты съезда,— в любое время могут стать оплотом контрреволюционных милитаристов, а в будущем стать источником появления новых милитаристов и поистине создать великую опасность для мира и единства в Гуандуне» [96, 201—202].

В резолюции съезда подчеркивалось, что «национальная революция в полуколониальном Китае есть крестьянская революция», а «национально-революционное

движение есть великое движение за освобождение крестьян. В экономическом плане с точки зрения масс крестьянский вопрос есть центральный вопрос национальной революции, ее развитие и успех зависят от развития и успеха крестьянского движения» [96, 204].

В резолюции отмечалось важное значение для успеха революции рабочего, а также купеческого и студенческого движения, признавалось, что городские рабочие должны играть роль революционного авангарда, но крестьянскому движению по степени важности отводилось главное место. Съезд подтверждал решимость и готовность крестьян крепить союз с рабочим классом, «своим естественным союзником в революции» [96, 211].

Гуандунский съезд крестьян указал, что в результате успехов крестьянского движения в провинции «оно переросло в политическую борьбу» [96, 205], свидетельством чему является выдвижение требований о преобразовании сельской власти. Справедливость этих требований обосновывалась засильем в сельских органах власти помещиков и их подручных, несмотря на то что большинство членов уездных гоминьдановских организаций составляют крестьяне — члены союза.

Обобщая годичный опыт и критически подходя к своим успехам, съезд обратил внимание на организационную рыхлость союзов, отсутствие гибкости у руководителей, недостаток единства в отражении атак врага. Отмечалось, что слабо поставленная пропаганда не обеспечивала сочувствия крестьянам со стороны студентов, рабочих и мелких торговцев и в результате крестьяне оставались изолированными в своем противоборстве с помещиками.

Слабость местных организаций съезд видел в их стремлении, не успев расширить свои ряды и окрепнуть, уже выставлять чрезмерные требования, бороться за осуществление которых они не имели сил, что объективно было на руку помещикам.

В постановлениях съезда проводилась мысль о том, что крестьянский союз должен действовать на основе программы и решений гоминьдана, направленных на защиту интересов крестьянства [96, 210]. Указывалось, что обо всех местных конфликтах надо докладывать правительству [96, 214]. Это решение было принято под явным влиянием резолюции II пленума ЦИК гоминьдана об

ограничении крестьянского движения. В духе гоминьдановских установок съезд заявил, что «для освобождения крестьян надо дождаться завершения национальной революции» [96, 214]. На крестьянские союзы возлагалась обязанность содействовать расширению и укреплению местных ячеек гоминьдана. Вместе с тем съезд заявил о стремлении крестьян иметь своих представителей в местной администрации, в судебных органах, в учреждениях, ведающих образованием, а также в других совещательных органах, где решаются вопросы, непосредственно касающиеся крестьян.

В решении, посвященном организационным вопросам, было подчеркнуто, что костяк крестьянского союза составляют бедняки[55] как самый обездоленный, самый революционный слой крестьянства, но они должны объединиться с крестьянами-собственниками, сельской интеллигенцией, мелкими торговцами и лоточниками, а также могут сотрудничать с мелкими помещиками.

Это положение преследовало цель расширить рамки единого фронта против империалистов и милитаристов, собрать все силы деревни ради общих интересов национально-освободительной борьбы. Съезд при этом проводил определенное различие между крестьянами-собственниками, интеллигенцией и мелкими помещиками. Если с первыми надлежало сплотиться, то с последними «можно было сотрудничать» и не обязательно объединяться.

В документах II гуандунского съезда крестьян содержалась просьба к правительству отменить незаконные поборы, взимаемые помещиками, а именно: преждевременный взнос арендной платы и ее повышение под угрозой сгона с земли, принудительные подношения и угощения помещиков, взимание залогов при заключении арендных договоров, употребление нестандартных мер и весов с целью обмана арендаторов, насильственное изъятие у крестьян скота, орудий и зерна в случае невнесения арендной платы и т. д. [см. 96, 224—225].

Второй съезд в отличие от I съезда не потребовал установления максимума арендной платы, хотя в его документах содержались жалобы на непомерно высокие ее размеры (от 50 до 80% урожая).

В других резолюциях съезда содержались требова-

---

[55] К категории бедняков относили батраков и арендаторов.

ния о запрещении ростовщических процентов по займам с установлением правительством максимальной нормы ссудного процента, об отмене системы местного обложения, не ограниченной никакими пределами и намного увеличивавшей налоговое бремя крестьян, об охране прав молодых батраков, равной оплате за одинаковый труд и установлении для них восьмичасового рабочего дня.

Съезд обращался к правительству с просьбой принять меры для пресечения налетов на деревни бандитских шаек и установления порядка в сельских районах.

Программные установки II съезда выглядят более умеренными, чем те, которые были выставлены I съездом. Среди них отсутствуют пункты о выделении земельного фонда для наделения землей безземельных бедняков, о повышении заработной платы батракам. Тон и стиль резолюций II съезда также отличается умеренностью, они уже не столь категоричны. Съезд не выставлял прямых требований, а обращался с просьбой к правительству принять меры, издать законы и т. д.

Грубый нажим, оказанный реакционерами и военщиной, был небезрезультатным. В руководстве Компартии Китая господствовало в то время мнение о нецелесообразности выдвижения радикальных лозунгов решения аграрной проблемы. По воспоминаниям А. И. Черепанова, Генеральный секретарь ЦК КПК Чэнь Ду-сю в марте 1926 г. в беседе с членами комиссии А. С. Бубнова, изучавшей в Китае вопрос о возможности и условиях подготовки и проведения Северного похода, говорил, что коммунисты составили следующие требования: «1) брать с крестьян лишь государственный налог...; 2) дать право крестьянским союзам вместе с органами сельской администрации определять размер налога и цен на сельскохозяйственную продукцию; 3) признать право крестьян создавать союзы и вооружаться, участвовать в выборах местного самоуправления» [124а, 89]. Умеренность этих требований Чэнь Ду-сю объяснял тем, что «при национальной революции рабочие и крестьяне должны идти на некоторые уступки, потому что нельзя нарушать единый фронт и слишком много давать рабочим и крестьянам» [124а, 92].

Работа II съезда гуандунских крестьян проходила в те дни, когда в руководстве гоминьдана все острее ста-

вился вопрос о выступлении Национально-революционной армии в поход против северных милитаристов и шло обсуждение всех вопросов, связанных с ним. В решениях крестьянского съезда подчеркивалось, что крестьяне Гуандуна поддерживают выступление революционных войск против милитаристов и международного империализма. Съезд выражал уверенность в том, что крестьяне всего Китая поддержат Северный поход гуанчжоуского правительства.

В целом умеренный тон резолюций съезда, авторами которых были коммунисты, показывал, что руководители КПК стали более осторожными в выдвижении лозунгов крестьянской борьбы. Они пришли к выводу, что было бы преждевременным обострять социальные противоречия в деревне, что политическая обстановка не благоприятствует переходу крестьян к открытому и решительному выступлению против помещиков. Эта тактика временного отхода была связана с общим курсом отказа от овладения командными позициями в руководящих органах гоминьдана. Впоследствии китайских коммунистов осуждали за это, но если бы они настаивали на проведении более радикальной линии и не шли на уступки, то вряд ли избежали бы полного разгрома.

Глава IV

СЕВЕРНЫЙ ПОХОД И ВОПРОСЫ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Принятие решения о Северном походе

Идея о Северном походе вынашивалась Сунь Ят-сеном еще в 1922 г., когда он возглавлял правительство в Гуанчжоу, но ему помешало предательство Чэнь Цзюнмина.

Руководители гоминьдана унаследовали эту идею. В конце 1925 г., после укрепления своих позиций на Юге, объединения под своей властью Гуандуна, Гуанси и Гуйчжоу, провозглашения гоминьдановского правительства национальным, они стали вести активную подготовку к этому походу. Ревностным его сторонником был Чан Кай-ши, сосредоточивший после 20 марта 1926 г. в своих руках военно-политическую власть.

Окончательное решение о Северном походе зависело не только от воли Чан Кай-ши и идущего за ним руководства гоминьдана. Важное значение имело отношение к этой идее Советского Союза, на чью военно-материальную поддержку и помощь военными специалистами рассчитывал Чан Кай-ши, а также позиция Коммунистической партии Китая, которая должна была обеспечить поддержку рабоче-крестьянских масс в борьбе против северных милитаристов.

Для изучения конкретной обстановки и расстановки классовых сил, состояния и возможностей революционного лагеря и его союзников из Москвы в Китай была послана делегация во главе с начальником Политуправления РККА А. С. Бубновым. Члены комиссии выяснили, что среди наших военно-политических советников

имеются расхождения по вопросу о возможности и целесообразности Северного похода. Некоторые из них отрицательно относились к этой идее, считая, что предпринимать поход на Север ни в коем случае нельзя, другие стояли за ускорение подготовки к походу [см. 124а, 17].

Советские специалисты совершенно правильно ставили вопрос о том, что дело не только в разгроме вражеских войск и в преодолении пути от Гуанчжоу до Пекина, но и в обеспечении социальных условий для закрепления победы в освобождаемых районах. Опыт Гуандуна свидетельствовал о том, что эта задача сопряжена с большими трудностями.

Рассматривая вопрос о подготовке к Северному походу в тесной связи с состоянием рабоче-крестьянского движения и степенью политической активности других слоев населения, советские работники предлагали: 1) приступить к серьезной организации крестьянства; 2) направить по правильному руслу профессиональные союзы; 3) углубить работу среди студенчества [см. 143, 8].

У руководителей КПК единой позиции по отношению к Северному походу не было. Г. Войтинский вспоминал, что, по мнению одних, роль компартии должна была бы заключаться в том, чтобы содействовать всемерно военным успехам экспедиции и не осложнять положения чрезмерной борьбой рабоче-крестьянских масс за свои классовые интересы. Другие были против Северного похода, опасаясь, что он укрепит буржуазию и Чан Кай-ши и не даст возможности организовать рабоче-крестьянские массы и втянуть их в революционное движение [см. 131, 98].

Один из руководящих деятелей компартии, Цюй Цюбо, поддерживая идею похода на Север, утверждал, что настал момент решительной смертельной схватки и потому такие методы, как демонстрации, бойкот, всеобщая забастовка, уже не являются достаточно эффективными. Вооруженное же восстание народных масс в Китае без помощи революционной армии и руководства со стороны революционной партии он считал делом трудноосуществимым. «В китайской национальной революции,— писал Цюй Цю-бо,— трудно достичь победы, полагаясь только на вооруженное восстание городского населения,

рабочих и крестьян. Это объясняется, во-первых, экономической отсталостью Китая, неразвитостью путей сообщения. Если и удастся создание революционных крепостей в деревнях, то эти победы будут иметь лишь местное значение. Одновременное же восстание во всей стране — технически невозможное дело. Во-вторых, в большей части городов расквартированы войска милитаристов и империалистов, которые они используют для ответного удара и в случае необходимости даже перебросят отборные войска из Индии и Японии. Тогда если нам и удастся одержать временно победу в городе, то упрочить ее будет весьма трудно. В-третьих, в силу особых полуколониальных политических и экономических условий в Китае находится необычайно много войск, большую часть которых косвенно держит под своим контролем империализм, а поэтому одними партизанскими действиями народные массы, не имеющие достаточной военной техники и снаряжения, не сумеют оказать сопротивления врагу» [258, 27—28].

Исходя из всего этого, Цюй Цю-бо приходит к выводу, что наиболее действенным способом успешного проведения революции является революционная война. Китайская революция остро нуждалась, по его мнению, в регулярной революционной армии. Цюй Цю-бо призывал развернуть всестороннюю активную работу по созданию великого национально-революционного объединенного фронта и по подготовке к революционной войне, т. е. выступлению национального правительства в Северный поход, во время которого военные действия войск должны сочетаться со всеобщими забастовками и вооруженными восстаниями в городах и селах. Главным он считал революционную войну, все другие средства борьбы должны сыграть вспомогательную роль.

Северный поход, по мнению коммунистов, давал им возможность вырваться из Гуандуна на широкий простор и развернуть свою деятельность среди рабочих и крестьянских масс всего Китая, а затем, опираясь на их поддержку, попытаться занять ведущее положение в лагере национальной революции. ЦК КПК высказался за поддержку Северного похода. Как писал через несколько лет Цай Хэ-сэнь, «пролетариат хотел использовать Северную экспедицию для накопления сил рабочих и крестьян и отвоевания гегемонии для себя, чтобы

направить в дальнейшем революцию по некапиталистическому пути» [123, 12].

Коммунисты предполагали, что при благоприятном ходе событий им удастся в борьбе с буржуазией одержать верх и возглавить революцию. Тань Пин-шань позднее говорил: «В китайской революции состязаются две колесницы, одной правит буржуазия, другой — пролетариат. Кто опередит другого в этом состязании, будет первым у цели» [120, 8].

Он следующим образом формулировал задачи Компартии Китая в предстоящем Северном походе:

«а) расширение и укрепление рабоче-крестьянских организаций, которые лишь при наличии единой и сильно сплоченной организации пролетариата и при его гегемонии в революции могут сохраниться и довести революцию до победоносного конца;

б) привлечение мелкой и средней буржуазии к активному участию в национально-освободительном движении и разрушение ее веры в соглашательскую крупную буржуазию;

в) укрепление и расширение единого фронта для последней решающей битвы с империализмом и милитаризмом;

г) расширение и укрепление левого крыла гоминьдана как центра единого фронта трудящихся классов;

д) стимулирование движения за национальное собрание, за аннулирование неравноправных договоров;

е) выставление четкой аграрной программы» [171, 15—16].

Июльский пленум ЦК КПК (1926)

В июле 1926 г. состоялся расширенный пленум ЦК КПК, на котором в числе других рассматривался и вопрос о крестьянском движении.

В документах пленума была дана следующая характеристика расстановки социально-классовых сил в стране:

1. Силы контрреволюции, связанные с империализмом: милитаристы, компрадоры, чиновники, старые и

новые шэньши. Они проводят кампанию против красных.

2. Новые силы революции: рабочий класс, крестьянство, студенчество, участвующие в революционном движении. Они противостоят реакционным силам.

3. Движение борьбы средних и мелких торговцев (борьба против тяжелых налогов и поборов).

4. Реформистское движение буржуазии. В этом движении единства нет. Часть буржуазии целиком и полностью на стороне компрадоров и империалистов, другая ее часть готова сотрудничать с революционным лагерем, но на определенных условиях. В то же время эта часть буржуазии склоняется и к соглашательству с империализмом. Независимому развитию китайской буржуазии препятствует империализм. В настоящее время буржуазией пренебрегать нельзя, но при этом нужно иметь в виду, что в будущем она станет реакционной силой.

Из этого анализа делался вывод, что основной силой революции являются рабочие, крестьяне и студенты. Торговцы пассивны, но их надо перетянуть на сторону революции. Буржуазия же в силу своего зависимого положения ищет выхода в революции. Но она, во-первых, надеется, что ей удастся кое-что выторговать у империалистов, а во-вторых, боится роста революционных сил пролетариата. У буржуазии два пути: или, отказавшись от революции, пойти на соглашательство с империализмом, или самостоятельно развертывать национально-революционное движение, не допуская гегемонии пролетариата. Но поскольку первый путь исключен, буржуазия вынуждена следовать вторым путем.

Июльский пленум ЦК КПК на вопрос, нуждается ли революция в участии буржуазии, отвечал: временно необходимо использовать буржуазию. Если же слишком сильно ударить по ней, она полностью перейдет на сторону империализма, а это умножит силы врага и принесет ущерб революции [см. 180, 219—220]. Перед компартией и рабочим классом ставилась задача вести борьбу с буржуазией за гегемонию в революции.

Этот анализ давал искаженную картину истинного положения вещей. На самом деле буржуазия, а вернее, связанная с ней военщина, уже активно включалась в национально-революционное движение, и, в то время как

компартия строила планы использования буржуазии, военно-политическая верхушка гоминьдана уже использовала коммунистов в своих интересах, одновременно сдерживая и контролируя их деятельность.

Планы завоевания гегемонии пролетариатом, а также руководящей роли компартией в национальной революции не подкреплялись ни конкретной, отвечающей запросам дня социально-политической программой, ни реальными силами, которые могли бы поддержать компартию в ее борьбе за гегемонию. Китайский пролетариат не обладал к тому времени достаточными силами и возможностями, чтобы решающим образом воздействовать на ход и направление революционного процесса. Более того, он был не способен тогда оказывать существенное влияние даже на политику партии, выступающей от его имени. Преувеличение его сил и возможностей, его революционных качеств, сколь лестным оно ни было, вряд ли могло способствовать повышению его роли в национально-освободительном движении. Поддержка, получаемая им от международного рабочего класса, и в первую очередь от Советского Союза, оказалась недостаточной, чтобы перетянуть чашу весов на его сторону.

На II пленуме ЦИК гоминьдана коммунистов уже оттерли от руководства. Среди коммунистов раздавались голоса, требовавшие выхода из гоминьдана. Пленум ЦК КПК не согласился с этими коммунистами и подчеркнул, что «развитие гоминьдана и наше участие в выработке политики гоминьдана — одна из предпосылок победы китайской революции» [180, 222]. Пленум подверг критике тех, кто считал, что компартия уже может одна, руководя пролетариатом, повести за собой угнетенные народные массы и довести до конца буржуазно-демократическую революцию. Ошибочным был признан и предлагавшийся некоторыми членами партии курс на захват монопольной власти в гоминьдане как нереальный и сектантский. Оба этих уклона таили в себе опасность отрыва компартии и пролетариата от мелкой буржуазии города и деревни и перехода руководства массами полностью в руки гоминьдановцев.

Июльский пленум выдвинул задачу превращения гоминьдана в широкую организацию на основе вовлечения в его ряды представителей революционной мелкой бур-

жуазии. С этой целью КПК считала необходимым добиваться пересмотра Устава гоминьдана и либерализации существующих дисциплинарных норм. Содержание тех организационных перемен, которые КПК предлагала произвести в гоминьдане, было изложено в докладе Тань Пин-шаня на VII пленуме Исполкома Коминтерна. Руководители компартии исходили из того, что организационный Устав гоминьдана, почти столь же строгий, как и Устав компартии, не только не приносит пользы, а, наоборот, вреден, ибо «во-первых, при его наличии гоминьдан не может стать подлинной массовой партией, долженствующей объединять в своих рядах все классы, и во-вторых, прогрессивные буржуазные и многие мелкобуржуазные элементы, желающие работать в интересах национальной революции, не вступают в гоминьдан в силу строгости его Устава. В-третьих, идущая на всякие компромиссы буржуазия получает возможность создать самостоятельную партию, увлекая за собой эти элементы мелкой и средней буржуазии. В-четвертых, рабоче-крестьянские массы, вступившие в гоминьдан, связаны уставом партии и рискуют постепенно ассимилироваться в последней и начать равнодушно относиться к своим классовым интересам» [120, 29].

Планируя коренной пересмотр организационных основ гоминьдана, руководство Компартии Китая стремилось превратить эту политическую партию в организацию единого национального фронта. Предполагалось, что это обеспечит преобладающее влияние пролетариата как единственного класса, у которого была своя политическая партия. В основе этого намерения лежала глубоко укоренившаяся у руководителей КПК мысль о том, что буржуазия Китая не представляет собой самостоятельной политической силы и не способна создать партию, отстаивающую ее классовые интересы.

Но эта мысль не отражала реального положения вещей, и построенные на ней планы, естественно, не могли быть осуществлены. Трудно было ожидать, чтобы связанное с буржуазией и помещиками правое крыло гоминьдана, занимавшее господствующие позиции в армии, согласилось уступить ту реальную власть в гоминьдане, которую оно приобрело после событий 20 марта 1926 г. Не согласилось бы с этим и левое крыло. Оказать

же давление снизу Компартия Китая была не в состоянии.

За намерением разрушить гоминьдан как организационно оформленную партию и превратить ее в организацию единого фронта скрывалась идея о самостоятельной, независимой деятельности, осуществить которую можно было или покинув гоминьдан, или коренным образом изменив его организационную структуру. Руководители КПК не решались открыто и определенно заявить об этом, поскольку Коминтерн немедленно выступил бы против самой идеи прекращения сотрудничества с гоминьданом.

В резолюции по крестьянскому движению давалась оценка состояния крестьянского движения в стране. Отмечая, что в последнее время наблюдаются непрекращающиеся крестьянские выступления — восстания Союза Красных пик в провинциях Хэнань и Шаньдун, движение за снижение арендной платы и борьба против высоких налогов в провинциях Сычуань, Шэньси и Чжили, рост движения за организацию крестьянских союзов в провинциях Гуандун и Хунань,— пленум указывал, что их объединяет одна общая тенденция: борьба против налоговых поборов, против досрочного взимания денежных и натуральных налогов, против продажных чиновников, против миньтуаней, протест против бедствий, приносимых войнами. Крестьянство выступало за свободу организации союзов, за создание отрядов вооруженной самообороны, выдвигало требование образования такого правительства, которое не притесняло бы народ. В провинции Гуандун, где уровень крестьянского движения был наиболее высок, крестьяне выставили лозунг местного самоуправления и избрания начальников уездов демократическим путем и т. п. Пленум считал, что «ныне крестьянство уже осознает тяжесть своего пложения и не хочет дальше его терпеть. Оно уже само (сознательно или несознательно, неорганизованно или организованно) поднимается на борьбу против угнетающих и эксплуатирующих его классов (помещиков, тухао, шэньши, компрадоров и империалистов). Другими словами, крестьяне уже поднялись и вступили в ряды фронта национальной революции, они уже фактически играют большую политическую роль (например, в победе национального правительства в Гуандуне, в поражении

второй национальной армии в Хэнани) и занимают важное место в национально-освободительном движении Китая» [180, 233].

В резолюции утверждалось, что «политическая сознательность крестьянства, его роль в политической жизни будут день ото дня расти, и оно станет главной силой национально-освободительного движения. Успешное руководство нашей партией национально-освободительным движением зависит от привлечения сил крестьянства на свою сторону, от завоевания гегемонии в руководстве крестьянским движением» [180, 233].

Однако, по мнению пленума, время для выработки общенациональной программы разрешения аграрного вопроса еще не настало. Можно было говорить о такой программе лишь для Гуандуна. Поэтому пленум решил отложить разработку и принятие аграрной программы до V съезда партии и ограничился лишь выдвижением наиболее назревших требований, осуществить которые должно было революционное правительство.

Экономические требования предусматривали:

а) ограничение размеров максимальной арендной платы — крестьянам должно оставаться не менее 50% урожая;

б) ограничение ростовщической эксплуатации — максимальная месячная ставка не должна превышать 3%;

в) запрещение досрочного сбора денежных и натуральных налогов, а также различных тяжелых поборов;

г) запрещение злоупотреблений при исчислении налогов — все налоги должны определяться в рыночных ценах;

д) унификация единиц мер и весов;

е) запрещение спекуляции, поддержка движения за сельскую потребительскую кооперацию.

Политические требования включали в себя:

а) предоставление крестьянам свободы собраний и союзов;

б) право на демократические выборы начальников уездов;

в) выборы сельских органов самоуправления на общих собраниях крестьян;

г) контроль за выполнением местных бюджетов;

д) запрещение «миньтуаням» осуществлять аресты, вести следствие и исполнять другие судебные функции;

е) искоренение коррупции в судах, борьба с практикой вымогательства взяток государственными служащими [см. 180, 233—234].

В резолюции июльского пленума наблюдалось стремление расширить рамки объединения крестьян. Если в деревнях, говорилось в ней, имеются действительно массовые крестьянские объединения, то их не нужно заменять новыми крестьянскими союзами, а следует объединять все крестьянские организации уезда в один уездный крестьянский союз.

Пленум выдвинул лозунг: «Крестьяне, все до одного поднимайтесь на борьбу против продажных чиновников, лешэнь и тухао, против тяжелых налогов и поборов правительства милитаристов!». Исходя из того, что крестьянские союзы еще не могут стать чисто классовыми организациями (например, организациями только батраков или арендаторов), пленум не определил четкие критерии для приема в союз. Июльский пленум ЦК КПК только рекомендовал не принимать лиц, владеющих большим количеством земли и лично не обрабатывающих ее, а также лиц, занимающихся ростовщичеством.

Члены новых крестьянских союзов, указывалось в резолюции пленума, должны стараться завоевать старые крестьянские организации на свою сторону, не допускать, чтобы помещики и кулаки использовали их в целях угнетения трудовых слоев деревни. В случае возникновения конфликтов между помещиками и бедняками следует добиваться, чтобы старые крестьянские союзы разрешали их в духе примирения.

Пленум предлагал избегать расширения фронта борьбы в деревне, не выступать против всех помещиков, а направлять удар лишь против крупных землевладельцев. «Наша политика по этому вопросу,— говорилось в резолюции,— состоит в том, чтобы, сплотившись воедино с арендаторами, батраками, крестьянами, работающими на своей земле, установить единый фронт с мелкими и средними помещиками, нейтрализовать таким образом крупных помещиков, не ставших еще полностью тиранами, и бороться только против крайне реакционных крупных помещиков, которые превратились в лешэнь и тухао. Нельзя выдвигать лозунг свержения помещиков

вообще, необходимо выдвигать лозунг ниспровержения лешэнь и тухао, что фактически будет означать ниспровержение крупных помещиков» [180, 235].

Авторы резолюции, учитывая опыт крестьянского движения в Гуандуне, полагали, что выдвижение радикальных лозунгов в данной ситуации было бы нереальным. Осторожный подход к вопросу борьбы против помещичьего класса в целом, попытка выделить из среды помещиков наиболее злостных, против которых и направлять острие крестьянской борьбы, были правильными и оправданными. Вспомним, что и много позднее, уже после образования КНР, в период аграрных преобразований, Компартия Китая придерживалась такой же тактики, нанося первые удары по небольшой кучке злостных помещиков и расширяя фронт борьбы по мере роста сознательности и политической активности крестьян.

Осторожно подошел пленум и к требованию крестьян о запрещении миньтуаней. В резолюции указывалось, что нельзя рассчитывать на ликвидацию миньтуаней в настоящее время. Политика партии должна состоять в ведении агитационной работы среди рядовых членов миньтуаней и борьбы за смену руководства этими отрядами, с тем чтобы влияние в миньтуанях перешло в руки просвещенной мелкой буржуазии, и тогда они перестали бы быть препятствием на пути крестьянского движения [см. 180, 235].

Пленум признавал правильным требование крестьян о создании отрядов вооруженной самообороны, но при этом советовал проявлять осторожность: не переходить рамок самозащиты (не вмешиваться в административные дела, не разоружать миньтуаней и т. п.) и не превращать их в постоянные организации, так как это неизбежно привело бы к столкновению из-за сфер власти (с помещичьими миньтуанями, местными гарнизонами и т. п.) [см. 180, 236].

Июльский пленум рекомендовал в районах, где крестьянским движением уже занимается гоминьдан, сотрудничать с его ячейками, но при этом сохранять независимость крестьянских союзов, не превращать их в придаток гоминьдана.

Важным пунктом резолюции было требование расширить организационное и идеологическое влияние партии в деревне. Это была задача задач, ибо от ее умелого

решения зависело содержание и уровень крестьянского движения. Пленум указал, что «партия должна стремиться занять руководящее положение во всех крестьянских выступлениях. Во всех низовых организациях должны быть созданы партийные ячейки в качестве руководящего ядра крестьянских союзов» [180, 236].

Июльский пленум предлагал направить на работу в деревню большое количество коммунистов. Чтобы их работа была более действенной и эффективной, основываясь на опыте Гуандуна, советовалось обратить особое внимание на следующие моменты:

а) люди, ведущие работу в деревне, должны своей речью, поведением, образом жизни и одеждой походить на крестьян;

б) они должны хорошо знать народные горести и страдания, сознавать объективные возможности активных действий, умело применять тактику единого фронта.

В тех районах, где работа еще не велась, пленум рекомендовал:

а) использовать для организации крестьян учителей сельских начальных школ, членов партии — уроженцев данной сельской местности, городских рабочих — бывших крестьян, возвращающихся на каникулы учащихся;

б) при направлении в деревню работников с целью проведения пропагандистских кампаний в связи с движением «30 мая», подготовкой Северного похода и т. п. пользоваться возможностями и для создания крестьянских союзов;

в) по возможности открывать в деревнях крестьянские вечерние школы, клубы, потребительские кооперативы и т. п.;

г) тщательно обследовать условия жизни крестьян, их нравы и обычаи, находить способы сближения с крестьянами и методы объединения их;

д) стремиться использовать многочисленные стихийные крестьянские восстания для создания организаций.

Там же, где работа уже ведется:

а) обращать особое внимание на охват низших слоев и на нелегальную работу. Превращать крестьянские союзы в основу крестьянских организаций в деревнях и волостях. Периодически созывать на местах собрания крестьянских представителей. Перед ними проводить всестороннюю подготовку, в ходе же собраний — всемер-

но побуждать крестьян к высказыванию своих мыслей, избегая механической пропаганды в виде чтения лекций;

б) постоянно изучать трудности и нужды крестьян, все стороны крестьянской жизни, выявлять требования крестьян, умело организовывать их выступления для защиты своих интересов. Только таким путем можно завоевать доверие и поддержку крестьян или союзов;

в) необходимо всеми методами изучать и оформлять в виде лозунгов требования крестьян. Когда же их требования по объективным обстоятельствам выдвинуть не представляется возможным, тщательно разъяснить это крестьянам, с тем чтобы дух их не падал;

г) необходимо добиваться того, чтобы привлечение крестьян в партию стало стержнем развития всего крестьянского движения, только в этом случае можно укрепить его базу;

д) необходимо, используя политическую ситуацию, добиваться того, чтобы крестьяне проникались верой в силу своей организации.

Изложенная нами резолюция июльского пленума о крестьянском движении содержала подробный перечень того, что надо и что не надо делать в деревне. Она намечала ряд мер, которые способствовали раскачке деревни, выведению ее из дремотного состояния, пробуждению к борьбе.

Отметим один существенный момент в этой резолюции. В ней не рекомендовалось при ведении агитации в деревне употреблять название «класс крестьян», в то время как во всех других документах КПК это понятие постоянно встречается (обычно оно переводится на русский словом «крестьянство».— *Л. Д.*).

Заострение внимания на этом, видимо, связано с полемикой в среде левых гоминьдановцев и коммунистов, непосредственно занимавшихся крестьянским движением, по вопросу о том, можно ли считать китайское крестьянство единым классом. Как известно, теоретические работники КПК делили крестьянство в общих чертах на мелкую буржуазию, полупролетариат и пролетариат или на крестьян-собственников, крестьян полусобственников-полуарендаторов, арендаторов и батраков.

Среди многих гоминьдановцев была тенденция рас-

пространять понятие крестьянства на кулаков и помещиков, против чего возражали коммунисты.

Эта дискуссия имела не только теоретическое, но и практическое политическое значение. Речь шла о том, признавать ли революционной силой все крестьянство (включая кулаков и мелких помещиков) или же только его бедняцко-батрацкие слои. Сторонники деления крестьянства на классовые группы считали, что «крестьянство, как таковое, очень сложно по своему составу. Среди него имеются и кулаки, и середняки, и бедняки. Кулаки угнетают бедняков, наживаясь за счет пота и крови последних. Они — контрреволюционны. Середняки — это полупролетарии, они занимают промежуточное положение между имущими и неимущими, а соответственно и их революционность то проявляется, то затухает. Только бедняки являются истинными пролетариями, только они являются угнетаемым классом, только они являются основной силой национальной революции. Так что крестьянство никак нельзя считать единым классом» [294, 1].

Несколько отличной была позиция заведующего Крестьянским отделом ЦИК гоминьдана Гань Най-гуана, который рассматривал этот вопрос под углом зрения определения классовой базы гоминьдана и основной силы национальной революции. Он исходил из того, что, «если мы хотим окончательной победы в национальной революции, надо прежде всего покончить с феодальной системой и тем более с феодальными порядками в деревне. Какой же класс может взять на себя эту задачу? Рабочий класс или, может быть, какой-нибудь другой класс? Именно при такой постановке вопроса мы и можем выяснить, какой класс выступает в роли классовой базы национальной революции» [198, 9].

Отвечая на этот вопрос, он утверждал, что ни буржуазию, ни рабочий класс, ни студенчество, ни китайских эмигрантов нельзя считать опорой революции и классовой базой гоминьдана, так как, «кроме крестьянства, нет другого класса, который мог бы взять на себя эту работу. Поэтому в итоге мы считаем, что классовой базой гоминьдана является крестьянство» [198, 9].

Рассматривая крестьянство как единый класс, Гань Най-гуан тем не менее был против зачисления в разряд крестьян кулаков и помещиков.

Этой же точки зрения придерживался и Чэнь Кэ-вэнь. Он писал, что «в настоящее время в деревне отчетливо выделяются два класса: класс угнетателей, опирающийся на силы феодализма, включающий в себя тухао, лешэнь, продажных чиновников и т. п., и класс крестьян, состоящий из угнетаемых. И хотя различные категории крестьян отличаются друг от друга по степени революционности, но все они страдают под железной пятой империализма и милитаризма, одинаково нуждаются в революции» [294, 3—4].

Сделанная в решении июльского пленума ЦК КПК по крестьянскому вопросу специальная оговорка, о которой упоминалось выше, видимо, была косвенной критикой взглядов тех гоминьдановцев, которые причисляли к крестьянству помещиков и кулаков.

Одну из своих резолюций июльский пленум посвятил движению Красных пик.

Коммунистическая партия Китая заинтересовалась этим движением еще в 1925 г., когда в Хэнани начали создавать крестьянские союзы [см. 105, 14]. Тайные общества Красных пик были объединениями по преимуществу обездоленных крестьян, социальный протест которых облекался в традиционные средневековые формы. Они боролись против солдатни, грабившей деревенское население, против произвола чиновников, против бандитизма. Особенно остро в движении Красных пик проявлялось крестьянское недовольство милитаристскими кликами, междоусобные войны которых лишали крестьян возможности мирно и спокойно работать на своих полях.

Темные и забитые крестьяне, составлявшие основную массу движения, легко поддавались реакционной пропаганде, были суеверны и консервативны. Их пытались использовать в своих целях милитаристы, но они всегда ревностно оберегали свою самостоятельность и во многих случаях поворачивали свои копья против генералов, которые тогда безжалостно вели против них войну на полное истребление.

Бунтарское начало, которым было отмечено это движение, его неорганизованность, отсутствие четких целей и социальной программы отталкивали от этого движения революционную интеллигенцию, видевшую в нем лишь темную силу.

Компартия Китая надеялась, что ей удастся привлечь это движение под знамена антиимпериалистической борьбы [см. 283, 1544]. Июльский пленум рекомендовал коммунистам бороться за руководство движением Красных пик и предотвращать возможность использования их милитаристами и помещиками.

Перед коммунистами была поставлена задача вырвать крестьян, входивших в движение Красных пик, из-под влияния бандитов и помещиков, предотвратить их столкновение с крестьянскими союзами.

Пленум наметил следующую политическую платформу, на основе которой можно было развернуть работу по объединению Красных пик с целью придать этому движению организованный характер:

1. Сопротивление бандитам.
2. Борьба против бесчинств недисциплинированных войск.
3. Борьба против тяжелых налогов и поборов.
4. Борьба против принудительной вербовки носильщиков и принудительной трудовой повинности.
5. Отказ от военных облигаций, борьба за разрешение уплаты налогов бумажными денежными знаками, выпущенными правительством.
6. Поддержание общественного порядка на местах (т. е. участие в работе по обеспечению местного самоуправления).
7. Контроль за гласностью местных финансов.
8. Борьба против продажных чиновников [см. 180, 238].

Эта программа была значительно уже той, которая выдвигалась перед крестьянскими союзами, что было естественно. Она не предусматривала борьбы против помещичьего гнета. Большинство ее пунктов носило, можно сказать, сугубо оборонительный характер. Вместе с тем принятие Красными пиками этой программы могло бы ввести это движение в организованное русло и создать предпосылки для внедрения в него сознательного начала и повышения его политического уровня. Руководство КПК предостерегало против возможных попыток использовать Красные пики для захвата власти на местах, опасаясь, что это может стать источником конфликтов с гоминьданом.

ЦК КПК советовал коммунистам не увлекаться борь-

бой против отсталых черт движения. В резолюции подчеркивалось: «Не следует слишком настойчиво выступать против существующих в союзах Красных пик суеверий и догм, так как они являются именно тем основным фактором, который объединяет их на борьбу. Это неотъемлемая черта отсталого крестьянства. Нужно лишь добиваться, чтобы они своими практическими действиями способствовали развитию революции»[56] [180, 238—239].

Работа коммунистов в деревне в период Северного похода

В целом решения июльского пленума ЦК КПК призваны были служить практической программой действий коммунистов на первом этапе Северного похода, который начали в первых числах июля 1926 г. войска Национально-революционной армии. Главнокомандующим выступивших войск был назначен Чан Кай-ши. В Манифесте по случаю его вступления в эту должность подчеркивались лишь национальные цели похода: освобождение страны от империалистов и их прислужников-милитаристов. «Цели революционной войны,— говорилось в Манифесте,— состоят в создании независимого свободного государства на базе трех народных принципов и защите интересов государства и народа» [180, 207].

С изложением своей позиции выступила и Компартия Китая, одобрившая решение о походе против северных милитаристов. 14 июля 1926 г. в «Сяндао» было опубликовано занявшее весь номер Заявление КПК [72], в котором были изложены основные положения резолюций июльского пленума.

В этом Заявлении Компартия Китая отметала клеветнические выдумки о том, что избавление китайского народа от гнета империалистов и милитаристов будет означать «покраснение Китая» или его «коммунизацию».

---

[56] Расчеты компартии на то, что ей удастся подчинить своему влиянию движение Красных пик и использовать его в интересах национальной революции, не оправдались.

Она предлагала всем классам, участвующим в объединенном фронте, принять общую программу, содержавшую 23 требования. Помимо общенациональных, общедемократических требований (отмена неравноправных договоров, возвращение таможен, ликвидация иностранных концессий, разоружение милитаристских клик, предоставление народу свободы слова, печати, союзов и права на забастовки, осуществление местного самоуправления на демократических началах), в Заявлении имелись требования социального, классового характера. Компартия Китая выступала за издание закона о минимальной заработной плате для рабочих и установление максимальных норм налога и арендной платы для крестьян, за улучшение положения рабочих, регулирование их отношений с предпринимателями. Коммунисты вновь повторяли требование о вооружении крестьян в целях самообороны.

О стремлении использовать Северный поход не только в национальных, но и в классовых интересах трудящихся масс свидетельствует и Воззвание Гуандунского провинциального крестьянского союза к крестьянам всего Китая. В Воззвании подчеркивались социальные задачи, за решение которых китайское крестьянство должно было бороться в ходе Северного похода.

«Поддерживая основную цель Северного похода — уничтожение милитаристов и создание общекитайского национально-революционного правительства,— говорилось в этом документе,— китайское крестьянство в процессе этой борьбы будет стремиться к осуществлению целого ряда крестьянских требований, направленных на уничтожение самих основ милитаристских и полуфеодальных отношений. Мы будем стремиться к тому, чтобы земли, находящиеся в руках крупных помещиков, врагов народа, перешли в руки трудящегося крестьянства, чтобы земельная нужда крестьянства была удовлетворена, чтобы арендная плата за землю была снижена до действительно справедливой нормы. Мы будем добиваться того, чтобы были отменены все незаконные тяжелые налоги и поборы как со стороны помещиков, так и со стороны милитаристов и чиновников, чтобы были отменены все незаконные ликины и рыночные сборы, чтобы было запрещено собирать с крестьян налоги за будущие годы вперед, чтобы ростовщики были лишены

возможности взыскивать с крестьян непомерно высокие проценты, чтобы все кабальные договоры были объявлены недействительными. Мы будем добиваться политических прав для крестьянства, устранения и предания суду всех продажных контрреволюционных чиновников, угнетающих крестьянство, введения в деревнях крестьянского самоуправления, изменения устройства суда, который должен стоять на страже закона и всего народа, а не интересов помещика. Мы будем добиваться того, чтобы крестьянские союзы были повсюду признаны законными организациями, чтобы крестьянство могло свободно организовываться, чтобы крестьянству была дана возможность вооружаться для самозащиты от бандитов и врагов народа. Мы уверены в том, что, если крестьянская масса встанет на борьбу за эти лозунги, она сумеет добиться их осуществления» [78, 395—396].

В Воззвании выражалась надежда, что другие революционные классы Китая — рабочие, купцы, интеллигенты — поддержат борьбу крестьян. «Интересы рабочих, борющихся против империализма, милитаризма и капиталистической эксплуатации, совпадают с нашими интересами, и именно рабочие много помогли крестьянскому движению, взяв на себя задачу организации крестьянства. Купечество так же, как и мы, заинтересовано в освобождении страны от власти иностранного империализма, в свержении милитаристов и в том, чтобы крестьянство экономически окрепло и могло покупать продукты городской промышленности. Интеллигенция, революционное студенчество уже много раз доказало свою готовность бороться за интересы народа. Совместными усилиями всех революционных классов мы добьемся того, что враги народа будут побеждены и китайский народ выйдет на широкий путь свободного развития»,— указывалось в Воззвании гуандунских крестьян [78, 396]. В нем отразились идеи необходимости создания широкого единого революционно-демократического фронта. При этом подчеркивалось, что интересы крестьянства совпадают с интересами всех социальных групп китайского общества, кроме помещиков и милитаристов.

С началом Северного похода Компартия Китая развернула кипучую деятельность. На ее плечи легла трудная задача по мобилизации народных масс на поддержку

войск Национально-революционной армии, по созданию общенационального единого фронта. Всю тяжесть агитационно-массовой работы КПК фактически взяла на себя. При непосредственном сотрудничестве коммунистов составлялись воззвания к крестьянам, писались пропагандистские брошюры. Эти брошюры выпускались от имени гоминьдана или политотдела Национально-революционной армии. В популярной форме они излагали установки гоминьдана по крестьянскому вопросу. Рука коммунистов и левых гоминьдановцев чувствовалась в них в той мере, в какой авторы брошюр пытались выйти за рамки чисто национальных задач похода.

Так, в брошюре «Национальная революция и крестьянство» [182], изданной политотделом Главного штаба Национально-революционной армии в августе 1926 г., указывалось, что крестьяне больше всего страдают, во-первых, от бесчинства местных бандитов и помещичьих отрядов (миньтуаней), во-вторых, от ущерба, который наносят большие и малые междоусобные войны (разрушения, поборы и т. д.), в-третьих, от жестоких налогов и беззаконных поборов лихоимцев-чиновников и злых помещиков, в-четвертых, от эксплуатации злых помещиков (тухао, лешэнь) и крупных помещиков (ростовщичество, обвешивание, увеличение арендной платы) и, в-пятых, от наводнений и других стихийных бедствий.

Виновниками страданий крестьянства назывались иностранцы (империалисты) и свои же соотечественники (лакеи империалистов), а также компрадоры, крупные помещики и продажные чиновники.

В брошюре разъяснялось: «Если мы хотим избавиться от страданий и защитить свои интересы, мы должны свергнуть империализм, его лакеев и всех контрреволюционеров» [182, 6]. Буквально в нескольких строках излагались три народных принципа Сунь Ят-сена, при этом принцип народного благоденствия толковался так: «Все люди имеют равные права заботиться о своей жизни» [182, 6].

Авторы брошюры подчеркивали, что крестьяне составляют подавляющее большинство населения страны и поэтому национальная революция особое внимание уделяет интересам рабоче-крестьянских масс. Повторя-

лась ставшая традиционной формула: «Национальная революция — это по существу крестьянская революция, и только тогда, когда крестьяне обретут свободу, национальную революцию можно считать завершенной» [182, 8].

Брошюра призывала крестьян объединяться в союзы, руководить которыми должен гоминьдан на основе трех народных принципов. Крестьяне должны выполнять указания гоминьдана и опираться на помощь армии. В брошюре отмечалось, что эти два фактора определили успехи гуандунских крестьян.

В ней указывалось, что Северный поход отвечает интересам рабоче-крестьянских масс и что Национально-революционная армия является защитником и другом крестьян, так как одна из ее целей— помочь угнетенным крестьянам. Крестьян призывали оказывать помощь армии и поддерживать ее [см. 182, 12—13].

В брошюре не было никаких конкретных лозунгов, направленных на облегчение участи крестьян. Отсутствовала и конкретная аграрная программа, которая могла бы поднять на борьбу крестьянские массы. О суньятсеновском лозунге «Земля тому, кто ее обрабатывает!» не было сказано ни слова. Весьма расплывчато и неконкретно говорилось об эксплуатации крестьян крупными помещиками. Брошюра, по существу, ничего не обещала крестьянам, кроме общих слов о свободе и надежд на лучшее будущее после победы национальной революции.

И все же выпуск таких брошюр играл большую роль в просвещении и классовом воспитании крестьян. Ведь признание того факта, что крестьяне страдают от крупных помещиков, настраивало крестьян на бунтарский лад, служило толчком для дальнейших, более глубоких размышлений о причинах своей тяжелой участи.

Немаловажное значение имело и то, что прокламации и брошюры выпускались от имени армии. Это придавало крестьянским массам больше уверенности, смелости, повышало их революционную активность. Но эта активность поднималась главным образом в тех районах, где командование армией не сдерживало самодеятельности крестьян и не препятствовало работе коммунистов в крестьянской среде. Там же, где гоминьдановские генералы не нуждались в поддержке крестьянского

движения, они обрушивали на него кровавый шквал репрессий и отбрасывали его назад.

Характерна в этом отношении судьба крестьянского движения в Гуандуне. Здесь после ухода войск в Северный поход реакционные силы перешли в открытое наступление на крестьянские союзы и громили их, пользуясь поддержкой гражданских и военных властей [см. 295]. В результате во второй половине 1926 г., по оценке Е. Иолка, «крестьянское движение в провинции переживает чрезвычайно критическую полосу. К концу года уже не могло остаться никаких сомнений в том, что гуандунское крестьянское движение, которое некогда было передовым для всего Китая, теперь далеко отстало от темпа и уровня крестьянской борьбы в центральных провинциях страны» [144, 234].

Действительно, если в Гуандуне осенью и зимой 1926 г. крестьянское движение переживало период увядания, то в соседней провинции Хунань оно вступило в пору подъема. Здесь работа по организации крестьян началась с зимы 1925 г. Крестьяне, страдавшие от последствий наводнения и засухи, были более восприимчивыми к пропаганде, развернутой крестьянским отделом гоминьдана (фактически коммунистами).

С началом Северного похода движение проходило под лозунгами помощи Национально-революционной армии. К ноябрю 1926 г. в 50 уездах провинции уже были созданы крестьянские союзы с общим количеством членов свыше 1360 тысяч человек [96, 257] (накануне Северного похода их было 400 тыс. человек). Если до этого работа ограничивалась в основном пропагандой, просвещением и организацией крестьян и лишь в слабой степени экономической борьбой (причем в ряде районов организации крестьян находились в подполье), то после вступления Национально-революционной армии в пределы Хунани крестьянское движение приобрело права гражданства [см. 96, 266]. Крестьяне стали требовать отмены налогов и поборов, снижения арендной платы, ссудного процента, уменьшения залога, вносимого при заключении арендных договоров, а также отмены всех поборов, которые помещик требовал с арендатора помимо оговоренных в арендном договоре. Крестьяне выступали за низвержение власти тухао и лешэнь и конфискацию их имущества [96, 275].

Уже после начала Северного похода, в октябре 1926 г., на объединенном совещании ЦИК и представителей провинциальных комитетов гоминьдана вновь была принята программа по крестьянскому вопросу из 21 пункта:

1) снизить арендную плату на 25%;

2) унифицировать земельный налог и упразднить жестокие поборы;

3) в неурожайный год арендную плату не взимать;

4) улучшать ирригационные системы;

5) охранять лесонасаждения;

6) улучшить сельское образование;

7) открыть в провинциях и уездах крестьянские банки, установив 5% годовых за кредиты, предоставляемые крестьянам;

8) передать общественные земли в провинциях крестьянским банкам для образования фонда;

9) передать пустоши провинциальным правительствам для распределения среди беднейших крестьян;

10) запретить ростовщические проценты на займы, установить, что минимальная годовая ставка не должна превышать 20%;

11) правительство должно оказывать помощь в деле освоения целинных земель;

12) правительство должно помогать крестьянам в организации различного рода крестьянских кооперативов;

13) правительство должно оказывать помощь пострадавшим от стихийных бедствий и разработать меры для их предотвращения;

14) запретить досрочный сбор налогов;

15) правительство должно образовать специальную комиссию с участием представителей крестьянских союзов для расследования случаев борьбы крестьян против несправедливых налогов и арендной платы, а также причин их недовольства;

16) запретить внесение неравноправных пунктов в арендные и залоговые договоры;

17) установить, что взрослое население деревень избирает комитет для осуществления сельского самоуправления;

18) предоставить крестьянам свободу создания крестьянских союзов и право их защиты;

19) предоставить крестьянским союзам свободу в организации крестьянских отрядов самообороны;

20) запретить вооруженные нападения на крестьян;

21) запретить субаренду [83, 1—3].

Кроме конкретизации нормы снижения арендной платы и ссудного процента, эта программа не содержала в себе ничего нового по сравнению с решениями II конгресса гоминьдана.

Однако коммунисты в своей работе по организации и вовлечению в борьбу крестьян могли опираться на эту программу. Гоминьдановцы, за редким исключением, серьезно к ней не относились и не собирались ее выполнять. Требования, содержавшиеся в этой программе, были сформулированы по настоянию коммунистов, которые выступали за конкретизацию лозунгов в связи с успешным началом Северного похода. Коммунисты считали необходимым придать большое социальное звучание политической программе гоминьдана с тем, чтобы добиться расширения массовой базы национальной революции. Они исходили из того, что гоминьдан получал возможность приступить к воплощению своих политических идеалов в широких масштабах, так как формально под контролем национального правительства находилось уже более половины Китая. В этих условиях выработка новой программы должна была обеспечить гоминьдану, и прежде всего его левому крылу, активную поддержку народных масс, в первую очередь рабочих и крестьян.

Коммунисты предлагали, основываясь на Манифесте I конгресса гоминьдана, разработать и принять конкретную программу политических мероприятий. Они настаивали на определении минимума заработной платы для рабочих, оформлении правительственным актом их права на свободу собраний, союзов, слова, печати и забастовок. Они выступали за роспуск всех тех вооруженных отрядов, которые притесняли крестьян, за установление потолка арендной платы и ссудного процента. Коммунисты считали необходимым принять и ряд мер по обеспечению более свободной деятельности торговцев [279].

К этому же времени относится попытка обобщить опыт конкретной работы по политическому воспитанию и организации крестьян и выработать методику веде-

ния этой работы, учитывающую специфику условий в различных районах страны. В «Обзоре крестьянского движения» [77, 413—430] — документе, подготовленном в крестьянском отделе ЦИК гоминьдана, отмечалось, что в Гуандуне и в меньшей степени в Хунани, Хубэе и Хэнани работа по организации крестьян начинается снизу. После того как уже организовано много сельских крестьянских союзов, формируется районный крестьянский союз. Когда уже организовано много районных крестьянских союзов, организуется окружной крестьянский союз. Когда уже существует достаточное количество окружных крестьянских союзов, создается провинциальный крестьянский союз.

Этот метод приводит: 1) к устранению влияния на крестьян со стороны шэньши, которые не могут проникнуть в движение или захватить его; 2) к превращению крестьянских союзов в хорошо дисциплинированные и крепкие организации. Это часто создает антагонизм и конфликты между новыми, подымающимися крестьянскими силами и старой, слабеющей феодальной системой.

В Гуанси, а также в Хунани, в Шаньдуне применялся другой метод. Сперва создавался провинциальный крестьянский союз, затем — окружные крестьянские союзы, районные крестьянские союзы и только после этого сельские крестьянские союзы. Опыт показал, что этот метод неудовлетворителен, ибо дает возможность шэньши и другим феодальным элементам использовать крестьянские организации для своих личных политических целей.

В таких провинциях, как Шэньси, Шаньдун, Хунань, где крестьяне уже имели свои легальные или тайные организации, задача организаторов крестьянских союзов состояла в том, чтобы преобразовать их в действительно революционные массовые организации путем повышения классового сознания их членов и овладения руководством. В провинции Хунань, где был применен этот метод, в течение одного года удалось организовать 300 тыс. крестьян.

В документе крестьянского отдела упоминалось и о четвертом методе. «Он состоит в организации различных курсов и гимнастических клубов для крестьян, чтобы привить им идею совместной борьбы и организации.

Он хорош для мест, где реакционные элементы слишком сильны и никакая революционная пропаганда невозможна. Этот метод очень медлителен и требует большого терпения» [78, 421].

Крестьянский отдел ЦИК гоминьдана сетовал на то, что не только реакционные силы, джентри, акулы-землевладельцы, милитаристы и т. п. выступают против крестьянского движения, но даже и некоторые революционеры относятся к нему с непониманием и подозрением. В «Обзоре» говорилось, что это «вызвано следующим: а) они не уясняют себе значения рабочей и крестьянской политики; б) они подпадают под влияние реакционной пропаганды; в) крестьянское движение недостаточно себя пропагандирует; г) ошибки движения, если они бывают, зависят от молодости движения» [78, 422].

В этом документе, по существу, содержалась критика бытовавших в гоминьдане взглядов о «крайностях» крестьянского движения. Авторы «Обзора» вступали в спор с противниками крестьянского движения, позиция которых открыто выявилась еще в мае 1926 г. на II пленуме ЦИК гоминьдана. Они прямо заявляли о том, что целиком и полностью стоят на стороне крестьян и что интересы крестьянства — это интересы всей нации, интересы революции.

В «Обзоре» обстоятельно, по пунктам вскрывалась несостоятельность и беспочвенность нападок на крестьянское движение.

Противники крестьянского движения в гоминьдановской среде утверждали, что оно должно быть исключительно посвящено организации и революционной работе в целях достижения освобождения в ближайшем будущем и не должно вести борьбу за снижение ренты или освобождение от налога сейчас же. Они считали, что, поскольку крестьяне невежественны, крестьянское движение должно находиться под руководством интеллигенции или шэньши. Стремясь опорочить крестьянское движение, они обвиняли его в том, что местные конфликты вызываются не только провокациями врагов, но и крайностью лозунгов движения, что крестьянские союзы часто вмешиваются в дела администрации, что организованы они бандитами и бездельниками, а не честными крестьянами, наконец, в том, что крестьян-

ская милиция имеет крепкую связь с миньтуанями и бандитами.

В ответ на все это авторы «Обзора» писали: «1. Почему крестьянское движение должно удовлетворять требования, выдвинутые собственными интересами крестьянства? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо лишь вспомнить слова покойного д-ра Сунь Ят-сена, который сказал: „Чтобы разбудить сознание крестьянских масс, необходимо говорить об их интересах... Если с первых слов мы заговорим о великих делах нации, то как невежественный крестьянин поймет нас и будет нам сочувствовать?“

2. Все ли местные конфликты вызваны крестьянским движением? Это неизвестно. Даже если это и так, это не является несчастьем. Когда крестьяне организуются, они становятся сильными, становятся неизбежными их столкновения с феодализмом. Это часть национальной революции, здесь нет провокации со стороны крестьян.

3. Когда крестьяне не организованы, они подвергаются всевозможным притеснениям со стороны шэньши и землевладельцев. Раз они имеют свою организацию, естественно, что они не позволяют себя притеснять. Они хотят знать вещи, касающиеся их. Они жалуются и доносят, когда чиновники поступают корыстно. Вот почему противники крестьян обвиняют их в том, что они противодействуют администрации.

4. Являются ли крестьянские союзы организацией бездельников и бандитов? Нет необходимости говорить, что эта клевета может исходить лишь от злоязычных контрреволюционеров. Мы все знаем, какую огромную поддержку оказывали крестьянские союзы гоминьдану и национальному правительству. Если это означает быть бездельниками и бандитами, то было бы величайшим счастьем для Китая, если бы все наши крестьяне превратились бы в таких именно „бездельников“ и „бандитов“.

5. 90% шэньши и интеллигенции живут за счет крестьян. Доверить им руководство крестьянским движением — это все равно, что доверить волкам заботу о ягнятах.

6. Каждый может разобраться, кто принадлежит к крестьянской милиции, а кто к миньтуаням и бандитам.

Во время столкновений каждый должен узнать, кто революционер и кто контрреволюционер. Революционеров нужно защищать. Контрреволюционеров нужно истреблять. Здесь не может быть ни середины, ни компромисса. Компромисс или середина — не революционны» [78, 422—423].

Естественно, что особое внимание крестьянскому вопросу уделяли коммунисты тех провинций, где крестьянское движение быстро развивалось.

На VI конференции организации КПК Хунани в октябре 1926 г. были сформулированы минимальные политические и экономические требования крестьян в духе резолюции июльского пленума ЦК КПК. В них предлагалось принять закон об охране крестьян, о предоставлении им свободы собраний, организации, слова, печати, отказа от внесения арендной платы. В требованиях содержался пункт о расширении системы общественных хранилищ зерна, которые без процентов предоставляли бы ссуды бедным крестьянам. Конференция обращала особое внимание на организацию помощи крестьянам, пострадавшим от стихийных бедствий.

Эти требования были положены в основу резолюций III съезда крестьянских делегатов Хунани, состоявшегося в декабре 1926 г. [96, 332—380]. В Манифесте этого съезда дело освобождения крестьян рассматривалось в тесной связи с общенациональной борьбой. «Цели национальной революции,— говорилось в Манифесте,— освобождение всего угнетенного народа, а не только крестьян. Разве мы, крестьяне, можем думать только о собственном освобождении?» [96, 329].

Вместе с тем Манифест подчеркивал, что освобождение крестьян отвечает интересам всех классов. Так, например, одной из важных причин застоя промышленности и торговли называлась низкая покупательная способность крестьян. В Манифесте не поднималось вопроса о полном уничтожении помещичьего гнета, в нем говорилось лишь о тех выгодах, которые будут получены в результате смягчения помещичьей экономической эксплуатации.

В ряде пунктов Манифест хунаньских крестьян шел дальше резолюции июльского пленума. Он провозглашал право крестьян выходить за рамки закона в схватке с тухао и лешэнь, ибо этого требовала революци-

онная борьба, во время которой «если Восточный ветер не одолеет Западный ветер, то тогда Западный ветер одолеет Восточный ветер. Разве нельзя проявить чуть больше суровости? Бояться „стычек“, высказывать сомнения или выступать против означает перестать быть революционной партией. Прежняя политика избегания конфликтов уже не годится. Мы вынуждены выработать новую политику, цель которой дать крестьянам возможность установить в деревнях демократическое самоуправление, с корнем уничтожить феодальную власть тухао и лешэнь» [96, 330].

Хунаньский съезд высоко оценил октябрьскую программу гоминьдана по крестьянскому вопросу, которая «унаследовала революционный дух Сунь Ят-сена. И если народные массы всего Китая смогут бороться на основе этой новой программы, то можно будет завершить нынешнюю революцию в короткие сроки» [96, 375]. Эта программа истолковывалась съездом как основа для полного сокрушения феодальных сил в деревне. Хунаньские крестьяне заявляли о своей поддержке гоминьдана и национального правительства и выражали надежду, что они в самые короткие сроки полностью выполнят программу «Земля тому, кто ее обрабатывает!» [96, 380].

Все документы хунаньского съезда крестьянских представителей отличает решительный тон, готовность пойти на радикальные меры, не ограничивая себя рамками существующих законов.

В провинции Хубэй крестьянский отдел гоминьдана, приступивший весной 1926 г. к организации крестьянских союзов, советовал крестьянам сотрудничать с просвещенными шэньши. На первых порах он ограничивался разъяснительной работой. В резолюции хубэйской провинциальной конференции гоминьдана о крестьянском движении выставлялись лозунги борьбы против продажных чиновников, лешэнь, против несправедливых налогов, повторялись требования об организации самообороны крестьян, введении деревенского самоуправления. Никаких конкретных социально-экономических лозунгов в резолюции не содержалось. Она носила весьма умеренный характер [96, 387—392]. Только в период боев за Ухань были выдвинуты более радикальные требования [96, 393].

В провинции Цзянси к октябрю 1926 г. в крестьянских союзах состояло свыше 6 тысяч человек [96, 410]. Работа среди крестьян носила главным образом просветительный характер. И только после прихода революционных войск, когда крестьянские союзы стали действовать открыто, число их членов стало резко возрастать и к началу 1927 г. достигло 300 тысяч человек [96, 413].

В провинции Хэнань к апрелю 1926 г. крестьянские союзы имелись в четырех уездах с общим количеством членов около 270 тыс. человек [96, 422]. В основном они были созданы на базе тайных союзов Красных пик. Регулярной деятельности эти союзы не вели. Немногочисленные организации крестьян к осени 1926 г. существовали в провинциях Шаньдун, Шаньси, Чжили, Аньхуй.

В целом же по стране крестьянское движение развивалось крайне неравномерно. Крестьянские союзы возникали и сохраняли свою жизнеспособность только в тех районах, над которыми уже был установлен контроль Национально-революционной армии и где офицеры этой армии не чинили им препятствий. На пути организации крестьян стояли такие трудности, преодолеть которые Компартия Китая, действуя изолированно от армии и гоминьдана, была не в состоянии. Она могла успешно работать, лишь выступая от имени гоминьдана, и в тех пределах, которые определялись командованием Национально-революционной армии. И только в редких случаях коммунистам удавалось выходить за эти рамки.

Решения VII пленума ЦК КПК

В августе — сентябре 1926 г. войска Северного похода достигли берегов Янцзы. В сентябре в их руки перешли Ханькоу и Ханьян, а в октябре был штурмом взят Учан. Революционные силы захватили важнейший политический и экономический центр Внутреннего Китая. К концу 1926 г. национальное правительство официально распространяло свою власть на семь провинций (Гуандун, Гуанси, Гуйчжоу, Хунань, Хубэй, Цзянси, Фуцзянь), а также на южные уезды Хэнани.

С выходом революционных сил в бассейн Янцзы в

Китае сложилась новая политическая ситуация. Мало кто сомневался в том, что скоро последует полный разгром северных милитаристов. В предвкушении близкой победы различные группировки революционного лагеря заранее определяли свои позиции, рассчитывая на получение большего выигрыша за счет своих союзников. В лагере революции шла подготовка к перегруппировке сил, и это в условиях, когда и пролетариат, и буржуазия не обладали достаточной политической и экономической силой, а крестьянство Китая в целом не стало активным революционным фактором.

Национально-революционная армия в ходе своего продвижения на север численно значительно возросла. Но этот рост произошел не за счет притока в армию сознательных рабочих и крестьян, а главным образом благодаря переходу на сторону гоминьдана милитаристов со своими войсками. Они механически включались в состав революционной армии, сохраняя свои привычки и лишь формально заявляя о верности принципам Сунь Ят-сена. Главное командование Северного похода большего от них и не требовало, тем более что таким образом усиливались позиции правого крыла гоминьдана.

В этих условиях перед Компартией Китая встали новые, в высшей степени сложные и трудные задачи, от правильного решения которых зависело и ее положение в лагере революции, и судьба самой революции.

В редакционной статье «Коммунистического Интернационала» положение, сложившееся к концу 1926 г. в Китае, оценивалось следующим образом: «Победы кантонской армии, ее продвижение на север вплоть до реки Ян-цзы-кьянг, овладение центральным промышленным районом Китая, вовлечение в революционное движение крестьянских масс, обострение классовой борьбы в деревне, приближение момента столкновения кантонской армии с главным оплотом внутренней и империалистической контрреволюции в Китае, с мукденской милитаристской группой,— все это говорит за то, что мы стоим в Китае перед новой фазой революции, перед ее значительным углублением, перед фазой, в которой борьба за гегемонию между пролетариатом и буржуазией определит дальнейшее направление революции. От исхода этой борьбы будет зависеть, пойдет

ли Китай по некапиталистическому пути, по пути борьбы с мировым империализмом, в союзе с Советской Республикой и с мировым пролетариатом к своей конечной цели — социализму, или же полуосвобожденный Китай, заключив компромисс с империалистическими державами, пойдет по пути капиталистического развития» [146, 3].

В статье говорилось, что «перед китайской национальной революцией, таким образом, открываются две перспективы, и осуществление той или другой перспективы в значительной степени будет зависеть от субъективного исторического фактора — от китайского пролетариата и его авангарда — китайской компартии. Международная обстановка складывается благоприятно для некапиталистического развития, поскольку китайская революция развивается в эпоху упадочного капитализма, поскольку она имеет сильных союзников в лице СССР и всего мирового пролетариата, поскольку у империалистических хищников в китайском вопросе имеются значительные разногласия. Если при этих условиях китайский пролетариат и китайская компартия сумеют завоевать гегемонию в революционном движении — осуществление перспективы некапиталистического развития Китая обеспечено, несмотря на все стоящие перед ним трудности» [146, 4].

Внимание КПК вновь обращалось на значение крестьянского вопроса и на исключительную важность выработки аграрной программы [57]. «Крестьяне пока даже не выдвигают еще требования конфискации крупного землевладения и изгнания „джентри" из деревни. Они добиваются значительного понижения арендной платы, замены тяжелых налогов и поборов единым прогрессивным налогом, конфискации земель тех компрадоров и помещиков, которые непосредственно поддерживают контрреволюцию, разоружения „Минь-Туань", вооружения крестьян и организации в деревне крестьянских комитетов. Проведение этой аграрной программы в районе, где господствуют милитаристские клики, возможно путем развязывания крестьянского движения, путем действия „снизу". На территории же, подчиненной кантонскому правительству, эта программа должна

[57] Это можно было понять как признак стремления пересмотреть решения июльского пленума ЦК КПК.

быть проведена и действием „снизу“, и действием „сверху“, и путем организации сил и борьбы крестьянства, и путем декретов кантонского правительства, которые только усилили бы позицию правительства, подведши под него широкую крестьянскую базу. Нечего говорить, что и экономические требования пролетариата должны немедленно осуществляться, как бы это ни огорчало китайскую промышленную буржуазию. Кантонское правительство должно действовать как последовательно революционное правительство, оно должно чутко прислушиваться к требованиям рабочих, которые находятся в невыносимом положении, которые в Китае еще подвергаются позорным телесным наказаниям» [146, 6—7].

Орган Коминтерна нацеливал китайских коммунистов на активную борьбу за вхождение в национальное правительство с тем, чтобы административными мерами сверху подкрепить стихийные действия масс снизу.

В этом же номере журнала «Коммунистический Интернационал», в статье П. Мифа, были сформулированы основные положения той аграрной программы, которая способствовала бы более активному вовлечению крестьянства в революционно-освободительное движение. Эта программа состояла из следующих пунктов:

«1. Немедленно организовать крестьянские комитеты. Требовать от нац. правительства реальной поддержки крестьянских комитетов, роспуска миньтуаней (вооруженных отрядов джентри и помещиков). Организовывать при крестьянских комитетах вооруженные отряды крестьян.

Поставить перед крестьянскими комитетами задачу проведения революционных мероприятий для полной демократизации деревенских отношений.

2. Добиваться максимального снижения арендной платы, не останавливаясь (при дальнейшем развитии общереволюционной обстановки в Китае и росте крестьянского движения) перед конфискацией крупной земельной собственности, а при осуществлении действительно демократического строя — перед национализацией земли.

3. Требовать введения единого сельскохозяйственного прогрессивного налога, добиваясь максимального упорядочения и уменьшения налогового бремени, особенно ложащегося на бедняцкие и маломощные группы крестьян.

4. Немедленно провести конфискацию монастырских и церковных земель, земель, принадлежащих реакционным милитаристам, агентам империализма, т. е. крупным земельным собственникам — компрадорам и тем помещикам и джентри, которые ведут гражданскую войну с китайским крестьянством и национальным правительством.

5. Произвести выселение из деревень тех джентри, нотаблей, помещиков, которые оказывают прямое вооруженное противодействие организациям крестьянства и гоминьдановскому правительству.

6. Приступить к организации при земельных союзах секций работников земли и леса (батраков) с целью охраны труда последних.

7. Требовать от национального правительства организации кредитного дела в деревне, установления невысокого максимального процента на заемный капитал, не превышающего нормальный государственно-банковский процент, поддержки соответствующих крестьянских организаций взаимопомощи.

8. Добиваться максимальной поддержки со стороны правительства потребительской и производственной сельскохозяйственной кооперации и организации переселения крестьян в наименее заселенные районы» [156, № 13, 28].

Эта программа шла значительно дальше тех требований, к выдвижению которых уже созрело китайское крестьянство. В ней без всякого учета конкретных условий Китая, настроений китайского крестьянства, их традиционной тяги к обладанию собственным полем, без изучения уровня крестьянского движения в Китае ставился вопрос о национализации земли.

Программа предусматривала конфискацию крупной земельной собственности, что находилось в соответствии с теми требованиями, которые уже выдвигали китайские коммунисты. Конфискация земли рассматривалась как политическая мера, ибо пункт четвертый ограничивал круг землевладельцев, чьи земли подлежали изъятию, теми, кто «ведет гражданскую войну с китайским крестьянством и национальным правительством». Оставалось неясным, какие меры следует предпринимать против тех крупных помещиков, которые заявляют о своей лояльности.

Программа ничего не говорила о дальнейшей судьбе конфискованных земель. Суньятсеновский лозунг «Зем-

ля тому, кто ее обрабатывает!» в ней не упоминался, ни слова не было сказано и о гоминьдановских решениях по крестьянскому вопросу.

В целом эта программа брала за исходный момент успех революционно-демократических сил в Китае, победу блока левых гоминьдановцев и коммунистов при руководстве последних. В ее основе лежала мысль о возможности некапиталистического пути развития Китая после победы революции, казавшейся весьма близкой.

Рассмотренные выше статьи были опубликованы в дни, когда в Москве заседал VII расширенный пленум Исполкома Коминтерна, на котором обсуждались и проблемы Китая.

Касаясь на этом пленуме крестьянского вопроса, Тань Пин-шань назвал пустой фразой гоминьдановский лозунг «Земля крестьянству, но лишь при условии проведения революции» и противопоставил ему тезис о «широкой пропаганде за безоговорочное выполнение требований крестьянства» [120, 39]. Казалось бы, Тань Пин-шань должен был выставить более радикальную программу, чем та, которую гоминьдан опубликовал в октябре 1926 г. Но изложенные им предложения по земельному вопросу были более скромны, чем программа, опубликованная в статье П. Мифа [58].

Общим для них было выделение класса крупных землевладельцев как оплота милитаристов, но в отличие от П. Мифа Тань Пин-шань не ставил вопроса о конфискации земли у крупных помещиков. При этом последний особо выделил вопрос о Гуандуне, где, по его мнению, уже можно было придавать требованиям об улучшении положения крестьян более конкретную

---

[58] Тань Пин-шань в основном повторял положения июльского пленума ЦК КПК. В докладе они излагались следующим образом:

«*А. В экономической области:* а) Правительство должно ограничить размер земельного налога. У крестьянина должно оставаться не менее половины урожая. б) Ограничение ростовщичества с тем, чтобы ставка процента не превышала 30% годовых. в) Отмена всякой предварительной уплаты налогов и податей. г) Налоги должны исчисляться на основании рыночных цен. д) Приведение к единому знаменателю мер длины и веса. е) Запрещение накопления со спекулятивной целью зерна и товаров, поощрение кооперации.

Б. В политической области: а) За свободу собраний и коалиции для крестьянства. б) Окружная власть должна выбираться населением сел. г) За опубликование бюджетов. д) За отмену права милиции производить аресты и допросы» [120, 41—42].

форму (например, говорить не просто о снижении арендной платы, а о ее снижении на 25%) [120, 42].

В своих решениях по китайскому вопросу VII пленум Исполкома Коминтерна, естественно, основывался главным образом на информации, полученной из Китая от ЦК КПК, а также от своих представителей, внося в некоторых случаях отдельные коррективы, смягчая некоторые категорические оценки и выражения. Так, VII пленум более осторожно оценил место китайского пролетариата в национальной революции, указав, что он «начинает играть руководящую роль в национально-революционной борьбе» [22, 132] или что «гегемоном движения все более и более становится пролетариат» (подчеркнуто мною.— *Л. Д.)* [22, 136]. Мысль о гегемонии пролетариата сохранялась, но при этом не говорилось о том, что эта гегемония уже является свершившимся фактом[59].

Вместе с тем в документах этого пленума преобладал оптимистический взгляд на перспективы развития китайской революции, логически вытекавший из завышенной оценки роли пролетариата и пренебрежительного отношения к возможностям национальной промышленной буржуазии, позиции которой рассматривались вне ее связей с помещичьим классом. VII пленум полагал, что «дальнейшее развитие и перспективы китайской революции в первую голову зависят от роли пролетариата» [22, 138].

Национальная борьба против господства империализма и феодальных сил в Китае еще была далека от своего завершения, а уже ставились задачи перехода «на рельсы некапиталистического развития» [22, 137].

Правильно признавая, что «исторически китайская революция на ее нынешней стадии развития носит буржуазно-демократический характер», VII пленум предрекал, что «она должна приобрести характер более широкого социального движения. Результатом китайской революции не должно быть обязательно создание таких социально-политических условий, которые поведут к капиталистическому развитию страны. Китайская революция, происходящая в период упадка капитализма, является частью общей борьбы за ниспровержение

[59] Но в то же время сохранилось утверждение, что «пролетариат завоевал гегемонию» [22, 143].

капитализма и за установление социализма. Структура революционного государства определяется его классовой базой. Оно не будет чисто буржуазно-демократическим государством. Государство будет представлять собой демократическую диктатуру пролетариата, крестьянства и других эксплуатируемых классов. Это будет революционное антиимпериалистическое правительство периода перехода к некапиталистическому (социалистическому) развитию» [22, 137].

Китайский пролетариат и партия, выступавшая от его имени, нацеливались таким образом на решительную конфронтацию с буржуазией, в случае победы которой «фактическое господство в стране попало бы в руки иностранных империалистов, хотя бы и в новых формах этого господства» [22, 137—138]. Китайская буржуазия рассматривалась как класс, не способный избавить страну от иностранного капитала и феодальных сил.

Гуанчжоуское национальное правительство, по мнению составителей резолюции VII пленума, содержало в себе «зародыши революционного мелкобуржуазного государства — демократической диктатуры революционного блока пролетариата, крестьянства и городской мелкой буржуазии» [22, 142]. Естественно, что перед таким правительством и задачи ставились соответствующие, а именно:

а) национализация железных дорог и водных путей сообщения;

б) конфискация крупных предприятий, шахт и банков, имеющих характер иностранных концессий;

в) национализация земли, которая должна быть осуществлена последовательными радикальными реформами, проводимыми революционным государством [22, 143].

Набросанная в решениях VII пленума Исполкома Коминтерна схема выглядела просто, удобно и привлекательно. Однако ее существенным недостатком было отсутствие правильного, достоверного и объективного учета реальной расстановки и игры политических сил в стране, а также и внутри гоминьдана. Гоминьдан был не просто буржуазной, а буржуазно-помещичьей партией, а Исполком Коминтерна по-старому продолжал думать о том, как бы предотвратить его превращение в партию буржуазную.

Перед пролетариатом ставилась перспектива выбора или «блока со значительными слоями буржуазии», или «дальнейшего укрепления своего союза с крестьянством». Видимо, возможность совмещения и сочетания того и другого блока отрицалась начисто.

VII пленум Исполкома Коминтерна настаивал на том, чтобы коммунисты Китая всерьез занялись аграрной революцией и развернули бы экономическую и политическую борьбу крестьянства, ибо «опасение, что обострение классовой борьбы в деревне ослабит единый антиимпериалистический фронт, неосновательно» [22, 139] [60].

VII пленум прямо подчеркнул: «Отсутствие смелого подхода к аграрному вопросу, сопровождающегося поддержкой всех объективных политических и экономических требований крестьянских масс, опасно для революции... Если пролетариат не выдвинет радикальной аграрной программы, то он не сумеет вовлечь крестьянство в революционную борьбу и утратит гегемонию в национально-освободительном движении» [22, 139] [61].

Компартии Китая предлагалось выдвинуть требование национализации земли, причем осуществление этой меры мыслилось с помощью использования государственного аппарата и опоры на крестьянские комитеты на местах. Не уточнялось, вся ли земля должна подлежать национализации или только помещичья. Судя по всему, речь шла о конфискации земли у крупных помещиков (поскольку в деревне объектом классовой борьбы считались остатки крупного землевладения).

Таким образом, поставив вопрос о выработке смелой радикальной аграрной политики, увязав движение за национальное освобождение с борьбой за социально-экономическое освобождение трудящихся, и прежде всего крестьянских масс, VII пленум Исполкома Коминтерна вместе с тем, основываясь на завышенной оценке достигнутого китайской революцией уровня и роли пролетариата в руководстве революционным процессом, выставил такие лозунги (национализация земли), к борьбе за осуществление которых ни китайские крестьяне, ни коммунисты не были готовы.

---

[60] Основательность и правомерность такого опасения была доказана всем ходом последующих событий.

[61] Решения июльского пленума ЦК КПК таким образом расценивались как недостаточно радикальные.

В то же время сформулированные им требования переходного свойства, такие, как максимальное снижение арендной платы, отмена обременительных налогов и их унификация и другие, соответствовали уровню крестьянского движения и в основных чертах подтверждали те лозунги, которые были выдвинуты июльским пленумом ЦК КПК.

VII пленум Исполкома Коминтерна совершенно справедливо отметил, что крестьянские массы должны получить компенсацию за те временные тяготы, которые легли на них в связи с расширением масштабов национально-революционной борьбы, иначе энтузиазм крестьянства будет постепенно ослабевать. Но при этом не разъяснялось, как можно будет это сделать в условиях сохранения сотрудничества с гоминьданом.

Был поднят вопрос и об участии коммунистов в национальном правительстве и усилении их влияния на его политику с целью углубления революции и придания ей большей социальной направленности. Практическое выполнение этой рекомендации зависело, однако, не только от активности коммунистов, но и от согласия тех гоминьдановских деятелей, в руках которых находилась фактическая власть и контроль над армией.

Ни аграрная программа, изложенная в статье П. Мифа, ни рекомендации VII пленума ЦК КПК по аграрному вопросу не учитывали всей сложности отношений между КПК и гоминьданом, исходили из приукрашенного, искаженного представления о положении дел в Китае. Они ориентировали китайских коммунистов на усиление своей роли в лагере национальной революции, не учитывая ни тех реальных сил, которыми располагали коммунисты, ни тех позиций, которые уже успели завоевать правые гоминьдановцы.

Вопрос же о дальнейших путях развития китайской революции решался в условиях острого столкновения различных классовых интересов, причем армия принимала в этом столкновении самое активное участие.

Максимальной остроты эта борьба достигла после переезда в январе 1927 г. национального правительства из Гуанчжоу в Ухань.

Глава V

БОРЬБА ВОКРУГ АГРАРНО-КРЕСТЬЯНСКОГО ВОПРОСА В УХАНЕ (ЯНВАРЬ — МАЙ 1927 г.)

Уханьский период развития китайской революции — это наиболее напряженный и, пожалуй, самый драматический ее этап.

В это время с особой силой проявляются накапливавшиеся прежде противоречия между различными социальными группировками внутри революционного лагеря, выливаются наружу дремавшие до поры до времени страсти, порождая серьезные коллизии. Столкновение разнородных классовых интересов и личных амбиций достигает критической точки. Характерно, что столкновение интересов, взорвавшее и разрушившее объединенный фронт национально-демократической революции, обостряется именно в тот момент, когда революция одерживала одну победу за другой, когда многие ее участники уже торжествовали, уверенные в близком завершении борьбы за национальное и социальное освобождение страны. Многим казалось тогда, что основное уже сделано, трудности позади, темный туннель пройден и впереди уже виден свет всеобщей победы. Но именно в эти волнующие дни классовые интересы, социальные противоречия выступают на передний план и подчиняют себе субъективные намерения и действия отдельных личностей и социальных групп, политических партий и вооруженных группировок, вовлеченных в общий революционный процесс.

Политические перемены, выражавшиеся в завоевании гоминьданом территорий, подвластных северным милитаристам, в формальном присоединении генералов со своими армиями к национальному правительству, не

сопровождались социально-экономическими сдвигами. В большей части районов, перешедших под власть гоминьдана, сохранялись, по существу, старые порядки. Относительно легкие победы войск Национально-революционной армии, их быстрое продвижение к берегам Янцзы с военной точки зрения было крупным успехом революции. Однако в известной мере вследствие стремительных темпов Северного похода народные массы не имели достаточно времени, чтобы приобрести политический опыт и стать активными участниками революции.

Население районов, очищенных от северных милитаристов, было освобождено из-под власти одних генералов другими генералами (а зачастую и генералы оставались прежними). В народных массах не возникло чувства собственной силы, сознания того, что именно они были вершителями перемен. Они продолжали по-прежнему ощущать свою зависимость от властей (военных или гражданских), стоявших над ними. Национально-демократическая революция, одерживая один военный успех за другим, не имела под собой прочной и надежной социальной базы. Территориальное расширение сферы ее действия не подкреплялось расширением и укреплением социальной базы. Политические настроения народных масс, их симпатии и антипатии, поддержка ими той или другой стороны могли бы иметь огромное значение в том конфликте, который назревал внутри революционного лагеря. Но для того чтобы оказать решающее влияние на ход событий, на формирование политики различных группировок, представленных в лагере революции, народные массы в тот период не были еще в должной мере организованы и просвещены, не приобрели еще достаточного политического опыта, не избавились еще от пассивного отношения к происходящим событиям. Это вело к тому, что в споре между противоборствующими силами внутри революционного движения выигрыш оказался на той стороне, которая располагала бо́льшим количеством солдат и оружия.

Если в гуанчжоуский период развития революции компромисс между правыми и левыми силами был возможен и реален, а противоречия решались за счет уступок одной из спорящих сторон, то в уханьский период компромиссное решение спорных проблем стало более

трудным, а подчас невозможным, ибо на этом этапе обнаружились те полярные тенденции, те противоположные интересы, которые прежде можно было примирить и сгладить (а иногда просто отложить решение до лучших времен) только в сравнительно узких рамках гуанчжоуской базы.

Расширение масштабов революции, вытекавшая из этого необходимость практически, конкретно решать проблемы, непосредственно связанные с коренными интересами, даже судьбами различных классов китайского общества, способствовали все более открытому и все более острому проявлению конфликта между противоборствующими силами революционного лагеря, внешне выступавшего перед лицом общего врага как единое целое. Компромиссный выход из назревших противоречий был еще возможен, но маловероятен.

Неверная оценка разными сторонами своих реальных сил и возможностей влияла на характер и формы их действий, мешала найти взаимоприемлемые условия сохранения единства и сотрудничества, что и сказалось на дальнейшем ходе революции.

Выработавшиеся во время пребывания в Гуанчжоу формы внутриполитической борьбы, способы решения и примирения разногласий в Ухане потеряли свою эффективность. Несовпадение интересов и целей, преследовавшихся различными группировками, было слишком явным, чтобы его можно было скрыть, затушевать, погасить. Те искры раздора, которые уже в марте 1926 г. вызвали критическую ситуацию, вспыхнули с новой силой после захвата Уханя.

В начале января 1927 г. национальное правительство перебазировалось из Гуанчжоу в Ухань. Но часть руководящих деятелей гоминьдана предпочла присоединиться к ставке Чан Кай-ши в Наньчане. Последний хотел бы иметь у себя в обозе все национальное правительство, чтобы облегчить контроль над его деятельностью, но коммунисты и сотрудничавшие с ними левые гоминьдановцы решили, что в Ухане они будут в меньшей зависимости от главнокомандующего, к которому они не испытывали никакого доверия. Кроме того, сыграло роль стремление коммунистов находиться вблизи от очагов крестьянского движения, на рост которого они возлагали большие надежды. Левые силы рассчи-

тывали и на возможность противопоставить Чан Кай-ши, претендовавшему на роль военного диктатора и политического вождя, более приемлемую для них фигуру, вроде Ван Цзин-вэя, которому было послано приглашение вернуться в Китай, или генерала Тан Шэн-чжи, соперничавшего с Чан Кай-ши.

Еще до переезда национального правительства в Ухань руководители КПК пытались воздействовать на гоминьдан, и прежде всего на его левых деятелей, и убедить их в необходимости выработать новую социально-политическую программу, считая, что политическая платформа, принятая на I конгрессе гоминьдана, носит абстрактный характер и является скорее партийной программой, чем правительственной [см. 279, 1817].

Коммунисты считали, что в новой программе особое внимание должно быть уделено обеспечению интересов народных масс посредством проведения конкретных мероприятий, узаконенных правительственными декретами (установление минимума заработной платы для рабочих, обеспечение свободы собраний, союзов, печати и забастовок для рабочих, роспуск военных отрядов и миньтуаней, притесняющих крестьян, запрещение взимать с крестьян проценты по ссудам выше определенной нормы, предоставление ряда прав для купцов и т. д.).

В статье Чэнь Ду-сю [279], где излагались пожелания Компартии Китая относительно новой программы национального правительства, особенно радикальные требования не выставлялись. Весьма скромными были предложения, которые автор выдвигал по аграрному вопросу.

Более радикальными были требования, содержавшиеся в статье представителя Коминтерна Войтинского, опубликованной в «Сяндао» 15 ноября 1926 г. Указывая на то, что национальное правительство и близкие к нему военные силы в скором времени будут распоряжаться большей частью Китая, автор предлагал революционной власти в целях дальнейшего подрыва позиций У Пэй-фу и других врагов революции и завоевания симпатий народных масс осуществить конфискацию имущества контрреволюционеров, связанных с У Пэй-фу, отобрать землю у контрреволюционных помещиков и передать ее крестьянским союзам для распределения среди крестьян [197, 1853]. Он не поднимал вопроса о

конфискации всей помещичьей земли. Из статьи очевидно, что он рассматривал конфискацию земли и другого имущества у контрреволюционных помещиков прежде всего как политическую меру, как репрессию против активных противников национального правительства. В статье содержалась верная и важная мысль о необходимости завоевать доверие крестьянских масс и привлечь их на сторону революции с помощью частичной конфискации помещичьих земель и распределения их между крестьянами.

Политика руководства КПК и Коминтерна, направленная на использование национального правительства как революционной власти в интересах рабоче-крестьянских масс, разделялась не всеми членами партии.

Левацки настроенные коммунисты выдвигали требование полностью отказаться от «вывески» гоминьдана, который они называли «гнилым трупом». Они готовы были пойти на разрыв и с левыми гоминьдановцами, поскольку последние проявляли непоследовательность в защите интересов рабочих и крестьян. Вместо того чтобы привлекать на свою сторону как можно большее число левых гоминьдановцев и расширять свое влияние на национальное правительство, левые элементы в КПК, по существу, провозглашали лозунгом дня борьбу за свержение этого правительства как не способного удовлетворять требования народных масс.

Коминтерн осудил эту левацкую линию как крайне опасную для успешного развертывания революции. Журнал «Коммунистический Интернационал» счел необходимым выступить с анализом левацких взглядов и указать на их опасные последствия.

Орган Коминтерна заявлял, что задача заключается «не в уходе коммунистов из гоминьдана, чему враги китайской революции только порадовались бы, а в увеличении влияния его левого большинства на правительство и на армию» [154, 13].

Укреплению сотрудничества коммунистов с левыми гоминьдановцами в значительной степени мешало и укоренившееся у многих активных деятелей КПК представление о том, что китайская революция не ограничится уже национально-демократическими задачами, а будет перерастать в социалистическую революцию. «Китай, по всей вероятности, является кандидатом в преемники

России,— писал Пэн Шу-чжи.— Некоторые, однако, считают, что для перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической необходимо преодолеть китайскую стену, пройти через длительный промежуток времени. То есть полагают, что после буржуазно-демократической революции необходим еще продолжительный период развития капитализма, и лишь тогда можно подойти к социалистической революции». Пэн Шу-чжи писал, что китайская революция «ни в коем случае не ограничится рамками национально-демократической революции, а непременно очень скоро станет развиваться в сторону социалистической революции» [228, 1951].

Он подчеркивал, что принципами китайской национальной революции являются:

1. Китайская национальная революция — составная часть мировой революции.

2. Китайскому рабочему классу принадлежит роль авангарда революции.

3. Китайская национальная революция должна до конца поддерживать интересы большинства крестьянства.

4. Полное признание равноправия всех национальностей внутри страны.

5. Перманентность революции [228, 1951].

Из ориентации на развитие в направлении социалистической революции вытекала мысль о том, что в единый революционный фронт должны входить рабочие, крестьяне, ремесленники, революционная интеллигенция, особенно студенты, средние и мелкие торговцы и часть национальной буржуазии. Главными силами революции должны быть рабочий класс и крестьянство. Единый фронт объявлялся «красным фронтом». Ему противостоял «антикрасный фронт», куда входили империалисты, милитаристы, класс компрадоров, чиновничество, тухао и лешэнь.

Выступая за укрепление революционного единого фронта, коммунисты сужали его рамки, преуменьшали в нем роль национальной буржуазии. В то же время они высказывали опасения за судьбу единого фронта. По их мнению, угроза раскола исходила от тех, кто пренебрегал интересами рабочих и крестьян и враждебно относился к рабоче-крестьянскому движению. Выступления реакции против рабочих и крестьянских организаций,

имевшие место в Гуандуне, Цзянси, Гуанси, Хубэе, призывы правых гоминьдановцев сдержать развитие крестьянского движения, ограничить деятельность крестьянских союзов расценивались коммунистами как признак стремления правых разрушить единый фронт и поставить под угрозу дело национально-революционной борьбы [см. 226].

Китайские коммунисты протестовали против попыток задушить крестьянское движение в районах, формально находившихся под юрисдикцией гоминьдановских властей. Призывая крестьянство помогать революционной армии, гоминьдановские власти, а также командующие армиями стремились не допустить выступлений крестьянских масс против помещиков и чиновников. От крестьян требовали, чтобы они помогали революции ради революции, откладывая рассмотрение их требований на неопределенное будущее. В кругах гоминьдана господствовало высокомерное отношение к нуждам рабочих и крестьян. Гоминьдановские деятели презрительно отзывались о профсоюзах, называя их люмпенскими организациями, а крестьянские союзы — бандитскими.

Китайские коммунисты настойчиво добивались признания прав и интересов рабочего класса и крестьянства. В статье «Революция и народные массы» Чэнь Ду-сю подвергал критике тех, кто считал, что «крестьянское движение зашло слишком далеко». «Голоса против рабочего и крестьянского движения,— писал он с возмущением,— можно услышать повсюду, особенно в некоторых военных и финансовых органах. О правых же элементах нечего и говорить, для них борьба против рабочего и крестьянского движения стала одним из трех столпов их „великой политики“» [273, 1979].

Чэнь Ду-сю резко осуждал тех, кто ругал и порочил организации рабочих и крестьян. «Есть люди, которые вопят: „Рабоче-крестьянское движение слишком горячее“,— писал он.— Кроме того, есть люди, которые считают, что сейчас рабочие и крестьяне сильные, а капиталисты и помещики — слабые. Говорят также, что рабочие и крестьяне — это, дескать, угнетающие классы, а капиталисты и помещики — угнетенные классы» [273, 1980].

Называя контрреволюционными такие взгляды, Чэнь Ду-сю призывал к строгому соблюдению завета Сунь

Ят-сена о сотрудничестве между вооруженными силами и народными массами, подчеркивал, что лишь такое сотрудничество поможет закрепить успехи революции и обеспечить ее дальнейшее развитие.

Вместе с тем отмеченный выше левацкий уклон сказывался и среди руководителей КПК, которые подчас легковесно подходили к интересам национальной буржуазии, преждевременно сбрасывая ее со счетов. Некоторые из них не считали уже нужным дорожить сотрудничеством и с левыми гоминьдановцами. Такие настроения не способствовали укреплению позиций компартии в едином национально-демократическом фронте. Представление о скором наступлении перехода к социалистической революции вело к тому, что левые гоминьдановцы рассматривались как младшие партнеры, как руководимые, а не как равноправная сторона в общей коалиции [62].

В своих статьях руководители КПК переоценивали степень роста рабочего и крестьянского движения, революционность войск, сражавшихся под знаменем гоминьдана, и их близость к рабоче-крестьянским массам. Сильно преувеличивалась в партийных документах и руководящая роль рабочего класса в революции, его способность руководить крестьянской борьбой [см. 71, 1976].

Рабочее и крестьянское движение с началом Северного похода и в ходе продвижения Национально-революционной армии в район Янцзы развивалось, но это развитие было крайне неравномерным и происходило не по всей стране. Крестьянство поднималось на борьбу главным образом в тех районах, где ему была обеспечена поддержка армии. Там же, где генералы и офицеры были настроены враждебно к организации крестьян, движение развивалось очень слабо, если вообще развивалось.

К апрелю 1927 г., по данным ЦК КПК, количество членов крестьянских союзов достигло 9,829 млн.: в Ху-

---

[62] Цюй Цю-бо впоследствии признавал, что после переезда национального правительства из Гуанчжоу в Ухань среди коммунистов возобладало мнение, что уже наступила Октябрьская революция, что уже можно кончать с гоминьданом, поскольку на повестке дня стоит вопрос о социализме [192, 50].

нани — 5,204 млн., Хубэе — 1,714 млн., Чжэцзяне и Цзянсу — 230 тыс., в Гуандуне и Гуанси — 1,2 млн., Цзянси — 300 тыс., Хэнани — 1 млн., Шэньси и Ганьсу — 116 тыс., Аньхуе — 8 тыс., в Сычуани — 30 тыс. [117, 104—105].

Надо сказать, что о размахе крестьянского движения писали и коммунисты, и их противники. Но если первые делали это с целью показать, какая огромная сила идет за ними, и тем самым укрепить свои позиции в руководящих органах, то правые деятели гоминьдана шумели о разгуле крестьянской борьбы с другой целью. Они стремились использовать это как средство для запугивания и своих нестойких союзников, и своих военных противников.

Трудно сказать, насколько достоверными были приведенные выше цифры. Но даже из них видно, что количество членов крестьянских союзов было большим лишь в отдельных провинциях — в Хунани и Хубэе, Хэнани, Гуандуне, Гуанси. А главное, если и верить этим данным, то, видимо, можно говорить лишь о количественном росте крестьянских организаций в отдельных районах, где особенно активно действовали коммунисты и где армия не оказывала противодействия. О качественном росте крестьянского движения можно судить по последующим событиям, во время которых многие крестьянские союзы были сравнительно легко разгромлены и подавлены, когда контрреволюционные силы выступили против них, опираясь на поддержку армии.

Во всяком случае информация о крестьянском движении, поступавшая в Ухань, ставила руководство КПК перед острой необходимостью выработать позицию и определить линию своей деятельности в деревне.

Несмотря на то, что руководители КПК и до начала Северного похода и позднее, после взятия Уханя, выступали с неоднократными заявлениями о необходимости организовывать рабоче-крестьянские массы, вовлекать их в борьбу против империалистов и милитаристов, несмотря на то что мысль об усилении политической активности трудящихся как верном средстве ослабить и парализовать засилье генеральской верхушки постоянно присутствовала в статьях Чэнь Ду-сю и других коммунистов, практически руководство компартии было застигнуто врасплох ростом крестьянского движения в провинциях Хунань и Хубэй.

В ЦК КПК не было общей точки зрения по вопросу о том, как следует отнестись к действиям крестьян. Отсутствовала ясность, какие требования крестьян надо поддерживать, а какие — нет. Следует ли призывать к повсеместному захвату помещичьей земли или же более целесообразно ограничиться выдвижением лозунга о снижении арендной платы и сокращении налоговых норм?

Неуверенность руководителей КПК объяснялась не только неподготовленностью к росту крестьянского движения, но и опасениями, что острые формы классовой борьбы в деревне могут привести к расколу единого фронта, подорвать позиции революционного лагеря и остановить поступательный ход национальной революции. Чэнь Ду-сю и Пэн Шу-чжи на страницах «Сяндао» с тревогой писали об оживлении правых сил в гоминьдане, о их готовности пойти на сговор с империалистами и северными милитаристами, чтобы приостановить процесс «покраснения» революции, помешать перерастанию национальной революции в социальную, а военного похода — в демократическое движение народных масс. Чэнь Ду-сю и Пэн Шу-чжи призывали наносить удары по тем, кто помышляет о контрреволюционном соглашении с империалистами и милитаристами [см. 225; 270].

Из военной ставки Чан Кай-ши все чаще раздавались голоса о «сотрудничестве между Севером и Югом в целях совместной борьбы против красных», о «сдерживании и об изгнании коммунистов». Открыто выражалось недовольство действиями М. Бородина и выдвигалось требование о его возвращении в Советский Союз. Особую злобу у Чан Кай-ши и его окружения вызывали попытки М. Бородина создать в Ухане в противовес чанкайшистскому центру действенное национальное правительство и оградить революцию от диктаторских замашек главнокомандующего. Антисоветские, антикоммунистические речи Чан Кай-ши поощрялись империалистами, заинтересованными в расколе единого национально-демократического фронта.

В этих условиях правильная политика КПК по аграрно-крестьянскому вопросу приобретала особое значение. Растущему давлению со стороны реакционных сил внутри гоминьдана и империалистов необходимо

было противопоставить силы рабочих и крестьян, опираясь на которые можно было бы укрепить единый национально-демократический фронт. Борьбу крестьянских масс требовалось превратить в целенаправленное, организованное движение, которое бы способствовало успешному выполнению задач китайской революции в целом.

В китайской печати в это время публикуются сообщения о том, что хунаньские и хубэйские крестьяне захватывают власть в деревне. В присланном из Чанша докладе Мао Цзэ-дуна, опубликованном в «Сяндао» 12 марта 1927 г. [217], подчеркивалось, что реальная власть на селе фактически принадлежит крестьянам, крестьянским союзам, которые настроены весьма решительно, и там, где помещики пытаются сопротивляться, крестьяне сурово расправляются с ними. Наиболее активной частью крестьянских союзов была беднота, малоземельные крестьяне и арендаторы, которые составляли 70% их членов.

По сообщению Мао Цзэ-дуна, крестьянские союзы устанавливали твердые цены на предметы первой необходимости, регулировали вывоз риса, судили тухао, лешэнь и ростовщиков, облагали их штрафами, конфисковали имущество. В случае сопротивления они расстреливали наиболее злостных помещиков и чиновников.

В работах современных китайских историков докладу Мао Цзэ-дуна приписывается исключительно важная роль, подчеркивается, что именно он обобщил опыт проходившей тогда крестьянской революции и достигнутые ею результаты, что в «докладе дана всесторонняя оценка роли крестьянства в революции», что в нем «пропагандировалась революционная идея мобилизации масс на создание революционной власти и крестьянских вооруженных сил» [106, 167—168]. Этот доклад характеризуется как «классическое произведение по вопросу о руководстве крестьянством со стороны китайского пролетариата» [106, 172].

Буржуазные критики политики Коммунистического Интернационала оценивают доклад Мао Цзэ-дуна как свидетельство его более радикальной позиции по сравнению с Коминтерном и ЦК КПК, как новаторское слово в аграрно-крестьянской политике китайских комму-

нистов. На самом же деле Мао Цзэ-дун в своем докладе не внес ничего нового в разработку этого вопроса. В нем мы не найдем развернутой программы решения аграрной проблемы. Да его доклад такой цели и не ставил. Ни слова в нем нет и о руководстве крестьянством со стороны пролетариата. В то время Мао Цзэ-дун мог лишь в общих словах говорить об отношении различных группировок Уханьского центра революции к крестьянскому движению, а проблему руководящей роли рабочего класса он и не думал разбирать.

Что касается создания революционных органов власти в деревне, то на эту тему и другими публицистами Компартии Китая, и левыми гоминьдановцами говорилось и писалось в ту пору немало. Так что и в этом отношении доклад Мао Цзэ-дуна не отличался новизной постановки вопроса.

Доклад этот частично был перепечатан в еженедельнике ЦИК гоминьдана, а также в журнале «Коммунистический Интернационал» (июнь 1927 г.). Никто в то время не считал этот доклад противоречащим духу резолюций Коминтерна и официальной политике гоминьдана.

Действительная ценность этого доклада заключается в том, что он в живой и впечатляющей манере показал конкретные формы крестьянской борьбы в деревнях Хунани, подчеркнул справедливый характер этой борьбы, резко выступил против мнения о том, что движение крестьян зашло слишком далеко (в этом он был солидарен с Чэнь Ду-сю). Словом, он целиком встал на сторону поднявшихся на борьбу крестьян.

Из доклада явствует, что Мао Цзэ-дуна в то время привлекала в большей степени борьба крестьян за власть в деревне. Вопрос о судьбе земельной собственности в докладе не поднимался.

К моменту опубликования этого доклада среди руководителей КПК и гоминьдана, находившихся в Ухане, уже шли дебаты о крестьянском движении, разгорались споры об определении общей позиции по отношению к действиям крестьян. В Ухань в это время непрерывно поступали информации от чиновников и офицеров о «бесчинствах» крестьянских союзов. В донесении начальника финансового департамента провинции Хунань в декабре 1926 г. сообщалось: «Крестьянские союзы

часто сами расстреливают тухао и лешэнь. Недавно один командир батальона счел нужным просить у правительства инструкции не позволять массам тут же на месте убивать этих людей» [191, 258].

Из провинции Хубэй в январе 1927 г. сообщалось: «Уже в трех уездах народные массы восстали и своевольничают, они убили многих тухао и лешэнь» [191, 258].

Коммунисты и левые гоминьдановцы, работавшие непосредственно в сельских районах, добивались, чтобы национальное правительство выработало такие законодательные акты, на основе которых борьба крестьян против помещиков была бы признана официальной и получила правовую базу. Активисты крестьянского движения нуждались также в конкретных лозунгах и инструкциях по сложным проблемам определения классовой принадлежности, особенно по отношению к помещикам, сыновья которых служили в Национально-революционной армии. Местные работники гоминьдановского аппарата просили об издании таких постановлений, которые определяли бы меры наказания в отношении злостных тухао и лешэнь. Короче говоря, они хотели придать законную форму самочинным расправам крестьян над наиболее жестокими помещиками. Так, хубэйский провинциальный комитет гоминьдана обращался в январе 1927 г. в центр с просьбой к правительству «удовлетворять требования широких народных масс о расстреле тех тухао и лешэнь, которых они считают виновными в крупных злодеяниях» [191, 258].

Но имелись и другие предложения, смысл которых заключался в том, чтобы запретить самочинные действия крестьян, не позволять им самим вершить суд над помещиками, а предоставить это правительственным и судебным органам, куда крестьяне и должны обращаться с соответствующими жалобами.

В своем выступлении на заседании Временного объединенного совещания ЦИК гоминьдана и национального правительства 31 января 1927 г. М. Бородин, признавая, что убийства помещиков крестьянами без суда и следствия являются действиями противозаконными, вместе с тем призывал добиваться от местных органов власти быстрого рассмотрения требований крестьян и принятия мер для удовлетворения их жалоб на помещи-

ков. Он обвинял судебные органы в том, что они плохо организуют свою работу, не прислушиваются к требованиям крестьян и поэтому последние не доверяют судьям и чиновникам [191, 258—259].

Намерения М. Бородина сводились к тому, чтобы заставить гоминьдановское руководство в Ухане занять более четкую и ясную позицию по отношению к крестьянскому движению, поддержать крестьян в их борьбе против своих врагов, обязать административные и судебные органы помогать крестьянам, опираясь на соответствующие законы.

В марте 1927 г. в Ухане собрался III пленум ЦИК гоминьдана. Чан Кай-ши отказался участвовать в его работе. Пленум проходил в обстановке обострившихся отношений Уханя с Нанкином, где располагалась ставка главнокомандующего. На нем была принята резолюция об укреплении и повышении авторитета партии, направленная против стремлений Чан Кай-ши к установлению личной военной диктатуры.

В другой резолюции — о сплочении революционных сил — предусматривалось более активное участие коммунистов в руководящих органах национального правительства, что означало отказ от политики ограничения деятельности коммунистов в гоминьдане, навязанной в мае 1926 г. Чан Кай-ши и его подручными.

На III пленуме ЦИК гоминьдана было принято предложение о проведении объединенной конференции представителей гоминьдана и КПК для обсуждения форм сотрудничества по вопросам совместного руководства рабочим и крестьянским движением, вопроса о национальных меньшинствах, а также вопроса об общей политической ответственности, т. е. о вхождении представителей компартии в национальное правительство. Принятие таких решений было определенным сдвигом влево и явилось открытым вызовом чанкайшистам.

Рассматривались на пленуме и проблемы крестьянского движения. В резолюции по крестьянскому движению перед национальным правительством выдвигались следующие задачи:

— приступить к формированию районных и волостных органов самоуправления на базе крестьянских союзов под руководством местных организаций гоминьдана;

— создать при районных органах самоуправления (а в случае необходимости и при волостных) земельные комиссии, в которые должны войти как работники органов власти, так и представители крестьянского союза. В обязанности этих комиссий входит подготовка земельной реформы (туди гайлян), а также осуществление постановлений правительства по вопросам землеустройства и землепользования;

— передать все имеющиеся в сельской местности вооруженные отряды, не входящие в состав правительственных войск, в подчинение районных или волостных органов самоуправления, которые должны реорганизовать их, с тем чтобы на них действительно можно было возложить задачу по защите сельского населения;

— осуществить на практике к концу года решение объединенной комиссии о снижении арендной платы на 25%; органы сельского самоуправления и крестьянские союзы должны отменять все жестокие поборы, как предусмотренные арендными договорами, так и не предусмотренные; установить право вечного пользования землей для тех крестьян, которые сами ее обрабатывают;

— издать указ о передаче общественных и монастырских (храмовых) земель в распоряжение волостных органов самоуправления;

— строго наказать чиновников-взяточников, тухао и лешэнь, а также всех контрреволюционеров, на основе закона конфисковать их землю и имущество, которые отходят к районам и волостям и рассматриваются как общая собственность;

— пересмотреть все старые несправедливые земельные налоги, постепенно отменить наиболее обременительные из действующих налогов и поборов, наносящих особенно большой ущерб крестьянским хозяйствам;

— запретить ростовщичество, установить норму ссудного процента; учредить крестьянский банк, который будет предоставлять крестьянам ссуды на условии 5% [180, 256—257].

Основное содержание резолюции по крестьянскому движению было изложено в Манифесте, обращенном к крестьянам [63]. Манифест призывал крестьян нижнего те-

[63] А. Бакулин весьма лаконично пишет об этом документе: «Опубликованный ЦК гоминьдана Манифест по крестьянскому вопросу помимо признания, что крестьянство — база национальной

чения Янцзы и всех северных провинций подниматься на борьбу по мере продвижения войск Северного похода, свергать тухао и лешэнь, ликвидировать привилегии феодально-помещичьего класса в деревне [180, 258]. При этом указывалось, что крестьяне должны иметь свои вооруженные силы и что гоминьдан должен изыскать возможности для снабжения крестьян оружием по дешевой цене.

В Манифесте подчеркивалось, что главный вопрос, волнующий крестьянскую бедноту,— это земельный вопрос и что в районах, подвластных национальному правительству, особенно в Гуандуне, Хунани и Хубэе, бедняки настойчиво требуют земли. Исключительно серьезным является земельный вопрос и для крестьянской бедноты Северного Китая. Гоминьдан давал обещание поддерживать борьбу крестьян за землю до полного разрешения земельной проблемы и заверял крестьян в том, что он «всегда стоял на стороне крестьянских интересов и боролся за крестьян» [180, 259].

На III пленуме ЦИК гоминьдана было утверждено «Временное положение о наказании тухао и лешэнь», предложенное коммунистами от имени хубэйского провинциального комитета гоминьдана. Необходимость такой меры мотивировалась тем, что «преступления тухао и лешэнь не подходят под обычные законы». Наказанию, согласно «Временному положению», подлежали:

«1) те, кто занимается контрреволюционной деятельностью либо препятствует революции и занимается контрреволюционной пропагандой;

2) те, кто выступает против либо противодействует партии (имеется в виду гоминьдан.— *Л. Д.*) и руководимому ею движению народных масс (крестьянскому движению, рабочему движению, движению торговцев, молодежному и женскому движению);

3) те, кто, вступив в связь с вооруженными бандитами, причиняет зло работникам местных или центральных партийных органов;

революции, сводится к следующему: 1) создание самоуправления в деревне; 2) организация деревенской самоохраны за счет разоружения миньтуаней; 3) снижение арендной платы; 4) образование крестьянских банков; 5) поддержка крестьянства в его стремлении на получение права обработки земли» [102, 127].

4) те, кто, находясь в тайном сговоре с бандитами, участвует в дележе награбленной добычи:

5) те, кто, тем или иным образом притесняя простых людей, доводит их до смерти» и пр. [191, 260].

В «Положении» определялось, что совершение этих преступлений карается смертной казнью или пожизненной каторгой.

Резолюция по крестьянскому движению, Манифест к крестьянам и другие документы III пленума ЦИК гоминьдана несут на себе печать влияния решений VII пленума Исполкома Коминтерна. Собравшиеся в Ухане левые гоминьдановцы, принимая эти документы, на словах шли навстречу крестьянскому движению, заявив о решимости санкционировать и поддержать сверху наступление на интересы помещичьего класса.

Документы III пленума были встречены с озлоблением буржуазно-помещичьим крылом гоминьдана и его вождем Чан Кай-ши. Они были расценены как серьезная уступка коммунистам, как капитуляция перед их требованиями. Правые гоминьдановцы считали, что и резолюция и Манифест носят подстрекательский характер, поскольку они подталкивают крестьянство на борьбу против реакционно-феодальных сил в деревне. Тот факт, что главной причиной столкновения между левой и правой группировками гоминьдана служил аграрный вопрос[64], свидетельствовал о том, что чанкайшистская группировка выступала прежде всего как выразитель интересов и класса помещиков в целом, и связанной с этим классом буржуазии, а также военно-бюрократического слоя, включавшего командный состав армии и чиновников всех рангов.

Левых гоминьдановцев также в известной степени беспокоила судьба помещиков, главным образом мелких и средних. Признавая, по крайней мере на словах, необходимость улучшения доли крестьянства, они считали, однако, что этого не следует добиваться ценой радикального и последовательного уничтожения помещичьего класса. Революционные методы пугали их, они предпочитали либеральный, постепенный путь освобож-

---

[64] Мы оставляем в стороне проблему форм сотрудничества между гоминьданом и КПК, а также отношений с Советским Союзом и Коминтерном, которые тоже служили источником противоборства между двумя группировками.

дения крестьянства. Принимая свои резолюции и декларации, они не всегда отдавали себе ясный отчет в том, что может произойти в китайской деревне, если крестьяне всерьез будут проводить в жизнь эти резолюции и декларации.

На III пленуме ЦИК гоминьдана левые поддались давлению коммунистов. Спустя некоторое время они сами ужаснулись тому, что ими было сделано, а затем переметнулись к правым, объединившись с ними в борьбе против Компартии Китая. Коммунистам же и представителям Коминтерна после III пленума казалось, что в лице левых гоминьдановцев они имеют слабовольных, нерешительных, но верных (именно в силу своей слабости) попутчиков.

Кроме того, левые гоминьдановцы рассматривались как выразители интересов мелкой и национальной буржуазии, которая теоретически должна была выступать против феодальных порядков. Связи национальной буржуазии с помещиками или игнорировались, или не принимались всерьез. К тому же в руководстве КПК также наблюдалась боязнь эксцессов в деревне. Как и левые гоминьдановцы, некоторые лидеры КПК склонны были поддерживать лишь умеренные требования крестьян, тем более что лозунги конфискации помещичьей земли и ее раздела еще не были популярными в крестьянской массе[65].

Непоследовательность и противоречивость позиции левых гоминьдановцев со всей очевидностью обнаружилась в ходе работы аграрной комиссии ЦИК гоминьдана. В состав комиссии входили от гоминьдана Сюй Цянь, Гу Мэн-юй и Дэн Янь-да, от компартии — Тань Пин-шань и Мао Цзэ-дун. Комиссия должна была обстоя-

---

[65] Журнал «Коммунистический Интернационал» позднее писал: «В общем и целом требования крестьянских союзов в то время были еще довольно умеренными. Они сводились к следующему: 1) сокращение арендной платы, 2) сокращение процента по займам, 3) обмен земель, 4) изменение договоров об аренде, 5) отмена подачек помещикам и отработок, 6) борьба с непомерными налогами, 7) изгнание джентри, разоружение миньтуаней и вооружение крестьян. Лозунги конфискации помещичьей земли и раздела земли представляли собой еще весьма редкое явление в то время. Эти умеренные требования встречали, если не на деле, то на словах, поддержку со стороны Центрального Комитета гоминьдана и национального правительства» [158, 3].

тельно изучить аграрный вопрос и разработать методы его разрешения. В работе комиссии принимали участие в качестве советников Е. Иолк и О. Тарханов. К работе комиссии были привлечены представители 15 провинций (Хунань, Хубэй, Гуандун, Хэнань, Чжили, Шаньдун, Аньхуй, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Жэхэ, Фэнтянь, Чахар, Цзилинь, Шаньси), а также представители армии.

Члены аграрной комиссии заслушали доклад О. Тарханова о решении аграрного вопроса в России, обзор распределения земли в Китае, доклады Чжилийского и Жэхэского комитетов о распределении земли в этих провинциях, а также сообщения представителей других провинций.

Члены комиссии пришли к единодушному выводу, что аграрный вопрос требует срочного решения. Они считали, что смысл решения аграрного вопроса состоит в том, чтобы: «1) освободить крестьянство; 2) увеличить производительные силы в сельском хозяйстве; 3) защитить революцию; 4) сломить весь феодальный строй и свергнуть опору империализма; 5) способствовать индустриализации Китая; 6) поднять культуру» [191, 283].

Но когда речь зашла о методах решения, разгорелись споры. Особенно оживленно обсуждался вопрос, следует ли объявить о немедленной конфискации и национализации полностью всех земель или держать курс на частичную конфискацию.

У коммунистов не было единой позиции по этой проблеме[66]. Не было твердой позиции и у советских спе-

---

[66] А. В. Бакулин пишет: «Достаточно хотя бы того, что за три недели, в течение которых велась работа Аграрной комиссии, представители ККП четыре раза меняли свою позицию в аграрном вопросе.

Сначала комиссия ЦК ККП после трехдневного обсуждения постановила требовать конфискации всей сдаваемой в аренду земли, а также конфискации крупных капиталистических имений, а в дальнейшем — полной отмены частной собственности на землю.

При вторичном обсуждении этого вопроса в ЦК ККП было постановлено требовать конфискации земли только у контрреволюционеров.

Позже, на заседании крестьянской комиссии ЦК ККП, к этому было добавлено требование конфискации земли у крупных помещиков.

циалистов, понимавших сложность аграрной проблемы и беспокоившихся за судьбу единого фронта.

На первом заседании комиссии О. Тарханов говорил: «Если бы большинство составляли крестьяне-арендаторы, а меньшинство — крупные помещики и к тому же обстановка во всех провинциях была бы одинаковой, то тогда коренной вопрос [о земле] можно было бы решить очень легко; но в настоящее время обстановка во всех отношениях не одинакова... Поэтому аграрный вопрос не так легко решить... Если немедленно провозгласить национализацию земли, то, пожалуй, мелкие помещики покинут революционный фронт. Поэтому лучше всего придерживаться принципа: каждому пахарю — свое поле; при этом не следует трогать землю мелких помещиков и крестьян-собственников. Теоретически можно провозгласить национализацию земли, но практически дело еще до этого не дошло» [191, 281—282].

По мнению М. Бородина, необходимо было продолжать Северный поход, «отложив земельную революцию до того, как будет завоеван Пекин»[67] [123, 24]. М. Бородин, Чэнь Ду-сю и Тань Пин-шань выступали за политическую конфискацию, т. е. за изъятие земель у тех помещиков, которые выступают против революции[68].

Решение аграрной проблемы должно было, по мнению коммунистов, содействовать доведению до конца национальной революции. Коммунисты подчеркивали, что удовлетворение требований крестьянства укрепит силы революции. Мао Цзэ-дун в своем выступлении на комиссии говорил: «В настоящее время силы революции хотя и растут, но этот рост уже достиг критической точки. Если не будет мощного резерва, то поражение неизбежно. Но, не решив аграрного вопроса, нельзя увеличить резервы и защитить революцию» [191, 284].

В четвертый раз было постановлено отказаться вообще от требования немедленной конфискации, а требовать только признания принципа конфискации всей земли, за исключением земель мелких землевладельцев.

Неподготовленность выразилась не только в том, что коммунисты несколько раз меняли свою точку зрения, но и в том, что на заседаниях гоминьдановской комиссии коммунисты неоднократно выступали друг против друга» [102, 201—202].

[67] Цюй Цю-бо также утверждал, что в Ухане Бородин стоял за сдерживание аграрной революции [см. 192, 52].

[68] Это совпадало с установками VII пленума ИККИ.

Эта же мысль проступала и в выступлении Тань Пин-шаня. «Для того чтобы крестьянство стало хозяином революции, нужно дать ему землю»,— заявлял он, добавляя, что «если крестьяне получат землю, то, чтобы защитить ее, они станут вооружаться и участвовать в революции» [191, 284—285]. Тань Пин-шань отстаивал идею предоставления власти на селе крестьянам. «Для того чтобы разрешить аграрный вопрос,— говорил он,— необходимо, чтобы крестьяне имели достаточно полную силу, чтобы захватить власть и удержать ее. Поэтому национальное правительство должно поддерживать борьбу крестьян в деревне против крупных помещиков и всех других феодальных сил» [191, 255]. Он предлагал 5—10% продукции оружейных заводов передавать отрядам крестьянской самообороны [191, 286].

После предварительного обмена мнениями комиссия приняла решение о подготовке «Проекта резолюции по аграрному вопросу» и справки о земельных отношениях в Китае.

Авторы проекта не решились выступить за конфискацию всей помещичьей земли. В представленном ими документе говорилось лишь о конфискации и распределении между малоземельными крестьянами земель тухао, лешэнь, продажных чиновников, милитаристов и всех контрреволюционеров. Иными словами, в нем нашла свое отражение идея политической конфискации.

Один из его составителей, Мао Цзэ-дун, разъяснял: «Принятое сейчас решение о конфискации земель тухао, лешэнь, милитаристов означает политическую конфискацию. Это первый шаг. Дальше речь пойдет о конфискации земли, которая не обрабатывается непосредственно ее владельцами, а сдается в аренду другим. Это будет экономическая конфискация. Экономическая конфискация в Хунани уже не является проблемой. Крестьяне по собственному почину уже приступили к разделу земли» [191, 289].

Мао Цзэ-дун говорил, что земля середняков, обрабатывающих землю своими силами, не конфискуется, а земля кулаков должна быть конфискована. По его мнению, опыт Хунани говорил о том, что политическая конфискация недостаточна, в то же время он полагал, что в каждой провинции аграрный вопрос должен решаться по-разному.

Проект закона указывал, что критерием при распределении земли между крестьянами должно служить число едоков в каждой семье, при распределении земли надо учитывать и возраст. На местах должны быть образованы земельные комиссии из представителей районных и волостных органов крестьянского самоуправления. В их задачи входит конфискация, распределение и регистрация земли. Налог с конфискованной и распределенной между крестьянами земли через районные и волостные органы самоуправления передается правительству. Налоговая норма устанавливается земельной комиссией национального правительства по согласованию со Всекитайским крестьянским союзом. Проект особо оговаривал, что торговля конфискованной и распределенной землей запрещается.

В справке об аграрных отношениях в Китае, которая должна была служить обоснованием проекта, отмечалось, что обрабатывается лишь 15% всех земельных площадей Китая. Вследствие того что население велико, а земли мало и налоги высоки, крестьяне с трудом поддерживают свое существование и не в состоянии улучшать технику земледелия.

Составители справки подчеркивали, что большинство крестьян совершенно не имеет земли, а у большей части крестьян-собственников земли недостаточно.

В справке указывалось, что в целом безземельные крестьяне составляют 55% всех крестьян, а бедняки, владеющие от 1 до 10 му, составляют 20%. Всего, таким образом, справка относила 75% крестьян к нуждающимся в земле. Середняками в ней назывались крестьяне, владеющие от 10 до 30 му. В эту категорию, по мнению составителей справки, входило 12% сельского населения. Середняки, согласно справке, не хотят бороться за землю, но могут помочь беднякам. Владельцы более 30 му земли — кулаки, мелкие, средние и крупные помещики, составлявшие 13% сельского населения, назывались контрреволюционерами, выступающими против решения аграрного вопроса [191, 288—289].

Представители гоминьдана в аграрной комиссии были недовольны подготовленным проектом. Они пытались провалить его, ссылаясь на сложность и неизученность вопроса, на недостоверность и неточность данных о земельных отношениях. «Достоверны ли материалы аграр-

ного обследования,— замечал Сюй Цянь,— которые сейчас приняты за исходные данные? Сходятся ли они с теорией? По данным обследования, обрабатывается только 15% земли, остальные 85% пустуют. Мы конфискуем только 15% земли, но если необработанной земли действительно так много, то не может быть и речи о конфискации земли» [191, 290].

Сюй Цянь высказал сомнение в правильности результатов обследования земельных отношений. Он заявлял, что уравнительный раздел не разрешит проблемы, поскольку в каждой провинции существуют свои условия и общие критерии выработать невозможно. Под видом критики принципа политической конфискации он выступал против конфискации вообще [см. 191, 290].

Любопытно, что, успокаивая гоминьдановцев, Мао Цзэ-дун явно путался в экономических и юридических понятиях. «Конфискация земли,— подчеркивал он,— означает лишь отмену арендной платы и ничего другого. В настоящее время происходит подъем крестьянского движения в Хунани и Хубэе, там крестьяне уже по собственной инициативе перестали платить арендную плату. Сами захватили власть. При решении аграрного вопроса в Китае сперва надо осуществить его практически, а потом оформить законом» [191, 282].

Возражая против проекта, гоминьдановец Гу Мэнюй требовал учитывать два момента: «1) во время решения аграрного вопроса порядок в деревне неизбежно будет подорван, сельскохозяйственные работы будут приостановлены и год будет неурожайным, если же прибавить к тому экономическую блокаду со стороны империалистов, то в итоге может сложиться неразрешимая ситуация; 2) когда в Хэнани будет решаться аграрный вопрос, снабжение солдат войск Северного похода продовольствием может быть прервано» [191, 282].

В дискуссии принял участие и лидер левых гоминьдановцев Ван Цзин-вэй. В его выступлении звучал страх за судьбу помещиков. «Хотелось бы спросить,— говорил он,— нужно ли сегодня осуществить принцип „каждому пахарю — свое поле“? Если не будет ясного решения, то под видом политической конфискации фактически будет проведена экономическая, потому что на всех крупных, средних и мелких помещиков можно навесить ярлык

контрреволюционеров и таким образом конфисковать их землю. Фактически политическая конфискация означает конфискацию земли у крупных помещиков и ее раздел. Но если конфисковать землю средних и мелких землевладельцев, что будет означать для многих из них смерть от голода, не пошатнет ли это революцию? Поэтому прежде всего следует спросить: нужно ли осуществлять принцип „каждому пахарю — свое поле“? Если да, то нужно в соответствии с объективными фактами посмотреть, настало ли для этого время; если нет, то нужно выработать другой путь. Не заключается ли наш нынешний путь в том, чтобы под видом политической конфискации осуществить экономическую конфискацию,— это момент, на который следует обратить внимание всех товарищей. В противном случае мы не справимся с крупными помещиками, а только нанесем ущерб средним и мелким крестьянам» [191, 291—292].

С иных позиций критиковали проект коммунисты — участники дискуссий в аграрной комиссии. Один из них, Ся Си, назвал проект противоречивым, поскольку его осуществление не предотвратит классового расслоения в деревне. Он говорил: «Проект предусматривает частичную конфискацию, и те, у которых земля не конфискуется, по-прежнему будут иметь право на землю. Таким образом, будет два вида крестьян-арендаторов: работающие на государственной земле и работающие на частной... Они будут платить разный земельный налог, и в результате крестьянство сразу же начнет расслаиваться, сразу же начнется борьба между бедняками и кулаками, что неизбежно подорвет революцию. Поэтому возможность проведения в жизнь этого проекта весьма сомнительна» [191, 292].

Другой коммунист, Пэн Цзэ-сян,— сторонник последовательной конфискации всей помещичьей земли — полагал, что политическая конфискация не решает проблемы. «Политическая конфискация хотя и может свергнуть тухао и лешэнь, однако она не отражает всех требований крестьянства» [191, 292],— заявлял он.

Защищая проект, Мао Цзэ-дун настаивал: «Этот проект полностью является проектом политической конфискации. Если бы в 4—5 провинциях, таких, как Хунань, требования крестьян на землю были одинаковы, то возможно было бы опубликование всех решений по

аграрному вопросу. Но сейчас другие провинции отстают от Хунани» [191, 292]. Мао Цзэ-дун придерживался мнения, что полностью проект закона публиковать преждевременно, поскольку провести его в жизнь можно будет только в Хунани, а влияние распространится на всю страну. Он предлагал конфискованную землю не передавать государству, а ограничиться тем, что крестьяне перестанут выплачивать помещикам арендную плату. Таким образом, по его мнению, аграрный вопрос будет разрешен, а юридически этот порядок будет признан после того, как станет свершившимся фактом. «Тов. Пэн Цзэ-сян сказал, что проект уходит от решения аграрного вопроса в целом, но он не преследует той цели, которую ставит тов. Пэн. Смысл проекта в политической конфискации, что отвечает общим условиям. Что же касается экономической конфискации, то надо дождаться удобного момента и тогда выработать новый проект, чтобы решить вопрос полностью» [191, 293],— говорил Мао Цзэ-дун.

Гоминьдановские генералы, узнав о проекте решения аграрного вопроса, выступили резко против его принятия, заявив, что это может вызвать конфликты и отрицательно повлиять на настроение военных. Командир корпуса Хэ Цзянь заявил: «Передача конфискованной земли правительству или партийным комитетам неизбежно вызовет конфликты; если же она будет передана крестьянским союзам, то конфликты будут еще больше. Что касается солдат, то во время революции им присущ дух революционной армии, единства и сплоченности. Если конфисковать землю солдат, то это может поколебать их боевой дух, потому что среди солдат и офицеров многие имеют землю» [191, 294][69].

---

[69] Советский корреспондент Н. Костарев, работавший тогда в Китае, рассказывает о любопытной беседе с генералом Тан Шэн-чжи: «Тан перешел к самому главному: он стал жаловаться на своих офицеров, и главным образом на высший командный состав.

Он так прямо и сказал:

— Вот, что мне делать? В Хунани крестьянские комитеты делят помещичьи земли. А мои офицеры — все помещики и землевладельцы... Здесь — мы воюем за революцию... А там, у них, отбирают земли... Они недовольны... начинают бунтовать, хотят возвратиться в Хунань и там... навести порядок... тридцать пятый корпус уже повернул назад... Что же мне делать?

Но мы молчали.

Гоминьдановцы не скрывали своего страха перед крестьянским движением, они прямо заявляли, что боятся выхода крестьян из-под контроля национального правительства. Они опасались, что в своей борьбе против помещиков крестьяне не станут строго следовать букве закона и отбирать землю только у тех помещиков, которые признаны контрреволюционерами. «Мы должны предварительно решить,— говорил Гу Мэн-юй,— есть ли у партийных комитетов, крестьянских союзов и органов самоуправления в деревне силы, чтобы заставить крестьян полностью соблюдать наши решения? В противном случае наше обстоятельное обсуждение будет бессмысленным. Устанавливаемые нами критерии будут иметь смысл только в том случае, если их будут соблюдать. Сейчас мы решили, что земли мелких помещиков не подлежат конфискации, что конфискуются только земли крупных помещиков; установили, что земли крестьян-собственников и крестьян-полуарендаторов также не подлежат конфискации; это хорошо. Однако когда в деревне начнется борьба за раздел земли, то сомнительно, удастся ли заставить крестьян соблюдать эти установки. Поэтому прежде всего нужно решить вопрос об этих обязательных предпосылках, иначе нечего определять критерии для конфискации. Так же обстоит дело и с критериями распределения. Боюсь, что крестьянские союзы будут делить землю, не считаясь с ними. Но во имя интересов революции мы должны следить за тем, чтобы они подчинялись дисциплине, иначе революция неизбежно окажется под угрозой. Поэтому абсолютно необходимо просить товарищей из провинций Хунань и Хубэй, занимающихся крестьянским движением, ответить на такой вопрос: могут ли крестьяне в деревне в соответствующих рамках соблюдать дисциплину?» [191, 295].

В обязанность военного советника совсем не входило учить Тана политграмоте. А я приехал в Китай наблюдать и описывать...

Тогда Тан сам ответил за нас. Он еще глубже сел в свое зеленое кожаное кресло, и только макушка его черных и жестких, как проволока, волос гребнем торчала над спинкой, да шире еще раздвинулся рот в оскаленную зубами улыбку.

Он точно приходил нам на помощь...

— Придется, должно быть, завести рабоче-крестьянский командный состав, как у вас... С этими офицерами моей армии будет, пожалуй, не по пути» [107, 129—130].

Близкий к коммунистам левый гоминьдановец Дэн Янь-да возражал Гу Мэн-юю: «Ныне важнейшей стороной аграрного вопроса является защита революции, т. е. его политическое значение преобладает. Если это так, то, вероятно, неверно было бы подчеркивать экономическое значение критериев конфискации и раздела». Дэн Янь-да обращал внимание комиссии на важность выработки политических принципов, считая, что только после этого можно думать об организационных вопросах и о пропаганде. «Суть настоящего обсуждения,— говорил он,— в том, как в политическом отношении побудить крестьян участвовать в революции, поддерживать революцию, а чтобы добиться этого, необходимо дать им землю» [191, 295—296]. Дэн Янь-да настаивал на том, чтобы как можно скорее принять и обнародовать закон о земле.

Против этого возражал Сюй Цянь. Он говорил: «Защита революции имеет исключительно важное значение, но мы должны задуматься и над ее методами. Если в революции будут использованы нынешние методы, то решение проблем, выдвигаемых этим проектом, станет не только не легче, но, возможно, еще более трудным. Этот закон о земле — не что иное, как огонь, и неизвестно, будет ли этот огонь обращен против врага или же против нас самих» [191, 296]. Сюй Цянь считал крайне опасным насильственный (путем убийств и поджогов) способ разрешения земельного вопроса.

Представители армии потребовали предоставления гарантии для военнослужащих и их семей. В ответ на это аграрная комиссия приняла «Положение о сохранении за военнослужащими революционной армии их земельной собственности».

В ходе обсуждения все участники дискуссии согласились одобрить политическую конфискацию. На заседании 26 апреля 1927 г. выступил М. Бородин. По его мнению, необходимо было дифференцированно подходить к решению аграрного вопроса в различных районах страны. В районах, контролируемых национальным правительством, можно было провести последовательную конфискацию земли, создав предварительно органы местной власти. В районах, не находящихся под контролем национального правительства, необходимо было использовать лозунг конфискации земли для мобилизации

крестьян на борьбу против милитаристов. М. Бородин подчеркивал, что в районах, контролируемых национальным правительством, самым важным является формирование органов сельского самоуправления и только тогда можно браться за решение аграрного вопроса. М. Бородин считал, что если будут возникать трудности, то лишь потому, что власть не в руках крестьян. Поэтому прежде всего нужно установить власть крестьян, поставив ее под руководство партии. Он предлагал срочно принять и утвердить положение о сельском самоуправлении, считая это первоочередной задачей [191, 298].

Таким образом, М. Бородин считал безотлагательной задачей создание местных органов революционной власти, органов крестьянского самоуправления, видя в этом необходимое условие для осуществления законов национального правительства. Он подчеркивал, что самовольные действия крестьян снизу без поддержки сверху не приведут к желаемым результатам.

Приглашенный на заседание аграрной комиссии Чэнь Ду-сю согласился с М. Бородиным в том, что у крестьян должна быть власть и что в районах, контролируемых уханьским правительством, надо действовать иначе, чем там, где господствует противник. Он подчеркивал, что у правительства на этот счет должен быть детально разработанный план мероприятий. Он выступал за включение в проект закона пункта о сохранении за мелкими помещиками и военнослужащими земельной собственности, считая, что это их успокоит [191, 300].

После долгих прений аграрная комиссия приняла: 1) проект резолюции о разрешении аграрного вопроса; 2) проект положения о наказании контрреволюционеров; 3) проект положения о сохранении за военнослужащими революционной армии их земельной собственности; 4) проект закона об охране арендаторов.

Проект резолюции о разрешении аграрного вопроса состоял из двух частей. В первой излагались следующие общие принципы:

1. В ходе национальной революции необходимо разрешить аграрный вопрос, т. е. распределить земли крупных помещиков, а также казенные, общественные и пустующие земли среди безземельных и малоземельных крестьян. Земли мелких помещиков, а также военных,

сражающихся за революцию, национальное правительство сохраняет за ними.

2. Для разрешения аграрного вопроса необходимо направить все силы крестьян на завоевание и упрочение власти в деревне. Поэтому национальное правительство должно помочь крестьянству в его борьбе против крупных помещиков и всех других феодальных сил.

Во второй части предлагались соответствующие практические мероприятия:

1. Национальное правительство должно в срочном порядке опубликовать положение об организации волостных, районных и уездных органов самоуправления, причем работники министерства земледелия должны быть посланы в волости, районы и уезды для руководства этими органами и оказания им помощи.

2. Национальное правительство должно побуждать все провинциальные правительства осуществлять самым решительным образом все ранее принятые партией решения по крестьянскому вопросу, и в первую очередь постановления Объединенной конференции ЦИК и III пленума ЦИК.

3. Провинциальные комитеты гоминьдана совместно с провинциальными крестьянскими союзами должны в срочном порядке наметить мероприятия по разрешению аграрного вопроса на основе вышеизложенных принципиальных положений и в соответствии с местными условиями; разработанные проекты должны поступить на утверждение ЦИК, который передаст их национальному правительству для исполнения провинциальным правительствам.

4. В целях искоренения феодальных сил в деревне, предотвращения наступления реакционных сил на крестьянство, в целях борьбы с тухао, лешэнь и всеми реакционерами, наносящими вред интересам народа, необходимо, чтобы провинциальные комитеты гоминьдана совместно с провинциальными правительствами и провинциальными крестьянскими союзами и при участии назначенных провинциальными комитетами гоминьдана представителей общественных организаций сформировали народные судебные комиссии, которые строго наказывали бы вышеуказанных лиц.

5. Все арсеналы, находящиеся в ведении национального правительства, должны выделить от 5 до 10% сво-

ей продукции для снабжения отрядов крестьянской самообороны. Заведование вооружением и распределение его должно быть возложено на специально организуемую при ЦИК «Комиссию по вооружению народа».

6. Национальное правительство должно в срочном порядке обследовать урожайность земли в связи с климатическими и ирригационными условиями в разных местах и установить норму владения для мелких помещиков. Эта норма должна быть не ниже 50 му на плодородных землях, не выше 100 му на бедных землях.

7. Национальное правительство должно в срочном порядке опубликовать закон об охране арендаторов.

8. Национальное правительство должно гарантировать сохранность земель, находящихся во владении командиров и солдат Национально-революционной армии. Безземельные воины Национально-революционной армии должны по окончании революционной войны получить от националнього правительства землю [см. 191, 301—302].

После принятия этого проекта возник вопрос о его опубликовании. И тут проявилась полностью нерешительность и непоследовательность коммунистов. Тань Пин-шань высказался против обнародования результатов работы комиссии. По его мнению, «данный проект должен быть утвержден ЦИК и только тогда можно будет решить вопрос о его публикации. Пока же временно следует отложить его публикацию». С ним согласился Ван Цзин-вэй.

Коммунист Юнь Дай-ин выступил за публикацию, заявив: «По-моему, эта тайна ни за что не будет сохранена, поскольку здесь присутствует очень много товарищей из разных провинций» [191, 303].

В итоге проект резолюции о разрешении аграрного вопроса был передан в политическую комиссию ЦИК гоминьдана, а там снова начались затяжные дебаты. В ходе дискуссии большинством голосов проект был отвергнут, и решено было его не публиковать.

Работа аграрной комиссии показала, что, когда потребовалось переходить от деклараций к практическим решениям, левые гоминьдановцы не осмелились пойти на конфликт с помещиками. Коммунисты же не сумели ни отстоять результаты работы комиссии, ни разрабо-

тать такие альтернативные предложения, которые могли бы быть приемлемы и для левых гоминьдановцев.

Они не сумели заставить лидеров гоминьдана принять подготовленные ими проекты, которые в случае их опубликования, несомненно, сыграли бы революционизирующую роль. Но у коммунистов не было реальных сил и возможностей воздействовать на гоминьдан, зависящий от поддержки генералов Национально-революционной армии. Объективная слабость позиций КПК усугублялась отсутствием единства в ее руководстве по вопросу о методах решения аграрного вопроса.

Аграрная комиссия еще заседала и ее участники были заняты словопрениями, когда 12 апреля 1927 г. Чан Кай-ши произвел контрреволюционный переворот. Помещичье-буржуазный блок, выдвинувший его в качестве своего вождя, открыто выступил против попыток расширить рамки национальной революции и использовать ее в интересах рабочих и крестьян Китая. Раскол в лагере национальной революции стал свершившимся фактом. Он в корне изменил всю политическую ситуацию в Китае.

Перед Коммунистической партией Китая встал вопрос о выработке новой линии применительно к сложившейся военно-политической обстановке. Уханьский революционный лагерь теперь имел перед собой двух сильных врагов: северных милитаристов во главе с Чжан Цзо-линем и чанкайшистский гоминьдан с центром в Нанкине. Кроме того, против национального правительства в Ухане выступали южные и юго-западные генералы.

Положение уханьского правительства осложнялось и затруднялось тем, что генералы тех армий, которые признавали власть Уханя, были весьма и весьма ненадежной опорой. Гоминьдановское правительство могло распоряжаться ими лишь в той мере, в какой оно соглашалось идти у них на поводу. К поддержке же крестьянских масс оно не смело обратиться, блюдя интересы помещиков.

Коммунистическая партия Китая, сотрудничавшая с левым гоминьданом, оказалась в сложном положении. Выбор, который ей предстояло сделать, был нелегким. Действовать самостоятельно? Но для этого у нее не было ни сил, ни опыта. Она уже привыкла к своему сим-

биозу с гоминьданом. Сохранять сотрудничество? Но за это пришлось бы платить слишком дорогой ценой — потерей своего классового лица. Ведь левый гоминьдан уже показал свое равнодушие к интересам крестьян и рабочих, не согласившись пойти навстречу их социально-экономическим требованиям.

Идти напролом или идти на компромисс? Никто не мог подсказать правильный ответ на этот трудный вопрос. В руководстве КПК усиливаются разногласия. Споры приобретают резкий характер. Начинаются поиски виновников. Оглядываются на прошлое, вспоминают весь путь, пройденный компартией, разбирают ошибки и недостатки. Словом, шел мучительный, но неизбежный процесс переосмысливания своей прошлой деятельности. Но этот анализ делался не в кабинетной тиши, а в гуще напряженных событий, когда время подгоняет, не позволяет особенно раздумывать и философствовать. А это предопределило возможность новых ошибок, новых заблуждений.

В процессе практической деятельности, сочетаемой с теоретическим осмысливанием только что полученного опыта, гибли одни надежды и появлялись другие, исчезали одни иллюзии, рождались другие. Но полной ясности, четкого, объективного представления о реальном соотношении классовых сил еще не было.

Цюй Цю-бо в 1928 г. замечал: «Вплоть до V съезда КПК и даже до чрезвычайного Августовского совещания ЦК Компартии не имел ясного представления о роли китайской буржуазии и крестьянства в революции» [192, 38].

Весной 1927 г. процесс узнавания себя, своих друзей, своих противников, понимания сущности и характера революции был еще весьма далек от своего завершения.

В этих условиях 27 апреля 1927 г. в Ханькоу начал свою работу V съезд КПК. К этому времени в партии числилось свыше 57 тысяч человек.

Еще до начала работы съезда в руководящих органах Компартии Китая возникло недовольство политической линией Чэнь Ду-сю и его сторонников. Возглавил эту оппозицию Цюй Цю-бо, считавший, что Генеральный секретарь ЦК КПК проводит оппортунистическую линию, идущую вразрез с решениями и директивами Ко-

минтерна. В марте 1927 г. он написал брошюру «Спорные вопросы китайской революции» [193][70], посвященную критике взглядов Пэн Шу-чжи. Формально Чэнь Ду-сю в ней не затрагивался, но в Компартии Китая было хорошо известно, что Пэн Шу-чжи — ближайший помощник, правая рука генерального секретаря. Фактически Цюй Цю-бо, осуждая Пэн Шу-чжи, направлял огонь критики и против Чэнь Ду-сю, действуя согласно старой китайской поговорке — «указывая пальцем на курицу, ругать собаку».

В брошюре Пэн Шу-чжи обвинялся в попытке механически переносить опыт революций европейского типа на китайскую почву. Цюй Цю-бо отвергал формулу Пэн Шу-чжи, согласно которой китайская революция должна пройти обязательно через три этапа: агитационно-воспитательный (этап пропаганды революционных идей), организационный и заключительный — вооруженное восстание. По его мнению, «крестьянская революция в Китае должна совершаться в форме вооруженной войны» [193, 33]. Крестьянство выдвигает из своей среды таких военно-политических руководителей, как Сунь Ят-сен, к которому применимы слова К. Маркса: «Их представитель должен вместе с тем являться их господином, авторитетом, стоящим над ними, неограниченной правительственной властью, защищающей их от других классов и ниспосылающей им свыше дождь и солнечный свет» [1, 208].

Цюй Цю-бо писал, что лозунг Сунь Ят-сена об уравнении прав на землю в известной степени отражал интересы сельской буржуазии Китая. Лишь в малой степени задевал он интересы средних и мелких помещиков, но наносил смертельный удар по городским торговцам землею [193, 36].

Лозунг уравнения прав на землю Цюй Цю-бо считал недостаточным для нынешнего этапа китайской революции и предлагал заменить его требованием: «Земля — крестьянам». «Этот лозунг,— подчеркивал Цюй Цю-бо,— вовсе не является социалистическим и не означает „национализации земли“. Но он весьма напоминает

[70] Другое название этой брошюры: «Третий Интернационал, или Нулевой Интернационал». Во введении указывается, что она написана в феврале 1927 г., но автор разбирает статьи Пэн Шу-чжи, опубликованные и в марте 1927 г.

лозунг русских социалистов-революционеров о „социализации земли“, т. е. о передаче земли в собственность деревенской общине, т. е. лозунг мелкобуржуазного типа» [193, 36—37].

В Китае лозунг «Земля — крестьянам», по мнению Цюй Цю-бо, способствовал бы выявлению революционных возможностей крестьянства в демократической революции, созданию крестьянской власти в деревне. Руководить крестьянством в этой борьбе может только пролетариат, хотя «китайский пролетариат, как и революционные армии, состоящие из китайских крестьян, имеют одинаковые недостатки». Китайские крестьяне, находящиеся в революционной армии, в большинстве своем, до того как стать солдатами, прошли длительную «школу местного бандитизма». Рабочие, образующие китайский пролетариат, также в большинстве своем, прежде чем стать рабочими, прошли длительную «школу люмпенов» [193, 60].

Несмотря на свою слабость и малочисленность, подчеркивал автор, пролетариат стал «костяком национальной революции» и «на нынешнем этапе уже подошел к тому, чтобы фактически захватить гегемонию в национальной революции» [193, 64].

Вопрос о руководстве крестьянством со стороны пролетариата Цюй Цю-бо связывал с вопросом об усилении влияния пролетариата на революционную армию. Пролетариат не должен смотреть пренебрежительно на армию, видеть в ней лишь «сборище бандитских атаманов» (как писал Пэн Шу-чжи), его задача — бороться с буржуазией за влияние на революционную армию, поскольку большая часть революционных войск — это крестьяне, потерявшие землю. Участие пролетариата в революционной войне и стремление усилить свое влияние в войсках и означает, с точки зрения Цюй Цю-бо, борьбу за союз с крестьянством [193, 66]. Агитация Пэн Шу-чжи за «полное прекращение военных действий» и ожидание более благоприятных условий для «настоящей революции» квалифицируется им как книжная и псевдонаучная.

Цюй Цю-бо подвергал критике и тезис Пэн Шу-чжи, согласно которому «пролетариат объективно является гегемоном революции», и эта гегемония является естественной. Из этого тезиса можно сделать вывод, писал

Цюй Цю-бо, что пролетариату незачем бороться за гегемонию, коль скоро она естественно принадлежит ему. Он отвергал и утверждение Пэн Шу-чжи о том, что борьба за гегемонию в революции должна происходить не между пролетариатом и национальной буржуазией, а между пролетариатом и классом компрадоров. Цюй Цю-бо подчеркивал, что «пролетариат участвует в революционной войне и стремится подчинить своему влиянию революционные войска и крестьянское движение»; национальная буржуазия также добивается гегемонии в революции и главным способом для достижения этого считает завоевание политического влияния в революционных войсках. Борьба пролетариата за гегемонию в революции естественно означает борьбу за политическое влияние в революционной армии. В то же время пролетариат руководит политической борьбой народных масс, с тем чтобы соединить ее с революционной войной, т. е. «объединить военную силу и простой народ» [193, 71].

В споре с Пэн Шу-чжи Цюй Цю-бо пытался ответить на вопрос о классовом характере китайской революции. Период от движения «4 мая» 1919 г. до событий 30 мая 1925 г. он рассматривал как переходный. Важной чертой его он считал участие пролетариата в национальной революции. Пролетариат в этот период подталкивал мелкую буржуазию на борьбу против бюрократии и крупного купечества. Однако, отмечал Цюй Цю-бо, сам пролетариат не стал еще чисто промышленным и по своему характеру оставался мелкобуржуазным. Одной из тактических ошибок пролетарской партии Китая было мнение, что «подрыв объединенного фронта является самым страшным преступлением» [193, 77].

После 30 мая 1925 г., продолжал Цюй Цю-бо, наиболее революционные элементы городской мелкой буржуазии (ремесленники и подмастерья) постепенно втягиваются в пролетарскую борьбу и принимают руководство рабочего класса. Крестьяне оказывают прямое содействие революционной войне. Классовая борьба крестьян, арендаторов, полуарендаторов и безземельных крестьян (местных бандитов) благодаря связям с революционным движением городского пролетариата постепенно принимает сознательный характер [см. 193, 80].

Цюй Цю-бо писал, что в ходе крестьянской борьбы все громче звучит требование аграрной революции, на-

правленной против крупных помещиков-бюрократов, компрадоров, милитаристов и против помещиков-тухао. Китайский пролетариат должен взять на себя руководство крестьянскими, ремесленными и другими слоями мелкой буржуазии, чтобы, парализовав соглашательское влияние национальной буржуазии, осуществить революцию против класса бюрократов, компрадоров и помещиков. «Задача китайской революции в настоящее время,— утверждал он,— не осуществление пролетарской революции против господства буржуазии, а главным образом осуществление революции буржуазно-демократического типа. Отсюда вытекает, что стержнем китайской революции является „крестьянско-аграрная революция“» [193, 82].

Революционные требования крестьянства: земля — крестьянам, национализация земли, крестьянская власть, единый налог, развивал Цюй Цю-бо свою мысль, носят буржуазно-демократический, а не социалистический характер. «Китайская революция не является социалистической именно потому, что основу внутренних экономических потребностей страны составляет крестьянско-аграрная революция» [193, 83].

Вместе с тем, поскольку свержение господства помещиков будет смертельным ударом по империалистическим державам, «эта революция есть неотъемлемая часть мировой социалистической революции, это — революция китайского пролетариата против мировой буржуазии» [193, 84]. Отсюда Цюй Цю-бо приходил к выводу, что «китайская революция и буржуазная и не буржуазная, социалистическая и в то же время не социалистическая. Победа такой революции в конечном счете будет социалистической» [193, 84].

Цюй Цю-бо выражал свое несогласие с Пэн Шу-чжи, который заявлял, что китайский пролетариат, «с одной стороны, должен всеми силами руководить национальной революцией, двигать ее до конца, а с другой стороны, должен готовиться к будущей пролетарской революции» [193, 85]. Если пролетариат завоюет гегемонию в национальной революции, считал он, то революция победит, и тогда пролетариат вместе с крестьянством установит революционно-демократическую диктатуру. В этом случае возникает возможность превращения национальной революции в социалистическую. «Зачем

же тогда делать революцию против самих себя?» [193, 86] — спрашивал Цюй Цю-бо. По его мнению, тактика Пэн Шу-чжи ведет к тому, что рабочий класс отдает свою гегемонию национальной буржуазии. Цюй Цю-бо был убежден в возможности «прямого перерастания национальной революции в революцию социалистическую» [193, 90—91].

Соответствующей должна быть и программа партии в этой революции:

1. Установление революционно-демократической диктатуры рабочих, крестьян и всех угнетенных классов. Учреждение народно-демократической республики, где высшей властью является национальное собрание.

2. Национализация банков, железных дорог и других путей сообщения, горно-рудной промышленности и крупных предприятий, занимающих командные высоты в экономике.

3. Национализация всей земли, включая поля в деревне и земельную собственность в городе.

4. Введение прогрессивного закона о профсоюзах и трудового законодательства, строгое соблюдение системы трудовой инспекции [193, 91].

В качестве программы действий в крестьянском вопросе на текущем этапе революции Цюй Цю-бо предлагал следующие лозунги: вооружение крестьян, максимальное снижение арендной платы, передачу земли крестьянам [193, 91].

Изложенный Цюй Цю-бо проект партийной программы в основных чертах совпадал с тезисами VII пленума ИККИ.

Эта программа при всех приведенных выше оговорках о буржуазно-демократических задачах китайской революции явно нацеливала Коммунистическую партию Китая на социалистическую революцию.

Цюй Цю-бо признавал отсутствие в Китае объективных и субъективных условий для осуществления «чисто пролетарской революции» [193, 115], но такое признание сочеталось у него с убеждением о возможности обеспечить при завоевании гегемонии пролетариатом перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Он преувеличивал возможности и степень революционной активности трудящихся классов Китая. В то же время в его рассуждениях явно видна недооцен-

ка силы национальной буржуазии, преуменьшение способности реакционных классов к сопротивлению. Критика воззрений Пэн Шу-чжи не сопровождалась трезвым, объективным и вдумчивым анализом политической ситуации в Китае.

Брошюра Цюй Цю-бо — свидетельство революционного нетерпения многих китайских коммунистов, их желания ускорить ход событий, скорее вывести свою многострадальную родину на дорогу, ведущую к социализму. Под социалистическую ориентацию подгонялся анализ внутриполитических и экономических факторов развития китайского общества. Из концепции Цюй Цю-бо с неизбежной логикой вытекала политика пренебрежения союзом с национальной буржуазией, сектантская тактика, ведущая к изоляции пролетариата, преждевременному распаду единого национально-демократического фронта, т. е. к ослаблению сил национально-демократической революции.

Цюй Цю-бо, осуждая национальную буржуазию, а вернее, ее идейно-политических представителей за нежелание действовать так, как хотели коммунисты, за их намерение не дать революции перерасти в социалистическую, забывал о том, что она активно боролась за национальную независимость, и тот факт, что при этом она пыталась использовать и военные, и дипломатические методы, то обстоятельство, что она действительно предпочитала свои противоречия с империалистами и милитаристами разрешать по возможности мирным, компромиссным путем, не означали, что национальная буржуазия полностью отказывается от революционных средств давления на своих противников.

Национальная буржуазия в революции преследовала свои классовые цели, она боролась за свои классовые выгоды, и в поднимающемся рабоче-крестьянском движении она видела тоже врага, посягавшего на ее классовые позиции. Компромисс с империалистами и политически, и экономически устраивал ее больше потому, что противная сторона — коммунисты, выступавшие от имени рабоче-крестьянского движения, открыто заявляли, что осуществление буржуазно-демократических задач китайской революции их удовлетворить не может и они будут толкать революцию дальше по некапиталистическому пути.

Оптимистический подход Цюй Цю-бо к перспективам развития китайской революции базировался на субъективно завышенной оценке сил и возможностей китайского пролетариата и преувеличенном представлении о сознательном характере крестьянского движения, о степени его организованности и целеустремленности. По Шанхаю он судил о революционных потенциях пролетариата всей страны, по хунаньским и хубэйским крестьянам — обо всем китайском крестьянстве.

Лозунг захвата помещичьей земли, до выдвижения которого сами крестьяне еще не созрели и который бросался в крестьянские массы коммунистами, истолковывался как стихийно родившийся в процессе самостоятельной крестьянской борьбы. Лестные, но не вполне объективные комплименты в адрес рабочего и крестьянского движения мешали сосредоточиться на анализе истинных пружин революции, на изучении сложного механизма игры различных политических сил как во всем Китае, так и внутри революционного лагеря.

Пэн Шу-чжи был неправ, сводя роль национальной буржуазии к нулю и заявляя об естественной гегемонии пролетариата. Критикующий его Цюй Цю-бо, признавая участие национальной буржуазии в революции и ее попытки стать гегемоном в революции, признавая колебания мелкой буржуазии, считая крестьянство и особенно батраков и арендаторов самыми последовательными революционными элементами, тем не менее подчеркивал, что только китайский пролетариат может полностью выполнить национальные и демократические задачи китайской революции [193, 107—108].

Порицая национальную буржуазию за отказ участвовать под руководством пролетариата в социалистической революции, Цюй Цю-бо, по существу, абстрагировался от конкретных условий, в которых протекала революция, уходил от рассмотрения вопроса о социально-экономических предпосылках перехода Китая к социализму, упускал из виду даже общие положения марксистской теории. Он хотел, чтобы буржуазия играла противоречащую ее интересам положительную роль в подготовке условий для ликвидации ее самой.

Поскольку Цюй Цю-бо постоянно имел в виду перерастание буржуазно-демократической революции в со-

циалистическую[71], то логически ход его рассуждений и вывод были правильны. Но на практике дело обстояло намного сложнее. Рекомендуемая им стратегия изоляции национальной буржуазии была нереальна и политически ошибочна, ибо вела к преждевременному разрыву единого национально-демократического фронта и к изоляции коммунистов.

Армия, которая играла решающую роль в Северном походе, продолжала оставаться наиболее авторитетным и влиятельным фактором политической борьбы. Оттеснить армию на задний план теоретически мог лишь вооруженный народ — рабочие и крестьяне, но практически масштабы и степень развития рабоче-крестьянского движения находились в прямой зависимости от позиции армии. Армия могла помогать движению рабочих и крестьян, но могла и удушить его. Об этом свидетельствовал опыт Гуандуна, Хунани, Хубэя. Разрыв с национальной буржуазией поставил бы в изолированное положение не ее, а пролетариат, что и подтвердили последующие события.

Выдвигая курс на изоляцию национальной буржуазии, Цюй Цю-бо выступал вместе с тем против разрыва с гоминьданом, считая, что гоминьдан можно использовать в интересах национальной революции как организацию, вобравшую в себя рабочих, крестьян и мелкую буржуазию, как партию, представляющую интересы всей нации, но при этом ни в коем случае не допуская превращения гоминьдана в политическую партию буржуазии. Рабочий класс должен сплотить вокруг себя в гоминьдане крестьян, солдат, другие антиимпериалистические, революционные элементы, с тем чтобы превратить гоминьдан в центр китайской революции. Цюй Цю-бо возражал против предложения Г. Войтинского уступить большую часть беспартийных крестьян левому гоминьдану [193, 140].

В своей брошюре Цюй Цю-бо рекомендовал наступательную тактику. Национальное правительство, по его

---

[71] Одной из причин ошибочного толкования характера революции и расстановки классовых сил в брошюре Цюй Цю-бо является, на мой взгляд, то, что из тезиса о китайской революции как составной части мировой пролетарской революции он приходил к заключению о легком и быстром переходе к социалистической революции в Китае.

мнению, должно было решительно атаковать позиции всех империалистов в Китае, объявить о конфискации их имущества, земельной собственности, банковских вкладов и акций. Подобную тактику он предлагал применять и в отношении помещиков и тухао [193, 122].

Сохранение объединенного фронта с национальной буржуазией Цюй Цю-бо считал возможным лишь при условии, что он не будет мешать работе среди крестьян. Он призывал усилить руководство крестьянскими массами, вовлекать крестьян во все формы революционной борьбы, образовывать крестьянские комитеты как органы сельской власти. Эти комитеты должны совместно с с национальным правительством осуществлять снижение арендной платы, сбор налогов, обложение богачей, роспуск вооруженных миньтуаней, руководить крестьянскими отрядами самообороны, выполнять административные функции [193, 134].

Уделяя большое внимание вопросу о взятии крестьянами власти в деревне, Цюй Цю-бо подчеркивал важность лозунга «Земля — крестьянам», указывая на необходимость конфискации земельной собственности у реакционеров, передачи монастырских земель крестьянам. Так же, как и другие руководители КПК, он считал, что земли мелких помещиков (не контрреволюционеров) конфискации не подлежат. Что же касается снижения арендной платы, то вопрос должен решаться с учетом реального соотношения сил. Максимум арендной платы должен быть установлен крестьянским союзом совместно с революционной властью. Крестьяне должны пользоваться правом вечной аренды. Чтобы удовлетворить нужды безземельных крестьян, государство должно наделить их землей, сельскохозяйственными орудиями и предоставлять ссуды под низкий процент [193, 136] [72].

Цюй Цю-бо писал, что настала пора пересмотреть прежние лозунги революции и выдвинуть новые. Вместо лозунга «Отмена неравноправных договоров», который разделяет и национальная буржуазия, надо провозгласить лозунг доведения революционной войны до конца, т. е. до полной ликвидации всех привилегий империализма в Китае. Вместо лозунга «Созыв Национального со-

[72] Во введении к изданию 1928 г. указывается, что «по аграрному вопросу в брошюре по-прежнему отсутствует полностью ясная точка зрения» [стр. 1].

брания» он предлагал выставить лозунг укрепления национального правительства посредством участия в нем представителей рабочих и крестьян [193, 154—155].

Наконец, он обвинил руководство КПК в том, что оно заражено болезнью оппортунизма, от которой необходимо излечиться как можно скорее.

Вопросы, поставленные Цюй Цю-бо в его брошюре, явились предметом острых дискуссий на V съезде КПК. Спор начался еще до начала работы съезда на заседаниях ЦК КПК, а затем был перенесен на трибуну съезда.

Уже в первых выступлениях на съезде был поднят вопрос о взаимоотношениях с гоминьданом. Инициатива в этом принадлежала лидерам левого гоминьдана, которые хотели разграничить сферы влияния между своей партией и коммунистами. Признавая компартию авангардом китайского пролетариата, гоминьдановцы претендовали на то, чтобы быть выразителями интересов крестьянства. По существу, они добивались отказа коммунистов от работы в деревне. Об этом заявил на съезде в приветственной речи один из видных деятелей уханьского гоминьдана, Сюй Цянь [см. 110, 104][73]. Эта идея была порождена желанием гоминьдановцев отобрать у компартии руководство крестьянским движением. Делегаты съезда, среди которых также имелись сторонники подобного разделения труда, не согласились с предложением левых гоминьдановцев. В политической резолюции съезд подчеркнул, что «аграрная революция — свержение феодализма и патриархального строя — руководится наиболее революционным классом в данную эпоху. Пролетариат, будучи наиболее революционным классом в Китае, должен руководить крестьянством в его борьбе против феодального абсолютизма» [47, 10][74].

---

[73] Об этой речи А. В. Бакулин сообщает следующее: «От имени делегации ГМД выступил Сюй Цянь... Главные пункты выступления Сюй Цяня сводились к тому, что ККП — партия пролетариата, который она и должна вести за собой; ГМД — партия крестьянства и потому, как вывод, обязана вести за собой крестьян. ККП надо держаться подальше от крестьянского движения... Сюй Цяню ответил Тан Пинь-шань... Он почти целиком солидаризировался с Сюй Цянем, сказав, что ККП займется рабочим движением, а крестьянство предоставит ГМД» [102, 274].

[74] Интересно отметить, что, отвергая претензии гоминьдана на роль руководителя крестьянским и тем более рабочим движением,

Горячие дебаты разгорелись на V съезде по вопросу, следует ли «углублять» или «расширять революцию». Проблема эта была непосредственно связана с отношением партии к крестьянскому движению. Чэнь Ду-сю стоял за расширение революции, т. е. за продолжение Северного похода вплоть до занятия Пекина, до окончательной ликвидации господства милитаристов, после чего, по его мнению, можно было бы вплотную заняться разрешением аграрного вопроса. Он не скрывал, что его пугает перспектива распада единого фронта в случае развертывания аграрной революции. Главной задачей революции он считал национальную — достижение национальной независимости Китая и его объединение. Разрешение социальных проблем Чэнь Ду-сю подчинял общенациональной задаче и поэтому настаивал на том, чтобы не обострять классовую борьбу в деревне.

Точка зрения Чэнь Ду-сю об отсрочке проведения радикальных аграрных реформ до взятия Пекина поддерживалась лидерами уханьского гоминьдана [см. 102, 278].

В журнале «Коммунистический Интернационал» авторство этой теории приписывалось лидерам левого гоминьдана: «Среди левых гоминьдановцев возник ряд теорий, которые отражали испуг этой части буржуазии перед развертывающимся массовым движением рабочих и крестьян. Прежде всего начался спор по вопросу о расширении или углублении революции. На первый взгляд может показаться странной сама постановка вопроса. Но там этот вопрос стоял очень остро. Расширение революции означало поход на Север, движение подальше от пролетарских центров и отодвигание до окончательной победы всех социальных реформ. Сперва победа, а потом реформы — такова была официальная фи-

не соглашаясь с проектами лидеров гоминьдана о превращении этой партии в крестьянскую, Коммунистическая партия Китая в то же время должна была согласно решениям VIII пленума Исполкома Коминтерна (май 1927 г.) «смело и решительно стараться превратить гоминьдан в действительно массовую организацию, охватывающую трудящееся население города и деревни», для чего необходимо было развернуть «широчайшую вербовку рабочих, крестьян и ремесленников в ряды гоминьдана» [22, 174]. Разъясняя это решение Исполкома Коминтерна, Н. Бухарин выражался еще яснее: «Перед нами стоит задача быстро переделать этот левый гоминьдан по направлению его „окрестьянивания“ и „орабочивания“» [см. 88, 197].

лософия левого гоминьдана. Углубление революции означало удовлетворение земельного голода крестьян, удовлетворение элементарнейших требований рабочих и борьбу с контрреволюцией. Победила первая точка зрения: сперва победа, а потом реформа» [151, 19].

В своем выступлении на съезде Чэнь Ду-сю говорил: «Согласно нашей программе мы должны были бы конфисковать все помещичьи земли, но в настоящий момент нам нужен союз с мелкой буржуазией, и хотя я чувствую, что в прошлом наша тактика в этом вопросе шла слишком вправо, все же конфискация всех помещичьих земель в настоящее время будет слишком радикальной мерой. Нам нужно держаться средней линии на некоторый период... Классовая борьба в деревне развивается, но она еще не дошла до крайнего предела, мелких помещиков еще нельзя экспроприировать... Вопрос заключается сейчас в следующем: уже теперь нам углублять крестьянскую революцию или же ждать дальнейшего продвижения Северной экспедиции. Я считаю, что Северной экспедиции нужно дальше продвинуться, подождать с расширением крестдвижения, и только потом уже можно будет углублять крестьянскую революцию. Так будет значительно прочнее, потому что старые милитаристы еще существуют, имеются и так называемые новые милитаристы вроде Цзян Кай-ши.

Можно сказать, что в тех местах, где нет пролетариата и компрадорства, там нет движения вообще, поэтому говорить, что совсем нет гегемонии пролетариата, не верно. Но только пролетариат еще не завоевал политической власти...

Если пролетариат не имеет вооруженной силы для руководства мелкой буржуазией, то ему приходится выступать вместе с буржуазией» [102, 130][75].

Теория «расширения революции» была критически встречена многими делегатами V съезда. Осудил эту теорию в своей речи на съезде и представитель Исполкома Коминтерна М. Рой, который заявил, что «нет ни-

[75] В выступлениях Н. И. Бухарина на пленуме МК ВКП(б) 4 июня 1927 г. эта концепция Чэнь Ду-сю была названа «странной и удивительной», поскольку «развитие аграрной революции является основным условием для победоносного решения задач, которые диктуются сейчас китайской революцией. Ни одной проблемы нельзя решить без развития массовой аграрной революции» [88, 194—195].

каких ни тактических, ни иных причин, которые могли бы помешать развитию классовой борьбы в деревне. Наоборот, развитие классовой борьбы в деревне является единственной гарантией будущего революции. Возможность упадка движения, упадка революции может иметь место лишь в том случае, если коммунистическая партия и ее революционные союзники не будут иметь мужества разрешить проблему аграрной революции, проблему, поставленную перед революцией объективным ходом вещей» [165, 17].

По мнению М. Роя, не было никаких оснований опасаться, что «обострение классовой борьбы в деревне может разрушить единый фронт. Единый фронт, который мы опасались разрушить, уже разрушен. Феодально-буржуазные элементы уже разрушили единый фронт, перешедши на сторону контрреволюции. Мы должны считаться с совершившимся фактом. Мы должны принять вызов, который нам бросила буржуазия.

Неправильно ставить вопрос так: должны ли мы углублять, или должны расширять революцию? Правильно ставить вопрос так: мы должны разрушить корни реакции в деревне. Таков единственный путь. Такова объективная необходимость на нынешней стадии революции. Если мы можем разрушить контрреволюцию путем углубления революции, мы должны ее углублять. Если путем расширения революции, мы должны ее расширить. Если необходимо делать и то и другое, мы должны делать и то и другое. На этой критической стадии революции мелкая буржуазия пугается. Мелкая буржуазия не хочет провести аграрную реформу, и никогда еще в мировой истории мелкая буржуазия не руководила аграрной революцией. Если китайский пролетариат, если коммунистическая партия хочет провести аграрную революцию с санкции и одобрения мелкой буржуазии, аграрной революции никогда не будет, если только крестьяне сами не сделают ее, как они уже ее начали» [165, 17—18][76].

[76] Много позднее М. Рой в своих воспоминаниях, опубликованных в 1951 г., писал, что накануне V съезда он, выполняя директивы Коминтерна, выступал за принятие резолюции о развертывании аграрной революции, руководимой пролетарской компартией. Чэнь Ду-сю, поддерживаемый М. Бородиным, был против, мотивируя свое мнение необходимостью сохранить мир с гоминьданом. Решительная поддержка крестьянских требований привела бы, по их мнению, к гражданской войне, в которой армия оказалась бы

Мнения по этому вопросу разделились, и съезд попытался соединить теорию «расширения революции» с концепцией «углубления революции», приняв следующую формулировку: «Территориальное развитие революции должно идти очень быстро, оно должно сопровождаться углублением на этой территории социальной базы» [110, 111].

Вместе с тем в резолюции отвергалось предложение Чэнь Ду-сю отложить решение аграрной проблемы до полной победы революции. «Будет равносильно ликвидации революции,— говорилось в политической резолюции,— если проведение радикальной аграрной реформы и создание революционно-демократической власти в деревне будут отложены до полного завершения Северной экспедиции» [110, 111].

Видное место в работе V съезда заняла аграрная проблема. Собственно говоря, о ней шла речь и при рассмотрении общего политического доклада, и при обсуждении доклада М. Роя о тезисах VII пленума ИККИ по китайскому вопросу. Для разработки проекта резолюции по аграрному вопросу съезда была выделена специальная комиссия, на заседаниях которой и обсуждалась эта важная проблема [77].

Споры шли по вопросу о том, конфисковать ли землю лишь у крупных помещиков или у всех, дожидаться ли принятия правительственного закона или развертывать борьбу за землю немедленно. Неясно было, кого

на стороне помещиков. Рой настоял на том, чтобы его проект был оглашен на съезде. М. Рой подчеркивает, что многое зависело от позиции Мао Цзэ-дуна, который был членом ЦК КПК и руководителем крестьянского движения. Но Мао Цзэ-дун не принял участия ни в работе пленума ЦК, ни в заседаниях съезда, когда решался этот важный и спорный вопрос. От имени Всекитайского крестьянского союза, председателем которого он являлся, он прислал на имя съезда письмо, в котором требовал отвергнуть проект резолюции, предложенный М. Роем [180, 387].

[77] А. В. Бакулин пишет: «Аграрный вопрос на пленуме съезда широко не обсуждался. Обсуждался он весьма глубоко главным образом на аграрной комиссии съезда. Никакой оппозиции по отношению к программе, которая была выработана, не было. Наоборот, была даже известная левизна. Решения, предлагаемые левыми, были настолько радикальны, что они не соответствовали существующей обстановке (было мнение о необходимости полной конфискации всех помещичьих земель). Принятием тезисов по аграрному вопросу партия создала аграрную платформу периода национальной революции» [102, 278].

следует относить к крупным помещикам, а кого — к средним и мелким. Снова поднимался вопрос о том, как отразится конфискация помещичьей земли на настроениях и политической ориентации армии, на содружестве с гоминьданом. Целесообразно ли призывать крестьянские массы к немедленному захвату и разделу помещичьей земли вопреки явно выраженной воле лидеров левого гоминьдана и национального правительства или отложить решение аграрного вопроса до завершения национальной революции?

Единства по этим важным и сложным проблемам не было как среди китайских коммунистов, так и среди коминтерновских работников. Между М. Роем и М. Бородиным имелись по этому вопросу серьезные разногласия. М. Бородин высказывался за более осторожный, более осмотрительный подход, чем М. Рой.

Несмотря на отсутствие единства (а может быть, именно благодаря этому) аграрная комиссия V съезда проделала огромную плодотворную работу. Она снова проанализировала материалы, подготовленные для аграрной комиссии гоминьдана, обсудила вопрос о характере помещичьего землевладения в Китае, о связи между господством феодальных порядков в деревне и засильем иностранного капитала. Рассматривался и вопрос о методах конфискации помещичьей земли, о том, следует ли ограничиться лозунгом «политической конфискации» или же выдвинуть лозунг повсеместной конфискации всех помещичьих земель.

В документах подчеркивалось, что без поддержки крестьянства революция не сможет одолевать своих врагов. В одном из проектов аграрной программы подчеркивалось: «В Китае пролетариат представляет только небольшую прослойку населения, а подавляющее большинство народа состоит из крестьянства. Без вовлечения широчайших масс последнего через крестьянское движение в революционную борьбу победа национальной революции над главными врагами — милитаристами и империализмом — невозможна» [50, 96].

В проекте правильно отмечался локальный характер крестьянских выступлений: «Несмотря на бурный рост крестьянского движения уже в настоящее время по организованности и размаху не находящего себе равного в истории революций всех стран, крестьянское движе-

ние успело охватить только незначительную часть многомиллионного крестьянства Китая. На пути дальнейшего развития крестьянского движения стоит феодальный гнет, держащий в цепях китайскую деревню. Феодальный гнет не только прямо задерживает развитие крестьянской борьбы, но, поддерживая локальный патриотизм крестьянства и затуманивая его классовое самосознание, содействует сохранению средневековых бунтарских и хулиганских форм борьбы, что в известных условиях может облегчить использование крестьянского недовольства в интересах контрреволюции» [50, 96].

Господство милитаристов и империализма рассматривалось в тесной связи с характером аграрных отношений: «Феодальные распорядки в деревне являются основной экономической причиной могущества и живучести милитаризма. Неизбежный при этой эксплуатации низкий уровень жизни крестьянина на фоне аграрного перенаселения страны создает дешевый рынок труда, являющийся одной из важнейших предпосылок для закабаления страны иностранным капиталом» [50, 96].

В проекте твердо заявлялось, что «только коренная очистка всех деревенских отношений от остатков феодализма, только глубокая аграрная революция может поднять многомиллионные крестьянские массы до понимания общенациональных задач, стоящих перед страной, развить их творческую энергию, превратить их в сознательных союзников пролетариата в его революционной борьбе и тем самым обеспечить окончательное торжество революции и охранить ее от возвращения реакции» [50, 96]. Далее указывалось на различный подход национальной буржуазии и пролетариата к крестьянскому движению: «Два класса объективно заинтересованы в подчинении крестьянства своему руководству: пролетариат и национальная буржуазия. Последняя, будучи заинтересована в замене неэкономических форм эксплуатации капиталистическими формами, незаметными для мелкого производителя, может позировать как защитник крестьянства против феодализма и сеять буржуазные иллюзии в его среде. От того, какой из этих двух классов поведет за собой крестьянство к радикальному аграрному перевороту, в значительной мере зависит, пойдет ли революция по буржуазному пути и закончится в интересах буржуазии компромиссом с импе-

риализмом или она завершится в интересах пролетариата и всех угнетенных слоев населения, как подлинно демократическая революция, создающая все предпосылки для эволюции в сторону социализма» [50, 96—97].

В проекте делались попытки объяснить неспособность национальной буржуазии возглавить борьбу крестьян за землю с точки зрения ее экономических интересов: «Экономические позиции национальной буржуазии чрезвычайно слабы. В общей массе товаров, потребляемых в стране, только сравнительно ничтожная часть является продукцией крупной национальной промышленности. Устранение иностранной конкуренции может, следовательно, обеспечить на некоторый период достаточный внутренний рынок для экспансии национальной промышленности без коренной ломки феодальных основ аграрного строя. Национальная промышленная буржуазия поэтому экономически еще не подготовлена для радикального переворота. Торговая же буржуазия, обращающая значительную часть своих капиталов на спекуляцию землей, непосредственно заинтересована в сохранении кабальных форм эксплуатации крестьянства. С другой стороны, в период мировой революции нападение на одну форму частной собственности (земельную) не только вызывает у буржуазии страх за уничтожение всех форм частной собственности вообще, но и объективно создает важнейшее условие для победы социалистической революции пролетариата. Современная буржуазия уже не способна на революционную борьбу с феодализмом до конца» [50, 97].

Как видим, в этом проекте выпукло отразилась господствовавшая тогда среди части руководителей КПК мысль о создании условий для развития революции в социалистическом направлении.

«Сущность аграрного переворота,— говорилось в проекте,— заключается в революционном уничтожении докапиталистической эксплуатации крестьянства, которая проявляется в Китае в трех формах: а) продовольственной аренде, б) эксплуатации военно-бюрократическим аппаратом и в) ростовщичестве» [50, 97].

В проекте давалась подробная характеристика аграрных отношений в Китае, описывались формы эксплуатации крестьянских масс.

«Право собственности средних и крупных землевла-

дельцев,— писали его авторы,— на значительную часть обработанной площади страны и наличие многих миллионов безземельного крестьянства дает землевладельцу возможность под видом узаконенной арендной платы и незаконных поборов и вымогательств присваивать не только весь прибавочный продукт землевладельца, но и часть необходимого продукта, оставляя ему только голодную норму для воспроизводства живой рабочей силы» [50, 97].

В проекте отмечалось, что «эксплуатация крестьянства военно-бюрократическим аппаратом проявляется, во-первых, в экспроприации его милитаристами посредством применения открытого насилия; во-вторых, в эксплуатации его джентри. Захватив при разложении патриархально-родового быта в свои руки общественные земли и фонды, узурпировав власть над вооруженными силами деревни, что превращает их в деревенских милитаристов, связываясь с помещиками и милитаристами, джентри используют благодаря пережиткам феодально-патриархальной организации деревни и остатков феодальной идеологии свои права, уже давно лишенные всякого экономического смысла, для закабаления деревни и ее эксплуатации.

Эксплуатация крестьянина землевладельцем и экспроприация его военно-бюрократическим аппаратом, о которой будет сказано ниже, отнимая у крестьянина весь его прибавочный продукт, делает крестьянское хозяйство чрезвычайно неустойчивым, подверженным разорению и гибели от малейшей несчастной случайности, недорода и в особенности при стихийных бедствиях. На этой почве вырастает закабаление крестьянина ростовщиком. Широкое распространение ростовщичества в китайской деревне достаточно характеризуется многочисленностью форм ростовщических процентов, специфицированные названия которых вошли в обиходную речь китайской деревни» [50, 97—98].

Авторы проекта подчеркивали, что «результат действия всех форм докапиталистической эксплуатации один и тот же — неслыханное обнищание и разорение крестьянских масс, физическое истощение их жизненных сил, создание многомиллионной армии безземельного батрачества, не находящего приложения своему труду и вынужденного заниматься бандитизмом и службой в ар-

мии милитаристов; превращение крестьян в подлинных рабов ростовщика (долговое рабство) или необходимость эмиграции на рабских условиях за границу (законтрактованный труд); граничащий с варварством низкий культурный уровень китайской деревни. Хищнические полукрепостнические методы эксплуатации крестьянства оказывают катастрофическое влияние на производительные силы страны. Лишенный возможности накопления капитала крестьянин не имеет и возможности улучшить свое хозяйство. Высокая норма эксплуатации крестьянина отвлекает городской капитал, ищущий приложения к земле, с пути капиталистического хозяйствования на путь спекуляции землей» [50, 98].

Проект определял следующие задачи аграрного переворота в Китае:

«1. Свержение власти джентри и установление крестьянской власти в деревне под руководством крестьянских союзов.

2. Разоружение всех контрреволюционных сил в деревне и вооружение крестьянства.

3. Конфискация всех земель, включая общественные, государственные и храмовые, сдающиеся в аренду, и передача их через земельные крестьянские комитеты в безвозмездное пользование арендаторам.

4. Конфискация всех общественных фондов и передача их в распоряжение деревенской крестьянской власти.

5. Аннулирование всех кабальных долгов и кабальных сделок с землей.

6. Уничтожение всех налогов и поборов. Установление единого прогрессивного сельскохозяйственного налога.

7. Государственная помощь сельскому хозяйству (создание сельскохозяйственного кредита, помощь кооперации и т. д.)» [50, 99].

Авторы представленного проекта признавали, «что осуществление этих задач приведет только к частичному улучшению положения самостоятельного крестьянства и безземельного батрачества, что радикальное улучшение положения последних возможно только при полном переделе земли по принципу уравнительности», но «что такой передел при существующей в Китае чрезвычайной дробности, чересполосице и нагромождении

различных отживших форм землевладения возможен только при уничтожении всякой частной собственности на землю», «что уничтожение частной собственности на землю приводит к национализации земли, наиболее полно сметающей феодальные пережитки и обеспечивающей максимальное развитие производительных сил в сельском хозяйстве, какое вообще возможно при господстве товарных отношений» [50, 99].

«Партия обязуется,— говорилось в проекте,— всячески разъяснять крестьянству вред частной собственности на землю и поддерживать крестьянство в неизбежном его стремлении к уничтожению частной собственности на землю; при полной же демократизации власти и окончательной победе революции всеми мерами стремиться к осуществлению рационализации земли» [50, 99].

Этот проект не был принят V съездом КПК, хотя основные его положения нашли отражение в резолюции съезда по аграрному вопросу.

В резолюции констатировалось, что «экономическая жизнь китайской деревни все еще в значительной степени основана на феодальных взаимоотношениях», что «крупные земледельческие хозяйства капиталистического характера почти совершенно не встречаются в Китае», что «национальный милитаризм, тянущий жизненные соки из нации, и иностранный империализм, препятствующий экономическому и политическому развитию страны, опираются на феодальную структуру деревни. Поэтому основным условием для успешной борьбы против обоих этих врагов китайского народа является избавление деревни от пережитков феодальных отношений и патриархальной власти» [47, 24].

Подчеркивая роль крестьянства в национально-освободительной борьбе, V съезд заявлял: «Без непосредственного и сознательного участия крестьянских масс немыслим успех национальной революции. Энергия крестьянских масс будет мобилизована для национальной революции уничтожением факторов аграрной эксплуатации. Аграрная революция — уничтожение феодализма — является непременным условием для установления демократического строя» [47, 24].

Таким образом, V съезд КПК сделал важный, существенный шаг по пути разработки революционной аг-

рарной программы: определил феодальный характер производственных отношений в китайской деревне, в то время как раньше в партии в преобладающем большинстве случаев его определяли как капиталистический. Съезд указал, что помещичий класс является социальной опорой милитаристов и чужеземного империалистического гнета.

Предложенные съездом мероприятия по решению аграрного вопроса сводились к следующему:

1. Конфисковать и передать общественные, родовые и храмовые земли обрабатывающим их крестьянам. Управление общественными, родовыми и храмовыми землями поручить земельным комитетам крестьянских союзов, которые решат, будут ли конфискованные земли обрабатываться на общинных началах или же их следует распределить между крестьянами.

2. Конфисковать земли, сдаваемые в аренду, и передать обрабатывающим их крестьянам. Конфискованные земли освободить от всех налогов, кроме поземельного, который крестьяне будут уплачивать правительству. Ставки поземельного налога не должны превышать 30% валовой прибыли.

3. Снизить арендную плату с не подлежащих конфискации земель мелких землевладельцев, которые должны платить такой же налог, как и бывшие арендаторы, возделывающие конфискованные земли. Крестьянам, обрабатывающим не конфискованную землю, предоставляется право вечной аренды, и они освобождаются от прочих налогов.

4. По окончании войны наделить землей безземельных солдат Революционной армии. Земля, принадлежащая офицерам Революционной армии, не подлежит конфискации.

5. Лишить землевладельцев и представителей шэньши всякой политической власти и прав. Учредить в деревне органы самоуправления, ответственные перед крестьянскими союзами.

6. Разоружить реакционные военные отряды в деревне и организовать крестьянскую милицию.

Учредить государственные сельскохозяйственные банки и крестьянские кооперативные кредитные общества [см. 47, 25—26].

Съезд также заявил, что «коммунистическая партия

будет стремиться к национализации всех земельных имуществ» [47, 26].

В программе не содержалось четкого указания, кому будет принадлежать право собственности на конфискуемую землю: государству, крестьянским союзам или крестьянам. В решениях V съезда не говорилось ничего и о том, как конкретно мыслится передача земли помещиков в руки крестьян. Тем не менее аграрная программа и в том виде, в каком она была принята, имела большое значение. Предложенные ею мероприятия носили радикальный характер и для того периода китайской революции означали, что Коммунистическая партия Китая провозглашает курс на крестьянскую революцию.

По существу, это была первая развернутая аграрная платформа Компартии Китая и китайской революции. Она имела ценность прежде всего как теоретический документ, как первая попытка теоретически разобраться в сложном комплексе аграрных отношений в Китае.

Практически она давала крестьянским массам, а вернее, коммунистам, занятым на работе в деревне, более определенную ориентацию, чем предыдущие решения партии. Это особенно касалось тех провинций, где у коммунистов была относительная свобода действий и имелась возможность работать среди крестьян без особых стеснений со стороны армии. Для коммунистов, работающих на территории, не подвластной Уханю, эта программа служила хорошим материалом для агитационной работы в крестьянской среде.

Конечно, о претворении ее в жизнь думать не приходилось. Для этого у коммунистов не было реальной власти. Эта программа могла быть осуществлена только при условии, во-первых, сохранения союза и сотрудничества с уханьской частью гоминьдана, а во-вторых, при поддержке или по крайней мере невмешательстве армии. И тем не менее обсуждение и принятие аграрной программы необходимо было самим коммунистам, которым она показывала пути и направления решения аграрного вопроса.

В жизни, как показал дальнейший опыт, аграрный вопрос решался на местах в зависимости от реального соотношения сил в провинции, уезде, волости.

После окончания работы V съезда орган ЦК КПК «Сяндао» призвал коммунистов смелее и решительнее

поднимать крестьян на борьбу [см. 254]. Необходимость активизации крестьянских масс, организации их диктовалась и тем, что армейские части, подчиненные Чан Кай-ши, расширяли масштабы кровавой кампании репрессий против крестьянских союзов. Борьбу против рабочего и крестьянского движения чанкайшисты вели под лозунгом спасения революции от коммунистической угрозы. Они объявили коммунистической, «красной» уханьскую группировку гоминьдана.

«Использовав свое положение главнокомандующего революционной армии,— писал Цюй Цю-бо,— Чан Кай-ши установил военную диктатуру, начал притеснять революционные массы. Это сыграло на руку китайской буржуазии. Буржуазия хотела использовать рабоче-крестьянские массы лишь для создания собственных вооруженных сил, как необходимого условия для соглашательства с империализмом и милитаристами, как орудия для угнетения народных масс. Крестьяне Хунани и Хубэя, а также Цзянси, Аньхуя, Чжэцзяна и Фуцзяни везде, где проходила революционная армия, оказывали ей активную помощь, так же как и рабочие в городах» [254, 2122].

Цюй Цю-бо заявлял, что после измены Чан Кай-ши «командиры и солдаты революционной армии, революционные рабочие и крестьяне, а также мелкие торговцы, люди свободных профессий и другой простой народ требовали закрепить победу революции, что фактически означало бы новый шаг вглубь: уничтожение власти деревенских тухао, шэньши и помещиков, установление демократической власти, конфискацию земель у крупных помещиков, компрадоров, милитаристов и прочих реакционеров, в результате чего большинство крестьян получило бы землю, а снижение арендной платы позволило бы малоземельным крестьянам пользоваться собственным урожаем» [254, 2122].

В духе решений V съезда КПК Цюй Цю-бо подчеркивал, что «нынешний новый этап китайской революции характеризуется не только изменой реакционной буржуазии, но и тем, что рабочие, крестьяне и мелкая буржуазия получили возможность более свободного и открытого наступления» [254, 2123]. Он призывал еще «решительней, еще последовательней проводить политику, направленную на уничтожение экономической базы господства

милитаристов и эксплуатации со стороны компрадоров». Он считал необходимым создавать крестьянскую власть, осуществлять аграрную революцию [254, 2123].

Цюй Цю-бо писал: «Крестьянские массы должны быстрее подниматься на активную борьбу, поддерживать национальное правительство, укреплять его позиции, свергая власть тухао и деревенских шэньши, устанавливая крестьянскую власть, конфискуя земли у крупных помещиков, так, чтобы в результате таких мер, как значительное снижение арендной платы или введение прогрессивного единого земельного налога, крестьяне действительно получили право пользования на землю. В этом случае будет решительно покончено с господством милитаристов, будет нанесен серьезный удар по союзникам реакционной буржуазии в деревне, значительно окрепнет социальная база национального правительства, будут вовлечены в участие в революционной войне против Севера широкие крестьянские массы. Китайская революция на своем новом этапе, под знаменем борьбы за крестьянскую власть и аграрную революцию, одержит победу над всеми реакционными силами, решительно покончит с господством империализма в Китае и, влившись в ряды мировой пролетарской революции, прямым путем пойдет к социализму!» [254, 2123—2124].

Характерно, что подъем крестьянского движения Цюй Цю-бо связывал с реализацией политических установок гоминьдана, и в статье он обращался к «истинным гоминьдановцам», убеждая их сплотиться для борьбы против Чан Кай-ши.

Цюй Цю-бо подчеркивал и важность овладения политической властью на местах. По его словам, «крестьяне сознательно выдвигают требование конфискации земли у крупных помещиков, понимая, что только так можно лишить экономической базы реакционных милитаристов и чанкайшистов, что только в таком случае участие крестьян в революции будет иметь настоящий смысл. Китайский пролетариат должен руководить крестьянами в доведении этой борьбы до конца, потому что лишь такая борьба может создать прочную базу для национально-революционного правительства, потому что движение крестьян за власть и за землю на деле является самой великой силой, с помощью которой национальное правительство может упрочить свою победу» [254, 2123].

«Требование передачи пахотной земли в собственность крестьян,— убеждал читателя Цюй Цю-бо,— является объективной необходимостью китайской революции. Поэтому для того чтобы покончить с господством империалистов и милитаристов, а также с эксплуатацией, в Китае необходимо коренным образом переделать существующую систему аграрных отношений, а для этого нужно окончательно избавиться от феодально-патриархальной власти на селе тухао и деревенских шэньши. Крестьяне должны получить право пользования землей, что обеспечило бы свободное развитие сельского хозяйства. Крестьяне должны организовать собственную власть, которая защищала бы права трудового люда, создать прочную основу народной власти, только тогда национальная революция сможет увенчаться успехом. Другими словами, аграрная революция должна быть центральным моментом национальной революции в Китае. Без аграрной революции в Китае нельзя вырвать корни, питающие господство империалистов и милитаристов, и покончить с их эксплуатацией» [254, 2122].

Решения V съезда о развертывании аграрной революции были приняты в тот момент, когда генералы и офицеры, формально не поддержавшие Чан Кай-ши и заявившие о своей верности национальному правительству в Ухане, стали переходить в наступление против крестьянских союзов. Классовая борьба в деревнях Хунани и Хубэя разгоралась. Крестьяне беспощадно расправлялись с помещиками и их пособниками, пытавшимися сопротивляться воле крестьянских союзов. Они не останавливались перед казнью особенно злобных и жестоких помещиков. Пламя борьбы разгоралось все шире и шире. В ряде уездов Хунани и Хубэя крестьяне начали делить помещичью землю. Один из руководителей крестьянского союза Хубэя сообщал: «Борьба против джентри и тухао в деревнях приобретает все более резкий политический характер. Учащаются самосуды и казни джентри. В уезде Ян-суен казнено 45 джентри, часть самими крестьянами, часть передана уездным властям и казнена последними под давлением крестьян. За последнее время через провинциальный крестьянский союз прошло 2165 джентри, арестованных крестьянами за разные антикрестьянские выступления. В центральных и восточных уездах провинции власть в деревне находится фак-

тически в руках крестьянских союзов... Почти все судебные дела, поступившие дальше на рассмотрение уездного магистрата, сейчас разрешаются на местах — в деревне, и уездные судебные власти жалуются на отсутствие дел. Эксплуатирующие слои деревни: мелкие джентри, помещики и тухао массами эмигрируют в города. Имущество наиболее реакционных из них конфискуется крестьянами, включая землю...

Крестьянские конференции за последнее время все чаще выдвигают лозунг о конфискации земли крупных помещиков (например, в уездах Ло-тьен и Хуанган). Наблюдаются факты, когда сами помещики добровольно являются в крестьянские союзы и предлагают им забрать у них землю. Это объясняется, с одной стороны, боязнью помещиков перед наступлением крестьян, которые в случае насильственной конфискации могут забрать у них не только землю, но и все имущество; с другой стороны, надеждой помещиков, что при последующем разделе конфискованной земли известная часть будет выделена и на их долю» [158, 5—6].

Наступление крестьянских союзов на позиции помещиков, направляемое коммунистами, ускорило процесс политического размежевания сил в уханьской коалиции. Настал час ее испытания на прочность. Коммунисты, активизируя антипомещичью деятельность крестьян, шли тем самым на нарушение установок гоминьдана и подвергали риску существование единого фронта. Многие левые гоминьдановцы рассматривали эту деятельность как антиправительственную, как антиреволюционную. Назревал серьезный политический кризис.

Глава VI

НАСТУПЛЕНИЕ РЕАКЦИИ И ПОЗИЦИЯ КОМПАРТИИ КИТАЯ (МАЙ — ИЮЛЬ 1927 г.)

Обострение классовой борьбы в деревнях Хунани и Хубэя не на шутку испугало как лидеров уханьского гоминьдана, так и генералов и офицеров Национально-революционной армии. Страх перед пришедшей в движение крестьянской массой овладел гоминьдановскими деятелями. Генералы и офицеры встревожились, узнав, что у их родственников земля, а с нею и источник доходов отбирается в пользу крестьянской бедноты. Лидеры гоминьдана были обеспокоены также ухудшением финансово-экономического положения Уханя, вину за которое они возлагали на крестьянские «эксцессы». Крестьян обвиняли в выставлении чрезмерных требований, в нарушении интересов национальной революции.

Первым тревожным сигналом, предвещавшим переход реакционных сил в наступление, был контрреволюционный мятеж генерала Ся Доу-иня, который 18 мая 1927 г. выступил против национального правительства. 21 мая командир расквартированного в Чанша полка Сюй Кэ-сян поднял мятеж, разогнал левогоминьдановское правительство провинции Хунань, разгромил провинциальный крестьянский союз, разоружил рабочую дружину и сформировал свою администрацию. Сюй Кэ-сян зверски расправился с руководителями массовых организаций, предав казни коммунистов и левых гоминьдановцев. Мотивируя свое выступление, он заявил, что «крестьянское движение зашло слишком далеко» [256, 2153]. Лидеры национального правительства в Ухане вину за контрреволюционный переворот Сюй Кэ-сяна в Чанша возложили на крестьян, допустивших «крайно-

сти» и страдавших «детской болезнью левизны»[78]. Левые гоминьдановцы не предприняли никаких акций против мятежного полковника. Наоборот, своими нападками на крестьянское движение, обвинениями его в незрелости, загибах и т. д. они фактически оправдывали Сюй Кэ-сяна, поощряли его на дальнейшую борьбу против рабоче-крестьянских масс.

Руководители КПК, узнав о том, что крестьянские союзы близлежащих к Чанша волостей организовали вооруженный отряд для борьбы с контрреволюционными мятежниками, отправили директиву с требованием предотвратить открытое столкновение между крестьянскими отрядами и частями Сюй Кэ-сяна. Эта директива свидетельствовала о нежелании руководителей КПК обострять отношения с гоминьданом. Они надеялись, что им удастся заставить национальное правительство принять действенные меры для обуздания мятежников. Одновременно ЦК КПК отправил телеграмму в Шэньси и Хэнань с рекомендациями сдерживать крестьянское движение, чтобы не напугать Фэн Юй-сяна и не оттолкнуть его от уханьского правительства [см. 102, 149—150].

Тань Пин-шань, вступив на пост министра земледелия, подчеркивал необходимость улучшения положения крестьян и в то же время осуждал «эксцессы» крестьянского движения. В одном из первых подписанных им декретов он предлагал крестьянам «не действовать самочинно» в отношении помещиков под страхом строгого

---

[78] А. Лозовский впоследствии писал: «Для того чтобы можно было обосновать свое враждебное отношение к массовому движению и постоянное отклонение всех важнейших вопросов, интересующих рабоче-крестьянские массы, в Ухане была сфабрикована особая теория о незрелости рабоче-крестьянского движения, чрезмерных требованиях рабочих, об эксцессах крестьян и т. д. Эта контрреволюционная теория имела своей задачей идеологически подготовить широкие массы к тому, чтобы под видом борьбы с эксцессами повести решительную борьбу против социальных требований рабочих и организовать опеку над „незрелым“ рабоче-крестьянским движением. В то время как правительство и политбюро левого гоминьдана не принимали никаких мер к тому, чтобы удовлетворить экономические требования рабочих и крестьян, они принимали всяческие меры против рабочих и крестьян каждый раз, когда эти последние революционным путем пытались разрешить волнующие их вопросы. Более того, это правительство фактически оказывало содействие всем контрреволюционным элементам, ограничиваясь пустыми фразами о борьбе с контрреволюцией» [151, 19].

наказания. Впоследствии на чрезвычайной конференции КПК 7 августа 1927 г. указывалось: «В особенности политика Министра земледелия была такова, что не может быть иначе названа, как антикрестьянская. Вопрос о земле, т. е., казалось бы, основной вопрос для Министерства земледелия, был совершенно снят с очереди дня, и даже в анкетах, которые рассылало Министерство по провинциям, не было ни одного вопроса касательно земельных отношений.

Тань Пин-шань после вступления в должность сделал попытку „обуздать" крестьянское движение в провинции Хунань. В этом его всецело поддерживал ЦК КПК, предложивший ему поехать в Хунань во главе экспедиции с целью навести там „порядок". Экспедиция была снаряжена и отправилась в путь, но не достигла места своего назначения, потому что в Чанша уже произошел контрреволюционный переворот» [см. 52, 32—33].

В надежде на возможность проведения совместной политики Компартия Китая обратилась 4 июня к гоминьдану с «Открытым письмом». В «Письме» обращалось внимание на то, что «китайская революция переживает сейчас кризисный период. В этот период революция неизбежно сталкивается со многими трудностями, и она должна преодолеть многие серьезные проблемы. В настоящее время коренной вопрос заключается в том, каким образом осуществить относительно ограниченные аграрные преобразования, чтобы удовлетворить справедливые требования пробудившихся крестьянских масс и добиться упрочения революционной базы. Революционные призывы гоминьдана в отношении крестьянства уже вызвали бурный подъем крестьянских масс. Наступил момент претворения в жизнь этих призывов. Гоминьдан — это революционная партия трех народных принципов, поэтому его историческая миссия состоит в осуществлении аграрных преобразований, а именно в уравнении прав на землю и предоставлении земли тому, кто ее обрабатывает. Будущее китайской революции, судьба китайского народа целиком зависят от решительных действий уважаемой партии в этот момент.

Аграрные преобразования только начались, но они уже подстегнули реакционные элементы на контрреволюционные действия. Выразители интересов крупных по-

мещиков-тунеядцев, феодальные милитаристы, уже перешли в вооруженную контратаку против крестьян. Они запугивают гоминьдан и национальное правительство, угрожают раздавить их, если гоминьдан и национальное правительство будут по-прежнему верны своим революционным принципам и по-прежнему будут руководить крестьянством в его исторической борьбе против феодальных сил» [73, 2151][79].

В «Письме» делалась попытка успокоить лидеров гоминьдана, уверить их в том, что не все военные выступают против аграрных преобразований. Конечно, противники есть, но «в целом национально-революционная армия совсем не против и не может быть против освобождения крестьян. Большинство солдат — это безземельные или обедневшие крестьяне. Они не могут сознательно выступать против крестьянского движения. Если же солдаты враждебно относятся к аграрным преобразованиям, то это значит, что они еще не прозрели и по-прежнему эксплуатируются реакционными элементами армии. Если речь идет о солдатах, то революционная армия объективно должна быть армией аграрной революции» [73, 2151—2152]. Далее указывалось, что младший офицерский состав принадлежит к угнетенным и эксплуатируемым группам населения и поэтому не должен выступать в защиту тухао, лешэнь и крупных помещиков. Напротив, аграрная революция несет и для них также политические и экономические выгоды. Надо только разъяснить им это, и тогда они «обязательно будут верно содействовать гоминьдану и национальному правительству в осуществлении демократической политики аграрных преобразований» [73, 2151]. О генералах говорилось, что это «революционные вожди, которые верят в демократию и свободу» [73, 2151].

В целом в «Письме» делался вывод, что лишь ничтожная горстка реакционных элементов выступает против крестьян, но они изолированы и их контрреволюционные действия можно легко пресечь.

Этот анализ был построен на весьма шатком основании. Он явился на свет не как продукт изучения дей-

---

[79] Показательно, что в этом «Письме» ЦК КПК как бы отводил от себя упреки и обвинения за руководство крестьянским движением и все заслуги в этом приписывал гоминьдану.

ствительной расстановки сил в революционных войсках, настроений различных слоев солдатско-офицерского состава, а родился в головах авторов «Письма», в отчаянии пытавшихся сделать ту самую соломинку, за которую можно потом ухватиться. Солдатская масса в душе могла сочувствовать крестьянам, но она была настолько темной и забитой, что практически слепо следовала за своими командирами и делала то, что они приказывали. Совершенно нереальными были упования на офицеров, а тем более на генералов, которым интересы помещиков были намного ближе, чем интересы крестьян.

ЦК КПК призывал гоминьдан отбросить прочь все сомнения в выборе пути, ибо «аграрные преобразования — это путь революции, а путь, избранный реакционными милитаристами,— это путь контрреволюции. Революционный гоминьдан не может стоять на распутье. Реакционные милитаристы уже открыто изменили революции (измена Ся Доу-иня, переворот в Чанша — убедительные доказательства этому). Они объявили войну рабоче-крестьянскому движению. Подобно Чжан Цзо-линю, Сунь Чуань-фану, Чжан Цзун-чану, Чан Кай-ши, Ли Цзи-шэню, они выступают как палачи рабоче-крестьянских масс. Они хотят заставить гоминьдан отказаться от политики аграрных преобразований, чтобы снискать любовь крупных помещиков и лешэнь. Они умаляют авторитет гоминьдана и национального правительства» [73, 2151—2152].

В этом «Письме» ЦК КПК гоминьдан изображался сторонником радикальной аграрной политики, что, разумеется, совершенно не соответствовало фактическому положению дел. Заседания совместной аграрной комиссии в апреле показали истинное отношение левых гоминьдановцев к методам разрешения аграрного вопроса. Это было отношение непоследовательное, нерешительное, половинчатое и весьма осторожное. В «Письме» же компартии этим деятелям приписывалась не свойственная им роль борцов за революционное преобразование земельной системы.

ЦК КПК взывал к гоминьдану с надеждой, что его лидеры объявят о незамедлительном карательном походе против контрреволюционных мятежников в Чанша. ЦК КПК предлагал национальному правительству:

1. Издать ясный приказ, объявляющий контрреволю-

ционным комитет, организованный в Чанша изменником Сюй Кэ-сяном, а также приказ войскам совместно с революционными массами свергнуть этот комитет.

2. Распустить мятежный комитет и назначить законное провинциальное правительство.

3. В срочном порядке снарядить карательную экспедицию для подавления мятежа. Главнокомандующему Тану [Шэн-чжи] предоставить право отправки войск с целью усмирения мятежа.

4. Распустить узурпированный мятежниками провинциальный комитет гоминьдана и на основе приказа ЦИК гоминьдана произвести выборы нового комитета.

5. Опубликовать ясный приказ, объявляющий о том, что рабоче-крестьянские организации и коммунистическая партия пользуются в Хунани полной свободой.

6. Вооружить крестьян для защиты от контрреволюционных мятежей [73, 2152].

«Открытое письмо» ЦК КПК было поддержано профсоюзами Уханя, потребовавшими восстановления рабочих и крестьянских организаций в Хунани и наказания преступных офицеров. В Ухане была устроена всеобщая забастовка протеста против мятежников. Но лидеры уханьского гоминьдана оставались глухи к призывам ЦК КПК. Они категорически отвергли мысль о карательной экспедиции в Чанша, предпочитая потерять доверие и уважение коммунистов и рабоче-крестьянских масс, чем лишиться поддержки генералов и офицеров [80].

---

[80] В журнале «Коммунистический Интернационал» позиция гоминьдана комментировалась следующим образом: «На этот раз требование, предъявленное киткомпартией и профсоюзами, не нашло, однако, отклика в ЦК гоминьдана. Уханьское правительство заняло по отношению к офицерству, совершившему переворот в Чанша, колеблющуюся, соглашательскую позицию, и до сих пор переворот этот не ликвидирован. Получился тупик. Какой выход из него? Нечего говорить, что ЦК киткомпартии не может отказаться от своих требований, не может отказаться от защиты крестьянской революции, от содействия дальнейшему ее разворачиванию и от ее возглавления. Это уже привело и в будущем приведет к конфликтам с ЦК гоминьдана и с уханьским правительством. Следует ли отсюда, что киткомпартии необходимо отозвать своих представителей из уханьского правительства и порвать с гоминьданом? Поступить так, значило бы идти по пути, на который толкают киткомпартию наши ультралевые оппозиционеры. Но этот путь означал бы фактически путь отказа от борьбы за гегемонию, путь ликвидаторский, дезертирский под маской левых фраз» [158, 8].

В своем «Письме» ЦК КПК возлагал слишком большие надежды на революционность лидеров уханьского гоминьдана, на их способность к решительным действиям в защиту крестьянских интересов. В нем выпячивалась роль гоминьдана, хотя еще недавно в ЦК КПК его квалифицировали как «гнилой труп», как партию, которая «окончательно ослабла». Теперь же, когда крестьянское движение встретило впервые (после Гуандуна) серьезное сопротивление реакции, руководители КПК стали уповать на авторитет гоминьдана.

Одновременно Компартия Китая опубликовала «Обращение к крестьянским массам всей страны», в котором говорилось: «Национальная революция несет вам освобождение от долгой эксплуатации, избавление от невыносимых страданий, осуществление лозунга „Каждому пахарю — свое поле".

Крестьяне всей страны хотят жить по-человечески. Вы должны покончить с могуществом империализма, вы должны сбросить милитаристов, сосущих кровь из народа, вы должны отобрать землю из рук помещиков, которые сами ее не обрабатывают, а получают арендную плату, расходуя ее на свои прихоти. Вы должны уничтожить власть тухао и лешэнь, притесняющих своих односельчан.

Стремительное развитие национальной революции способствовало подъему борьбы крестьян против тухао и лешэнь. Хунаньские крестьяне уже стали авангардом крестьянского движения. Реакционные классы, выжимающие свои доходы из бедных крестьян, смертельно напуганы крестьянским движением. Крестьянские союзы в Гуандуне уже стали жертвами террора, проводимого Ли Цзи-шэнем, но они продолжают мужественную борьбу. Теперь реакционные силы поднимают голову и в Хунани.

Реакционные милитаристы, злодейским путем, вопреки закону захватив власть в провинции Хунань, уже разогнали провинциальный комитет партии и провинциальное правительство, поддерживавшие крестьянское движение. В Чанша, да и по всей провинции многие крестьяне и рабочие стали жертвами бесчеловечной расправы. Реакция хочет задушить крестьянское движение в Хунани. Сейчас крестьянские союзы дают отпор силам реакции. Этими своими действиями они не только

защищают интересы крестьянства всей страны, но и отстаивают истинные цели национальной революции. Поэтому в настоящее время хунаньским крестьянам должна быть оказана поддержка со стороны гоминьдана и национального правительства» [70, 2150].

Далее в «Обращении» содержался призыв к развертыванию борьбы против врагов крестьянства: «Выступая в авангарде всего крестьянского движения, крестьянство Хунани должно бороться против крупных помещиков, тухао, лешэнь и реакционных милитаристов. Вы должны создать в деревнях органы власти народного самоуправления и земельные комитеты. Вы должны отобрать и передать в собственность обществу земли, принадлежащие крупным помещикам, богачам, компаниям и христианским миссиям. Вы должны покончить с властью тухао и лешэнь, отобрать присвоенные ими так называемые общественные поля, а также земли, принадлежащие монастырям и храмам предков, и передать их земельным комитетам при органах сельского самоуправления. Вы должны вооружаться и бороться с реакционными силами, защищая завоевания революции. Реакционные милитаристы в Чанша должны быть свергнуты» [70, 2150]. Далее ЦК КПК требовал от крестьян Хунани проявить благоразумие, сдержанность и гибкость в отношении армейских частей.

«В ходе этой борьбы,— говорилось в „Обращении",— хунаньские крестьяне должны знать, как объединиться с союзниками. Крупные помещики, тухао, лешэнь, которые являются врагами крестьян, притесняют также и мелких помещиков. Поэтому крестьяне (арендаторы, самостоятельные крестьяне, безземельные батраки) должны установить союз с мелкими помещиками и совместно начать борьбу против крупных помещиков, тухао и лешэнь. В интересах укрепления союза ни в коем случае нельзя ущемлять интересы мелких помещиков. Воины революционной армии сражаются с империалистами и милитаристами и также являются союзниками крестьян. Их земли также нельзя конфисковать и тем более нельзя трогать их семьи. Солдаты революционной армии в большинстве своем происходят из безземельных крестьян-бедняков. Притеснение их семей, посягательство на их имущество может нанести лишь вред крестьянскому движению. Такие необдуманные действия могут

быть использованы реакционными милитаристами и чиновниками в целях подстрекательства солдат к борьбе с крестьянским движением. Пресекать такие необдуманные действия — важная задача крестьянских союзов» [70, 2150].

«Обращение» звало крестьян к решительным действиям: «Друзья крестьяне! Хунаньские крестьяне должны приложить все силы к тому, чтобы сбросить реакционных милитаристов, засевших в Чанша. Их борьба за свержение милитаристов должна получить всеобщую поддержку. Если они потерпят поражение, то это не только поставит под удар все крестьянское движение в Китае, но и внесет шатания и раскол в ряды национальной революции. И тогда вновь укрепятся позиции реакции, отсрочится момент гибели империализма. Реакционные милитаристы хотят не только подавить крестьянское движение, главное — они хотят уничтожить национальное правительство.

Крестьяне должны установить с солдатами дружелюбные отношения. Все солдаты должны стать членами крестьянских союзов. Солдаты раньше тоже были крестьянами и только из-за неразрешимых хозяйственных трудностей пошли в армию. У них нет земли. Таких безземельных в Китае тысячи и десятки тысяч. Они должны иметь землю. В отношении этих тысяч и десятков тысяч безземельных нужно осуществлять политику наделения их землей и устройства их жизни. Солдаты должны участвовать в крестьянском движении, чтобы воплотить в жизнь это требование. Поэтому солдаты должны во имя собственных интересов слиться с крестьянским движением и вместе бороться против контрреволюции и реакции.

Хунаньские крестьяне должны подавить контрреволюцию в Чанша, должны активно готовиться и вооружаться для свержения контрреволюционеров, помочь национальному правительству восстановить свою власть в Чанша, поддержать борьбу гоминьдана против контрреволюционных милитаристов.

Вон из Чанша свирепых милитаристов Сюй Кэсяна и прочих!

Долой крупных помещиков, тухао и лешэнь!

Восстановим в Хунани власть гоминьдана и национального правительства!

Создадим органы сельского самоуправления!
Земля — крестьянам и солдатам!» [70, 2150—2151][81].

Содержание «Открытого письма» к гоминьдану и «Обращения к крестьянским массам» дает ясное представление о том далеко не простом положении, в котором оказались руководители Коммунистической партии Китая. С одной стороны, они понимали, и об этом свидетельствуют оба эти документа, что необходимо срочно предпринимать решительные действия в помощь крестьянским организациям, чтобы овладеть ситуацией, с другой же, как видно из «Обращения»,— они не хотели ускорить распад единого фронта, стремились сохранить союз с гоминьданом.

Вооруженных сил, которыми коммунисты могли бы самостоятельно распоряжаться, у них почти не было. Не было у них никаких средств и для того, чтобы повернуть за собой солдатские массы и младших офицеров и убедить их в необходимости отказаться от выполнения приказов своих командиров, изменивших революции. Не они распоряжались событиями, а события влекли их за собой, влекли против их воли.

Лидеры гоминьдана не внимали их призывам подумать о судьбах национальной революции. Да и они уже теряли контроль над ходом событий. Господами положения стали генералы. Напрасно коммунисты подчеркивали, что «Сюй Кэ-сян — это второй Чан Кай-ши», что закрепление побед в боях за Кайфын и Чжэнчжоу и продолжение Северного похода против империалистов и милитаристов требуют немедленного подавления контрреволюционного мятежа в Чанша [см. 256, 2154—2155]. Гоминьдановцы уже определили свою линию поведения. 6 июня 1927 г. ЦИК гоминьдана заявил о своем намерении начать мирные переговоры с Сюй Кэ-сяном, подчеркнув, что он стоит за ограничение массового дви-

[81] Это обращение А. В. Бакулин в своих записках комментирует следующим образом: «ЦК КПК выявил свое отношение к восстанию Сяо Ду-ина (Ся Доу-иня). В одной из местных газет напечатано воззвание КПК к крестьянству и рабочим, где ЦК порицает хунаньских крестьян за их левизну и открещивается от их действий, как бы выгораживая себя перед гоминьданом. Подчеркивается правильность линии национального правительства в крестьянском вопросе, которая обеспечивает союз мелкой буржуазии с крестьянством. Если крестьянство не откажется от своих детски-наивных требований конфискации земли, то революция погибнет... Таков общий тон воззвания» [102, 144].

жения [см. 115, 320]. Позиция лидеров уханьского гоминьдана была с предельной четкостью выражена в высказывании Ван Цзин-вэя: «Коммунисты предлагают нам идти вместе с массами, но где эти массы, где видна восхваляемая сила шанхайских рабочих или гуандунских и хунаньских крестьян? Нет этой силы. Вот Чан Кай-ши без массы держится крепко. А нам предлагают идти с массами, но это значит идти против армии. Нет, мы пойдем лучше без масс, но вместе с армией» [цит. по 110, 132—133].

Руководство уханьского гоминьдана мотивировало свое недовольство действиями крестьянских союзов ссылками на то, что «политика наделения крестьянства землей должна быть проведена легальным путем» [80, 55].

На этом основании оно обвиняло коммунистов и руководимых ими крестьян в том, что они грубо нарушают заветы Сунь Ят-сена. Но закона о разрешении земельного вопроса они принимать не хотели, откладывая это до окончательной победы. Ван Цзин-вэй заявлял: «Наш учитель, сказав в своем учении „каждый крестьянин должен иметь собственное поле, которое он вспахивает", вместе с тем указал и методы, путем которых может быть достигнуто осуществление этого принципа. Наш президент ясно указал, что земельный вопрос должен быть разрешен легальным путем. Он никогда не говорил, что вопрос о земле разрешается путем прямого захвата земель от помещиков и распределения их между крестьянами.

Сунь Вэнь всегда опасался, что его принципы могут быть ложно и неправильно истолкованы. Поэтому 20 августа 13-го года Республики он подробно анализировал учение о трех народных принципах перед студентами крестьянского института в Кантоне. Он говорил студентам, что крестьянское движение развивается систематически и не следует создавать таких условий, при которых реакция могла бы поднять голову» [80, 47].

Оправдывая отказ национального правительства удовлетворить чаяния крестьян, сын Сунь Ят-сена — один из лидеров уханьского гоминьдана,— Сунь Кэ, говорил: «В Китае большинство крестьян является мелкими собственниками. Помещики, обладающие угодьями больше 1000 му, составляют незначительное число в об-

щем крестьянском населении. Во многих провинциях Китая население чрезвычайно плотное. Возьмите, например, Хунаньскую провинцию. Согласно данным обследования, произведенного тов. коммунистами, каждый крестьянин получит не больше 3-х му, если произвести передел всех земель. Поэтому, если мы даже осуществим конфискацию земель у крупных, средних и мелких помещиков и разделим конфискованные земли среди крестьянства, каждый крестьянин получит не свыше 2 му, и, таким образом, жизненная проблема китайского крестьянства не будет разрешена» [80, 52].

Свою политику, направленную на охрану интересов помещичьего класса, левые гоминьдановцы объясняли интересами национальной революции. Сунь Кэ заявлял: «Если мы последуем совету Коммунистического Интернационала и проведем диктатуру рабочего класса и крестьянства, создадим большевистский террор в нашей стране, чтобы коренным образом переустроить все общество, то результатом будет неудержимая волна реакции по всей стране и кровопролитие. Новая социальная структура не может сразу выпрыгнуть из старых общественных рамок. Вся нация будет ввергнута в состояние хаоса, что даст империалистам новый шанс к закабалению Китая и будут утрачены все надежды на национальное освобождение нашей страны. Поэтому путь, предлагаемый в настоящее время коммунистами, есть путь далекий от указанных принципов и прямой путь к генеральному разрушению. Мы не должны поддаваться на обман и не должны становиться на этот ложный путь» [80, 52—53].

О лицемерном смысле этих заявлений Цюй Цю-бо позднее писал: «Гоминьдан пообещал крестьянам „каждому пахарю — свое поле“, и крестьяне двух провинций — Хунань и Хубэй — пожелали осуществить на практике этот принцип. Однако гоминьдан немедленно изменил своему обещанию, заявив, что, мол, крестьянское движение — это движение бандитов и босяков, что они покушаются на земли, принадлежащие семьям „воинов революции“; они заявляют, что принцип „каждому пахарю — свое поле“ должен быть проведен в жизнь „силою законов и политических мероприятий“, что его осуществление должно проводиться медленно, постепенно, и не может быть и речи о том, чтобы массы

снизу без разбору распределяли и конфисковывали землю; они заявляют, что „принцип народного благоденствия“ отличается от коммунизма по своим методам, что „принцип народного благоденствия“ не признает пути классовой борьбы, поэтому, мол, лозунг „все землевладельцы — мироеды, все шэньши — злодеи“ — это коммунистическая пропаганда, провоцирующая классовую борьбу.

Такой быстрый отказ гоминьдана от своих обещаний и такие заявления означают, что лидеры гоминьдана, действуя от лица высшего слоя китайцев — тухао, шэньши, буржуазии, проводят классовую борьбу в отношении рабочих и крестьян» [247, 22].

В это время армейская верхушка продолжала разжигать кампанию против компартии. Не только в Хунани, но и в Цзянси открыто выдвигались лозунги: «Долой коммунистов!», «Добро пожаловать, главнокомандующий Чан Кай-ши!». В Цзянси генералы начали также громить крестьянские союзы, варварски расправляясь с вожаками крестьянского движения. Коммунистам был дан приказ оставить пределы провинции. Мрачная картина наблюдалась и в Хубэе. В этих трех провинциях, где еще вчера крестьянское движение, казалось, достигло огромного размаха, сегодня торжествовала черная реакция.

В руководстве КПК в этот момент сочли необходимым отмежеваться от эксцессов крестьянского движения, отвести обвинения в том, что эти эксцессы являются преднамеренными и представляют собой результат руководства коммунистов [82].

В инструкции отдела агитации и пропаганды 1 июня 1927 г. говорилось: «Мы должны твердо помнить, что партия со своей крестьянской политикой неуклонно проводит линию недопущения „эксцессов“, направленных против землевладельцев, мелкой буржуазии и военных» [52, 24].

«Предоставленная крестьянству неорганизованная свобода действий,— заявил ЦК партии 14 июня,— проведение земельной реформы повело к многочисленным

---

[82] Позднее, на Августовской конференции, политика руководства КПК подверглась резкому осуждению. «Линия партийного руководства объективно была линией борьбы против аграрной революции» [52, 24],— говорилось в решениях конференции.

„случаям эксцессов“. Без сомнения, такое положение должно быть изжито» [52, 24].

Вслед за уханьскими гоминьдановцами, оправдывавшими подавление крестьянского движения под предлогом, будто бы оно искусственно вызвано агентами Чан Кай-ши, руководители китайской компартии также заявляли, что «эксцессы», в Хунани являются плодом работы Нанкина.

В инструкции Всекитайского крестьянского союза было сказано: «Чан Кай-ши, джентри и тухао воспользовались тем, что небольшая часть крестьян нарушила интересы военных, чтобы распустить слухи и провоцировать раскол. Они нарочно вели левую агитацию, чтобы разгромить крестьянское движение» [52, 24].

В декларации Августовской конференции приводился следующий пример: «Один из ответственнейших руководителей китайской компартии заявил: „Имеется основание полагать, что некоторые „эксцессы“ и аресты крестьян провоцируются контрреволюционерами“. Тот же товарищ заявлял: „Произвольные аресты раздражают мелкую буржуазию, вызывают беспокойство и создают впечатление, как будто бы национальное правительство находится в плену у коммунистов. Это впечатление надо рассеять“» [52, 24].

Приводя эти высказывания, Августовская конференция делала следующий вывод: «Великое революционное восстание крестьянства в Хунани компрометировалось таким образом не только буржуазией, не только помещиками и милитаристами, но и руководством компартии. Это в то время, когда на местах коммунисты героически и самоотверженно боролись за развертывание этого движения. Запуганный колебаниями гоминьдановских лидеров ЦК КПК не в состоянии был выдвинуть даже революционную программу разрешения аграрного вопроса. Совершенно неправильную, глубоко оппортунистическую позицию занял ЦК Компартии и в вопросе об организации власти в деревне. Вместо того чтобы учесть опыт революционной борьбы крестьянских масс и извлечь из этого опыта уроки, ЦК КПК выдумывал безжизненные, вредящие делу революции схемы организации новой власти в деревне. Стихийное движение передало революционную власть в руки крестьянских союзов, взявшихся за конфискацию земель у крупных

помещиков, наделение землей неимущих слоев деревни, снижение арендной платы, разоружение миньтуаней и джентри и за расправу над контрреволюционными элементами деревни.

Вместо того чтобы поддерживать и развивать дальше эту форму революционной власти, партийное руководство выдвигало лозунг вместе с ЦК ГМД — организация местных самоуправлений в деревне. Какое значение вкладывалось в этот лозунг, видно из инструкции Всекитайского союза от мая 1927 г.: „Создание деревенских самоуправлений имеет целью закрепить завоевания крестьянства и уничтожить режим анархии в деревне"» [52, 24—25].

Августовская конференция обвиняла ЦК КПК в том, что в тот период он решительно выступал против передела земли, раздела имущества, штрафов и арестов тухао и джентри. Все это ЦК еще 25 мая объявил «детскими выступлениями» крестьянской бедноты, которые отталкивают от нас мелкую буржуазию.

«В отношении крестьянского движения,— говорится в постановлении ЦК от 25 мая, — мы должны немедленно прекратить, опираясь на влияние нашей партии, все „детские" выступления, не предусмотренные нашей партией». Не решаясь открыто выступать против лозунга конфискации земли, ЦК вел фактическую линию на отмену этого лозунга. В постановлениях 25 мая говорится: «Мы, конечно, не можем целиком отказаться от принятой на V съезде платформы. Однако мы должны знать, что китайский земельный вопрос еще не прошел соответствующей стадии. Кроме того, прежде чем приступить к разрешению земельного вопроса, необходимо, во-первых, расширить пропаганду, в особенности в армии, во-вторых, приступить к организации деревенских и уездных самоуправлений» [52, 25].

В резолюции ЦК КПК от 26 мая говорилось: «В настоящее время задача, поставленная перед партией, состоит не в намеренном свержении врага или в полной капитуляции с нашей стороны. Есть и средний путь — и этот средний путь должен быть найден. При настоящем соотношении сил нецелесообразно идти партии на непосредственный вооруженный конфликт с врагом. Наша задача выиграть время, сохранить наши силы, готовиться к неизбежной борьбе» [52, 25—26].

Августовская конференция указывала: «Проявляя эту позорную нерешительность, ЦК помог выиграть время нереволюционному крестьянскому движению и организаторам контрреволюционного переворота» [52, 26].

Коммунисты пытались, признавая элементы неорганизованности в деятельности крестьянских союзов, убедить гоминьдан в том, что не это главное. Соглашаясь с необходимостью усилить организованность крестьянских союзов, укрепить руководство ими со стороны революционной партии, коммунисты вместе с тем подчеркивали, что из-за «элементов неорганизованности ни в коем случае нельзя потворствовать контрреволюции» [249, 2170]. Цюй Цю-бо писал: «Если революционное правительство будет медлить со строгим подавлением [контрреволюционеров], то какой смысл говорить об объединенном фронте... Если Ухань остается революционным национальным правительством, он должен решительно осуществить революционную политику, сплотить под своим знаменем рабочих, крестьян и весь революционный народ и преодолеть этот исключительно серьезный кризис» [249, 2170—2171].

Журнал «Сяндао» посвятил событиям в Чанша специальный выпуск (№ 199 от 22 июня 1927 г.), в котором на большом фактическом материале доказывалось, что подоплекой политического переворота в Чанша являются контрреволюционные замыслы реакционных сил, а вовсе не «эксцессы» крестьянского движения. Приведенные на страницах журнала данные показывали, что если и имелись случаи жестокой расправы с наиболее бесчеловечными помещиками, то гораздо больше фактов, говорящих об обратном — о варварском и диком терроре помещиков и офицеров по отношению к крестьянам. В опубликованном в этом же номере докладе делегации хунаньских крестьян говорилось, что крестьяне «лишь давали отпор тухао и лешэнь» [239, 2193].

В этом докладе признавались ошибки и недостатки крестьянского движения. Крестьянские делегаты призывали лидеров гоминьдана расширить сеть своих ячеек в деревнях, поскольку в настоящее время «среди нескольких сот крестьян не сыщешь ни одного крестьянина — члена партии» [239, 2194], а из-за этого в деревне плохо поставлена пропаганда аграрной политики национального правительства.

Делегация предлагала осуществить следующие мероприятия:

1. Конфисковать землю и имущество у чиновников-взяточников, у тухао и лешэнь, у всех контрреволюционеров.

2. Обеспечить охрану земли и имущества революционных военнослужащих.

3. Оградить интересы средних и мелких помещиков, а также торговцев.

4. Ускорить осуществление политики ЦИК гоминьдана в крестьянском движении.

5. Создать в деревне органы революционно-демократической власти.

6. Вооружить крестьянские отряды самообороны [см. 239, 2194].

Содержание этих требований говорит о том, что Компартия Китая готова была пойти на определенные уступки и в своих лозунгах по аграрному вопросу не преступать рамок гоминьдановской политики. Вместе с тем вопреки обвинениям, брошенным в адрес руководства КПК на Августовской конференции, оно, уступая до известной степени гоминьдановским лидерам, не соглашалось пойти на полную капитуляцию и совершенно отказаться от всей своей аграрной программы. Еженедельник «Сяндао» брал под свою защиту крестьян и, по существу, заявлял, что от основных требований по аграрному вопросу коммунисты не отказываются даже в столь критический момент.

Пропаганда в защиту крестьянского движения, развернутая коммунистами, сочеталась с лихорадочной разработкой планов выхода из кризисного положения. На заседаниях Политбюро ЦК КПК сталкивались диаметрально противоположные друг другу мнения. Предложения об умеренном курсе сменялись призывами применять наступательную тактику. На одном из заседаний член Политбюро ЦК КПК Цай Хэ-сэнь внес на рассмотрение Политбюро ЦК КПК резолюцию, в которой перед партией ставились задачи:

«1) повести широкую пропаганду среди крестьянских масс за восстание их против Сюй Кэ-сяна и поход на Чанша;

2) абсолютно отказаться от национального правительства, намеренно допустившего восстание Сюй

Кэ-сяна и пытавшегося ликвидировать этот вопрос законным порядком, но вместо этого обратившего свои законы против крестьянского движения;

3) захватить землю самовольно, не дожидаясь манифестов и приказов, в тех местах, куда распространяются силы крестьянства, хватать и убивать своих врагов, конфисковывать землю, организовывать деревенскую власть и осуществлять красный террор;

4) в борьбе против Сюй Кэ-сяна довести численность крестьянской армии до 50 тыс. бойцов;

5) в кратчайший срок увеличить гоминьдановские массы до 300 тыс. человек и при помощи их свергнуть гоминьдан — партию тухао и джентри» [123, 43].

Такие левацкие и совершенно нереальные, неосуществимые планы Цай Хэ-сэнь предлагал и для Хубэя.

Политбюро ЦК КПК приняло эти проекты [см. 123, 43]. Но они остались на бумаге, реализовать их коммунисты были не в состоянии.

Чэнь Ду-сю призывал Ван Цзин-вэя и других лидеров левого гоминьдана произвести чистку и изгнать из своих рядов контрреволюционные элементы, а также нереволюционеров-спекулянтов, сплотить вокруг себя революционеров, верных традициям гоминьдана и духу Сунь Ят-сена. Чэнь Ду-сю подчеркивал, что, если уханьский гоминьдан хочет успешно бороться против Чан Кай-ши, он должен отвергнуть предложения о борьбе против компартии. Он пытался убедить гоминьдановцев в том, что борьба против Чан Кай-ши вовсе не означает вступления на путь, «близкий к пролетарской революции». «Национальная революция в Китае,— писал Чэнь Ду-сю,— по своим объективным социальным условиям, конечно, не может быть буржуазной революцией и в то же время не может быть чисто пролетарской революцией, а будет революцией союза рабочих, крестьян, мелкой и средней буржуазии» [289, 2199].

Выход из кризиса не только для левого крыла гоминьдана, но и для национальной революции в Китае, по его мнению, заключался не в «капитуляции перед буржуазией, так же как и не в капитуляции перед пролетариатом, а лишь в осуществлении революционного союза рабочих, крестьян, мелкой и средней буржуазии» [289, 2199].

Ему вторил Чжан Го-тао: «Мы считаем, что единственным способом спасения Китая является соблюдение заветов Сунь Ят-сена, сплочение всех истинно революционных сил, руководство крестьянами, рабочими, торговцами, студентами и солдатами, создание и укрепление революционного союза...» [262, 2201]. О важности сохранения и укрепления единого фронта писал и Цюй Цю-бо: «Интересы революции сейчас заключаются в сплочении и укреплении мощного революционного союза широких масс рабочих, крестьян, торговцев, учащихся и солдат» [250, 2203]. Та же проблема затрагивалась и в статье Цай Хэ-сэня, который утверждал: «Объединение революционных сил — это движущая сила в создании единого государства. Тот, кто выступает за единство страны, тот должен сначала добиваться объединения революционных сил. Коммунисты не хотят уходить из национального революционного фронта не из-за своих классовых интересов. Они не могут покинуть этот фронт, потому что стоят за национальное освобождение и единство государства» [240, 2203—2204].

С призывами о сохранении и укреплении сплоченности революционных сил обращались к гоминьдану все видные руководители КПК, хотя между ними и существовали разногласия. Все они говорили о заинтересованности коммунистов в сохранении союза с левым гоминьданом, напоминали о сотрудничестве в гуанчжоуский период, подчеркивали важность единства для судеб национальной революции.

В статьях, печатаемых в эти критические дни в «Сяндао», подчеркивалась общность интересов компартии и левого гоминьдана в борьбе против Нанкина. Коммунистам казалось, что еще не все потеряно, что еще можно обратить острие борьбы против общего врага революции — Чан Кай-ши и правого крыла гоминьдана. Руководители КПК писали, что борьба против КПК мешает организовать отпор реакции, что антикоммунистическая пропаганда ослабляет, обессиливает антиимпериалистический, антимилитаристский фронт, что опасность этому фронту исходит не от коммунистов, не от Москвы, о чем твердила чанкайшистская и иностранная пресса, а от Чан Кай-ши и его агентуры в левом гоминьдане. Но выбор уже был сделан. Лидеры уханьского гоминьдана форсировали подготовку к раз-

рыву блока с коммунистами. Они все больше сближались с генеральской верхушкой, где были особенно сильными антикоммунистические и антисоветские настроения, где царило недовольство ростом активности рабоче-крестьянских масс.

И все же ЦК Компартии Китая не переставал взывать к левым гоминьдановцам, тщетно надеясь, что можно будет предотвратить раскол и починить расползавшиеся все больше и больше швы, соединяющие КПК и гоминьдан.

Убедившись, что настойчивые призывы о сохранении единого фронта оставляются левым гоминьданом без внимания, ЦК Компартии Китая решает отказаться от претензий на руководящую роль в уханьском центре революции и заявляет о своем подчинении руководству гоминьдана. В решении ЦК КПК от 3 июля по этому поводу говорилось: «Поскольку ГМД является блоком мелкой буржуазии, крестьянства и пролетариата с целью борьбы против империализма, ГМД естественно принадлежит руководство...

Хотя члены ККП участвуют в правительственной работе, они находятся там от имени ГМД, а не ККП. Поэтому объединенное заседание ГМД и КП существует не только затем, чтобы обсуждать, решать и делить ответственность, но и для того, чтобы обсуждать формы обнародования и исполнения резолюции обеих партий. Государственная власть едина» [52, 30].

В решении подчеркивалось, что «рабочие, крестьянские и общественные организации должны быть под руководством и контролем ГМД. Требования массового движения должны приспосабливаться к декретам и резолюциям ЦК ГМД и Нацправ. ГМД со своей стороны должен на основе своих резолюций и декретов обеспечить свободу и интересы крестьянских, рабочих и пр. организаций...

Согласно резолюции ЦК ГМД крестьяне и рабочие должны быть вооружены. Вооруженные отряды должны быть подчинены Нацправ. и им руководиться. Пикеты в Ухане должны быть распущены или влиты в армию с целью избежать каких-нибудь недоразумений...

Профсоюзы и пикеты не могут без санкции ГМД и Нацправ. выполнять судебные или исполнительные функции, как, напр., арест, суд и вождение по улицам...

Профсоюз торговых служащих должен быть реорганизован представителями ГМД и хубэйского пров. Совета Профсоюзов. Его экономические требования не должны превышать экономическую способность хозяев. Профсоюз торговых служащих не может вмешиваться во власть хозяина по части найма и управления служащими и не может физически угрожать хозяину, например, арестом, оштрафованием и надеванием высокой шапки...

Пионерам будет запрещено арестовывать и задевать прохожих» [52, 30][83].

В июле 1927 г. в Ухане были получены материалы VIII пленума Исполкома Коминтерна, заседания которого состоялись в мае [163, 47].

В резолюции VIII пленума ИККИ давалась оценка политической обстановки в Китае, сложившейся после контрреволюционного переворота Чан Кай-ши. С социальной точки зрения апрельский переворот рассматривался как показатель того, что «национальная буржуазия выключила себя из национально-революционного фронта и перешла в лагерь контрреволюции» [22, 169].

Далее следовал вывод, что благодаря этому «революция перешла на высшую ступень: блок буржуазии, мелкой буржуазии, крестьянства и пролетариата развился и начал превращаться в блок пролетариата, крестьянства и мелкой буржуазии при все возрастающей руководящей роли пролетариата» [22, 169].

Эта оценка исходила из неверного представления о классовом составе лагеря национально-демократической революции, о расстановке сил внутри этого лагеря. В основе этой ошибки лежало ложное мнение о национальной буржуазии как об едином целом, игнорировалось наличие различных политических группировок внутри буржуазного класса. Совершенно не учитывались позиции помещиков и военно-бюрократических групп.

---

[83] Августовская конференция КПК дала следующую оценку этому решению: «Это уже не оппортунизм и не соглашательство, это чистейшей воды ликвидаторство, это полный отказ не только от политической самостоятельности компартии, но и от существования революционного массового движения вообще! Отдать все массовое движение под полный контроль и произвол мелкобуржуазных лидеров гоминьдана и отдать добровольно, заявляя, что все это „в порядке вещей“ — ведь это предательство по отношению к массовому движению и измена революции» [52, 30].

Далеко от истины была и характеристика уханьского гоминьдана как выразителя интересов главным образом мелкой буржуазии. При этом игнорировались связи лидеров левого гоминьдана с помещиками и военной бюрократией и преувеличивалась их близость к рабоче-крестьянским массам.

Отношение к Чан Кай-ши, как к представителю и выразителю интересов только национальной буржуазии, мешало оценить истинный характер перегруппировки сил в лагере китайской революции. Такая упрощенная трактовка затрудняла правильное понимание смысла контрреволюционных событий. Чан Кай-ши своим переворотом выступал прежде всего в защиту интересов помещичьего класса и крупной буржуазии. Но дело не только в этом. Выступая против коммунистов, против рабоче-крестьянского движения, он не отказывался от выполнения национальных задач, стоящих перед китайской революцией. А это означало, что за ним могли пойти и действительно пошли и национальная буржуазия, и значительные слои мелкой буржуазии.

Измена Чан Кай-ши, несомненно, не усилила, а значительно ослабила силы национально-демократической революции, осложнила и затруднила продолжение борьбы против господства империалистов и милитаристов, за единство страны и ее национальную независимость.

И как бы оптимистически ни звучало указание на то, что «революция перешла на высшую ступень», оно не отражало особенностей тех сдвигов, которые произошли в процессе революции, не помогало понять их реальное значение. Из положения о том, что «национальная буржуазия выключила себя из национально-революционного фронта», напрашивался естественный вывод, что теперь главной помехой на пути революции является буржуазия, против которой и следует развернуть революционную борьбу.

В резолюции ИККИ говорилось: «Кризис китайской революции и настоящее сочетание социально-классовых сил показывают и доказывают, что завершение буржуазно-демократической революции против феодализма (в том числе аграрная революция) и тем более завершение борьбы против империализма могут реализоваться в борьбе против буржуазии, ставшей контрреволюционной» [22, 169].

Последующее развитие китайской революции, опыт 30-х и 40-х годов убедительно показали, насколько ошибочен был этот вывод.

Исполком Коминтерна возлагал надежду на то, что путем более активного пробуждения рабоче-крестьянских масс и вовлечения их в решительную борьбу можно будет изменить ход событий, компенсировать последствия чанкайшистской измены и создать перевес сил, достаточный для того, чтобы двинуть революцию дальше, нанося новые удары по империализму и его союзникам в Китае.

«Огромные трудности, стоящие на пути китайской революции, и в первую очередь трудности, связанные с вооружением и всяким иным вмешательством объединенных сил империалистов, а равно и с неизбежными изменами и перебежками в лагерь противника со стороны колеблющихся социальных группировок,— говорилось в резолюции,— создают такую обстановку борьбы, которая для победоносного развития революции требует вовлечения в борьбу громадных масс трудящихся. Только вовлечение этих масс в активную борьбу может создать силу, которая сломит и внутреннюю контрреволюцию и империалистических интервентов, преодолеет раздел Китая империалистами, разгромит остатки феодальных отношений, завершит буржуазно-демократическую революцию и создаст условия перехода развития Китая на рельсы социализма» [22, 171][84].

Резолюция пленума вновь заостряла внимание китайских коммунистов на важности решения социальных задач революции, всего аграрного вопроса. «Вовлечение масс в борьбу,— подчеркивал ИККИ,— возможно лишь на основе аграрной революции в деревнях, удовлетворения нужд рабочего класса и его политических запросов в городах. Лозунги решительного уничтожения арендной платы, выплачиваемой богатым, передела земель, конфискации всех земель помещиков, мандарината, монастырей и т. д., воспрещения кабальных сделок, аннулирования долгов бедных крестьян ростовщическому капиталу, решительного снижения налогов и переложения их гнета на наиболее зажиточные слои и пр. долж-

[84] Как видим, в ИККИ не хотели отказаться от идеи перевода китайской революции на социалистический путь развития.

ны проводиться в жизнь по всей территории Китая, и прежде всего на территории уханьского правительства, и должны поднимать массы против буржуазных изменников и северных милитаристов.

Аграрная революция, включающая конфискацию и национализацию земли,— таково основное, внутреннее, социально-экономическое содержание нового этапа китайской революции. Основным является в настоящее время „плебейское“ революционное разрешение аграрного вопроса десятками и сотнями миллионов самих крестьян снизу, причем компартия должна становиться во главе движения и руководить им. При этом компартия должна вести и *внутри* правительства такую политику, которая будет содействовать развязыванию аграрной революции и со стороны самого правительства. Это только и может на данной стадии развития превратить на деле данное правительство в организационно-политический центр рабоче-крестьянской революции и в орган революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. С другой стороны, только на основе такой политики, проводимой снизу и сверху, возможны создание действительно надежных вооруженных частей и реорганизация всей армии на твердой революционной основе» [22, 171—172].

Исполком Коминтерна подчеркивал важность обеспечения руководящей роли в революции за пролетариатом: «После перехода буржуазии в лагерь контрреволюции пролетариат все более и более становится признанным гегемоном (руководителем и вождем) всего национально-революционного движения. Китайская революция не может развиваться дальше и не может побеждать без того, чтобы не повышалась роль рабочего класса именно как вождя всей демократической революции, которая может быть завершена только в борьбе *против* буржуазии» [22, 173].

Из содержания и тона резолюции видно, что в Исполкоме Коминтерна сложилось тогда не отвечавшее реальному положению вещей ошибочное представление о месте и о роли рабочего класса и коммунистической партии в лагере революции. Работники ИККИ, видимо, судили тогда о рабочем движении на основании фактов, касавшихся лишь некоторых городов Китая. Забастовки, демонстрации, митинги, устраиваемые и организуе-

мые коммунистами там, где для этого были особенно благоприятные условия, создавали впечатление качественного роста политической сознательности и целеустремленной активности рабочего класса.

Это впечатление усиливалось благодаря кажущемуся возрастанию влияния коммунистов среди гоминьдановской верхушки в Ухане. При этом упускалось из виду, что влияние это было относительным, что тогда, когда требования коммунистов задевали гоминьдановцев за живое, те умели оградить себя от этого влияния и настоять на своем. Об этом убедительно свидетельствовал отказ от публикации резолюции аграрной комиссии при ЦИК гоминьдана.

Исполком Коминтерна советовал китайским коммунистам сделать все для того, чтобы укрепить свои позиции за счет расширения и углубления связей с рабоче-крестьянскими массами, а также за счет превращения гоминьдана «в действительно широкую, действительно выборную, действительно массовую и действительно революционно-демократическую организацию» [22, 174]. В резолюции VIII пленума отмечалось, что «в китайской компартии замечался ряд колебаний именно в этом пункте; что не всегда партия обнаруживала достаточную твердость в критике лидеров гоминьдана; что внутри партии наблюдалась иногда известная боязнь перед развертыванием массового движения, в первую очередь движения среди крестьян в пользу захвата земель, изгнания джентри и помещиков и т. д.

Эти колебания, особенно вредные на настоящем этапе революции, показывают, что не все товарищи из компартии Китая в достаточной мере ясно поняли линию Коминтерна в китайской революции. ИККИ считает необходимым широкое разъяснение в рядах китайской компартии ошибок и колебаний, указанных выше, без чего неизбежно увеличивается опасность известных шатаний в коренных вопросах китайской революции. Китайская компартия как партия рабочего класса должна возглавлять аграрное движение крестьян и самым беспощадным образом бороться против всех и всяческих попыток сузить размах этого движения» [22, 175].

Исполком Коминтерна рекомендовал руководителям КПК активизировать свою деятельность в уханьском правительстве, которое, «будучи правительством левого

гоминьдана, еще не есть диктатура пролетариата и крестьянства, но находится на пути к такой диктатуре» [22, 175]. На местах «основной задачей коммунистов в вопросе о формировании местной власти является привлечение к ее составлению и ее работе толщи трудящихся, сотен тысяч и миллионов рабочих и крестьян» [22, 176—177].

В основе майской резолюции ИККИ лежала мысль о якобы уже имевшейся возможности перерастания демократической революции в социалистическую. В ней говорилось о трудностях, о возможных изменах и предательствах внутри левого гоминьдана, но вся она была проникнута оптимистической идеей веры в конечный успех революции. Получалось так, что измена Чан Кай-ши не затруднила, а значительно облегчила и ускорила процесс перерастания демократической революции в социалистическую, что, конечно, было глубокой ошибкой.

На самом же деле, как уже отмечалось выше, измена Чан Кай-ши намного осложнила выполнение национально-демократических задач китайской революции, а о перерастании ее в социалистическую можно было говорить и рассуждать теоретически, имея в виду лишь очень далекую перспективу. Не соответствовала действительности и характеристика уханьского правительства как органа, «находящегося на пути к диктатуре пролетариата и крестьянства».

В Ухань майская резолюция Исполкома Коминтерна поступила слишком поздно. Но даже не будь этого опоздания, все равно руководство Компартии Китая практически не имело никаких реальных средств и возможностей для реализации содержавшихся в ней указаний, рекомендаций и советов.

«Когда резолюции VIII пленума Исполкома Коминтерна по вопросу об аграрной революции, о борьбе против контрреволюции в Ухане, об отношениях с гоминьданом, о создании революционной армии и вооружении рабочих и крестьян были получены в Китае, а это произошло не раньше июля месяца, эти резолюции не оказали никакого влияния на Центральный Комитет и в конце концов фактически были им отвергнуты» [163, 47].

Во все накалявшейся обстановке руководители компартии предприняли еще одну, оказавшуюся последней, попытку воздействовать на лидеров левого гоминьдана.

13 июля 1927 г. ЦК Компартии Китая принял Декларацию о политической обстановке, в которой подчеркивалось, что вопрос касается жизни или смерти революции. Обращаясь к рабочим, крестьянам и всем простым людям, стоящим за революцию, руководящий центр компартии указывал на серьезный характер переживаемого кризиса и разъяснял свою политику.

В Декларации указывалось, что своими победами революция обязана не военному мастерству главнокомандующего или тех или иных командиров, а главным образом усилиям рабоче-крестьянских масс, прочному революционному союзу всех угнетенных классов. ЦК КПК подчеркивал важное значение трех великих политических установок Сунь Ят-сена (союз с СССР, союз с компартией и поддержка рабочих и крестьян), благодаря которым революция обрела великую силу. Далее говорилось, что в победе революции заинтересованы прежде всего крестьяне, рабочие, городская беднота, ремесленники и мелкие торговцы. Что касается буржуазии, то она предпочитает стать рабом империализма, чем пожертвовать своими деньгами во имя улучшения жизни рабочих и крестьян.

В Декларации объяснялось, что Компартия Китая сотрудничала с гоминьданом и даже приняла решение об участии в национальном правительстве, потому что политика, провозглашенная на III пленуме ЦИК гоминьдана, отвечала интересам и требованиям рабоче-крестьянских масс и ставила своей целью дать отпор наступлению реакции. «Однако обстановка, сложившаяся за последние несколько месяцев, порождает великое отчаяние у всех революционных масс Китая. Руководящие органы гоминьдана и национальное правительство отказываются от выполнения резолюции и задач, определенных III пленумом ЦИК гоминьдана. ЦИК гоминьдана сам разбил надежды китайского народа, который вначале верил в революционность ЦИК гоминьдана и многих его вождей!» [74, 2215].

ЦК КПК заявлял: «Если бы ЦИК гоминьдана по-настоящему опирался на рабоче-крестьянское движение, то тогда более десяти миллионов организованных крестьян, свыше 2800 тысяч организованных рабочих обязательно стали бы самой твердой базой национальной революции. Тогда феодализму старого Китая был

бы нанесен смертельный удар, после которого он не сумел бы воскреснуть. Однако руководящие органы гоминьдана не пожелали этого! Связи ЦИК гоминьдана со стоящими на краю смерти феодальным классом и буржуазией оказались теснее, чем с новыми революционными силами Китая. Поэтому многие вожди гоминьдана проявили пассивность и неслыханные колебания и шатания, а в результате руководство попало в руки реакционных военных» [74, 2215].

ЦК КПК упрекал вождей гоминьдана за то, что в мае они своим потворством дали реакционерам возможность подготовить атаку против революции, развернуть открытое наступление на рабоче-крестьянское движение.

Сейчас, когда для гоминьдана наступил критический момент выбора пути, «ЦИК гоминьдана и национальное правительство по-прежнему не хотят решительно идти вперед вместе с революцией, по-прежнему продолжают политику ограничения массового движения, отдают приказ об освобождении от наказания за все контрреволюционные действия» [74, 2216]. Гоминьдановским лидерам было предъявлено обвинение в том, что своей политикой они помогают наступлению реакции.

ЦК КПК характеризовал такую политику вождей гоминьдана как убийственную для национальной революции.

Отмечая, что задачи китайской революции до сих пор не решены, ЦК КПК заявлял, что «Компартия Китая будет всегда бороться за интересы широких масс — рабочих, крестьян, солдат, учащихся и мелкой буржуазии, и она не может нести ответственность за нынешнюю политику ЦИК гоминьдана. Компартия Китая выступает против этой политики потому, что для нее нет ничего выше интересов народных масс» [74, 2216].

В Декларации сообщалось о решении ЦК КПК отозвать своих представителей из национального правительства [85].

[85] В том же номере «Сяндао» (последнем) было опубликовано и заявление коммунистов — министров земледелия и труда Тань Пин-шаня и Су Чжао-чжэня. В нем вновь подтверждалось, что «коммунисты всегда готовы пойти на жертвы ради единого фронта». В заявлении говорилось: «Размах крестьянского движения был настолько велик, что он еще глубже обнажил классовые противоречия, которые выявились даже внутри ЦИК гоминьдана». В связи с этим авторы заявления спрашивали, какой путь ЦИК гоминьдана

ЦК КПК вместе с тем подтверждал свою решимость продолжать непримиримую борьбу против империализма, милитаристов, против всех остатков феодализма, борьбу за удовлетворение требований рабочего класса и крестьянства, за интересы мелкой городской буржуазии, за солдат.

В вопросе освобождения крестьян ЦК КПК обещал и далее бороться «за безвозмездный переход помещичьей земли в руки крестьян-тружеников, за охрану права мелких земельных собственников на землю, за максимальное ограничение арендной платы на конфискованных землях, за отмену всех незаконных налогов и жестоких правил и законов, за улучшение условий труда и увеличение заработка батраков, за конфискацию оружия у тухао, лешэнь, продажных алчных чиновников и помещиков и лишение их власти, за право крестьян иметь вооружение для самозащиты, за создание органов деревенского самоуправления, за ограничение эксплуатации посредством ростовщичества, за организацию крестьянских кооперативов, за организацию государством всесторонней экономической помощи сельскому хозяйству и предоставление кредитных ссуд крестьянам» [74, 2217].

В Декларации подчеркивалось, что «всякую револю-

изберет: «1) содействовать крестьянскому движению и посредством активных мер со стороны партии и правительства руководить им, постепенно сближая его цели с основными целями революции; 2) поддаться страху перед так называемыми „эксцессами", которые на деле являются бурным революционным ураганом, чего не может избежать ни одно массовое революционное движение, имевшее историческое значение; на практике это значит — выступать против крестьянского движения и подавлять его; 3) занять позицию постороннего наблюдателя, т. е. предоставить контрреволюционным силам свободу уничтожить всякое революционное движение, творить жестокие убийства».

Авторы выражали сомнение в возможности мирным путем урегулировать политические события в Хунани и подчеркивали, что классовая борьба против реакционных сил является «важным фактором национальной революции и без нее нельзя осуществить революцию трех народных принципов». Су Чжао-чжэнь и Тань Пин-шань заявляли, что поскольку ЦИК гоминьдана сам отбросил в сторону решения III пленума и отказывается от их проведения в жизнь, то исчезает база для участия коммунистов в правительстве и «священный долг революционных гоминьдановцев и коммунистов заставляет их в этих условиях выйти из правительства» [см. 86, 2221].

ционную работу Компартия Китая будет вести совместно с партийными массами гоминьдана, со всеми подлинно революционными элементами. Поэтому у коммунистов нет оснований для выхода из гоминьдана и даже отказа от политики сотрудничества с гоминьданом» [74, 2217].

Одновременно ЦК КПК опубликовал проект программы действий на текущем этапе национальной революции, указав, что он хотел бы обсудить этот проект совместно со всеми революционными элементами. В проекте содержались требования, не выходящие за рамки прежних гоминьдановских установок [см. 74, 2217—2219].

Такое выражение лояльности на этот раз сочеталось с довольно резкой критикой, с попыткой оказать давление на лидеров уханьского гоминьдана. Впрочем, выход из национального правительства министров-коммунистов, поскольку он сочетался с уверениями о желании сохранить сотрудничество, был одновременно и уступкой, отказом от дележа власти. Но и этот, последний, выстрел оказался холостым.

14 июля в «Правде» было опубликовано постановление ИККИ о текущем моменте китайской революции, один из пунктов которого требовал от Компартии Китая «развертывать аграрную революцию. Продолжать борьбу за завершение буржуазно-демократической революции „плебейским" путем, т. е. революционным наступлением блока рабочих, крестьян и городской бедноты под гегемонией пролетариата; систематически вооружать рабочих и крестьян» [22, 186].

Номер «Сяндао», в котором были опубликованы декларации КПК и проект программы действий, вышел в свет 18 июля 1927 г., а за три дня до этого, 15 июля, пленум ЦИК гоминьдана проголосовал за решение о немедленном разрыве сотрудничества с Коммунистической партией Китая. В тот же день в Ухане начались погромы рабочих и крестьянских организаций, аресты коммунистов и сочувствовавших им левых гоминьдановцев.

В своем ответе на заявление ЦК КПК от 13 июля ЦИК гоминьдана обвинил коммунистов в попытках захватить власть в гоминьдане, в замене лозунга политической конфискации политикой экономической конфискации помещичьих земель, т. е. в нарушении резолюций

гоминьдана. ЦИК гоминьдана рассматривал эти действия как доказательство своеволия компартии и ее нежелания сотрудничать с гоминьданом [см. 180, 472].

Таким образом, отчаянные попытки руководителей КПК с помощью уступок, политических маневров, закрепиться в Ухане, сохранить союз с левым гоминьданом, предотвратить крушение этого центра национально-демократической революции не увенчались успехом. Предпринятая в последние недели тактика уступок, компромисса с лидерами гоминьдана не спасла положения. Было уже поздно. Невозможно сказать, помогла бы им тогда более решительная, наступательная тактика. Вряд ли, слишком слабыми силами они располагали в тот период.

Китайский рабочий класс и крестьянство, руководимые партией, костяк которой состоял из мелкобуржуазной интеллигенции, не сумел пересилить и перебороть блока буржуазии и помещиков, опиравшихся на поддержку реакционного генералитета и офицерства.

Китайский рабочий класс был еще ни объективно, ни субъективно не подготовлен к борьбе за гегемонию в национально-демократической революции. Условия, в которых протекала эта борьба, были исключительно неблагоприятны. Объективные внутренние социально-экономические предпосылки для перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в Китае еще не созрели. Китайский пролетариат еще был слишком слаб, не организован и не просвещен для того, чтобы даже в лице своих образованных мелкобуржуазных представителей стать господствующим в революции и в обществе классом.

Если китайская буржуазия была слишком слабой, чтобы вести решительную и последовательную борьбу против феодальной реакции и империалистического гнета, то и рабочий класс не набрал еще достаточно сил для ведения успешной борьбы с буржуазно-помещичьим блоком. Он был малочислен, не имел политического опыта. Революция 1925—1927 гг. была первым его серьезным политическим сражением. Рабочий класс крупных городов проявлял бо́льшую активность в атаках на иностранный капитал, чем на отечественный. Количественный рост профсоюзного движения (нередко преувеличиваемый) не означал качественного роста, повышения

классового самосознания китайского пролетариата. Выступавшая от имени рабочего класса и руководившая им Коммунистическая партия Китая была мелкобуржуазной по своему составу, что было естественно и неизбежно в такой мелкокрестьянской стране, как Китай[86].

Руководители этой партии не успели пройти хорошей теоретической школы до того, как их закрутил водоворот бурных политических событий. Недостаточно глубокое знание марксистско-ленинской науки о революции усугублялось и неверным представлением о социально-экономическом характере китайского общества, о расстановке классовых сил на китайской политической сцене. Характерной чертой многих руководителей КПК было революционное нетерпение, стремление ускорить революционный процесс в направлении социалистического развития без внимательного, обдуманного и трезвого учета объективных возможностей и своих субъективных потенций. Другой характерной чертой руководителей КПК было убеждение в силе и роли отдельных личностей, политических вождей, генералов. Хотя они много говорили о народе, о рабочем классе и крестьянстве, но в практической работе массы рассматривались ими не как активное, творческое начало, а скорее как материал для политического экспериментирования.

---

[86] «Одним из основных организационных недочетов ККП, имеющим огромное *политическое* значение, является то обстоятельство, что почти весь *руководящий актив нашей партии* состоит не из *рабочих* и даже не из беднейших крестьян, а из представителей *мелкобуржуазной интеллигенции.* ККП стала складываться как политическое течение и как партия еще в тот период, когда китайский пролетариат не самоопределился еще как класс и когда классовое движение рабочих и крестьян находилось еще в самом зачатке. Подъем *национально-освободительного* движения, в котором огромную роль играла вначале буржуазия, и в особенности мелкобуржуазная интеллигенция, опередил в Китае задолго рост классового самосознания и классовой борьбы эксплуатируемых масс. В этот период наиболее радикальные элементы революционной мелкой буржуазии устремились в ряды нашей партии, занимавшей самое левое крыло на фронте национально-освободительного движения. Эти элементы и составляли первоначальное ядро Китайской коммунистической партии. Массовый приток рабочих и беднейших крестьян в партию начался сравнительно поздно, по мере развертывания революционного классового движения трудящихся. В силу этого руководящая роль в ККП и сохранилась за выходцами из *мелкобуржуазных слоев»* (Из резолюции ноябрьского (1927) пленума ЦК КПК) [цит. по 111, 267].

Настроения рабочих и крестьян, их взгляды, их отношение к происходящим событиям изучались лишь в отдельных случаях и лишь отдельными коммунистами. Разумеется, это не способствовало привлечению представителей рабочих и крестьян к активному участию в делах партии, к их воздействию на формирование политики и методов работы партии.

Крестьянство — верный союзник пролетариата — еще не пробудилось к сознательной, осмысленной политической жизни. Оно было недостаточно организованно и не было готово к защите того немногого, что оно успело завоевать в ходе революции. Можно сказать, что в целом китайское крестьянство в тот период не было накалено до такой степени, чтобы подняться на массовый стихийный бунт по всей стране. Оно действовало революционно лишь там и тогда, где и когда ему, выражаясь словами лусиневского героя А Кью, разрешали делать революцию. Крестьянское движение развивалось крайне неравномерно. В то время как крестьяне отдельных уездов Хунани и Хубэя уже приступили к штурму бастионов помещичьего господства, в большинстве провинций Китая крестьянство пребывало в дремотном или полудремотном состоянии.

Существенную роль в драматическом исходе революции сыграло и то обстоятельство, что буржуазия не была полностью дискредитирована. В глазах масс вокруг ее вождей еще светился ореол борцов за национальное спасение Китая. Подавляя рабоче-крестьянское движение, Чан Кай-ши, Ван Цзин-вэй и иже с ними продолжали вести борьбу за национальные интересы, клеймя борьбу рабочих и крестьян как антинациональную, контрреволюционную.

Благоприятным фактором, ускорявшим рост политической активности трудящихся масс Китая, была материальная и политическая помощь Советского Союза, поддержка Коммунистического Интернационала. Но эта помощь в тот период не могла стать решающим, всеопределяющим фактором в китайской революции. Экономические и политические позиции ее противников как внутри страны, так и вне ее были намного сильнее, что привело к трагической концовке китайской революции. Ошибки, допущенные руководителями коммунистической партии, ускорили этот процесс. Их тактика в Уха-

не была лишена необходимой гибкости, искусства сочетать наступательные действия с умелым маневрированием. Они преждевременно, не укрепив своего положения, обнаружили свои аппетиты, перепугав и насторожив гоминьдановских лидеров.

Относительная легкость, с которой гоминьдановцам удалось выбить коммунистов из седла, лучше всех других доказательств свидетельствует о непрочности их социальной базы, о слабости их сил. В значительной степени их подвела теория о том, что чем дальше от революции отходят ее попутчики, тем сильнее становится лагерь революции и тем выше степень развития революции.

Глава VII

ОТ АВГУСТОВСКОГО СОВЕЩАНИЯ ДО ВОССТАНИЯ В ГУАНЧЖОУ (АВГУСТ — ДЕКАБРЬ 1927 г.)

После того как единый фронт окончательно раскололся, Компартия Китая не бросила оружия. Упорно и настойчиво китайские коммунисты пытались изменить ход революции в свою пользу, продолжали вести борьбу. Кое-кто из них дезертировал с поля боя, некоторые предпочитали покориться и получить возможности для легальной деятельности. Но в целом Коммунистическая партия Китая не хотела примириться со своим поражением и перешла к вооруженной борьбе против своих противников.

Первой попыткой овладеть положением было восстание 1 августа 1927 г. в Наньчане. Оно проходило под знаменем «революционного гоминьдана». Руководители восстания объявили себя верными преемниками суньятсеновского гоминьдана, последователями его идей, которым изменили Чан Кай-ши и Ван Цзин-вэй.

Борьба за претворение в жизнь трех народных принципов Сунь Ят-сена, в которые они вкладывали революционное содержание,— с этим лозунгом китайские коммунисты начинали восстание, рассматривая его как пролог к всеобщей аграрной революции. Выступая от имени левого гоминьдана, как хранители революционных традиций, связанных с именем Сунь Ят-сена, коммунисты рассчитывали привлечь на свою сторону более широкие ряды офицеров, солдат, обеспечить себе более массовую базу. В руководстве КПК существовало так-

же мнение, что решительное выступление оживит и активизирует революционные элементы гоминьдана[87].

Руководители восстания, поднимая солдат и офицеров расквартированных в Наньчане войск, рассчитывали, что к ним примкнут некоторые видные деятели гоминьдана, совместно с которыми и будет решен вопрос о дальнейших действиях повстанческих войск. Но левые гоминьдановцы отказались от участия в созданном повстанцами Революционном комитете. Спустя пять дней после начала выступления восставшие вынуждены были оставить город и начать движение на юг. Руководителей похода манил к себе Гуанчжоу, с которым были связаны воспоминания о лучших днях революции. Замысел состоял в том, чтобы восстановить революционную базу в Гуандуне, собрать силы и снова выступить в поход на Север.

Руководители восстания выдвинули политическую программу, в которой немаловажное место занимали и аграрные лозунги.

По свидетельству Ли Ли-саня, накануне восстания на совещании в ЦК КПК им и Юнь Дай-ином было внесено предложение провозгласить лозунг конфискации земли у крупных помещиков. Против этого выступили Тань Пин-шань и Дэн Чжун-ся, которые опасались, что этот лозунг отрицательно скажется на настроении солдат и офицеров. После острых споров участники совещания не пришли к единому решению [см. 309, 10][88].

---

[87] «Мы все еще надеялись и рассчитывали на возможность омоложения гоминьдана»,— писал один из военных руководителей восстания, Е Тин [цит. по 168, 244].

[88] Об эволюции взглядов руководителей КПК по аграрному вопросу Чжан Го-тао писал следующее: «Критика Коминтерном Центрального Комитета за отсутствие твердости в проведении аграрной революции идет с заседания Политбюро ЦК, состоявшегося в июне, когда [М. Н.] Рой настаивал на том, чтобы мы предложили гоминьдану лозунг экспроприации земли. Все товарищи из Политбюро ЦК считали, что предлагать в то время этот лозунг гоминьдану — это все равно, что игрой на лютне услаждать буйвола. За это мы можем получить выговор от Коминтерна. В то время ЦК нашей партии не проявил твердости в вопросе об аграрной революции, и это было оппортунистической позицией. Но вопрос заключался в том, выставлять или нет лозунг об экспроприации земли. Позже пришла телеграмма из Коминтерна, настаивавшая на экспроприации. В телеграмме говорилось, что было бы желательно, чтобы крестьяне сами начали экспроприацию земель крупных и средних помещиков. Но если обстоятельства не позволят, то было бы пра-

Уже после начала восстания его руководители снова обсуждали содержание лозунгов по аграрному вопросу. Было достигнуто согласие обратиться к крестьянству с призывами конфискации земли у тех помещиков, чьи владения превышают 200 му, и снижения арендной платы на 30%. Эти лозунги были провозглашены после долгих споров, в ходе которых высказывались различные соображения об установлении критерия для конфискации (по мнению одних — 300—500 му, по мнению других — 50 му хорошей и 100 му плохой земли).

Некоторые участники спора полагали, что не следовало упоминать какие-либо размеры помещичьей земли, подлежащей конфискации, поскольку в каждой провинции и, более того, в каждом уезде одной и той же провинции существовали свои представления о том, кого следует считать крупным, а кого — средним помещиком.

В Гуандуне, например, имелось весьма небольшое количество помещиков, чьи владения превышали 200 му, немного их было также и в горных деревнях Цзянси и Фуцзяни, где пролегал маршрут похода повстанцев, и конфискация земельной собственности размером только свыше 200 му не могла удовлетворить всех нуждающихся крестьян этих мест. Гуандунский провинциальный комитет КПК предложил считать крупными помещиками тех, кто владеет от 30—50 му земли и выше. Эти споры о критериях свидетельствовали о плохом знании характера аграрных отношений и конкретных условий землевладения в разных провинциях.

вильным повременить с экспроприацией земель средних помещиков.

Когда приехал новый представитель Коминтерна, Политбюро ЦК уже приняло решение по крестьянскому движению. В ней предлагалось экспроприировать земли крупных помещиков и начать осенью движение за отмену и снижение арендной платы. Он выразил свое одобрение и только добавил, что крестьянское движение своей центральной задачей должно поставить экспроприацию земли, в то время как в резолюции основной упор делается на снижение арендной платы. Относительно мелких помещиков он все время говорил, что им надо предоставить право на владение землей. Когда 18 июля наша партия приняла „Программу действий в настоящий момент", то в ней все еще говорилось об экспроприации земель крупных помещиков. Что же касается решения об экспроприации всех земель, которое было принято после Августовской конференции, то о нем товарищи из Фронтового VII комитета ничего не знали» [см. 309, 47—48].

Но какие бы критерии для определения крупных помещиков ни выдвигались, они не могли помочь делу. Расчет на поддержку крестьян не оправдался. Они, как об этом писали впоследствии сами участники похода, разбегались, услышав о приближении повстанческих войск, и не для кого было расклеивать листовки, пропагандировавшие идеи аграрной революции. Убегали и крестьяне, и помещики, и в результате борьбу не с кем и некому было вести. Вражеская пропаганда о том, что коммунисты собираются обобществить и имущество, и жен, наводила страх на сельское население, «реакционным элементам удалось представить китайскому крестьянству коммунистическую армию как некое чудовище, от которого крестьяне в ужасе разбежались» [110, 157].

Руководители похода не могли осуществить на практике решение о предоставлении политической власти на селе крестьянам. Сведения о деятельности крестьянских союзов оказались ложными даже в уездах Гуандуна. Когда участники похода вошли в пределы Гуандуна, их ждало великое разочарование. Развеялись надежды на горячую встречу и гостеприимное отношение крестьян. Вместо ожидаемой поддержки, как явствует из отчета Ли Ли-саня и доклада Чжан Го-тао, они натолкнулись на сопротивление или в лучшем случае на равнодушие и пассивность крестьян [см. 309, 33]. И только в тех местах, где крестьянское движение, руководимое Пэн Баем, пустило глубокие корни, повстанцев встречали с радостью, и крестьяне поднимались на борьбу. Но, как свидетельствовал Чжан Тай-лэй, «местные крестьяне, в свою очередь, не получали помощи от войск. Крестьяне из Чаояна сами начали энергично действовать, но мы послали им на помощь слишком мало войск. В Пунин мы отправили батальон для захвата западного города, но наш отряд в конце концов пошел на соглашение с оборонявшимися и не разрешил крестьянам войти в город и уничтожить тухао и лешэнь. Крестьяне были очень недовольны, они не видели разницы между нашими войсками и другими. Все мы думали, что, нанеся поражение врагу и захватив Кантон [Гуанчжоу], решим все проблемы, и соответственно мало заботились о том, чтобы, используя войска, помогать проведению аграрной революции в занимаемых нами районах» [309, 36].

Достигнув Гуандуна и вступив в контакт с крестьян-

скими активистами, руководители похода внесли изменение в свою аграрную программу: в ней теперь определялось, что земля площадью менее 50 му не должна подлежать конфискации. Был выдвинут лозунг о снижении арендной платы до 30% [см. 309, 43]. Но эти изменения уже не могли выправить положение.

Восстание в Наньчане и поход на Гуанчжоу закончились поражением. Руководители восстания и похода признавали, что главным просчетом была ошибочная политика в земельном вопросе. Е Тин, например, писал: «Платформа революционного комитета ничем не отличалась от платформы левого ГМД. Такие лозунги, как „конфискация земельных участков площадью более 200 му" и „сохранение настоящего ГМД", не могли во время активного развития революции произвести впечатление на массы. Не удивительно, что массы не отдавали себе отчета в сущности движения, и при таком состоянии тыла бесполезно ждать, что они примут в этом движении участие или хотя бы окажут ему поддержку... Эта основная политическая ошибка и определила всю пассивную капитулянтскую политику, которая позволила реакционерам напасть на нас и нанести нам роковой удар» [см. 168, 244].

В докладе Чжан Тай-лэя, секретаря Гуандунского комитета КПК, отмечалось: «Поражение совершенно отчетливо показало, что чисто военные действия без призыва широких крестьянских масс на борьбу обречены на провал. Но даже приобретя этот опыт, некоторые продолжают серьезно сомневаться в необходимости привлечения крестьян, не считая их за силу. Мы должны решительно выступать против этой ошибочной концепции. В будущем наш курс должен в значительной степени отличаться от прошлого. Нужно сказать, что в прошлом имели место некоторые компромиссы: 1) раньше участки земли площадью в 50 му и менее не конфисковывались, что фактически мешало проведению аграрной революции; в будущем земля каждого помещика (в том числе и мелкого) должна быть конфискована; 2) в прошлом, собирая народ, мы еще пользовались гоминьдановским флагом; в будущем мы будем пользоваться красным знаменем; 3) раньше мы ограничивались только пропагандой Советов; в будущем мы должны по-настоящему взяться за создание Советов рабочих, крестьянских и

солдатских депутатов. На первый взгляд изменения в курсе могут показаться незначительными, однако в действительности они огромны. Уже в одном вопросе смены знамен мы показываем свою твердую решимость» [см. 309, 37].

Об единодушии в этом вопросе свидетельствует и письмо Чжан Го-тао в Политбюро ЦК КПК, в котором говорилось: «Предложение о конфискации земель площадью от 200 му и более (я был в числе тех, кто поддерживал этот лозунг) было объективно большой ошибкой. Позже, когда мы находились в Жуйцзине и Шанхане, я предложил пересмотреть этот лозунг и проводить конфискацию земельных участков размером от 50 му и более. Юнь Дай-ин заговорил о некоторых сомнительных пунктах „Правил решения крестьянских проблем“ и сказал: „Когда мы говорим о том, что должны распределить землю между неимущими крестьянами и солдатами,— это звучит хорошо. Но всю имеющуюся землю уже обрабатывают, и после распределения она по-прежнему будет обрабатываться теми же арендаторами. Где в таком случае взять землю для распределения ее между неимущими крестьянами и солдатами?“

Тогда мы все пришли к заключению, что на начальном этапе не надо устанавливать размер земельных участков, подлежащих конфискации. Практически земли мелких помещиков и крестьян-полуарендаторов были бы все захвачены самими поднявшимися на борьбу крестьянами, которые к тому же не могли бы более эффективно организовать распределение земли. Поэтому все сошлись на том, что определять размер земельного участка, подлежащего конфискации, в 50 му все равно, что не устанавливать этот критерий вовсе. Вот почему на первой конференции в Шанхане было предложено просто обсудить вопрос о конфискации, не касаясь вопроса о размерах земельных участков» [см. 309, 50].

Позднее в решении ЦК КПК от 14 октября 1927 г., где анализировались ошибки фронтового партийного комитета[89], говорилось, что «в политической программе, принятой фронтовым комитетом, руководящим органом нашей партии, возглавлявшим Южный поход Е Тина—Хэ Луна, по аграрному вопросу было предложено „конфи-

[89] Его возглавил Чжоу Энь-лай.

сковывать земли помещиков, имеющих 200 или более му". Это была чрезвычайно грубая ошибка. Практика показала, что это не метод аграрной революции. Этот пункт лишил восстание его значения. Крестьянин из Гуандуна, услышав об этом пункте, сказал просто: „Это означает, что у каждого пахаря не будет своего поля". Это критическое замечание невозможно опровергнуть» [309, 41].

Та же мысль подчеркивалась и в статье, опубликованной в журнале «Буэрсайвэйкэ». В ней отмечалось, что «самой главной ошибкой партийных органов, руководивших Наньчанским восстанием и походом революционных войск на юг, в Гуандун, было то, что они слишком долго, вплоть до самых последних дней, не смогли решительно развернуть радикальную аграрную революцию. С началом Наньчанского восстания не была провозглашена полная конфискация земель помещичьего класса, а лишь намечена программа конфискации помещичьих землевладений, превышающих 200 му (!), и это было крупнейшей ошибкой» [215, 10].

Признавая, что путь революционных войск пролегал по районам, где крестьянское движение развито очень слабо, автор статьи тем не менее упрекал повстанцев в том, что они «не приложили максимум усилий для поднятия крестьянских масс на борьбу. Действительно, на самом последнем этапе уже была отвергнута программа конфискации помещичьих землевладений, превышающих 200 му. Она была заменена сравнительно революционными лозунгами, но было уже слишком поздно. Далее, ошибкой было также и то, что революционные войска во время похода не развернули широкой агитации и пропаганды среди крестьянских масс. Неверие в творческую самостоятельность масс присуще оппортунизму» [215, 10][90].

---

[90] Совершенно неверно считать главной причиной поражения аграрную программу Наньчанского восстания. Ее можно критиковать за неконкретный характер, за не отвечающие местным условиям (да и условиям всего Китая) критерии земельных владений, подлежащих конфискации, за то, что в ней не учитывались требования самих крестьян и их политическая зрелость, но все это не было определяющим моментом, предрешившим поражение похода на Гуанчжоу. В действительности, неуспех дела определили главным образом соотношение вооруженных сил и слабость крестьянского движения. Тем более неправильно было писать, что именно аграр-

В статье, как и в официальных документах Компартии Китая, организаторы и руководители Наньчанского восстания обвинялись, как видим, в отсутствии радикальной программы по аграрному вопросу. Провозглашенные ими лозунги были объявлены оппортунистическими, соглашательскими, реформаторскими, а не революционными. Именно поэтому якобы они не смогли зажечь аграрную революцию в деревне и тем обрекли восстание на неудачу.

На самом же деле в тех сельских районах, которые находились в зоне действия повстанческих войск, не было условий для аграрной революции. Крестьяне были заражены антикоммунистической пропагандой, они были совершенно невосприимчивы ни к радикальным, ни к умеренным лозунгам. Об этом красноречиво свидетельствуют участники похода на Гуанчжоу. Что же касается лозунга снижения арендной платы, то он в тот период (как показал дальнейший опыт, и в будущем) больше всего соответствовал низкому уровню сознания крестьянских масс. Успешная борьба за его реализацию могла бы постепенно подвести крестьян к выдвижению более радикальных требований. Но обстановка, конкретные условия того времени не благоприятствовали ведению агитации и вокруг этого лозунга. Аграрная программа Наньчанского восстания практически не могла быть доведена до сведения широких крестьянских масс провинций Фуцзянь и Гуандун, не говоря уже о всей стране.

Ошибкой вождей восстания в Наньчане автор статьи, помещенной в «Буэрсайвэйкэ», считал и их намерение использовать знамя гоминьдана. По его мнению, надо было решительно поднимать свое знамя, знамя Советов.

ные лозунги Наньчанского восстания отпугивали крестьян, как это изобразили авторы обзора по Китаю в книге «Коммунистический Интернационал перед Шестым Всемирным конгрессом». В этом обзоре говорится: «Имея в качестве одного из своих политических руководителей Тан Пин-сяна — известного выразителя оппортунистической линии старого руководства ЦК, экспедиция Ие-тина и Холуна своей левогоминьдановской политикой оттолкнула широкие массы крестьян; лозунг конфискации земли у помещиков, имеющих более 200 *му* земли, или снижения арендной платы до 35% не мог, конечно, вызвать энтузиазма у крестьян; естественно, что реакционным элементам легко удалось изобразить крестьянам эту коммунистическую армию в виде таких же грабителей, как и любые другие милитаристские войска, в связи с чем крестьяне разбегались из деревень при первом ее приближении» [29, 372].

«Наньчанское восстание было начато под знаменем левого гоминьдана,— говорилось в статье.— Коммунисты, организовав восстание в Наньчане, направленное против тех, кто, будучи обычными контрреволюционерами и бандитами, называл себя гоминьдановцами, сами же подняли это знамя. Однако знамя гоминьдана было опозорено этими контрреволюционерами и бандитами, которые, действуя от имени гоминьдана, разгоняли различные массовые организации, расстреливали рабочих и крестьян, и поэтому гоминьдан в глазах большинства масс уже стал символом контрреволюции. Все действительно революционные элементы пришли в компартию, желая вести революционную борьбу под знаменем коммунистической партии, гоминьдан же окончательно изжил себя. Поэтому и войска Наньчанского революционного восстания 1 августа в конце концов отбросили знамя левого гоминьдана и высоко подняли красное знамя Советов. К сожалению, в то время, когда массы были поистине готовы объединиться под знаменем Советов, т. е. собраний представителей рабочих, крестьян, бедняков и солдат, военное поражение уже трудно было предотвратить. Однако знамя Советов было поднято, начал нарастать революционный подъем среди рабочих и крестьян — и в этом кроется великое и серьезное историческое значение этих событий. Под этим новым знаменем мы, китайские коммунисты, поведем сотни миллионов рабочих и крестьян на борьбу за окончательную победу» [215, 10—11].

Точка зрения на Наньчанское восстание как на принципиально новый этап в развитии китайской революции, восхождение ее на новую, более высокую ступень была в то время господствующей в руководстве КПК. Цюй Цю-бо в октябре 1927 г. писал: «Китайская революция, пройдя через Наньчанское восстание 1 августа, через недавние восстания крестьян и рабочих в провинциях Хунань, Хубэй и Гуандун, выходит на новый путь, поднимается к более высоким формам — к истинно народной, истинно плебейской революции. Новый путь китайской революции — это рабоче-крестьянская революция, руководимая пролетариатом. Единственной народной партией в настоящее время в Китае является политическая партия пролетариата — коммунистическая партия, и она должна стать единственным вождем революции.

Влияние компартии проникло уже в самые отдаленные деревни и села, например в уездах провинции Цзянсу, где медленнее всего развивалось крестьянское движение, уже немало крестьян восприняли лозунги аграрной революции. Новый этап революции выражается в радикальном осуществлении аграрной революции» [247, 23].

Такой подход к Наньчанскому восстанию и анализ причин его поражения объясняется тем, что о нем судили и его опыт обобщали с позиций Августовской конференции, которая была созвана в экстренном порядке в Цзюцзяне после разрыва отношений с гоминьданом с целью отстранения Чэнь Ду-сю от руководства партией и выработки новой политической линии[91]. Конференция была созвана по категорическому требованию Коминтерна вопреки воле Чэнь Ду-сю [см. 29, 371].

Перед Августовской чрезвычайной конференцией стояла серьезная задача — дать политическую оценку сложившейся ситуации, определить свое место в новой расстановке сил на политической арене, продумать и наметить соответствующие новой обстановке наиболее эффективные средства борьбы с учетом своих возможностей и сил противников.

Несмотря на то что враги коммунистов, душители рабочего и крестьянского движения были единодушны в своей ненависти к коммунистической партии, внутри этого буржуазно-помещичьего и генеральского блока полного единения и согласия не было. Между Чан Кай-ши и его союзниками по борьбе против коммунистов непрерывно шла то глухая, скрытая, то острая, открытая борьба, в которой применялись все средства и методы, от политических интриг и махинаций до вооруженных схваток и кровавых столкновений. Проблема национального объединения страны, освобождения от чужеземной зависимости продолжала оставаться нерешенной. Ни мира,

---

[91] П. Миф, оценивая значение этой конференции, писал: «Эта конференция замечательна тем, что она сменила прежнее оппортунистическое руководство, что она внесла коренное изменение и исправление прежней оппортунистической линии, что эта конференция со всей четкостью признала и подчеркнула все допущенные ранее ошибки. На августовской конференции аграрная революция была выдвинута как центральный лозунг, как основной стержень борьбы трудящихся масс». Вместе с тем, по мнению П. Мифа, «на этой конференции аграрный вопрос получил недостаточно радикальную постановку» [110, 183].

ни порядка китайский народ не обрел. Объективные факторы, вызвавшие китайскую национально-демократическую революцию, продолжали действовать. Важно было определить тенденцию развития этого процесса.

Инициаторы и участники Августовской конференции и попытались проанализировать особенности наступившего периода. Одним из главных вопросов, на который должна была дать ответ конференция, состоял в том, продолжает ли революция развиваться по восходящей линии или же революционная волна пошла на спад.

В документах Августовской конференции признавалось, что китайская революция потерпела серьезное и тяжелое поражение, что силы буржуазно-милитаристской реакции одержали победу над лагерем рабоче-крестьянской революции. Но эта победа, подчеркивалось в них, носит временный характер. Нерешенные задачи буржуазно-демократической революции могут быть выполнены только революционным пролетариатом и крестьянством. В духе решений VII и VIII пленумов ИККИ Августовская конференция указала на неизбежность перерастания революции в социалистическую. «Для завершения демократического переворота и национального освобождения Китая,— говорилось в тезисах о политическом положении и задачах компартии Китая,— пролетариат и крестьянство вынуждены будут прибегнуть к национализации всей иностранной промышленности и конфискации всего имущества у контрреволюционной буржуазии, т. е. к мерам, которые выходят за пределы буржуазного строя. Демократическая революция не может быть победоносно завершена, если пролетариат и крестьянство Китая будут бояться выйти за рамки капиталистических отношений и идти вперед по пути к социализму» [53, 5].

Эта мысль повторялась и в «Обращении ко всем членам партии»: «Китайская революция — это буржуазно-демократическая революция с основной тенденцией перерастания в революцию социалистическую» [97, вып. 3, 5].

В документах конференции отмечалось, что в буржуазно-милитаристском лагере «берут верх тенденции распада, разложения и дезорганизации», а «революционное массовое движение рабочих и крестьян, хотя и потерпело поражение, но далеко еще не дезорганизованно

и не раздавлено настолько, чтобы не могло подняться с новой силой» [53, 63].

Дальнейшее развитие событий показало, что подобного рода оценка преуменьшала способность различных группировок буржуазно-помещичьего лагеря к сплочению и объединению сил, если этого требовали интересы борьбы против компартии и трудящихся масс. Нереалистичной и слишком оптимистичной была характеристика рабоче-крестьянского движения, которое было разбито и разгромлено. Рабочий класс устал от напряженной борьбы. Кровавые репрессии выбили из его рядов лучших вожаков и организаторов. Подняться на новую активную борьбу было свыше его сил. Было терроризировано крестьянство. Кровавые расправы реакционеров в деревне запугали крестьян, обезглавили их организации.

Руководители Августовской конференции не сумели в спешке дать объективный анализ истинного положения вещей. Ими двигало неукротимое желание форсировать темпы развития революции. Они поставили перед партией «задачу немедленной подготовки и организации революционного восстания во всех провинциях Китая, задачу свержения буржуазно-милитаристической власти и установления демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» [53, 6].

На содержании и характере решений Августовской конференции сказалось отсутствие достоверной информации о конкретном положении на местах, преобладание левацких настроений среди руководителей КПК и у представителя Коминтерна. Им психологически трудно было совершить крутой переход от ожидания близкой победы к осознанию резкого спада революционной волны. Ими также двигало вполне объяснимое желание ответить на белый террор красным террором. Рассчитывали они и на то, что прекращение военно-технической помощи из Советского Союза, отзыв военно-политических советников сильно ударит по чанкайшистской армии, войскам уханьского правительства и подорвет их позиции.

В документах конференции подчеркивалось: «Общей линией партии должны быть' подготовка и организация вооруженного восстания в провинциях, являющихся центрами аграрного движения, теперь же, в период осеннего сбора урожая и выплаты арендной платы и налогов» [53, 7].

Характерно, что новые руководители КПК не решались сразу открыто выступать под своим знаменем. Они рекомендовали поднимать восстания рабочих и крестьян под флагом революционного левого гоминьдана, как это и было сделано организаторами Наньчанского восстания. Вместе с тем они ставили вопрос о выдвижении в дальнейшем лозунга Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов как такой формы власти, которая сумела бы обеспечить некапиталистическое развитие Китая. «Китайская компартия,— говорилось в тезисах конференции,— должна теперь же начать пропаганду идеи Советов в партийной прессе и среди масс трудящихся с тем, чтобы в необходимый момент приступить уже к самой организации Советов» [53, 8].

Как видим, с идеей, что китайская революция может быть доведена до конца лишь как социалистическая, китайским руководителям трудно было расстаться. Этой идее они подчиняли анализ соотношения классовых сил в стране и содержание выдвигаемых лозунгов. Это порождало путаницу в умах многих китайских коммунистов, полагавших, что отныне в Китае грядет 1917 год, что провозглашение Советской власти стало назревшей задачей [см. 192, 69]. Мао Цзэ-дун, работавший в тот период в Хунани, так излагал свои взгляды: «Один товарищ приехал в Хунань и сказал, что в новой инструкции Интернационала предлагается немедленно приступать к созданию в Китае Советов рабочих, крестьян и солдат. При этом известии я подпрыгнул от радости. Объективно Китай уже давно дорос до 1917 г., но прежде все считали, что мы находимся на уровне 1905 г. Это была весьма серьезная ошибка. Советы рабочих, крестьян и солдат вполне соответствуют объективной обстановке, и мы должны решительно приступить к установлению политической власти рабочих, крестьян и солдат в четырех провинциях: Гуандун, Хунань, Хубэй и Цзянси» [цит. по 304, 86].

Правда, в тезисах Августовской конференции делалась весьма существенная оговорка о том, что «партия не выдвигает в настоящее время лозунга организации Советов ни в городах, ни в деревнях, ни в армии. Лишь в том случае, если ставка на революционный гоминьдан окажется совершенно неудавшейся и если эта неудача совпадет с моментом подъема революции, китайская

компартия должна будет приступить к созданию Советов. До тех пор, пока партия организует революционное восстание рабоче-крестьянских масс под знаменем левого гоминьдана, она должна ограничиваться одной пропагандой идеи Советов. Но эта пропаганда должна начаться теперь же и должна быть поставлена умело и широко» [53, 8].

Многие коммунисты были твердо убеждены в наступлении нового, социалистического, пролетарского этапа китайской революции.

Имея в виду социалистическую перспективу, эти коммунисты рассматривали как оппортунистическое, соглашательское, реформистское каждое предложение, содержащее относительно умеренные лозунги, вроде борьбы за снижение арендной платы, призывы к борьбе за удовлетворение повседневных экономических нужд рабочего класса, крестьянства, мелкой буржуазии. Нацеливая партию на вооруженные восстания, новое руководство КПК отвергало все лозунги и предложения, отвлекающие от выполнения этой прямой цели. Это лишало компартию возможностей широкого маневрирования, необходимой гибкости, сужало ее социальную базу.

Августовская конференция, осудив линию прежнего руководства в аграрно-крестьянском вопросе, разработала основы новой политики в деревне, подчеркнув, что вопрос об аграрной революции является центральной проблемой буржуазно-демократической революции в Китае. Конференция отметила в этой связи огромное значение решений VIII пленума Исполкома Коминтерна и его директив о методах и средствах разрешения аграрного вопроса. В резолюции по крестьянскому движению конференция призвала коммунистов вести систематическую организованную подготовку ко всеобщему восстанию крестьян. С этой целью предлагалось командировать самых решительных и активных коммунистов и комсомольцев, имевших боевой опыт, в различные провинции в качестве организаторов крестьянских выступлений. По аграрному вопросу провозглашались следующие лозунги:

1. Власть в деревне — крестьянским союзам.
2. Ликвидация тухао, лешэнь и всех контрреволюционных элементов, конфискация их имущества.
3. Конфискация имущества ростовщиков и использование его для улучшения жизни сельской бедноты.

4. Конфискация земли крупных и средних помещиков и раздел ее между арендаторами и безземельными крестьянами.

Конференция выдвинула также требования о снижении арендной платы, об отмене ростовщических процентов, о повышении заработной платы батракам и т. д. [см. 180, 527].

Постановление национального правительства о понижении арендной платы на 25% расценивалось как средство обмана, поскольку оно практически не осуществлялось. Этому приказу-постановлению, указывалось в резолюции, следовало противопоставить лозунг отказа от внесения арендной платы вообще.

Компартия не выставляла требования о конфискации земли у мелких земельных собственников, чтобы обеспечить нейтралитет широких слоев мелких собственников города и деревни.

В резолюции обращалось внимание на то, что главной силой крестьянского движения является беднота и именно она должна стать ядром крестьянских союзов [180, 528].

Цюй Цю-бо позднее оценивал аграрную программу Августовской конференции как не вполне четкую, поскольку в ней предусматривалась конфискация земли только у крупных и средних помещиков, а в отношении мелких предлагалось ограничиться лишь снижением арендной платы [192, 67].

Августовская конференция дала сигнал к организации вооруженных восстаний. Наньчанское восстание, хотя оно и началось до созыва конференции, было первой попыткой осуществления на практике новой, активной линии. Еще одной такой попыткой было восстание «Осеннего урожая» в Хунани (август — сентябрь 1927 г.), связанное с именем Мао Цзэ-дуна.

Это событие оценивается в официальной китайской историографии как важнейший этап в развитии китайской революции. Хэ Гань-чжи пишет: «Восстание „Осеннего урожая“ распространило влияние партии на широкие массы крестьянства, лозунги аграрной революции глубоко проникли в сознание крестьян» [106, 222]. Это, хотя и неверная, но сравнительно скромная оценка.

В статье, посвященной 40-й годовщине этого восстания, газета «Жэньминь жибао», раздувая культ Мао

Цзэ-дуна, уже не скупилась на эпитеты, заявляя, что оно «имеет великое эпохальное значение в истории китайской революции, в истории строительства нашей армии. Оно открыло путь к завоеванию политической власти во всей стране через революцию, т. е. через углубление авангарда пролетариата в деревню, через вооруженную борьбу крестьян под руководством пролетариата, через создание революционных опорных баз в деревне и окружение деревней города. Это единственно правильный путь для китайского народа в завоевании победы по всей стране. Это и столбовая дорога для мирового пролетариата и угнетенных народов всего мира в борьбе за освобождение» [243а].

Новое руководство КПК избрало Хунань как один из важнейших очагов восстания, будучи уверенным в высокой степени организации здесь крестьянского движения и в боевом духе хунаньских крестьян, о чем в свое время писал Мао Цзэ-дун. Его и направили туда уполномоченным по подготовке восстания. Судя по имеющейся информации, Мао Цзэ-дун готовил восстание как чисто военную акцию [см. 192, 69; 304, 77—79], выдвинув лозунг «Действовать штыками». Он не считал нужным развернуть агитационно-воспитательную работу среди крестьянских масс, будучи целиком увлечен подготовкой воинских частей для захвата провинциального центра. Это нельзя считать его личным грехом, он действовал в духе своего времени. Лозунги, которые предполагал выставить Мао Цзэ-дун, отличались левизной даже по сравнению с политической линией Августовской конференции. Так, он настаивал на конфискации всей земли, и помещичьей и крестьянской, что шло вразрез с решением этой конференции [48, кн. 1, 98]. Конфискованную землю Мао Цзэ-дун предполагал обратить в коллективную собственность и распределить ее между нуждающимися [304, 753]. Он в то время исходил из теории социалистического характера китайской революции, что и наложило отпечаток на все его действия.

Много позднее Мао Цзэ-дун говорил: «Только троцкистские контрреволюционеры могут болтать такую чепуху, будто буржуазно-демократическая революция в Китае уже завершена и будто дальнейшее развитие революции может означать только революцию социалистическую» [109, т. 1, 288]. Поведение его в период восста-

ния «Осеннего урожая» красноречиво свидетельствует о том, что сам он не только не понимал действительного характера революции, но имел и весьма слабое представление об истинном уровне сознания крестьян, о степени организованности и готовности бороться за свои требования. Искра, которой он хотел зажечь степной пожар, погасла в одно мгновение. Крестьянство не поднялось на борьбу и не оказало существенной поддержки восстанию.

ЦК КПК в письме Мао Цзэ-дуну, направленном в 1928 г., перечисляя его ошибки и недостатки, указывал на то, что им «не уделялось большого внимания развитию и мобилизации масс для осуществления аграрной революции», на «увлечение чисто военными действиями», на отсутствие связи с «партизанской войной широких крестьянских масс», на «военный авантюризм и бродяжничество», на «политику бесцельных и беспорядочных погромов и убийств» [92].

---

[92] В решении Политбюро ЦК КПК от 14 ноября 1927 г. организаторы восстания «Осеннего урожая» подверглись серьезной критике. В решении говорилось: «ЦК КПК неоднократно указывал, что руководители и организаторы восстания в Хунани должны опираться главным образом на крестьянские массы, и открыто осудил товарища Пэн Гун-да, секретаря провинциального комитета, за ошибку типа военного оппортунизма. ЦК КПК предложил провинциальному комитету исправить эту ошибку и опираться на крестьянские массы как на основную силу восстания, провести практическую подготовку в соответствии с планом восстания в Хунани и Хубэе, разработанным Центральным Комитетом». Далее в решении отмечалось, что: «1) Пэн Гун-да нарушил инструкцию Центрального Комитета и подошел к восстанию исключительно как к военной операции. Он установил контакт только с бандитами и разношерстными войсками без привлечения к восстанию широких крестьянских масс. В результате в начале восстания только рабочие Аньюаня отважно участвовали в борьбе; крестьянские массы различных районов не принимали в ней никакого участия.

2) В районах восстания аграрная революция не осуществлялась и не создавались органы политической власти. Поэтому крестьяне взирали на Коммунистическую партию как на организатора беспорядков, а провинциальный комитет даже сомневался, действительно ли крестьяне хотят получить землю. Вместо этого он выдвинул лозунг борьбы за восьмичасовой рабочий день.

3) В районах, через которые двигалась рабоче-крестьянская армия, не были уничтожены тухао и лешэнь. Поэтому крестьяне смотрели на нее как на армию, временно гостящую в их районе. Вследствие этих ошибок в руководстве, последствия которых трудно пока оценить, крестьянское восстание в Хунани оказалось чисто военной авантюрой и потерпело неудачу». Политбюро ЦК КПК по-

После поражения восстания Мао Цзэ-дун с остатками разбитых частей укрылся в горах Цзинганшань. Впоследствии свое вынужденное бегство в горы Мао Цзэ-дун «обосновал теоретически». Он объяснял его как сознательный, преднамеренный уход из городских районов в сельские с определенными, далеко идущими целями, которые состояли в том, чтобы, используя удаленность сельских горных районов от центров сосредоточения мощи империализма и реакции, накопить силы, создать революционные опорные базы и, расширяя и укрепляя их, постепенно окружить контрреволюционные города революционной деревней. Эта теория преподносится как результат теоретического обобщения Мао Цзэдуном опыта революционной борьбы, как важнейший вклад, внесенный им в разработку теории и практики китайской и мировой революции.

В уже упоминавшейся статье «Жэньминь жибао» говорится: «Восстание „Осеннего урожая“ и великий поход в горы Цзинганшань, руководимые лично Мао Цзэдуном, открыли совершенно новый путь для китайской революции и революции мирового пролетариата. Однако выдвинутая Мао Цзэ-дуном революционная линия, направленная на окружение деревней города и завоевание политической власти вооруженным путем, встретила в то время возражения со стороны „левых“ оппортунистов, в том числе и китайского Хрущева (имеется в виду Лю Шао-ци.— *Л. Д.*)... Мао Цзэ-дун ясно указал, что нужно идти в деревни, где слабее господство врага, создавать там опорные базы и пускать корни среди крестьянских масс. Он указал, что нужно вооружать рабочих и крестьян, накапливать революционные силы, окружать

становило вывести из состава Хунаньского провинциального комитета Мао Цзэ-дуна, И Ли-жуна, Ся Мин-ханя, Пэн Гун-да.

Относительно Мао Цзэ-дуна в решении было сказано: «После Чрезвычайной конференции 7 августа Центральный Комитет направил товарища Мао Цзэ-дуна в Хунань в качестве особоуполномоченного для реорганизации провинциального комитета и обеспечения выполнения политики ЦК, направленной на подготовку и осуществление восстания „Осеннего урожая“. Таким образом, он был центральной фигурой в Хунаньском провинциальном комитете. Поэтому товарищ Мао Цзэ-дун несет самую серьезную ответственность за ошибки, совершенные Хунаньским провинциальным комитетом. Он лишается звания кандидата в члены Временного Политбюро ЦК КПК» [см. 76, 32—33].

города деревнями и добиваться победы революции во всей стране» [243а].

Но теория создания революционных баз в глухих горных районах, удаленных от промышленных и политических центров страны, была, по существу, воспроизводством так называемой теории Северо-Запада, выдвинутой Чэнь Ду-сю на V съезде КПК. Согласно этой теории революция могла успешно развиваться только в тех районах, где промышленность плохо развита или отсутствует и где поэтому слабее влияние империализма и буржуазии. В этих районах революции легче накопить силы, чтобы затем ударить по цитаделям империализма в Китае. Мао Цзэ-дун, выступивший за создание революционных баз в захолустных районах, за окружение города деревней, отошел от Чэнь Ду-сю (который говорил: «Лишь после расширения революционных сил во всей стране, напоследок в Шанхае удастся на деле осуществить рабоче-крестьянскую власть» [цит. по: 110, 113]) лишь с точки зрения географии, политически же он в горах Цзянси и претворял в жизнь его теорию Северо-Запада.

Как и Чэнь Ду-сю, Мао Цзэ-дун перемещал базу революции в сельские районы Китая, а следовательно, уходил от рабочего класса, ибо там, где не было промышленности, естественно, не было и пролетариата. Преимущество концепции Мао Цзэ-дуна по сравнению с теорией Северо-Запада заключается, пожалуй, только в том, что в Центрально-Южном Китае имелось многочисленное земледельческое население, тогда как на Северо-Западе революция могла бы опереться главным образом на кочевников-скотоводов.

Организуя вооруженные отряды, создавая опорные партизанские базы, расширяя границы военных действий, а следовательно, и сферу своей власти, китайские коммунисты действовали в традиционных формах антиправительственной борьбы. Разумеется, было бы неправильным утверждать, что они не пытались выскочить из этих форм, влить в них новое социальное содержание. Их деятельность свидетельствует о том, что они стремились поднять уровень крестьянской борьбы, придать ей сознательный, целенаправленный характер, и эти усилия давали свои плоды. Но тем не менее, говоря в целом, формы борьбы оставались прежними, традицион-

ными, унаследованными от легендарных героев «Речных заводей».

Китайское крестьянство в целом еще не достигло такой степени классового сознания, чтобы выступить в качестве активного фактора революционного процесса. Оно пребывало в пассивном состоянии, а те формы борьбы, в которых главная роль отводилась военным операциям, а не политической организации и развитию самодеятельности крестьянских масс, не всегда способствовали росту их классового самосознания, повышению их политической зрелости и активности. Получая отобранную от помещиков землю, они не обретали решимость до конца отстаивать свои права на нее. Как только исчезало организующее их начало в виде вооруженных отрядов, они оказывались бессильными защищать свои интересы и активно сопротивляться реставрации старых порядков. Опыт показывал, что крестьянство с трудом втягивалось в активную борьбу против помещиков и чиновников, а с переменой обстоятельств быстро прекращало свою активную деятельность. Политическая слабость крестьянства становилась особенно очевидной именно тогда, когда благоприятные условия сменялись неблагоприятными.

Практика свидетельствовала, что ни объективных условий, ни субъективных возможностей для устройства вооруженных восстаний в сельских районах не было, как не было их и в городах. Линия на немедленное вооруженное восстание, предложенная Августовской конференцией, была нереальна. Она неверно ориентировала коммунистов, внушая им веру в наличие якобы благоприятных условий для достижения быстрой победы. Курс на организацию восстаний вел к пренебрежению повседневной работой среди рабочих и крестьянских масс, которая казалась пустой тратой времени и усилий, поскольку приближался канун всеобщей победы.

Критика правооппортунистических взглядов Чэнь Дусю на Августовской конференции привела к тому, что работавшие на местах коммунисты не решались, боясь обвинений и упреков в трусости и в правом оппортунизме, заявлять вслух об отсутствии у них объективных условий для вооруженных выступлений, о слабой подготовленности и плохой организации масс. Поскольку вина за неудачи и поражения возлагалась на работников, ответственных за выполнение задания, а объективные условия

не принимались или почти не принимались во внимание, то возникло убеждение, более того — уверенность, что все зависит от боевых качеств руководителей, от их воли, настойчивости, ума и решительности.

Подобного рода настроения мешали правильному взгляду на вещи, объективному и всестороннему анализу деятельности партии. Кроме того, отказаться от мысли о возможности проведения победоносных восстаний означало начать поиски новых методов работы — в подполье, приспособление к иным условиям, иной обстановке, что было сопряжено с большими и организационными и чисто психологическими трудностями.

Вместе с тем, организуя восстания в сельских районах, китайские коммунисты искали пути и методы революционной борьбы в условиях фактического спада революции, хотя они продолжали верить в ее подъем. Они приобретали военно-политический опыт, который им пригодился в дальнейшей борьбе.

В ноябре 1927 г. был созван пленум ЦК КПК, на котором были подведены первые итоги выполнения нового курса, намеченного Августовской конференцией [93].

Ноябрьский пленум подтвердил правильность тактики, разработанной в августе. «Правда,— говорилось в его резолюции,— Наньчанское восстание и южный поход революционных войск под Сватоу, гигантская волна крестьянских восстаний, поднявшаяся в сентябре в Гуандуне, Хубэе и Хунани, нигде не увенчалась еще решающим и прочным успехом. И тем не менее, несмотря на новое частичное поражение, весь огромный опыт истекших трех месяцев говорит за то, что тактика ККП была в целом совершенно верна» [54, 3]. По мнению составителей этого документа, в стране «развертывается исключительной силы всеобщий кризис, неизбежно вызывающий подъем революционной борьбы самых широких масс пролетариата, городской бедноты и крестьянства», про-

[93] В книге «Коммунистический Интернационал перед Шестым Всемирным конгрессом» дается следующая оценка этого пленума: «Ноябрьская конференция подвела окончательные итоги борьбы с оппортунизмом. Ряд членов ЦК был либо исключен из партии (Тан Пин-сян), либо выведен из состава ЦК. Основной задачей партии конференция поставила борьбу за создание власти Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Она еще резче сформулировала требования аграрной революции и борьбы за разложение милитаристской армии» [29, 372].

мышленности угрожает «полный паралич», кризис переживают торговля и финансы Китая. «Обнищание, разорение, экономический упадок страны идут гигантскими шагами вперед», а «в области международных отношений господство буржуазно-милитаристской реакции ознаменовалось полной сдачей позиций иностранному капиталу и все увеличивающейся агрессией последнего» [54, 4—5].

В не менее мрачных красках рисовалась и картина положения в китайской деревне: «Продолжается и принимает все более катастрофический характер процесс упадка и разорения сельского хозяйства. Относительно „хороший" урожай 1927 года (при котором и массовая голодовка и вымирание сотен тысяч крестьян ограничится „только" двумя провинциями: Чжили и Шаньдун, а в других областях Китая „только" теми районами, которые вконец разрушены войсками или прошлыми стихийными бедствиями) не только не ослабляет, а еще более усиливает тенденции упадка сельского хозяйства. В результате „хорошего" урожая крестьянство вынуждено повысить дань помещикам, покрыть старую задолженность землевладельцу и ростовщику и сбывать скупщику сельскохозяйственные продукты по баснословно низким ценам. Ввиду „хорошего урожая" налог, взимаемый милитаристами с сельского хозяйства, увеличивается вдвойне и втройне. „Хороший урожай" разоряет мелкое парцеллярное крестьянское хозяйство так же, если не больше, как и самый злой недород. Эксплуатация китайского крестьянина помещиком, ростовщиком и купцом, ограбление его милитаристами, угнетение его чиновничьей бюрократией, джентри и т. п. приняли такие чудовищные формы и размеры, что воспроизводство сельского хозяйства даже на крайне сузившейся базе становится уже невозможным» [54, 3—4].

Авторы резолюции заявляли, что «кризис сельского хозяйства растет, ширится и принимает формы гигантской всенародной катастрофы. Единственным выходом из этого кризиса может быть только решительная победа рабоче-крестьянской революции и радикальный аграрный переворот» [54, 4].

В резолюции категорически отвергалась мысль о возможности стабилизации гоминьдановского политического режима, отрицалась способность китайской бур-

жуазии преобразовать старое общество путем реформ, подчеркивалось, что реформистский путь капиталистического развития невозможен для Китая и в силу внутренних, и в силу международных причин.

Из этого анализа внутреннего и международного положения страны делался вывод о наличии в Китае непосредственно революционной ситуации, о перманентном характере китайской революции. «ЦК не делает из этого утверждения,— говорилось в резолюции,— иллюзии насчет неизбежности полной победы революции в самое ближайшее время. Объективная обстановка в Китае такова, что продолжительность непосредственно-революционной ситуации измеряется и будет измеряться не неделями и месяцами, а долгими годами. Китайская революция носит хотя и длительный, но зато непрерывный характер. По всему своему характеру она является тем, что Маркс называл „перманентной революцией"» [54, 7].

Объясняя особенности развития китайской революции после победы реакционных сил, ноябрьский пленум ЦК КПК подчеркивал, что «китайская революция является перманентной по своему характеру благодаря тому, что китайская буржуазия не в состоянии совершить демократическую революцию, революцию, которая бы свергнула господство феодалов-милитаристов; китайская революция в своем процессе не может стабилизоваться в ее демократической стадии (подобно тому, как говорит так называемая „теория двух революций"); китайская революция, начиная с разрешения демократических задач, неизбежно приступает к социалистическим задачам» [54, 7].

В резолюции переоценивалась степень революционной активности масс, и рабочих, и крестьянских. Была преувеличена возможность слияния отдельных крестьянских выступлений «в одно русло, во всеобщее рабоче-крестьянское восстание» [54, 7]. Не отвечало реальному положению дел и утверждение, что «после известной полосы депрессий начинает принимать все более активный и революционный характер рабочее движение» [54, 7], что «революционное движение масс начинает пробиваться с особенной силой как раз там, где оно больше всего понесло потери и испытания поражений» [54, 7].

Хотя авторы резолюции предостерегали от переоценки темпов революционного подъема, силы и организованности массового движения, сами они впадали в эту ошибку. В резолюции содержалось неверное положение о стихийном характере революционных выступлений рабочих и крестьян. На самом деле ни одно из выступлений, которые имели место в городах и деревнях Китая, не было стихийной вспышкой недовольства, возмущения и протеста масс. Все выступления готовились и организовывались коммунистами, и все они терпели неудачу из-за того, что массы их не поддерживали. Факты показывали, что на призывы к восстанию откликалась лишь небольшая часть крестьян, большинство их оставалось равнодушными, пассивными.

Ноябрьский пленум ЦК КПК предлагал коммунистам продолжать осуществление наступательного курса, курса на подготовку и проведение вооруженных восстаний.

«Основная тактическая линия ККП,— указывалось в резолюции,— заключается в настоящей обстановке в том: 1) чтобы придать *максимально организованный* характер стихийному революционному движению масс; 2) чтобы добиваться превращения изолированных, разрозненных крестьянских выступлений во *всеобщее крестьянское восстание* в возможно более крупном масштабе и 3) чтобы обеспечить увязку и взаимную поддержку между *крестьянскими восстаниями и выступлениями рабочего класса*. Партия должна всячески остерегаться преждевременных, заведомо безнадежных боевых выступлений, которые легко могут вылиться в форму „путчей“. Но партия должна вместе с тем возглавлять всякое стихийное революционное выступление масс. И именно поэтому коммунисты должны быть руководителями во всех крестьянских восстаниях. Если крестьянское выступление не может быть отложено с целью лучшей подготовки и если оно не может рассчитывать на сколько-нибудь серьезный успех в крупном масштабе, партия должна придавать ему характер *партизанской войны* (не ставить задачей захват уездов и больших территорий на долгие сроки, не создавать крупных военных образований, а дезорганизовать ряды правительственной и помещичьей реакции постоянными нападениями незначитель-

ных, но крепко сплоченных отрядов повстанцев). Из партизанской войны легче всего может затем вырасти крупное крестьянское восстание, ставящее целью захват власти в крупном масштабе» [54, 8].

В резолюции пленума содержались рекомендации по практической подготовке вооруженных восстаний, причем увлечение чисто военной стороной дела осуждалось. Подчеркивалась необходимость и дальше пропагандировать лозунг Советов, которые постепенно должны были заменить собой крестьянские союзы. «Партия,— доказывалось в резолюции,— должна организовать крестьянство в процессе борьбы в крестьянские союзы. Но партия должна держать курс на превращение крестьянских союзов в случае победы восстания в Советы крестьянских депутатов. Пропаганда лозунга Советов и разъяснение переходящей роли крестьянских союзов должны вестись среди крестьянства уже теперь. Лозунг Советов таким образом не исключает организации крестсоюзов в начальный период революционного восстания, но лозунг — власть крестсоюзам — снимается. Наряду с лозунгом Советов партия должна организовывать крестьянское движение под знаменем революционного аграрного переворота.

Там, где крестьянские восстания еще не развиваются, конечно, нужно создавать подпольные крестьянские организации. Партия должна вести их к борьбе за отказ от налогов и арендной платы и отказ от уплаты долгов вплоть до вооруженного восстания и конфискации земли» [54, 11].

Ноябрьский пленум отказался от лозунга конфискации земли только у крупных и средних помещиков, выдвинув требование конфискации земли у всех помещиков: «Основными боевыми лозунгами аграрного переворота должны быть: полная конфискация всей помещичьей земли, передел всей земли крестьянскими советами между трудящимися крестьянами, земля пашущим, полная отмена аренды, поголовный отказ крестьян от уплаты арендной платы и налогов, уничтожение всех кабальных сделок, конфискация имущества ростовщиков, джентри, тухао, беспощадное физическое истребление всех паразитов, помещиков, джентри и т. п. контрреволюционеров. Партия решительно осуждает и отвергает попытки заменить эти революционные

лозунги реформистскими требованиями, вроде снижения арендной платы, конфискации лишь крупных помещичьих земель, уничтожения лишь плохих джентри, помещиков и т. п. Партия должна стремиться всегда и во всех случаях — даже при мелкой партизанской борьбе — придавать крестьянским восстаниям характер беспощадной плебейской расправы над имущими классами и контрреволюционерами» [54, 12].

В решении ноябрьского пленума ЦК КПК главное ударение делалось на пробуждение и подъем на борьбу рабочих и крестьянских масс. Надежды на победу связывались таким образом с революционными выступлениями рабочего класса и крестьянства. Пленум подчеркнул важность и значение сохранения за пролетариатом руководящих позиций как непременного условия достижения победы в революции [94].

В резолюции указывалось, что «мобилизация городских рабочих к восстанию — это чрезвычайно важное дело. Не обратить внимания на восстание городских рабочих и думать, что оно вспыхнет лишь как ответ на крестьянское восстание,— это очень большая ошибка. Задача партии заключается в том, чтобы стараться руководить повседневной борьбой рабочих, развивать массовые революционные волнения и организовывать, мобилизовать и вести рабочих к вооруженному восстанию, чтобы восстающий город сделать центром для руководства крестьянским восстанием. Восстание городских рабочих есть предварительное условие продолжительности и прочности развития побед революции» [54, 9].

Слабость крестьянского движения, неуспех многих попыток поднять крестьянство на активную целеустремленную борьбу объяснялись отсутствием подлинно пролетарского руководства, плохо поставленной работой партии в сельских местностях. «Опыт крестьянского движения показал,— говорилось в резолюции,— что без сплочения передовых, наиболее революционных беднейших крестьян в партийную организацию действительное руководство борьбой крестьянства со стороны ККП в высшей степени затруднено или почти совершен-

---

[94] Но фактически речь должна была идти не о «сохранении за пролетариатом руководящих позиций» [54, 9], а о их завоевании, поскольку в действительности пролетариат таких позиций не имел.

но невозможно, и крестьянские восстания носят исключительно стихийный анархический характер. Слабая сопротивляемость крестьянских повстанческих отрядов и недостаток выдержки в крестьянских восстаниях в значительной степени объясняются тем, что партия пролетариата не выполняет в крестьянстве своей роли организатора масс. А организация широких масс крестьянства возможна лишь при том условии, если партия будет иметь в деревнях широко разветвленную сеть партийных ячеек, объединяющих наиболее решительные и революционные элементы кули и деревенской бедноты» [54, 213].

Решения ноябрьского пленума ЦК КПК, как замечал Цюй Цю-бо, в основном остались на бумаге. План организации вооруженных выступлений крестьянских масс и восстаний в городах, которые должны были взять на себя роль центров и штабов крестьянского движения, оказался нереальным и невыполнимым [см. 192, 75].

Просчеты в оценке политического положения в стране, ошибочное представление о непрочности позиций, завоеванных гоминьданом, повлияли на выработку тактики, которая внешне выглядела революционной, но на деле вела к ненужным жертвам, к отрыву партии от промышленных и политических центров страны, к изоляции от рабочего класса и других слоев китайского общества, способных бороться за независимый демократический Китай.

После ноябрьского пленума в органах печати КПК широко пропагандировались и развивались идеи его решений. Частые ссылки на опыт революции в нашей стране в этой пропаганде лишний раз косвенным образом свидетельствуют об убеждении тогдашних руководителей ЦК в том, что Китай и китайская компартия стоят перед своим 1917 г.

Много говорилось в это время об опасности и бесперспективности борьбы крестьянских масс в отрыве от союза с рабочим классом, так же как и о невозможности для рабочего класса завоевать победу без опоры на крестьянские массы.

Журнал «Буэрсайвэйкэ» писал: «Русская революция смогла одержать победу только потому, что пролетариат сумел объединиться с крестьянством. Советское правительство сумело расправиться с контрреволюцией

именно благодаря помощи пролетариату со стороны крестьянства. Китайский рабочий класс и его руководитель — КПК — не смогут добиться победы, если они не установят прочного союза с крестьянством. Союз с крестьянством — это одно из главных наставлений нашего учителя и вождя — Ленина. Каждый член партии должен усвоить этот ленинский завет. События каждого дня говорят о том, что борьба многомиллионных крестьянских масс, которую они ведут под руководством рабочего класса, непременно окончится победой. Компартия должна разъяснить рабочим, что без союза с крестьянством победа не может быть достигнута; крестьянам также нужно объяснить, что, если они не заручатся руководством со стороны рабочего класса, они не смогут добиться победы над своими врагами» [211, № 2, 53].

В журнале подчеркивалось, что «ленинское учение о необходимости союза между рабочим классом и крестьянством имеет огромное значение для Китая в силу объективных условий», а потому «компартия и руководимый ею рабочий класс должны глубоко постигнуть смысл этого учения. В то же время крестьяне также должны вместе с рабочим классом осознать всю необходимость руководства со стороны компартии» [211, № 3, 96]. «Единственным стойким борцом за аграрную революцию и свержение власти милитаристов,— говорилось в статье,— является пролетариат. Только в том случае, если крестьянство сплотится в тесном союзе с рабочим классом и примет его руководство, аграрная революция сможет увенчаться победой. И только в союзе с крестьянством рабочий класс сможет установить рабоче-крестьянскую власть и построить новый, советский Китай» [211, № 3, 97].

В статьях, публикуемых в это время в коммунистической печати Китая, пропагандировалась идея Советов как единственной формы государственной власти, способной разрешить последовательно и окончательно все проблемы Китая. Эта мысль была четко выражена Цюй Цю-бо в статье «Новый путь китайской революции после краха гоминьдана». Он писал, что «только рабоче-крестьянское Советское правительство в Китае способно осуществить национализацию земли, конфискацию китайских и иностранных банков, промышленных предприятий, отменить все неравноправные договора, анну-

лировать внутренние и внешние займы, вернуть концессии и право на сбор таможенных пошлин, ввести 8-часовой рабочий день и издать законы по охране труда... Только таким образом можно добиться освобождения Китая от империалистического гнета, а значит, и освобождения мелкой буржуазии от милитаристского господства. Только так можно действительно покончить с империализмом и милитаристами, а вслед за этим вступить на путь социализма» [247, 29].

Именно в этом и состоял предлагаемый им новый путь китайской революции, который должен был привести Китай к торжеству Советской власти. «Новый путь китайской революции — это борьба между четко разграниченными двумя лагерями — реакцией, т. е. тухао, шэньши, буржуазией (империализмом), и революцией, т. е. рабочими, крестьянами, беднотой, солдатами (мировым пролетариатом). Победоносные вооруженные восстания рабочих, крестьян, бедноты и солдат в ходе развития и расширения классовой борьбы масс должны привести к свержению старых и новых милитаристов (тухао, шэньши, буржуазии), к свержению империалистического господства и к установлению в Китае Советской власти» [247, 30].

По существу, хотя руководители КПК и говорили о буржуазно-демократическом характере революции, на самом деле наступивший этап мыслился ими как социалистический, китайская буржуазия как революционная сила целиком сбрасывалась со счетов, коммунисты отказывались признать в ней союзника. Слишком сильны были разочарование и обида на гоминьдановскую верхушку, обманувшую столь большие ожидания, слишком горячим был накал борьбы, и это мешало трезвому взгляду на реальную расстановку политических сил в стране.

В статье, посвященной десятилетию Великой Октябрьской революции, журнал «Буэрсайвэйкэ» подчеркивал, что эта революция смогла одержать победу именно благодаря решительным действиям рабочего класса и крестьянства России, руководимым большевиками. Статья подводила читателя к мысли о необходимости действовать таким же образом и применить в условиях Китая опыт русской революции. Автор статьи писал, что русские рабочие «во всех крупных городах, на железных дорогах, на шахтах объявили общенациональную объ-

единенную всеобщую забастовку; на всех заводах и предприятиях они избрали собрания рабочих депутатов (Советы) для руководства классовой борьбой на местах. В различных крупных городах Советами были созданы вооруженные отряды рабочих. Трудящиеся массы сами принялись за борьбу против эксплуатации и угнетения со стороны капиталистов. Они решительными методами, вплоть до вооруженного восстания, проводили в жизнь решения Советов о введении 8-часового рабочего дня, конфискации крупных заводов» [296, 61]. Далее в статье отмечалось, что крестьяне «под руководством большевистской партии поднялись на массовую борьбу в поддержку восстаний рабочего класса; они сами взялись за решение аграрного вопроса. В различных деревнях и селах крестьянские массы окружали помещичьи усадьбы, расправлялись с помещиками и их прислужниками, конфисковывали имущество этих ненавистных врагов народа, конфисковывали все земли и сами производили распределение земель» [296, 61].

Фактически в этой статье на русском материале излагалась схема организации рабоче-крестьянских восстаний, разработанная на ноябрьском пленуме ЦК КПК. Революционные силы были четко и ясно ограничены рабочим классом и крестьянством.

Надо сказать, что в ту пору руководители КПК не представляли себе развития крестьянского движения без руководства им со стороны рабочего класса. Крестьянство признавалось основной движущей силой, так сказать, мускульной силой революции, но указывать направление этой силе, определять цели движения должен был пролетариат и его авангард — компартия. «Только пролетариат способен взять на себя роль вождя в этих грандиозных революционных переменах...— писал Цюй Цю-бо.— Борьба пролетариата в Китае тесно переплетается с судьбами аграрной революции. У рабочих и у крестьян общие смертельные враги. Если на протяжении истории крестьянские восстания всегда терпели поражения из-за отсутствия организации и руководства, то теперь они получили и организатора, и руководителя в лице борющегося пролетариата. В то же время китайский пролетариат обрел в своей борьбе такого многочисленного союзника, как крестьянские массы. Обе эти силы, объединившись, должны теперь непосредст-

венно начать борьбу за овладение властью» [257, 191—192].

Крестьянство, в свою очередь, делилось на более революционные и менее революционные слои. Первые были способны идти до конца, они являлись активным фактором крестьянского движения, верным союзником городского пролетариата. Именно они получают наибольшие политические и экономические выгоды от аграрного переворота. Цюй Цю-бо писал, что «главной силой, движущей силой аграрной революции являются бедняки, деревенские кули и деклассированные элементы. Для решения аграрной проблемы необходимо, чтобы эти массы сами конфисковывали помещичьи земли, и не только помещичьи. Земли богатых крестьян (самостоятельных крестьян) также не могут остаться неприкосновенными. Естественно, что необходимо избавиться от всех помещиков, независимо от того, крупный он, средний или мелкий, необходимо, чтобы власть взяло в свои руки трудовое крестьянство, чтобы была осуществлена национализация всей земли. Только после этого китайские бедняки, составляющие огромное большинство народа, смогут получить возможность существования» [257, 191].

Крайний радикализм в подходе к решению аграрного вопроса, выраженный в этом высказывании Цюй Цю-бо, являлся характерной чертой китайских коммунистов в тот период. Этот радикализм препятствовал объединению вокруг компартии непролетарских слоев китайского общества и вместо того, чтобы повышать, снижал ее боеспособность, сужал сферу ее воздействия и влияния.

Никаких союзов, никаких компромиссов, опора только на собственные силы,— таков был лозунг дня. Компартия Китая недоверчиво относилась к союзам с деятелями и группами, выражавшими интересы мелкой и средней буржуазии. «Из нашей последующей тактики,— заявлял в октябре 1927 г. Цзянсуский провинциальный комитет КПК,— должен быть совершенно изгнан оппортунизм во всех его видах и проявлениях: компромиссы с какими-либо капиталистами и помещиками, союзы с реакционными силами; борьба путем индивидуального террора; опора на политические и военные силы; прикрытие рабочих и крестьянских организаций вывеской гоминьдана и т. д. Рабочие и крестьяне должны быть втянуты в борьбу в надежде только на свои собственные

силы, чтобы они своими силами повели борьбу за экономические блага, за политическую свободу и, наконец, за захват политической власти» [59, 19].

В результате линии на все большую радикализацию политических установок, а также принятого ноябрьским пленумом курса на решительное повсеместное обновление руководящего актива партии, очищение его от представителей мелкобуржуазной интеллигенции и замены их рабоче-крестьянским активом, от компартии отошла часть ее видных членов. Часть же была исключена за оппортунизм.

Руководители компартии и после поражения сравнительно крупных восстаний в августе — сентябре были твердо убеждены в том, что если действовать решительно и энергично, то можно будет охватить весь Китай пожаром крестьянских мятежей и пролетарских восстаний. Они с радостью и надеждой воспринимали известия о возникавших время от времени крестьянских бунтах, приветствуя их как первую ласточку революционной весны.

В ноябре 1927 г. в провинции Цзянсу произошли вооруженные выступления крестьян в уездах Исин, Уси и некоторых других. Они были небольшими по своим масштабам и продолжались недолго. Правительственным войскам удалось быстро подавить очаги восстания, разогнать повстанцев, арестовать и казнить их вожаков [см. 299].

В ЦК КПК выступление крестьян Цзянсу было встречено как «начало великого восстания крестьян в районах южнее Янцзы», как «часть великого восстания крестьянства всей страны». Передовая статья журнала «Буэрсайвэйкэ» переоценивала значение восстания, завышала количество его участников, его масштабы, силу его влияния на соседние районы. Надежды на успех восстания и на возможность его расширения подкреплялись тем, что оно произошло в районах, близких от Шанхая. Журнал «Буэрсайвэйкэ» писал: «Шанхай — это могучая цитадель китайского пролетариата. Крестьянское восстание в деревнях к югу от Янцзы соединится с восстанием городских рабочих и с корнем опрокинет позиции помещиков и капиталистов, захватит власть и заложит основы Советского Китая» [94, 131]. Журнал призывал рабочих, крестьян, бедноту и все революцион-

ные элементы Китая подняться и оказать помощь великому восстанию крестьян.

Однако к тому времени, когда вышел этот номер, восстание было уже подавлено. Более значительным и успешным было выступление в октябре 1927 г. крестьян в гуандунских уездах Хайфыне и Луфыне — колыбели крестьянского движения в Китае. Успех этот объяснялся тем, что сюда отступили части разбитой повстанческой армии Е Тина. Они-то и явились тем бродилом, которое всколыхнуло крестьян. Здесь был образован первый в Китае советский район [см. 94, 131].

Гуандунский комитет КПК в письме его руководителям советовал не рассматривать завоеванную победу как результат самостоятельных действий крестьянских масс. «Взятие Хайлуфына,— говорилось в письме,— на этот раз вовсе не явилось результатом крестьянского восстания, а произошло вследствие заблаговременного бегства противника, испуганного доносившимися до него слухами, так что нам оставалось только воспользоваться случаем и войти в город. Отсюда следует, что вам не надо переоценивать занятие Хайлуфына. Наоборот, вы должны усилить работу в деревне, усиливая активность крестьян в деле конфискации земель и имущества, и внушить им, что нельзя во всем полагаться на одну 24-ю дивизию, что необходимо опереться на крестьянскую армию, что 24-я дивизия есть только своего рода вспомогательная сила и что главная инициатива в казнях помещиков и джентри должна принадлежать самим крестьянам. Истинная победа будет только тогда, когда восстанут широкие крестьянские массы, перебьют всех помещиков и джентри и отберут их земли. При отсутствии всего этого занятие Хайлуфына непрочно, как дом, построенный на песке» [89, 307—308].

В письме подчеркивалось, что задача коммунистов состоит не только в провозглашении лозунгов, а в практическом их осуществлении: «Взятие Хайлуфына только тогда будет закреплено, когда мы действительно проведем в жизнь все директивы провинциального комитета, ранее сообщенные вам, а не ограничимся одними громогласными заявлениями, провозглашением конфискации земли и убийством нескольких реакционеров. Перед нами еще непочатый угол работы. С одной стороны, нужно проводить собрания крестьян, рабочих и солдат,

организовывать Советы, передавать власть сельским, волостным и т. д. крестьянским союзам, провести распределение земли и продолжать казни помещиков и джентри вплоть до полного уничтожения их. С другой же — разыскать и сжечь во всех самых отдаленных и глухих деревнях все земельные документы помещиков и все договоры, заключенные между помещиками и крестьянами».

Далее давались следующие указания: «Не будем теперь провозглашать только „конфискацию земли у крупных и средних помещиков" и оставлять в покое мелких помещиков. Практически то обстоятельство, что у мелких помещиков земли не конфисковываются, является основным препятствием к продвижению аграрной революции. Мы не должны выделять их из всего помещичьего класса вообще и не должны запрещать крестьянам убивать их; следует отбросить всякие опасения насчет могущих возникнуть ошибок и недоразумений. Коренная задача в Хайлуфыне заключается в полном искоренении реакционных сил и укреплении революционного базиса» [89, 308].

Общий дух Августовской конференции и ноябрьского пленума, провозгласивших борьбу с правым оппортунизмом, мягкотелостью и т. п., явно сказывался на решительном тоне директив, на требовании не останавливаться перед конфискацией земель у мелких помещиков и физической расправой над ними. Такие крайние, внешне революционные меры наносили серьезный вред самой революции, мешая созданию в деревне широкого фронта борьбы против наиболее реакционных помещичьих сил. Так же, как и реквизиция имущества мелких купцов, финансовое обложение их, отталкивавшие от коммунистов относительно многочисленные слои мелкой городской и сельской буржуазии, что опять-таки отрицательно отражалось на сплочении народных масс во имя борьбы против гоминьдановского режима [95].

---

[95] В директивах Гуандунского комитета КПК предписывалось: «Реквизировать магазины всех реакционных купцов, что же касается мелкого купечества, то и к ним в случае необходимости можно применять реквизицию или обложение контрибуцией, но в общем особенно налегать на них не нужно. По конфискации ломбардов лучше всего возвращать крестьянам вещи без всякого выкупа» [89, 308].

Вопрос о практическом разрешении земельного вопроса был в центре внимания руководителей Советской власти в Хайлуфыне. С тем, что конфискация помещичьей земли и передача ее крестьянам необходима, были согласны все. По этому вопросу на заседании Хайлуфынского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов от 18 ноября 1927 г. сложилось общее мнение, зафиксированное в протоколе: «Коротко говоря, земля есть природное благо, у земли единственный хозяин — небо (природа). А ну-ка спросим человека, который претендует быть хозяином земли: „Откуда ты взял ее?“. Он, разумеется, не сможет дать ответ, в лучшем случае он скажет, что земля эта досталась ему от отца. Откуда же взял ее отец? Он ответит, что от деда. А дед откуда получил ее? Он скажет, что от прадеда. А прадед? Он скажет... Однако в конце концов он все-таки не сможет ответить, кто сделал землю и чья она. Не смешно ли это? Небо есть пустота и ничего не может делать с землей, обрабатывать ее можем только мы — крестьяне, и передача земли помещикам является величайшей несправедливостью. Поэтому конфискация земли и отдача ее крестьянам — акт совершенно правильный и справедливый. Вопрос только в способах конфискации» [89, 310].

На заседании были внесены следующие предложения:

1. Сжечь все земельные документы и арендные договоры, отыскивать и расстреливать всех, кто занимается составлением и перепиской арендных договоров и кто заставляет арендатора работать на помещика.

2. Уничтожать все межи и изгороди на полях и разровнять межи, чтобы помещик не знал, где его земля.

3. Советское правительство должно выпустить декрет о передаче земли крестьянам и о распределении ее между ними.

4. Советское правительство немедленно после своего избрания должно приступить к обследованию и распределению земли.

В результате обсуждения было принято предложение об издании декрета о передаче земли крестьянам. Но возникли вопросы: как именно проводить распределение земли? Как поступать с безземельными товарищами, ревностными членами крестьянских союзов? Как

быть с теми, у которых есть земельные излишки и которые применяют наемный труд, и с теми, у которых земли недостаточно? Как быть в случаях увеличения или уменьшения числа членов семьи и в случаях переселения? Какой из методов принять: вечного надела, передела раз в год или передела раз в три года?

Пэн Бай предложил пять признаков для раздела земли:

1. По количеству людей.

2. По работоспособности: старики или молодые, слабые или сильные.

3. В зависимости от наличия или отсутствия других источников дохода в семье (кроме земледелия).

4. В зависимости от степени плодородия почвы.

5. В зависимости от срока земельного передела, подобно способу, практиковавшемуся в Советской России, где передел производился всякий раз по постановлению сельского Совета.

Все его предложения были приняты.

«Далее тов. Пэн Бай предложил два лозунга при распределении земли: первый — не трудящийся не получает земли, и второй — контрреволюционеры не получают земли» [89, 311].

Совет постановил также взимать в фонд сельских, волостных и уездных Советов ежегодно после того, как закончится распределение земли, 10% от собранного урожая. Было принято также предложение о помощи семьям военных после распределения земли, а также о наделении землей семей всех тех расстрелянных и замученных товарищей, которые не имели земли.

Обсуждение методов решения земельного вопроса в Хайлуфыне представляет большой интерес как первый опыт конкретного подхода к этой проблеме. Крестьянские требования в Хайлуфыне, сформулированные Пэн Баем и его товарищами, вначале были направлены главным образом против налогов, против высокой арендной платы, против реквизиций и других военных поборов. После того как была образована Советская власть и приняты постановления, настаивающие на более решительных и кардинальных действиях, началось физическое истребление помещиков.

В письме из Гуандуна сообщалось: «Красный террор проводился при поддержке масс и, несмотря на не-

которые ошибки, которых трудно избежать в Китае, был проведен удовлетворительно. В конце января наши товарищи заявили, что 1922 отъявленных сельских контрреволюционера и врага крестьянской революции были казнены. Были, конечно, некоторые перегибы, ненужные зверства, совершенные крестьянами некоторых местностей вопреки политике и директивам партийных организаций. Вместе с этим не следует преувеличивать значения этих перегибов» [176, 9].

Одновременно крестьяне сжигали договоры об условиях аренды, а также счетные книги крупных землевладельцев. «Это уничтожение документов имело громадное значение для крестьянства. Оно влекло за собой коренное разрушение старой системы собственности на землю и в случае возвращения помещиков к власти делало невозможным или по крайней мере создавало большие затруднения в деле восстановления режима эксплуатации. По данным наших товарищей, к концу января было уничтожено 471 088 договоров и 58 027 счетных книг» [176, 9].

В Хайлуфыне к концу января 1928 г. было сожжено более 450 помещичьих усадеб. Крестьянские массы требовали их разрушения, так как они считались символами помещичьего гнета. Уничтожались также все межевые знаки. «Эта мера,— объясняется в письме из Гуандуна,— также была направлена к уничтожению всех следов старого режима собственности. Эта мера была систематически и полностью проведена в уездах Хайфын и Луфын. В случае реакции задача восстановления точных границ в имениях земельных собственников станет почти невозможной» [176, 10].

Конфискация земли и имущества помещиков осуществлялась в Хайфынском уезде и частично в Луфынском. «Что касается передела земли,— говорится в письме,— то, к сожалению, совершенно надежной и точной информации по этому поводу нет. Тем не менее чаще всего такой передел производился следующим образом: земли всей деревни делились и распределялись по семьям. Каждая семья наделялась землей пропорционально числу работников в ней. В тех деревнях, где это оказывалось возможным, нарезывались дополнительные куски для прокормления немощных, стариков и детей» [176, 10].

С другой стороны, уже в Хайлуфыне выявилось, что крестьяне-собственники недовольны всеобщим переделом и уничтожением межевых границ. Китайские коммунисты в феврале 1928 г. писали, что в Хайлуфыне «крестьяне-собственники не желают сжигать земельные акты и нарушать границы своих владений. Советское правительство в Хайлуфыне существует уже три месяца. В начале движения почти все крестьяне восстали для расправы с джентри и помещиками, сжигали договоры и нарушали границы. После того уже на первом съезде Советов Дунцзянского района (Восточная река) было постановлено, что вся земля принадлежит Советам: Советы производят передел и выдают удостоверения на право пользования землей, и все прежде заключенные договоры объявляются недействующими и должны быть сожжены. Было даже решено, что всякое нарушение этого постановления будет караться законом. Но в дальнейшем замечено было уже падение энтузиазма в выполнении этого закона. В районе Хайлуфын он был осуществлен только в нескольких деревнях. Что касается батраков, то подробностей мы еще не знаем. Сообщают из Хайлуфына только о том, что усилилась безработица ремесленников.

Если теперь еще невозможно провести полный передел земли, то возникает вопрос о батраках. Это значит, что в районах Хайлуфына, где завоевана уже власть, нужно было бы организовать Союз батраков или сельских рабочих и издать декрет о защите батраков — это с одной стороны, а с другой — решительно провести закон о частичном переделе, чтобы землей снабдить безземельных. В других местах, где пока еще власть не наша, мы тоже должны бы организовать Союзы батраков и руководить ими, конечно, в зависимости от местных условий. Одним словом, мы должны очень серьезно проработать этот вопрос: нужно ли выставлять лозунг полного передела земли и уравнительности (запрещение продажи и купли земли и наемного труда в деревне) как основные лозунги программы или в зависимости от местных условий, степени и глубины развития крестьянского движения выдвигать и переходные лозунги для вовлечения и мелких собственников и одновременно в процессе борьбы организовать бедноту и батраков» [161, 12—13].

Советская власть на территории Хайлуфына просуществовала недолго (с ноября 1927 г. по февраль 1928 г.) [см. 94, 134], но практика проведения аграрных преобразований в этом районе явилась ценным вкладом в дальнейшую разработку аграрной проблемы.

В Хайлуфынском советском районе коммунисты столкнулись с трудностями, с которыми им пришлось встречаться и позднее и преодоление которых в значительной степени было облегчено благодаря хайлуфынскому опыту. Этот опыт показал, что Советская власть оказалась относительно более жизнеспособной в сельской местности, чем в промышленном центре.

Вскоре после провозглашения Советской власти в Хайфыне и Луфыне, в декабре 1927 г., знамя Советов было поднято в Гуанчжоу. В историю революционного движения Китая оно вошло под названием Кантонская коммуна [см. подробнее 89; 90]. В Гуанчжоу была предпринята смелая попытка реализовать курс ноябрьского пленума ЦК КПК и создать Советскую власть в городе.

Принимая решение об организации восстания в Гуанчжоу, ЦК КПК исходил из неверной оценки соотношения сил революции и контрреволюции. Была преувеличена степень противоречий между различными милитаристами и преуменьшена возможность их объединения и сотрудничества в борьбе против коммунистов. ЦК КПК исходил также из ошибочного представления об уровне политической сознательности гуанчжоуских рабочих, степени их классовой солидарности и организованности. Не оправдались и надежды, что восстание рабочих в Гуанчжоу будет поддержано массовыми выступлениями крестьян Гуандуна. Обстановка в стране в целом также не благоприятствовала успеху восстания [96].

[96] Анализируя объективные условия похода революционных войск из Наньчана в Гуандун и его возможные перспективы, журнал «Коммунистический Интернационал» писал: «Даже если бы революционная армия, ведущая сейчас отчаянную борьбу, взяла Кантон, она должна была бы преодолеть величайшие трудности, чтобы продержаться и укрепиться, чтобы можно было начать второй северный поход — в промышленные центры уже под новыми, советскими лозунгами. Путь этот чрезвычайно труден, потому что гуандунская провинция, в которой оперирует сейчас революционная армия, провинция не промышленная, потому пролетариат в ней малочислен и в городах преобладают ремесленники. Путь этот чрезвычайно трудный, потому что в первый же день взятия власти в Кантоне революционный комитет неминуемо стал бы перед огром-

Восстание в Гуанчжоу послужило предметом многих споров как в Компартии Китая, так и в Коминтерне. Различные обстоятельства не позволяли вначале дать объективную оценку роли и значения восстания, а также всесторонне проанализировать причины его поражения. И только спустя некоторое время, когда улеглись страсти, стало возможным более объективно подойти к оценке этого героического эпизода в истории КПК и революционного движения в Китае. Некоторые деятели, в частности непосредственно связанный с КПК В. Ломинадзе (он в то время был представителем Коминтерна в Китае) считали, что в Кантоне, как и во всем Китае, имелись объективные предпосылки для нового подъема революционной борьбы, что Китай стоит перед новой революцией, что общая обстановка в стране, как ее и оценивал ноябрьский пленум, носит «непосредственный революционный характер». В этой связи кантонское восстание объявлялось ими «сигналом и началом нового подъема революционной борьбы китайского народа» [152, 14][97].

В то время как эти деятели склонны были видеть в Гуанчжоуском восстании начало социалистического этапа китайской революции, VI конгресс Коминтерна рассматривал его как арьергардный бой. Эта же оценка со-

---

ными финансово-экономическими затруднениями, имея против себя всю буржуазию и не имея достаточных экономических ресурсов. Путь этот трудный, потому что рабоче-крестьянской власти в Кантоне непосредственно будет угрожать интервенция иностранных империалистов, которая уже фактически сейчас началась в Сватоу» [159, 7].

[97] Ломинадзе писал, что на вопрос «были ли объективные предпосылки для вооруженного выступления в Кантоне — необходимо со всей решительностью ответить утвердительно», так как в тот период «общий кризис в Китае (и экономический, и политический, и военный, и кризис в международном положении страны) достиг крайнего предела обострения» [152, 15].

По мнению Л. Троцкого, восстание в Гуанчжоу означало начало третьей китайской революции, т. е. революции пролетарской. В городе надо было экспроприировать предприятия и банки как у иностранных, так и у китайских капиталистов. Аграрная революция в деревне, с его точки зрения, носила не только антифеодальный, но и антибуржуазный характер, поскольку с самого начала она направлена не только против горстки помещиков и чиновников, но также и против кулаков и ростовщиков. Л. Троцкий считал, что в Китае уже созрели все предпосылки для перехода к диктатуре пролетариата, а формула демократической диктатуры уже изжила себя.

держалась и в резолюции VI съезда КПК. Несколько позднее П. Миф в статье, опубликованной в октябре 1928 г., писал, что «кантонское восстание не открыло новой полосы подъема китайской революции, наоборот, оно происходило в условиях общего поражения, отступления революционных сил, в условиях снижения революционной волны. Кантонское восстание было, как правильно отмечено в решениях съезда [VI съезда КПК], арьергардным боем отступающей революции. Вслед за кантонским поражением революция была загнана в глухое подполье. Поражение самоотверженных кантонских пролетариев еще больше окрылило реакцию, консолидировало ее силы, укрепило ее позиции» [110, 177].

Надо сказать, что в то время многие китайские коммунисты главными причинами поражения любого восстания считали правооппортунистическую тактику. Господствующим было мнение о том, что необходимо устраивать восстания там, где можно. В ЦК комсомола Китая раздавались голоса, что вообще «несвоевременных восстаний в Китае не может быть» [111, 116].

Решение о восстании в Гуанчжоу было принято ЦК КПК 17 ноября 1927 г. В указании Гуанчжоускому комитету КПК говорилось, что «рабочие Кантона должны встать на защиту интересов своего класса, проявить инициативу в руководстве работой революционных профессиональных союзов, созвать ряд местных конференций, урегулировать все разногласия, уничтожить все реакционные союзы, истребить реакционных вождей и провести всеобщую политическую забастовку в городе для полного захвата власти» [89, 32]. ЦК КПК считал, что «настоящее положение в Гуандуне способствует успехам рабочих и крестьян» [89, 33] [98]. Восстание началось в ночь на 11 декабря 1927 г. Руководителями восстания был сформирован Совет народных комиссаров, обратившийся к рабочим, крестьянам и солдатам Китая с политическим манифестом, разъяснявшим цели и задачи восстания [см. 90, 18].

Программа Советского правительства, в которое входили Су Чжао-чжэнь, Чжан Тай-лэй, Пэн Бай и дру-

[98] Цюй Цю-бо позднее писал: «Хотя кантонские массы и выставили сами лозунг Советов, однако достаточно ясного представления о сущности рабоче-крестьянской власти и о ее задачах они не имели» [89, 26].

гие коммунисты, предусматривала осуществление 8-часового рабочего дня, увеличение зарплаты всем рабочим, оказание государственной помощи безработным, установление рабочего контроля над производством, национализацию всех крупных промышленных предприятий, транспорта и банков, конфискацию имущества крупных капиталистов и распределение его между бедняками. Программа также провозглашала безусловную свободу собраний, союзов, слова, печати для всех трудящихся масс. Кроме того, программа предусматривала ряд мер по разрешению аграрной проблемы. Она выдвинула требование национализации всей земли с передачей ее крестьянам, уничтожения помещиков, тухао и лешэнь, ликвидации всех договоров на землю, арендных договоров и долговых обязательств, уничтожения межевых знаков на полях. В программе было выставлено требование организации Советской власти во всех деревнях. Имелся также и пункт о наделении солдат землей [90, 18—19].

12 декабря в 12 часов дня в городском парке Сигуюань состоялся митинг, в котором приняло участие около 10 тыс. человек. На этом митинге и была обнародована декларация об образовании правительства и его программа.

13 декабря восстание было потоплено в крови.

Дэн Чжун-ся считал основными причинами поражения восстания переоценку организаторами разногласий среди милитаристов, разобщенность рабочего класса в Гуанчжоу, раздробление и распыление забастовщиков. Кроме того, к числу субъективных причин поражения он относил отказ от проведения всеобщей забастовки до начала восстания, отсутствие достаточно умелой организации и мобилизации масс во время восстания, неправильную, носившую враждебный характер политику по отношению к «желтым» профсоюзам, плохую работу среди крестьян в окрестных деревнях, а также в армии [90, 101—108]. Одной из важнейших причин неудачи повстанцев являлась плохая организованность рабочего класса в Гуанчжоу [99].

[99] По совершенно неубедительному мнению В. Ломинадзе, «политические позиции китайского пролетариата в декабре несомненно прочнее, сам он значительно более зрел в революционном отношении, чем в марте этого года», а поэтому причины поражения канто-

Промышленность Гуанчжоу была слабо развита. Современной промышленности в городе почти не было. По неточным данным, только 6—8% рабочего класса Гуанчжоу можно было отнести к промышленному пролетариату.

Рабочие были разобщены. Профсоюзы Гуанчжоу (а их было более 200) во многом носили характер цеховых организаций.

Иллюзию бурного роста рабочего движения создавала деятельность сянган-гуанчжоуских забастовщиков. В Гуанчжоу они размещались в общежитиях, жили, по существу, казарменной жизнью, получали бесплатное питание, часть из них проходила военное обучение. Будучи свободными от работы, они легко поднимались на участие в демонстрациях, митингах. Многие из них влились в Национально-революционную армию. Ван Цзин-вэй осенью 1927 г. пошел на удовлетворение их требований и выдал им по 90 юаней с условием, чтобы они очистили общежития. После этого многие из забастовщиков ушли из города, а другие разбрелись кто куда. Роль этой организации в политической жизни Гуанчжоу, таким образом, резко упала.

Восстание застало многих рабочих Гуанчжоу врасплох. По свидетельству Дэн Чжун-ся, «только меньшая часть рабочих Кантона активно участвовала в восстании» [90, 103]. Е Тин в своем докладе о восстании указывал, что рабочие иногда действовали против повстанцев. Известно, что более тысячи добровольцев из Союза механиков участвовали в подавлении восстания. Члены же Гуандунской рабочей федерации и Союза революционных рабочих держали во время восстания нейтралитет [см. 89, 91].

В резолюции IX пленума ИККИ, содержавшей призыв изучать и учитывать опыт восстания в Гуанчжоу (февраль 1928 г.), говорилось: «Кантонское восстание, являющееся героической попыткой пролетариата организовать Советскую власть в Китае и сыгравшее огромную роль для развития рабоче-крестьянской революции, все же вскрыло целый ряд ошибок руководства: недостаточную предварительную работу среди рабочих и

ского восстания «лежат *не в политической, а в военно-технической слабости* рабочего класса» [152, 13].

крестьян, равно как и в армии противника; неправильный подход к рабочим — членам желтых союзов; недостаточную подготовку к восстанию самих партийных организаций и комсомола; полную неосведомленность общекитайского партийного центра о событиях в Кантоне; слабость политической мобилизации масс (отсутствие широких политических стачек, отсутствие *выборного* совета в Кантоне как органа восстания), за что свою долю вины несут непосредственные руководители, политически ответственные перед КИ...» [22, 210].

Восстание рабочих и солдат в Гуанчжоу не было поддержано крестьянскими выступлениями, как это планировали организаторы восстания, хотя в это время в ряде районов Гуандуна шла партизанская война. Кратковременное провозглашение Советской власти в Гуанчжоу и относительно длительное существование ее в Хайлуфыне явились заключительными аккордами китайской революции 1925—1927 гг. и одновременно началом нового, «сельского периода» в истории Коммунистической партии Китая.

С тех пор в течение многих лет вся деятельность партии сосредоточивалась в деревне, среди крестьянских масс. Но перенесение центра тяжести работы в деревню не идентично сосредоточению работы партии среди широких крестьянских масс. Хотя впоследствии и появился термин «крестьянский уклон», но его правильно было бы называть «военно-партизанским». Характерная особенность этого периода состояла в том, что он протекал в условиях резкого спада революционного, и прежде всего рабочего, движения.

В партии господствовало мнение, что борьба крестьян за землю носит социалистический характер, что в значительной части объяснялось ошибочным мнением о капиталистическом характере производственных отношений в деревне и неверными представлениями о помещиках как части буржуазии. Это порождало пренебрежительное отношение к требованиям о снижении арендной платы, сокращении налогов и поборов. Поскольку и социализм рассматривался как общество, при котором «все делят поровну между всеми» [см. 192, 84], то среди некоторых коммунистов возникали такие настроения: «Крестьяне получат землю, а рабочие — всего лишь восьмичасовой рабочий день, что недостаточно. Это не

поднимает их энтузиазма и готовности к восстанию. Лучше такие призывы: „рикши конфискуют коляски, рабочие и приказчики конфискуют фабрики и лавки, каждый будет в выигрыше“» [192, 84]. Имелись и такие суждения: поскольку «крестьяне получат землю и станут мелкой буржуазией, то рабочие тоже должны получить деньги и имущество, чтобы стать мелкими собственниками» [192, 84].

Некоторые коммунисты призывали крестьян к поджогу помещичьих домов и даже городов, требовали убивать всех тех, кто не присоединяется к восстанию. После поражения в Гуанчжоу некоторые коммунисты-рабочие говорили: «Почему мы после поражения восстания не сожгли дотла Гуанчжоу, чтобы Ли Цзи-шэнь получил пустой город? Это не пролетарское руководство крестьянами, а крестьянское руководство пролетариатом» [192, 84]. Среди ряда коммунистов господствовало мнение: «Или все — или ничего». Необходимость ведения систематической работы в массах отвергалась на том основании, что «если сейчас нельзя поднять восстания, то нечего вести и повседневную работу» [192, 112]. Отмахиваясь от повседневной работы в массах, от экономической борьбы как излишней, руководство КПК фактически отказывалось тем самым от руководства основными массами трудящихся, и в первую очередь от руководства рабочим классом. Курс на вооруженные восстания как единственное средство революционной борьбы заводил Компартию Китая в политический тупик.

ЦК Компартии Китая, исходя из оценки ситуации в стране как непосредственно революционной, составил график восстаний, согласно которому они должны были начаться в ряде провинций Центрального, Южного, Восточного Китая, в районе Пекина и в Маньчжурии. Был отдан приказ начать восстание шанхайских и нанкинских рабочих [106, 223—225]. Расписание составлялось так, будто бы его соблюдение зависело лишь от воли и решимости руководителей восстаний. Силы врага и его возможность к сопротивлению или игнорировались, или недооценивались. Среди партийных руководителей царило пренебрежительное отношение к врагу. Например, Хэнаньский комитет КПК разделил всю провинцию на районы, назначив для каждого из них

срок выступления с таким расчетом, чтобы за неделю вся Хэнань совершила революцию. Хубэйский комитет КПК за три месяца трижды назначал сроки восстания в Ханькоу [см. 110, 169].

Все эти планы, графики, приказы и распоряжения, вытекавшие из убеждения, что «политика — это командная сила», естественно, не выполнялись, порождая лишь раздражение и недовольство среди многих партийных активистов. Но ропот и возмущение партийных низов слабо действовали на руководящие верхи, которые корни поражения усматривали лишь в нерасторопности местных партийных кадров, в их нерешительности, в их ошибочных действиях [см. 192, 79]. Это мешало вскрыть истинные причины провала линии на вооруженные восстания, и потому руководство КПК упорствовало в проведении своей ошибочной линии.

В резолюции цзянсуского комитета КПК, принятой в мае 1928 г., отмечалось, что решение ЦК КПК приурочить к восстанию в Гуанчжоу вооруженные выступления в Хубэе, Хунани и Цзянси для защиты Гуандуна и для организации революционного взрыва во всей стране «вытекало из субъективной оценки положения и не соответствовало объективной обстановке. При таком положении, конечно, поражения будут неизбежны» [58, 5].

В январе 1928 г. ЦК КПК, рассматривая причины неудачи в Гуанчжоу, все дело свел к неправильной тактике.

Одновременно ЦК КПК обратил внимание на то, что «1) партизанская борьба в деревне почти уже оторвалась от масс и в партизанскую работу широкие массы не втянуты; 2) при восстании для захвата власти в одной провинции не обращается достаточного внимания на подготовку и организацию массовых сил, не учитывается необходимость усиления экономической борьбы для подготовки нужного подъема» [58, 5].

Но руководители КПК по-прежнему исходили из того, что в стране происходит подъем революционного движения. В резолюции цзянсуского комитета КПК правильно отмечалось, что в ЦК КПК «слишком недооцениваются силы врагов и в то же время не обращается внимания на то, что наши организации оторвались от масс. Выдвинутые политические лозунги не соответст-

вовали требованиям масс, организационные формы и методы работы не соответствовали обстановке текущей борьбы» [58, 5].

Весной 1928 г. ЦК все еще считал благоприятной обстановку для общего восстания в Хунани, Хубэе и Цзянси и полагал возможным захват власти во всей провинции Гуандун. Между Политбюро ЦК и инструктором ЦК в Хунани и Хубэе шел спор о выборе основного центра восстания — Чанша или Ханькоу [см. 58, 5].

Цзянсуский комитет КПК объяснял ошибочную линию ЦК КПК тем, что:

«1) Революционное движение оценивалось как непрерывный подъем.

2) Не обращалось внимания на оторванность нашей партии от масс и на разложение массовых организаций при повороте революции.

3) Не обращалось внимания на новую перегруппировку классовых сил во враждебном лагере при этом повороте.

4) Не обращалось внимания на руководство городским движением (например, по отношению к профдвижению имеется циркулярное письмо ЦК, в котором говорится, что если в данном месте вспыхнула крестьянская аграрная революция, то городские рабочие должны проводить забастовки для разрушения путей сообщения, для ослабления тыла врага, для поддержки крестьянской революции).

5) Не обращалось внимания на важность антиимпериалистического движения в полуколониальной стране.

6) При восстаниях не учитывались объективные условия и в зависимости от последних необходимость применения тех или иных способов борьбы.

7) Замечался крестьянский уклон.

8) ЦК при оценке положения руководствовался субъективной точкой зрения» [58, 6].

На происходившем в феврале 1928 г. IX пленуме Исполкома Коминтерна были подведены итоги богатого бурными событиями 1927 г. Пленум с определенностью подчеркнул, что «текущий период китайской революции есть период буржуазно-демократической революции» и что «характеристика текущего этапа китайской

революции как революции, переросшей уже в революцию социалистическую, неправильна» [22, 207].

В решении пленума указывалось на «известную консолидацию сил реакции» и отмечалось, что «в настоящее время еще нет нового мощного подъема революционного движения масс в общенациональном масштабе. Однако ряд симптомов указывает, что рабоче-крестьянская революция идет именно к такому подъему» [22, 208].

Характерно, что в резолюции IX пленума по китайскому вопросу ни слова не говорится о возможности перерастания китайской революции из буржуазно-демократической в социалистическую. Это свидетельствует о несогласии коминтерновского руководства с выводами ноябрьского пленума ЦК КПК и об его отказе от своих прежних воззрений на этот счет [100].

Комментируя выводы IX пленума ИККИ по этому вопросу, журнал «Коммунистический Интернационал» писал: «Если исходить из того, что китайская револю-

---

[100] В качестве примера приведем отдельные высказывания Н. Бухарина, бывшего тогда председателем Коминтерна, сделанные им в 1927 г. Китайская революция подчеркивал он, «имеет тенденции перерасти через различные этапы и через различные стадии в революцию социалистическую» [88, 64]. В этом же докладе он отмечал, что рабочий класс борется с буржуазией за гегемонию в национально-революционном движении, «намечая тем самым определенный (социалистический) путь развития всей китайской революции», и поэтому задачей Компартии Китая «является борьба за этот социалистический путь развития китайской революции» [88, 90, 91]. Указывая на переходный характер переживаемого этапа китайской революции, Н. Бухарин говорил, что «необходимо со всей твердостью и энергией проводить линию, которую Коминтерн обозначил как курс на социалистическую революцию через необходимые промежуточные этапы» [88, 114].

В статье Джона Пеппера, опубликованной в «Коммунистическом Интернационале» накануне IX пленума, снова повторялась мысль о перерастании. Автор писал: «Своеобразие текущего момента в Китае заключается в том, что период буржуазно-демократической революции еще не завершился, а между тем буржуазно-демократическая революция уже начинает перерастать в пролетарскую социалистическую революцию и уже вырисовываются некоторые характерные черты пролетарской революции... Период буржуазно-демократической революции еще не завершился, а между тем гегемоном революции уже является пролетариат, опирающийся на союзника в лице крестьянства. Пролетариат в настоящее время ведет борьбу за установление демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в форме советского строя» [162, 21].

ция уже переросла в социалистическую, тогда естественно, что в порядок дня китайской революции как основной ее лозунг надо поставить диктатуру пролетариата и снять лозунг революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства. Такая характеристика означала бы также, что центральной задачей становится не сплочение и организация всего крестьянства под лозунгом аграрной революции против помещиков, а организация бедноты против кулаков. В чем ошибочность этой точки зрения? Ошибочность ее заключается в том, что в ней спутаны два вопроса — вопрос о характере революции и вопрос о ее движущих силах. Характер китайской революции определяется теми объективными историческими задачами, которые вытекают из экономического и политического состояния страны. Из того факта, что китайская буржуазия перешла в лагерь реакции, что она стала идейным и практическим носителем контрреволюции, ни в коем случае нельзя делать вывод, что изменился самый характер революции» [164, 24]. Автор статьи далее замечал, что «определение китайской революции как уже переросшей в социалистическую исходит из чрезвычайного упрощения и схематизирования всей перспективы развития революции. Вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую будет решаться в чрезвычайно сложной обстановке и внутренней и главным образом международной. Решающим вопросом для возможности перерастания, для темпа его будет вопрос о том, в какой степени рабочему классу удастся путем радикального проведения буржуазно-демократической революции вовлечь в борьбу против реакции и контрреволюции широкие массы трудящихся Китая, в какой степени китайской революции будет обеспечена поддержка мирового пролетариата и т. д. и т. п.» [164, 25].

Исполком Коминтерна отверг вывод ноябрьского пленума ЦК КПК о наличии в стране непосредственно революционной ситуации, отметив, что, хотя «в ряде провинций *крестьянское* движение развертывается дальше, в ряде индустриальных центров обескровленное и зажатое в тиски неслыханного белого террора *рабочее* движение переживает стадию известной депрессии» [22, 208].

Пленум напоминал китайским коммунистам: «Руководя стихийными партизанскими крестьянскими выступлениями в отдельных провинциях, партия должна иметь в виду, что эти выступления могут превратиться в исходный пункт победоносного всенародного восстания лишь при том условии, если они будут связаны с новым подъемом революционной волны в пролетарских центрах» [22, 209].

Его резолюция осуждала курс на организацию вооруженных восстаний, предостерегала от увлечения распыленными партизанскими боями в сельских районах.

IX пленум подчеркнул необходимость бороться против путчизма, против *игры* с восстанием как верным средством загубить революцию, указав, что «центр тяжести всей партийной работы в данный момент лежит в завоевании миллионных масс рабочих и крестьян, в их политическом просвещении, в их организации вокруг партии и ее лозунгов» [22, 208].

В деревне Компартии Китая предлагалось усилить работу по созданию и расширению сети крестьянских организаций, по повышению классового сознания масс, руководству их повседневной борьбой.

В целом Исполком Коминтерна призывал к более серьезному, вдумчивому подходу к сложным проблемам китайской революции и извлечению уроков из поражения. «Величайшая опасность всей теперешней обстановки состоит в том,— говорилось в резолюции,— что авангард рабоче-крестьянского движения в результате неправильного учета нынешней обстановки и недооценки сил противника может оторваться от масс, забежать далеко вперед, распыляя свои силы, и дать себя разбить по частям» [22, 208].

Таковы были те выводы, которые Исполком Коминтерна извлек из уроков поражения вооруженных выступлений в городах и деревнях осенью — зимой 1927 г.

Советы и рекомендации Коминтерна были тем более своевременны и важны, что в это время Компартия Китая готовилась к своему VI съезду.

Глава VIII

VI СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ И ЕГО АГРАРНО-КРЕСТЬЯНСКАЯ ПРОГРАММА

Подготовка к VI съезду развернулась в Компартии Китая сразу же после ноябрьского пленума ЦК. В партийных организациях, а также на страницах органа ЦК КПК журнала «Буэрсайвэйкэ» обсуждались теоретические проблемы дальнейшего развития китайской революции, а также основное направление и методы деятельности Коммунистической партии Китая. В ходе дискуссии затрагивались вопросы об определении социально-экономического характера китайского общества, о сущности классовых отношений в городе и деревне. Спор шел также и о роли пролетарской партии, о ее отношениях с гоминьданом, о союзниках пролетариата и его особых задачах в конкретных условиях китайского общества.

Теоретики Компартии Китая старались после разрыва сотрудничества с гоминьданом по-новому взглянуть на суньятсенизм, который был провозглашен официальной идеологией не только гоминьдана, но и всего китайского государства, определявшегося гоминьдановскими идеологами как «государство диктатуры трех народных принципов». Важное место в период подготовки к VI съезду занимало обсуждение аграрной программы.

Одним из коренных вопросов, на который китайским коммунистам предстояло дать ответ, был вопрос о характере китайской революции.

Закрепленная в решениях ноябрьского (1927) пленума ЦК КПК идея «непосредственного перерастания»

китайской революции в революцию социалистическую, характеристика ее как «перманентной» мешала КПК трезво и объективно оценивать создавшееся положение. Анализ имеющихся фактов подгонялся под заданную схему, непригодную для практических действий, о чем беспощадно свидетельствовал кровавый опыт неудачных восстаний.

Журнал «Буэрсайвэйкэ» писал: «В настоящее время провинции Китая охвачены волной революционной борьбы. Но что за революция происходит в настоящее время в Китае? Буржуазно-демократическая? Или пролетарская, социалистическая?

Это вопрос, вокруг которого в настоящее время идут споры. Некоторые говорят, что Китай уже прошел через буржуазную революцию, и теперь революция носит чисто пролетарский характер. Есть также и такие, кто считает, что в Китае еще не выполнены до конца задачи демократической революции и происходящая в настоящее время революция по-прежнему носит характер буржуазной революции. Есть и такие, кто считает, что китайская революция — это „перманентная революция", о которой говорил Маркс, а поэтому она не является ни чисто буржуазной, ни чисто пролетарской революцией; кроме того, есть еще немало других мнений. Если не дать исчерпывающего теоретического толкования этой проблемы, то неизбежно в революции будут допущены очень крупные стратегические и тактические ошибки» [259а, № 8, 234].

Возникал, естественно, и вопрос о характере будущей власти. «Раньше считалось,— писал „Буэрсайвэйкэ",— что это будет демократическая диктатура рабочих, крестьян и мелкой буржуазии, но теперь эта точка зрения уже неприемлема. Можно ли теперь в Китае установить власть пролетариата? На это мы должны срочно дать ответ» [259а, № 8, 235].

Лозунг Советов многими воспринимался как призыв к установлению диктатуры пролетариата или рабоче-крестьянской власти. После переворота Чан Кай-ши 12 апреля 1927 г. вся буржуазия характеризовалась как контрреволюционная, а после измены Ван Цзин-вэя 15 июля 1927 г. на сторону контрреволюции перешла, по мнению коммунистов, и мелкая буржуазия. Но революцию, направленную против буржуазии, им не хоте-

лось относить к революции буржуазно-демократического типа.

В передовой статье «Да здравствует Советская власть», опубликованной в конце декабря 1927 г. в журнале «Буэрсайвэйкэ», говорилось со ссылкой на опыт восстания в Гуанчжоу: «Можно утверждать, что только Советская власть является единственной подходящей формой власти для китайской революции» [231, 307], поскольку Советская власть, во-первых,— самая последовательная демократическая власть, во-вторых,— это государственная форма диктатуры пролетариата, в-третьих,— это самая мощная организация, объединяющая волю широчайших революционных масс и поднимающая их на борьбу, в-четвертых,— это единственная власть, способная совершить социалистическую революцию. В статье подчеркивалось, что «между буржуазно-демократической властью (так называемым „народовластием") и Советской властью (пролетарской демократией) абсолютно не может быть третьей формы власти, которая могла бы соответствовать китайской революции» [231, 309]. Вопрос, по мнению редакции журнала, стоял таким образом — или буржуазно-помещичья власть Чан Кай-ши и Бай Чун-си, или Советская власть типа диктатуры пролетариата. Третьего не дано. Вывод гласил: «Китайская революция должна идти к диктатуре пролетариата», «советская революция в Китае уже перешагнула подготовительную стадию и достигла этапа осуществления» [231, 310].

Это категорическое заявление было несколько изменено журналом в январе 1928 г. В передовой статье «Советская власть в Китае и социализм» журнал признавал его ошибочность и указывал, что было бы неверным говорить о Советской власти в Китае как о диктатуре пролетариата. В статье говорилось, что «китайская революция после восстания в Гуанчжоу действительно поднялась на более высокую ступень, о ней уже нужно говорить не как о национальной революции просто буржуазно-демократического типа, а как о советской революции рабоче-крестьянских масс. Эта революция победит под знаменем Советов! Эта советская революция — историческая ступень перехода в будущем к социалистической революции» [267, 427].

Далее в статье указывалось, что если бы Советская

власть победила в капиталистических странах Европы и Америки, то тогда она была бы проявлением диктатуры пролетариата, в Китае же она будет не формой диктатуры пролетариата, а формой революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян.

О сохранении тем не менее в руководстве КПК взглядов на китайскую революцию как на революцию социалистического типа свидетельствовала статья, опубликованная в феврале 1928 г. в «Буэрсайвэйкэ». В ней говорилось, что революционная программа Компартии Китая должна основываться на следующих принципах: действительное проведение аграрной революции, установление власти Советов, конфискация крупных предприятий с передачей руководства в руки рабочего государства. В статье категорически отрицалась мысль о том, что буржуазия сможет установить свой порядок в стране и обеспечить ее национальную независимость [см. 137, 29].

Из такого подхода логически вытекал курс на подготовку вооруженных восстаний.

Крестьянские выступления, образование партизанских баз китайские коммунисты расценивали как начало всеобщей гражданской войны. Им представлялось, что, начавшись в одном уезде или в одном городе, революционная война приведет к установлению рабоче-крестьянской власти в нескольких провинциях в самые короткие сроки. «Развитие китайской революции в 1927 г. превосходит историю Западной Европы за сто лет»,— писал «Буэрсайвэйкэ» [214, 616]. Журнал восклицал: «Китай вступил в период классовой революционной гражданской войны, в период кровавой схватки рабочих, крестьян и простого народа с классом помещиков и буржуазии» [214, 617], «весь Китай находится в состоянии вооруженной классовой борьбы. Это очевидный факт» [259, 744].

Перспектива капиталистического пути для Китая, отождествлявшаяся с возможностью стабилизации режима гоминьдана, категорически отвергалась с порога. В Китае «нет никакой возможности для развития капитализма»,— утверждал один из руководящих деятелей КПК. Он писал: «Все новые и старые милитаристы и буржуазия и их диктатура ослабели по сравнению с прежним, общее положение промышленности, торговли, финансов — все находится в стадии разрушения, для

капиталистического развития нет никаких предпосылок» [148, 43].

Гоминьдан рассматривался как разлагающийся труп, как приказчик и послушное орудие империализма. Полностью отрицалась его способность продолжить в каких-либо формах борьбу против империалистов и милитаристов, за независимость и единство страны. Смена гоминьданом форм и методов в деле объединения Китая под своей властью рассматривалась как полный отказ от этой борьбы, ибо под ней подразумевались чисто военные действия.

Все те, кто пытался выразить сомнение в правильности этого тезиса, автоматически объявлялись правооппортунистами, соглашателями и т. д.

В действительности гоминьдан в это время все чаще прибегал к дипломатическим и иным политическим средствам для укрепления и расширения своего господства. Кровавые репрессии в отношении рабоче-крестьянского движения и военные методы борьбы сочетались с различными комбинациями, политикой уступок, соглашений и компромиссов в отношениях с милитаристами и империалистами. Все средства считались хорошими, если они способствовали укреплению позиций гоминьдана и самого Чан Кай-ши.

Коминтерн и после IX пленума ИККИ продолжал поправлять ошибочные представления китайских коммунистов о характере революции, о перспективах политического и экономического развития страны. В журнале «Коммунистический Интернационал» была опубликована статья «О некоторых очередных задачах китайской коммунистической партии» [148]. В ней осуждались ультралевые настроения руководителей КПК и подчеркивалось, что их изживание является предпосылкой успеха работы партии в новых условиях, создавшихся после поражения декабрьского восстания в Гуанчжоу. В статье, правда, еще находил свое отражение тезис о «новом грядущем революционном подъеме», о «лавине рабоче-крестьянских масс, обрушивающейся на твердыни империалистического и буржуазно-помещичьего господства в Китае» [148, 42], но в целом она призывала к более объективной оценке сложившегося положения в стране, к отказу от путчистских настроений, от курса на непрерывные вооруженные восстания.

Перед китайскими коммунистами стояла задача продумывания и выработки нового политического курса, пригодного в ситуации, когда гоминьдановская верхушка пыталась укрепить свое господство различного рода политическими маневрами и широким использованием средств социальной демагогии. Конкретная политическая обстановка, сложившаяся в стране во второй половине 1927 г., исключала какую бы то ни было открытую, легальную деятельность коммунистов. Отсутствие элементарных понятий о демократии, многовековые традиции деспотизма, полицейский террор и варварские расправы — все это не давало возможности заниматься ни нормальной политической, ни даже культурной или просветительской деятельностью.

В этих условиях многие руководители и активисты Компартии Китая продолжали считать единственным средством борьбы против гоминьдана вооруженные восстания и партизанскую войну. Этому были подчинены все действовавшие политические лозунги и тактические установки.

Кроме того, путь вооруженных восстаний и особенно партизанских действий в сельских районах казался короче, проще и действеннее, чем кропотливая, медленная агитационно-организаторская работа в городах, затруднявшаяся общей усталостью пролетариата Шанхая и других промышленных центров, а в ряде мест его невосприимчивостью и неподатливостью к призывам коммунистов.

Работа среди рабочего класса осложнялась и пропагандой гоминьдана своей верности установке Сунь Ят-сена о содействии рабочим и крестьянам. Гоминьдановцы подчеркивали стремление их партии одинаково учитывать интересы предпринимателей и рабочих. «Поддерживая известные требования рабочих и добиваясь частичных уступок со стороны предпринимателей, они создают у некоторой части отсталых рабочих представление о возможности добиться улучшения жизненных условий под руководством и в рядах желтых союзов. Воззвания, выпускаемые желтыми союзами во время забастовок, составлены так, что в них чрезвычайно хитро переплетены лозунги, направленные против империализма, против эксплуатации, за гоминьдан и против „контрреволюционного“ движения, под кото-

рым на языке фашистов надо разуметь коммунизм» [134, 24].

Обращение к памяти Сунь Ят-сена в данном случае было частью общей кампании социальной демагогии гоминьдана. Его лидеры вообще широко использовали имя Сунь Ят-сена, спекулируя на его высоком авторитете, для обмана рабочих, крестьян, интеллигенции и привлечения их на свою сторону.

Поэтому в числе важных идеологических вопросов, которые предстояло продумать китайским коммунистам, была проблема отношения к учению Сунь Ят-сена о трех народных принципах. С начала своего сотрудничества с гоминьданом коммунисты ревностно и активно пропагандировали это учение, выделяя и подчеркивая его революционно-демократические черты. Это расширяло и возможности распространения социалистических идей как якобы не противоречащих основам суньятсенизма. Пропаганда трех народных принципов, борьба за чистоту суньятсенизма, за верность его заветам и традициям продолжалась вплоть до Наньчанского восстания. Но теперь обстановка изменилась. Три народных принципа стали идеологической основой, своего рода государственной религией политической системы гоминьдана. В борьбе против него уже трудно было использовать знамя Сунь Ят-сена и его учение, тем более что речь шла об ориентации на социалистическую революцию. Критика суньятсенизма в этих условиях представлялась руководителям КПК необходимой с точки зрения консолидации рядов партии. Это вело к отходу от КПК многих представителей интеллигенции и мелкой буржуазии, рассматривавших суньятсенизм как национальный вариант коммунизма. Однако в этот период руководство компартии мало заботилось о судьбе и о восстановлении единого национально-демократического фронта, и его не очень волновал вопрос, как повлияет критика суньятсенизма на взаимоотношения между КПК и теми мелкобуржуазными группами китайского общества, которые находились в политической оппозиции к Чан Кай-ши и другим правым лидерам гоминьдана.

Китайские коммунисты, анализируя теории Сунь Ятсена, стремились показать его неспособность найти правильные пути и средства разрешения проблем преобра-

зования китайского общества [см. 253]. Особенно острой критике подвергался Сунь Ят-сен за его отрицательное отношение к марксистскому учению о классах и классовой борьбе.

Подробно разбирали китайские коммунисты и взгляды Сунь Ят-сена по аграрному вопросу, вскрывая их противоречивый характер. С одной стороны, указывали они, Сунь Ят-сен понимал страдания и нужды крестьян, их стремление владеть землей и хотел удовлетворить это стремление. Он провозгласил лозунг «Земля тому, кто ее обрабатывает!», что было революционным актом. Но, с другой стороны, подчеркивалось в работах китайских коммунистов, он не хотел поднимать крестьян на классовую борьбу против помещиков в союзе и под руководством рабочего класса.

«Хотел ли Сунь Ят-сен,— говорилось в одной из брошюр коммунистов,— именно этим путем дать землю пашущим? Нет. *Китайская городская буржуазия тесно связана с землевладением. Сунь Ят-сен был политическим выразителем интересов этой буржуазии.* Он был революционером, и поэтому он хотел дать землю крестьянам. Но он был мелкобуржуазным революционером и поэтому хотел сделать это так, чтобы не обижать помещиков. Он хотел быть хорошим человеком для крестьян, но он не хотел быть плохим человеком и для помещиков. Он не хотел классовой борьбы. Поэтому он выдумывал всякие фантазии, чтобы доказать возможность разрешения этого вопроса без жесточайшей борьбы.

Сунь выдумал фантастическую историю о том, что „в Китае нет крупных, а только мелкие помещики и что большинство мест спокойно и между помещиками и народом нет конфликтов“. Хорошее спокойствие, при котором голодали и умирали от голода миллионы крестьян! А конфликтов нет?

А разве была страна в мире, где бы бывали такие огромные крестьянские восстания против помещиков, как в Китае?» [63, 56].

План Сунь Ят-сена об установлении единого земельного налога в соответствии с ценой земли характеризовался как несбыточный и наивный. «Этот план,— писали авторы брошюры,— больше похож на анекдот, чем на программу политической партии» [63, 57].

Далее в брошюре указывалось, что, «если крестьяне хотят получить землю, они должны организоваться, вооружиться и в союзе с рабочими, кули и батраками отнять землю от помещиков революционным насилием, расправляясь с классовыми врагами крестьянства так, как помещики расправились с революционным крестьянством.

Программа Сунь Ят-сена по земельному вопросу является мелкобуржуазной фантазией. Это — наивный анекдот, выдуманный мелкобуржуазным фантазером, который хотел быть хорошим и для крестьян и для помещиков» [63, 57].

«Земельный вопрос в Китае,— подчеркивалось в брошюре,— будет разрешен не по „плану“ Суна, а вооруженным восстанием рабочих и крестьян, кули и батраков. Не мелкобуржуазная фантазия по Сунь Ят-сену, а вооруженное восстание по Ленину разрешит китайский земельный вопрос, очистит землю от всех следов азиатской эксплуатации и откроет путь к новому, небывалому в истории нашей страны развитию производительных сил» [63, 57].

Суньятсеновский метод уравнения прав на землю резко критиковал Цюй Цю-бо. По его мнению, этот метод не содержит в себе принципа «каждому пахарю — свое поле», в нем нет ясной перспективы национализации земли. Рассмотрев различные аспекты суньятсеновской теории, Цюй Цю-бо приходил к выводу, что «метод уравнения прав на землю в нынешнем виде в конечном счете не сулит абсолютно ничего крестьянству, и к тому же это утопия. Он в основном ставит целью не задеть интересов помещиков. Даже в лучшем случае, если будет осуществлено уравнение прав на землю,— это поведет только к капитализму. Действительно ли Сунь Ят-сен искренне хотел освободить крестьян? Совсем нет. Действительно ли он искренне хотел осуществить социализм, чтобы „предотвратить“ капитализм? Тоже нет» [253, № 12, 375—376].

Далее, в пылу полемики Цюй Цю-бо отождествлял реальную политику, проводимую гоминьдановской верхушкой, с теоретическими концепциями Сунь Ят-сена. Поскольку политические мероприятия гоминьдановской власти были направлены на подавление революционного движения рабочих и крестьян, то получалось, что

контрреволюционный характер носит и все суньятсеновское учение [101].

«Китайская буржуазия в большинстве своем одновременно принадлежит также и к помещичьему классу,— писал Цюй Цю-бо,— а само существование помещичьего класса основывается на системе феодальной эксплуатации крестьян. Суньятсеновский план строительства государства предполагается осуществить, опираясь на власть этих классов. Но эти классы способны лишь на то, чтобы быть экономическим придатком империализма, и к тому же их раздирают бесчисленные внутренние противоречия и конфликты (свидетельством чему являются недавние милитаристские войны, охватившие всю страну). Разве они могут обеспечить Китаю единство и развитие по капиталистическому пути? Абсолютно нет. Они могут лишь ввергнуть Китай в состояние полной разрухи и тем самым подготовить условия для окончательного превращения его в колонию империализма. Суньятсеновская теория утопического социализма в настоящее время фактически служит лишь золотой ширмой для этих классов национальной измены» [253, № 14, 455—456].

Китайская буржуазия, замечал он, не способна обеспечить претворение в жизнь лозунга «Земля тому, кто ее обрабатывает!». Наоборот, она помогает реакционным силам деревни творить расправу над крестьянами.

Цюй Цю-бо указывал, что китайская революция «носит характер революции, осуществляемой массами крестьян, солдат и бедноты под руководством пролетариата, она ставит целью свержение тухао, лешэнь, помещиков и отечественной буржуазии, а также международной империалистической буржуазии. Социалистическая перспектива китайской революции осуществима

---

[101] Позднее, в выступлении на VI конгрессе Коминтерна китайского делегата Ли Куана, суньятсенизм характеризовался в довольно резких выражениях: «Мы должны отдавать себе отчет в том, что так называемые три принципа Сунь Ят-сена — мелкобуржуазные и реакционные принципы. Я имею в виду суньятсеновский „национализм“, долженствующий укрепить один класс населения и отдать все остальные классы под его гегемонию, „демократию“, отрицающую классовую борьбу, способствующую установлению диктатуры самого реакционного характера, и «социализм», реформистский по существу и вводящий в заблуждение рабочих. Вот каковы принципы Сунь Ят-сена» [32, 421].

при непременной победе в этой борьбе. Для этого необходимы высокая степень развития классовой борьбы пролетариата, установление Советской власти, переход к строительству социализма. Только победа в борьбе за рабоче-крестьянскую власть в китайской революции сделает возможной конфискацию имущества и средств производства у ростовщиков и крупных капиталистов, национализацию крупного производства, активное развитие производительных сил в Китае, спасет Китай от состояния экономической разрухи и бессмысленной розни. Таким путем Китай сможет вступить вместе с международным пролетариатом в мир социализма и Великого Единения» [253, № 14, 457].

Таким образом, критика суньятсенизма велась с точки зрения интересов борьбы за социалистическую ориентацию китайской революции. Отсюда во многом односторонний характер этой критики, носивший на себе налет сектантства. В статьях против суньятсенизма содержались правильные теоретические положения, подмечались противоречивые и реакционные стороны взглядов Сунь Ят-сена, вскрывался его утопический подход к вопросу социального переустройства Китая. Но одновременно отметалось, осуждалось и то положительное, революционное, демократическое, что могло быть использовано в борьбе за последовательное решение буржуазно-демократических задач китайской революции. Впоследствии, во второй половине 30-х годов, коммунисты пересмотрели свое отношение к учению о трех народных принципах и взяли на вооружение революционные, демократические стороны суньятсенизма, используя их в борьбе за создание и укрепление единого национально-демократического фронта. И это существенно помогло им в расширении своего влияния.

Наряду с определением своего отношения к наследию Сунь Ят-сена наиболее важное значение в подготовительной работе к VI съезду имела выработка и обсуждение тезисов по аграрному вопросу. Ведь критика и осуждение за правый оппортунизм Чэнь Ду-сю, Тань Пин-шаня и других видных деятелей КПК в предшествовавший съезду период были связаны с решением именно этого вопроса.

Внести ясность в понимание аграрной проблемы, наметить правильные методы ее решения было крайне

необходимо и потому, что наступивший этап революции рассматривался как период аграрной революции и, естественно, земельный вопрос оказывался в центре внимания всей партии.

Первоначальный проект программы по аграрному вопросу был опубликован на страницах шестого номера журнала «Буэрсайвэйкэ» [см. 51]. Он состоял из двух частей — теоретического обоснования и перечня практических мероприятий.

В теоретической части проекта делалась попытка оторваться от привычных социально-экономических категорий капитализма и определить отличительные черты сельского хозяйства Китая и особенности аграрных отношений. В проекте подчеркивалось, что «китайское сельское хозяйство и земельные отношения Китая отличаются не только от современных земельных отношений капиталистической Европы и Америки, но и от земельных отношений Европы феодального (докапиталистического) периода. Важнейшими предпосылками этих отличий являлись естественные условия производства и особенности исторического развития Китая. В смысле способа земледельческого производства китайское сельское хозяйство характеризуется решающим значением сознательного регулирования водоснабжения (искусственное орошение), необходимостью устройства огромных оросительных сооружений, отсутствием в решающих областях собственно Китая скотоводства, относительной незначительностью роли рабочего скота в сельском хозяйстве, необходимостью интенсивного удобрения, полным отсутствием оставления земли под паром и преобладанием и огромной затратой ручного труда» [51, 115].

Для определения такого аграрного общества автор проекта не находил подходящего эквивалента ни в капиталистических, ни в феодальных категориях. По его мнению, наиболее правильным было применить для характеристики социально-экономического строя Китая термин «азиатский способ производства», употреблявшийся К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным. Этот способ производства, указывалось в проекте, сложился в Китае давно и в основных своих чертах сохранился до наших дней. «Азиатскому способу производства придало большую внутреннюю устойчивость соединение земледелия с крестьянской домашней промышленностью (про-

изводство пряжи и ткачество). Торгово-ростовщический капитал имел огромную власть над слабо связанными между собой докапиталистическими местными рынками. После разрушения удельно-сословного землевладения земельные отношения в Китае претерпевали разные изменения в силу разных исторических обстоятельств, завоеваний, внешних влияний, огромных народных движений, роста и суживания рыночных отношений и т. д. В основном же способ самого земледельческого труда не изменился... Переход к новому способу производства, развитие производительных сил страны, переход земледелия на более высокую ступень техники упирается в настоящее время в пережитки этого строя» [51, 115—116].

Далее в проекте отмечалось, что аграрные отношения в различных районах Китая сильно отличаются друг от друга. Если на юге страны преобладают арендные отношения, то на севере, в провинциях Шаньси и Чжили, «центральной фигурой деревни является крестьянин-собственник» [51, 116]. Специфические черты имеют земельные отношения в Маньчжурии. Особо выделялся вопрос о тех районах, где основное население составляли национальные меньшинства.

Все китайское крестьянство делилось в проекте на три группы: арендатор, собственник и полуарендатор. Богатое крестьянство, по мнению автора, составляло незначительный слой деревни. Основную массу сельского населения он относил к разряду середняков и бедняков. В проекте отмечалась тенденция превращения крестьянина-собственника в арендатора. Социальная природа батрака в нем не рассматривалась, и при характеристике крестьянства о нем даже не упоминалось.

Главным эксплуататором крестьянства проект называл помещичий класс. Этот класс делился в нем на крупных, средних и мелких помещиков, причем отмечалось преобладание двух последних категорий. Эти помещики, утверждал автор, угнетали и притесняли крестьян-арендаторов не слабее, а сильнее, чем крупные.

В проекте указывалось, что основной формой эксплуатации крестьянства было взимание арендной платы за землю. При этом подчеркивалось, что «аренда, как общее правило, не носит капиталистического характера. Помещику противостоит в подавляющем большинстве случаев не капиталистический предприниматель-аренда-

тор, который вкладывает свой капитал в капиталистическое земледелие, а голодный крестьянин, арендующий землю из нужды. Только вблизи больших рынков (города), в некоторых приморских провинциях (Гуандун, Цзянсу, Чжэцзян и т. д.) наблюдается образование слоев предпринимателя-арендатора и предпринимателя-полуарендатора. Непомерная эксплуатация арендатора помещиком, как общее правило, достигает такого уровня, что помещик отнимает от арендатора не только абсолютную и дифференциальную ренту и в случае влажных земель процент на присоединенный к земле в виде оросительных сооружений капитал, но и прибыль на „капитал" арендатора, поскольку вообще можно употребить в данном случае категории капиталистического общества» [51, 117].

Другой формой эксплуатации китайских крестьян называлось ростовщичество. В проекте говорилось: «Ростовщический процент достигает от 2 до 10% за месяц. Натуральная форма ростовщического займа приводит к неимоверному ограблению крестьянства. За предоставленное перед урожаем зерно взимается после урожая 50—100%, за предоставленный на несколько месяцев перед урожаем заем процент взимается за весь год после урожая. В случае недорода, стихийных бедствий ростовщик закабаляет целые деревни на целые поколения» [51, 119].

Плохое состояние сельского хозяйства и тяжелое положение крестьянства, указывалось в проекте, усугублялось властью милитаристов и господством в Китае империалистов.

С одной стороны, «милитаризм подрывает основы крестьянского хозяйства своими безумными налогами, реквизициями крестьян и кули для тягловых работ, реквизициями продуктов и рабочего скота. В областях аренды помещики перекладывают даже часть земельного налога на арендаторов, и крестьянин-собственник надрывается под тяжестью налога, который собирается 2—3 и иногда 6 раз в год» [51, 119].

С другой же — «империализм еще усилил и углубил власть рынка над крестьянским хозяйством. Ввоз мануфактуры, развитие машинной промышленности, капиталистической мануфактуры и капиталистической домашней промышленности нанесли тяжелый удар кре-

стьянской домашней промышленности — производству пряжи, ткачеству и маслобойному промыслу. В то же время подрыв основы китайского крестьянского хозяйства, а именно объединения земледелия и домашней промышленности идет быстрее, чем развитие промышленности, которая могла бы поглощать относительный излишек рабочих рук в деревне» [51, 119].

В проекте отмечались и пагубные последствия действия мирового рынка на экономику Китая: «Вовлечение Китая в мировой товарооборот, захват командных высот экономической жизни страны империализмом, подчинение трудящихся масс блоку иностранных империалистов и китайских помещиков, мандарината и торгово-ростовщического капитала, рост капиталистических элементов в области транспорта и промышленности, развал старого государства, развитие милитаризма нанесли тяжелые удары старому способу производства, подорвали его основы. Переход к новому способу производства, однако, затрудняется империализмом, который препятствует развитию страны, с одной стороны, помещиками и торгово-ростовщическим капиталом, которые опираются на империализм и на старый бюрократический аппарат власти и на армии милитаристов — с другой. Империализм грабит страну в целом, используя старый способ эксплуатации китайских трудящихся масс, и китайские господствующие классы стараются компенсировать себя усилением старых форм и применением новых способов эксплуатации» [51, 121].

В проекте проводилась мысль о том, что старый способ производства изжил себя и обречен на гибель. Его должен неизбежно сменить новый способ производства, переход к которому можно совершить или капиталистическим, или некапиталистическим путем. Автор проекта категорически отвергал первый путь, ибо «этот путь означает огромнейшие бедствия, наводнения, засухи, жесточайшую эксплуатацию рабочих, все новые и новые гражданские войны, дальнейшие надругательства над китайским народом со стороны империалистов, дальнейший захват недр, железных дорог, концессий со стороны иностранных хищников, раздел страны на „сферы влияния", быстрое снашивание целых поколений рабочих, вырождение страны, вымирание целых поколений трудящихся» [51, 122].

Более перспективным рисовался путь некапиталистического развития, который «обозначает тяжелую борьбу трудящихся масс против блока иностранного империализма и китайских господствующих классов, объединение и освобождение страны в результате вооруженной борьбы масс, свержение империалистов, чистку земли от всех видов эксплуатации и от всех видов эксплуататоров, освобождение трудящихся масс из-под гнета империалистов, помещиков, ростовщиков, джентри, тухао,— в союзе с революционным рабочим движением и с угнетенными народами мира, а после первоначальной стадии тяжелой борьбы — быстрое развитие производительных сил страны, в результате перехода к новой технике с помощью пролетариата стран победоносных революций, процветание промышленности и сельского хозяйства, новый человеческий быт, повышение культурного уровня народных масс, светлое будущее освобожденного трудящегося народа, свободный труд, продвижение в направлении к царству свободы, где нет уже классов, к социализму» [51, 122].

Китайская компартия как авангард рабочего класса, подчеркивалось в проекте, должна бороться за путь некапиталистического развития.

Во второй части проекта назывались меры для разрешения аграрно-крестьянского вопроса, которые компартия намерена провести в жизнь после свержения существующей власти и перехода ее в руки Советов:

«1. Вся помещичья земля конфискуется без выкупа. Вся частновладельческая земля переходит в общую собственность всего трудящегося народа, организованного, как советское государство.

2. Фактическое распоряжение конфискованными землями переходит в руки крестьян. Аренда и закладывание земли полностью отменяется.

3. Крестьянские советы, являющиеся органами революционной власти в деревне, перераспределяют земли, учитывая разницу между влажными и сухими землями, качество и местоположение земли с таким расчетом, чтобы верхний слой бывших арендаторов не превратился в кулаков и чтобы имелся земельный фонд для наделения борцов революционной армии и безземельных крестьян. Одновременно партия стремится осуществить революционное землеустройство.

4. Монастырские земли, земли деревенских кумирен, коронные, военные и т. д. земли передаются в распоряжение крестьянских советов. Аренда на них отменяется.

5. Клановые земли передаются в распоряжение крестьянских советов. Партия будет поддерживать стремление крестьянства к окончательной ликвидации этой изжившей себя формы собственности, которая в южных провинциях (Гуандун, Гуанси, Фуцзянь и т. д.) является одним из опорных пунктов власти джентри, помещиков, тухао, ростовщиков.

6. Все леса и недра переходят в собственность Советского Государства, причем государство и органы Советской Власти на местах должны принять самые решительные меры к охране лесов и к насаждению их, с одной стороны, и к использованию недр — с другой.

7. Распоряжение пустопорожними, песчаными и государственными землями осуществляется через крестьянские советы, причем должны быть приняты энергичные меры к организации переселенческого фонда для наделения безземельных крестьян и солдат Рабоче-Крестьянской Армии.

8. Урегулирование водоснабжения и всех вопросов, связанных с орошением, передается крестьянским советам. Источники воды — реки, ручейки, озера, колодцы передаются в распоряжение крестьянства, которое осуществляет свои права через крестьянские советы.

Партия считает одной из своих важнейших задач улучшение и расширение оросительной системы, ее перевод на более высокую степень техники с использованием всех завоеваний техники, с применением электричества и машин для этой цели. Партия поддерживает и организует кооперативное движение для улучшения орошения.

9. Партия примет решительные меры к урегулированию рек, к предотвращению наводнений путем сооружения плотин, точно так же, как к превращению болотистых, камышовых земель в пашню и к предотвращению голодовок.

10. Отменяются все кабальные договоры, сделки, устные и письменные соглашения. Партия организует дешевый сельскохозяйственный кредит через сельскохозяйственные банки и через кредитные кооперативы крестьянства.

11. Партия организует и поддерживает кооператив-

ное движение крестьянства в области сбыта продуктов и в области покупки необходимых для деревни товаров и сырья для домашней промышленности. Развитием промышленности партия стремится к снабжению деревни более современными и дешевыми сельскохозяйственными орудиями. Отменяются всякие монополии на торговлю удобрениями — это дело передается крестьянским кооперативам. Партия примет меры к дорожному строительству.

12. Отменяются все налоги, введенные милитаристами. Отменяются лицзины. Отменяются все договоры о передаче собирания налогов откупщику. Революционная власть устанавливает новую единую систему налогов, причем часть налогов передается на покрытие расходов деревни. Налог собирается раз в год и после урожая. Создается единая денежная система весов и мер.

13. Объявляются законы о защите интересов батраков и кули. Советская власть развитием промышленности, организацией общественных работ, дорожным строительством, поощрением деревенских промыслов обеспечивает их работой.

Партия отдает себе ясный отчет в том, что слои помещиков, ростовщиков, джентри, тухао и кулаков, вместе взятые, составляют относительно многочисленный слой в китайской деревне, который, опираясь на свои органы насилия (минь-туани, армии милитаристов, подкупленные банды хулиганов и бандитов) и на поддержку империалистов, окажет всяческое сопротивление революционному преобразованию земельных отношений» [51, 122—124].

В проекте подчеркивалось, что только ожесточенная классовая борьба крестьянства может уничтожить экономическую и политическую власть классовых врагов трудящихся и привести к завершению аграрной революции, к революционному преобразованию земельных отношений.

«В этой борьбе,— говорилось в проекте,— кули и батраки будут играть весьма важную роль, и партия, отвергая и осуждая всякие контрреволюционные теории о незначительной и нежелательной роли кули и батраков, всеми силами стремится к классовой организации кули и батраков, к введению их представителей в руководящие органы революционной власти. В то же время пар-

тия примет все меры, чтобы привлечь середняцкие слои деревни, которые также заинтересованы в уничтожении старых порядков, на сторону бедняцких слоев деревни» [51, 124].

В проекте указывалось, что компартия будет поддерживать массовые выступления крестьянства за отказ от внесения арендной платы, от уплаты налогов и ростовщических процентов, от принятия бумажных денег и военных бон.

Несмотря на ряд недостатков, выражавшихся в определении характера земельных отношений как азиатского способа производства, в подчеркивании тезиса о «непосредственно революционной ситуации», преждевременном выдвижении требования национализации земли и т. д., этот проект был серьезной попыткой по-новому подойти к сущности аграрного вопроса в Китае, по-новому осветить проблему, выделив ее национальные особенности.

В проекте аграрной программы ставились общие задачи, но в нем не содержалось конкретных лозунгов, способных расшевелить, раскачать крестьянские массы и сплотить их вокруг компартии в данный период. Не было в проекте программы и практических рекомендаций о методах раздела помещичьей земли после ее конфискации. Но в целом этот проект являлся хорошей основой для дискуссии по аграрному вопросу, развернувшейся после его опубликования.

Выступивший в ходе этой дискуссии Син Юэ писал, что, по его мнению, проект страдал следующими недостатками: «Во-первых, слишком много места уделено теории и сравнительно мало конкретных материалов. Во-вторых, отсутствует четкая последовательность, что мешает читателю составить ясное представление об особенностях каждого вопроса в отдельности. В-третьих, недостаточно полно отражены конкретные планы разрешения крестьянского вопроса и аграрной проблемы» [230, № 15, 493].

Автор не говорил прямо о своем несогласии с определением специфики китайского общества как «азиатского способа производства», но в то же время в его анализе этот термин отсутствовал. Син Юэ связывал изменения в традиционной патриархальной системе земельных отношений с ролью торгового капитала, счи-

тая, что благодаря его росту и развитию в Китае появился класс помещиков. С этим классом связаны и на него опираются феодальные силы, к которым он относил милитаристов и бюрократию. Крестьянство он называл «особым классом свободных рабов земли» и приравнивал их к «свободным рабам заработной платы» в условиях господства промышленного капитала [230, № 15, 495].

По его мнению, аграрные отношения и сельская экономика Китая отличались: 1) примитивным характером сельскохозяйственной техники, крайне низким уровнем производительных сил; 2) существованием отношений взаимопомощи между крестьянами; 3) образованием под воздействием торгового капитала системы частного землепользования; 4) засильем ростовщического капитала; 5) сочетанием земледелия с домашними ремеслами; 6) превращением крестьян в сельский пролетариат под воздействием арендной системы [230, № 15, 494—495].

Син Юэ отмечал в качестве нового явления стремление городской буржуазии к приобретению земель в деревнях, поскольку у них не было возможности использовать накопленный избыточный капитал в промышленности. В связи с этим в деревне, по его мнению, ускорился процесс обезземеливания и началось расслоение сельского населения на буржуазию и сельский пролетариат (или полупролетариат).

Далее Син Юэ ставил вопросы, которые, как он писал, неизбежно возникнут в процессе аграрной революции. К их числу он относил следующие. Будет ли конфискована вся земля в деревне, т. е. будет ли отобрана земля и у крестьянина-собственника, который не использует наемного труда? Кому после конфискации и распределения земли будет принадлежать право собственности: крестьянам или Советскому правительству? Что будет лежать в основе распределения земли: количество едоков или двор как хозяйственная единица? Должны ли несовершеннолетние дети и нетрудоспособные старики при распределении наделяться землей? Будет ли равное распределение между мужчинами и женщинами? Будут ли крестьяне, получившие землю, обладать абсолютным и вечным правом пользования и правом наследования? Будет ли сельскохозяйственная продукция, полученная крестьянином собственным трудом, полностью предоставляться в распоряжение Советского правитель-

ства или крестьянин после уплаты налога будет иметь право свободно распоряжаться собранным урожаем?

Син Юэ волновали проблемы и будущих форм организации крестьянского труда: будет ли разрешено использование наемной рабочей силы или крестьяне будут кооперироваться, создавать группы трудовой взаимопомощи?

Отвечая на поставленные вопросы, сам он предлагал конфисковать и передать в общую собственность трудового народа всю землю, находящуюся в частной собственности как помещиков, так и крестьян, после чего Советское правительство должно заново распределить ее. Критерием для распределения должна служить трудоспособность крестьян — мужчин и женщин. Нетрудоспособным (детям и старикам), по его мнению, земли давать не следует, а расходы на их содержание нужно отнести на счет общественного фонда. В случае необходимости Советское правительство должно проводить перераспределение земли. Крестьянам следует предоставить лишь право пользования, а не право собственности.

В деревне, считал Син Юэ, нужно создавать кооперативы, передав в их распоряжение сельскохозяйственные орудия и удобрения и запретив частным лицам владеть ими. Наем рабочей силы должен происходить только через кооператив [см. 230, № 19, 648—650].

Таким образом, Син Юэ шел дальше проекта программы в стремлении приблизить китайскую деревню после победы аграрной революции к социалистическим методам организации и ведения сельского хозяйства. Аналогичное стремление к скорейшему переводу сельского хозяйства на рельсы социализма было выражено и в письме Чжи И, опубликованном в № 14 журнала «Буэрсайвэйкэ». В этом письме проект подвергался критике за попытки «сохранить частично частнособственнические порядки в экономике», за то, что в проекте «не чувствуется решительного стремления компартии построить коммунистическое общество» [см. 199, 463].

В других письмах с мест говорилось о том, что среди крестьян наблюдается различное отношение к земельному переделу. В провинции Цзянсу, например, мелкие крестьяне-собственники, а также безземельные и батраки выставляли требование всеобщего уравнительного передела, считая, что в результате конфискации только

помещичьих земель многие нуждающиеся земли так и не получат. В провинциях Шаньдун и Хэнань, где имелось больше крестьян-собственников, преобладали настроения против конфискации земли [см. 161, 12].

В докладе Юньнаньского провинциального комитета КПК (декабрь 1927 г.) предлагалось провозглашать в деревне лозунги «Передача политической власти в деревне в руки крестьянских союзов», «Долой тухао и джентри!», «Долой жестокие налоги!», «Уменьшение арендной платы, уменьшение процентов», «За вооруженные отряды крестьянской самообороны» и пр., для того чтобы расшевелить крестьян, подтолкнуть их к борьбе. «Крестьяне,— говорилось в этом докладе,— должны быть организованы в крестьянские союзы, что уже явится шагом на пути развития аграрной революции. Среди арендаторов и бедняков должен быть брошен лозунг «Земля — землепашцу», как пропаганда дальнейших целей крестьянской борьбы, как основной лозунг на текущий момент» [60а, 26] [102].

Объясняя свою позицию, юньнаньские коммунисты писали в феврале 1928 г., что наибольшей популярностью среди крестьян в уездах, где имеются крестьянские союзы, пользуются лозунги снижения арендной платы, снижения ростовщического процента, борьбы с джентри, тухао и помещиками [см. 61, 74].

Обсуждение проекта выявило необходимость конкретного учета земельных отношений и степени зрелости крестьянского движения в различных провинциях. Действительно, если в Юньнани коммунисты считали преждевременным выдвижение лозунга о земельном переделе, то в уезде Пинцзян провинции Хунань, где была провозглашена Советская власть, конфискация помещичьей земли и ее раздел между арендаторами были уже осуществлены. Земли крестьян-собственников там не отбирались и не перераспределялись. Безземельные

[102] В письме ЦК КПК это предложение было отвергнуто на том основании, что лозунг об уменьшении арендной платы может быть использован только в самом начале крестьянского движения, а с развитием борьбы в деревне он должен быть оставлен. «Поэтому решение Юньнаньского парткомитета о проведении снижения арендной платы в отношении мелких землевладельцев, равно как и лозунг установления фиксированной минимальной арендной платы, следует признать ошибочным» [60, 31].

крестьяне-батраки от такого передела земли ничего не выиграли, что вызвало с их стороны требования равного раздела всей земли [см. 57, 92].

Таким образом, поднятые во время обсуждения проекта аграрной программы вопросы являлись злободневными и требовали быстрого ответа.

В своих инструкциях местным организациям ЦК КПК рекомендовал: «Советская власть должна заново распределять землю между крестьянами, соответственно количеству крестьянского населения (самостоятельных крестьян, арендаторов, батраков, солдат и безработных крестьян). Только таким путем мы можем уничтожить феодальные силы и укрепить базу революции, только в этом лежит правильный путь аграрной революции» [62, 34].

Наиболее правильным лозунгом аграрной революции ЦК КПК считал лозунг всеобщего передела и создания власти Советов крестьянских депутатов. Национализация земли и уравнительный передел объявлялись ближайшей целью аграрной революции, победа в которой означала бы переход к социализму [103]. Это мнение было господствующим среди руководящих кадров Компартии Китая накануне VI съезда партии, который состоялся под Москвой в июне — июле 1928 г.

Главное, на что должен был дать ответ съезд, был вопрос о характере того этапа, в который вступила китайская революция после установления гоминьдановского режима.

В докладе представителя Исполкома Коминтерна подчеркивалось, что внутренних материальных предпосылок для перехода к социализму в Китае нет и что только с помощью Советского Союза, «более крупного и более прогрессивного, и более технически мощного объединения социалистических республик» [48, кн. 1, 19], революция в Китае сможет в будущем перерасти в социалистическую. В соответствии с резолюцией IX пле-

---

[103] На VI конгрессе Коминтерна Цюй Цю-бо говорил: «А у нас были и, может быть, имеются даже до сих пор такие товарищи, которые думают, что если крестьянские массы требуют уравнительного пользования землей, то наша партия, коммунистическая партия пролетариата, должна разделять такую программу. Они серьезно думают, что эта уравнительность и является социализмом» [30, 393].

нума ИККИ текущий период революции определялся им как буржуазно-демократический.

Представитель Исполкома Коминтерна разъяснял делегатам съезда, что революционно-демократическая диктатура рабочего класса и крестьянства, за установление которой боролись китайские коммунисты, не есть еще диктатура пролетариата, а «есть власть в значительной степени мелкобуржуазная» [48, кн. 1, 21], что задача борьбы против феодализма и империализма есть «задача, не выходящая из пределов буржуазного порядка вещей» [48, кн. 1, 22].

Понимая, что делегаты съезда привыкли к мысли о социалистическом характере китайской революции, представитель Коминтерна счел нужным специально подчеркнуть: «От того, что она сейчас еще не социалистическая, она не перестает быть ни на одну минуту величайшей, заслуживающей поддержки всего, что есть честного в рабочем классе, мелкобуржуазной революцией» [48, кн. 1, 24], и она «таит в себе неизбежность перерастания элементов буржуазно-демократической революции в пролетарскую революцию» [48, кн. 1, 24].

Представитель Коминтерна рекомендовал китайским коммунистам в своей работе «центр тяжести перенести на антиимпериалистическую борьбу и аграрную революцию, и на осуществление таких требований со стороны рабочего класса, как 8-часовой рабочий день или 9-часовой рабочий день, повышение заработной платы и т. д.» [48, кн. 1, 24].

Представитель Коминтерна призывал китайских коммунистов отказаться от игры с восстанием, от применения по отношению к рабочим и крестьянам при подготовке забастовок, демонстраций и вооруженных выступлений принудительных мер, которые есть не что иное, как повторение гоминьдановских принципов, тактики индивидуального террора, от пренебрежительного отношения к мелким повседневным нуждам масс [104].

В докладе представителя Коминтерна было подчеркнуто, что «в настоящее время нет всекитайской ре-

[104] «Это не партия пролетариата, а это военно-революционный полицейский гонит человеческое стадо на борьбу,— говорил он.— Нельзя же представлять массу своего собственного класса как стадо баранов, на которое можно кричать, можно бить и заставлять делать революцию» [48, кн. 1, 42].

волюционной ситуации в узком смысле этого слова» [48, кн. 1, 47], а поэтому нельзя выдвигать и лозунг об общекитайском, общенациональном восстании. В докладе вскрывалась ошибочность мнения о возможности победить силами одного крестьянства.

«Общекрестьянское восстание,— говорил оратор,— не поддержанное городами или, вернее, не ведомое городами, оно будет разбито, ибо нет победы восстания на крупной части территории Китая, вне восстания в городах» [48, кн. 1, 48].

Касаясь аграрных лозунгов КПК, докладчик указывал на нецелесообразность выдвижения лозунга конфискации земли и у помещиков, и у крестьян, заметив, что «нужно в аграрном вопросе дать такой лозунг, который бы не спутывал крестьянскую землю с помещичьей землей, а противопоставлял бы крестьянина помещику, противопоставлял бы крестьянскую землю помещичьей земле и говорил крестьянину — бери землю у помещика и у тебя земли будет больше» [48, кн. 1, 52—53]. Представитель Исполкома Коминтерна справедливо отметил, что лозунг конфискации всей земли, «может быть, кажется радикальным для тех, кто желает перепрыгнуть сразу в царство социализма» [48, кн. 1, 53].

Выступивший с отчетным докладом от имени ЦК КПК Цюй Цю-бо, соглашаясь с мнением представителя Исполкома Коминтерна о том, что «китайская революция есть антиимпериалистическая, буржуазно-демократическая», все же счел необходимым снова подчеркнуть, что она «имеет тенденцию перерастать в социалистическую революцию» [48, кн. 1, 56] [105].

Несогласие с мнением Исполкома Коминтерна наблюдалось и в оценке политической обстановки в Китае. Цюй Цю-бо настаивал на том, что «в Китае начинается новый подъем» [48, кн. 1, 94], что хотя и нельзя

---

[105] Близкой к этому была позиция Ли Ли-саня, который хотя и соглашался с тем, что революция должна осуществить буржуазно-демократические задачи, но вместе с тем высказывал надежду, что «может быть, Китай является страной, где мы будем иметь вторую победу социалистической революции» [48, кн. 2, 40]. Делегат из Сычуани также высказывал убеждение в том, что «в китайской революции есть тенденция к социализму. Так как буржуазия уже больше не играет роли в революционном движении, то поэтому китайская революция должна перейти в социалистическую революцию» [48, кн. 2, 62].

сегодня или завтра вызвать восстания, но «мы имеем право сказать, что имеем прямой подъем» и что это «объективно указывает на восходящую линию революции» [48, кн. 1, 94]. По существу, лозунг о подготовке к восстанию в его докладе не снимался.

В вопросе же о соотношении рабочего движения и крестьянских выступлений Цюй Цю-бо занимал позицию, одинаковую с точкой зрения руководства Коминтерна, считая, что «без поддержки и руководства со стороны промышленного центра одним крестьянским движением революция не может победить» [48, кн. 1, 88].

Прения показали, что большинство делегатов придерживается этой точки зрения. Сычуаньский делегат, например, говорил: «Нет, крестьянское движение не может быть базой нашей революции, база нашей революции должна быть в городе» [48, кн. 2, 63]. В ходе дискуссии выявилось, что многие работники КПК восприняли лозунг перехода к аграрной революции как сигнал к отказу от антиимпериалистической борьбы, полагая, что лозунги движения за отмену неравноправных договоров, несправедливых таможенных правил являются лозунгами буржуазными, а буржуазию поддерживать нельзя [48, кн. 2, 65].

Делегат Сян Ин в своей речи говорил о слабом развитии антиимпериалистического движения в городах, заметив, что «недостаток внимания к антиимпериалистическому движению является результатом слишком большого выпячивания крестьянского движения» [см. 48, кн. 2, 56].

С беспокойством и тревогой говорили делегаты съезда об опасности превращения Коммунистической партии Китая из партии пролетариата в крестьянскую, о том, что с перенесением центра тяжести партийной работы в сельскую местность многие коммунисты стали пренебрежительно отзываться о рабочем классе, о его роли в революционном движении, стали сомневаться в необходимости руководства крестьянским движением со стороны пролетариата.

На наличие в партии крестьянского уклона, исходящего из мысли, что «раз большинство китайского населения составляет крестьянство, то значит крестьянство должно руководить революцией» [48, кн. 2, 2], указал в своей речи Чжан Го-тао.

О том же говорил и Цай Хэ-сэнь: «Мы видим только крестьянские движения и из этого делаем вывод, что китайская революция уже находится на подъеме, делается вывод о непосредственной революционной ситуации. Разве это не крестьянский уклон?» [48, кн. 2, 16]. Сян Ин считал источником заблуждений, ошибочных оценок и лозунгов то, что «партия рассматривает только крестьянство и почти всегда забывает рабочий класс» [48, кн. 2, 55].

Подобного рода настроения были подмечены и в докладе представителя Исполкома Коминтерна: «Пролетариат пока спит, пока он находится в подавленном состоянии, а крестьянство в это время действует, и создается теория, что крестьянин лучше пролетария, он более революционен. Поэтому создаются предположения насчет того, что в партии представительство от крестьян должно быть лучше, чем представительство от рабочих, потому что крестьяне революционнее» [48, кн. 1, 45].

Выступавшие в прениях справедливо указывали, что крестьянский уклон, тенденция смотреть на положение дел в стране и оценивать его сквозь призму крестьянского мировоззрения порождают однобокое, одностороннее понимание политических событий и узкий, местнический подход к задачам, стоящим перед коммунистической партией и революционным движением в целом. Об обстановке в стране часто судили по настроениям и действиям крестьян одной волости, одного уезда, и это сказывалось на выводах и предложениях, касавшихся работы всей партии во всех районах страны.

Широкое распространение крестьянского уклона в КПК во многом объяснялось тем, что мелкобуржуазная интеллигенция, составлявшая руководящий костяк партии, по духу и складу своего мышления легче воспринимала взгляды и настроения крестьянства, чем промышленного пролетариата. К тому же последний был еще малочисленным и молодым. Делегаты VI съезда в своих выступлениях приводили примеры, свидетельствовавшие о том, что китайские рабочие были заражены мелкобуржуазными взглядами, выражавшимися в требованиях дележки фабрично-заводского имущества поровну. На съезде раздавались жалобы, что среди рабочих живучи также местнические патриотические чувства, когда свой земляк-милитарист рассматривался как

герой и противопоставлялся чужому милитаристу. Сознательных, политически грамотных рабочих насчитывалось очень мало, и они не были в состоянии парализовать или нейтрализовать влияние крестьянской и мелкобуржуазной среды на компартию. К этому надо прибавить, что лишь немногие коммунистические лидеры были тесно связаны с рабочими, интересовались их повседневными нуждами и настроениями.

Такое широкое обсуждение насущных вопросов помогло во многом исправить ошибочные тенденции предыдущего периода. В политической резолюции, принятой на VI съезде КПК в соответствии с оценками, данными в решениях Исполкома Коминтерна, было сказано: «Ошибочно считать, что настоящий этап революции уже превратился в социалистический, так же как и считать китайскую революцию перманентной. Незавершенность дела национального объединения страны, порабощенной до сих пор империалистическими державами, сохранение помещичьего землевладения и прочих полуфеодальных остатков в деревне, наличие государственного блока помещиков, милитаристов, компрадоров и национальной буржуазии, опирающегося на материальную и политическую мощь международного империализма,— все это определяет буржуазно-демократический характер текущего этапа китайской революции» [49, 15—16].

Политическая резолюция исключала национальную буржуазию из возможных участников буржуазно-демократической революции, признавая такими лишь пролетариат и крестьянство. Национальная буржуазия объявлялась «одним из наиболее опасных врагов, препятствующих революционной победе» [49, 16].

Такая оценка национальной буржуазии, понятная и объяснимая на фоне кровавых событий и острых столкновений 1927 г., не подтвердилась дальнейшим развитием китайской революции. Заостряя внимание на борьбе с национальной буржуазией, резолюция VI съезда сужала, и довольно значительно, рамки единого антиимпериалистического, антифеодального фронта. Это мешало проведению гибкой политики по отношению к патриотически и демократически настроенным кругам китайской буржуазии, ограничивало возможности маневрирования в предстоящих битвах против империализма.

Такое отношение к национальной буржуазии в значительной степени объясняется тем, что о позиции класса в целом судили главным образом по политике гоминьдана, а эту политику, в свою очередь, в глазах коммунистов олицетворял Чан Кай-ши, и поэтому сугубо отрицательная, естественно, оценка деятельности последнего переносилась механически на всю китайскую буржуазию. При этом не учитывалось, что Чан Кай-ши, как и другие правые лидеры гоминьдана, в большей степени представлял и защищал интересы помещиков, крупной буржуазии и военной бюрократии и в значительно меньшей — интересы национальной буржуазии.

Подводя итоги споров об оценке политической ситуации в Китае после победы гоминьдана, съезд подчеркнул, что она «в основном характеризуется отсутствием революционного подъема в сколько-нибудь широких массах китайского народа» [49, 22], указав вместе с тем на «неизбежность нового большого подъема революционного движения» [49, 23].

В политической резолюции указывалось: «Важными элементами этого нового подъема могут явиться сохранившиеся до сих пор очаги Советской власти в южных провинциях Китая и небольшие части рабоче-крестьянской армии, в них сосредоточенные. Съезд предостерегает, однако, от переоценки указанных явлений. Даже в их совокупности они еще не составляют действительного подъема движения, так как совершенно недостаточны по количеству масс, в них участвующих, к тому же рабочий класс все еще находится в состоянии депрессии» [49, 24].

Не отвергая в принципе тезис о возможности и необходимости подготовки к вооруженному восстанию, съезд одновременно счел нужным подчеркнуть, что «в нынешнюю же полосу собирания и накопления сил пролетариатом лозунг вооруженного восстания во всекитайском масштабе может быть только пропагандистским лозунгом» [49, 25].

Съезд выступил против так называемого крестьянского уклона, указав, что: «в процессе обострения классовой борьбы, резкой дифференциации классов, в процессе развертывания аграрной революции самым верным союзником китайского пролетариата является крестьянство. Поэтому величайшей ошибкой также

является недооценка руководящей роли пролетариата в крестьянском движении, пренебрежение революционной ролью крестьянства, равным образом как хвостизм, отражающий мелкобуржуазные колебания в этом вопросе» [49, 28].

В политической резолюции были намечены и основные задачи партии в крестьянском движении:

«а) Конфискация всей помещичьей земли и передача ее Советам крестьянских депутатов как центральный лозунг движения.

б) Стратегическая линия: основной враг — помещик, тухао, джентри; опора пролетариата в деревне — беднота; середняк — крепкий союзник. Заострение борьбы против кулака на данной стадии неправильно, так как стирает основное противоречие между крестьянством и помещичьим классом» [49, 29—30].

Таким образом, съезд не согласился с теми, кто выдвигал более «радикальные» требования конфискации всей земли. Он не поддался также левацким настроениям отказа от выставления частичных лозунгов и требований. Съезд выступил против изолированного развития крестьянского движения, против отрыва его от борьбы городского пролетариата.

Аграрная проблема и вопросы крестьянского движения явились на съезде предметом специального рассмотрения. Уже в прениях по отчетному докладу ЦК КПК почти все делегаты съезда в большей или меньшей степени затрагивали эти жгучие, волновавшие всех китайских коммунистов проблемы.

Доклад по крестьянскому и аграрному вопросу на VI съезде был сделан Ли Ли-санем. Докладчик прежде всего остановился на характеристике аграрных отношений в Китае. Он отверг принятое в проекте, разработанном ноябрьским пленумом ЦК КПК, определение аграрных отношений в Китае как «азиатский способ производства», из которого вытекало, что вся земля в стране принадлежит государству и поэтому ее легко будет национализировать. На самом деле, отмечал Ли Ли-сань, больше половины обрабатываемой земли в Китае принадлежит помещикам. При этом удельный вес помещичьего землевладения выше на юге и ниже на севере страны. Но в отличие от Европы в Китае мало крупных землевладельцев, преобладает мелкий помещик. «В Ки-

тае,— говорил Ли Ли-сань,— мы определяем помещика не в том смысле, что он бывший аристократ или что он крупный землевладелец, а мы определяем, что помещик это есть тот, кто владеет значительным количеством земли и не может сам обрабатывать землю и в то же время не нанимает наемных рабочих, чтобы обрабатывать ее, а сдает в аренду» [48, кн. 4, 40].

Докладчик указал на те большие трудности, с которыми приходится сталкиваться при делении крестьянства на различные социальные группы. «В европейских странах это очень легко сделать в зависимости от количества земли, которым они владеют,— говорилось в докладе.— Кто имеет больше земли, тот кулак или середняк, кто имеет меньше земли, тот бедняк. В Китае даже среди самостоятельных крестьян, которые сами обрабатывают землю, и даже среди арендаторов тоже имеются кулаки. Кроме того, мы не можем определить кулака или бедняка в зависимости от количества земли, которое они обрабатывают, потому что в Китае очень разного качества земля. Например, в южном Китае крестьяне, которые обрабатывают пять му земли, могут существовать, а на севере только те, кто обрабатывает 15—20 му, могут существовать. И даже в пределах одного уезда имеется различного качества земля. Поэтому на основании одного только количества земли мы не можем определить, к какому слою принадлежит крестьянин. Я думаю, что мы можем здесь дать такое определение кулака, середняка и бедняка: те, которые имеют излишние деньги или запасы риса и, кроме того, нанимают рабочих, чтобы обрабатывать землю, такие крестьяне определяются как кулаки. Те, которым едва хватает на жизнь,— середняки, те, которые на свой труд не могут жить, у которых есть очень большая задолженность, те бедняки. Конечно, это определение не очень удовлетворительно, но лучшего определения у нас нет» [48, кн. 4, 40—41].

Большинство крестьян Ли Ли-сань относил к категории безземельных («Во всем Китае почти три четверти крестьян не имеют земли» [48, кн. 4, 41]), работающих на земле, арендуемой у помещика. «Благодаря жестокой эксплуатации помещиков, ростовщиков крестьяне постепенно теряют свою землю, и создается такое положение, что земля концентрируется в руках неземлевла-

дельческого класса, в руках класса финансовых капиталистов. И создается новый класс, класс монополистов земли, и крестьяне сейчас в значительной мере зависимы от этого класса монополистов земельных» [48, кн. 4, 41]. По мнению Ли Ли-саня, этот «класс земельных монополистов» приобретал в свою собственность землю не феодальным, а буржуазным способом, поскольку покупал ее на свои деньги[106].

Ли Ли-сань видел своеобразие земельных отношений в Китае в том, что «хотя способ овладения землей уже принимает буржуазную форму, но отношения эксплуатации остаются полуфеодальными. Значит, налицо не только экономическая зависимость крестьян, но и военно-феодальная зависимость их. Бывают случаи, что помещик нанимает рабочих и платит им такую низкую заработную плату, что эти рабочие фактически являются только рабами. Бывают случаи широкого распространения такой системы, когда в случае женитьбы или смерти помещика крестьяне обязаны оказывать ему помощь и, конечно, никакой заработной платы за это не получают. В Северном Китае в форме налога существует принудительная мобилизация рабочей силы в качестве кули. Здесь не только экономическая эксплуатация, но прямо насильственная. Такие отношения мы не можем назвать иначе, как крепостническими. В Китае не существует сейчас крепостного права, но имеются остатки его.

С одной стороны, аграрные отношения в Китае имеют капиталистический характер... С другой стороны, формы и методы эксплуатации крестьянства помещиками еще сохраняют феодальные формы» [48, кн. 4, 42—43].

Ли Ли-сань подчеркивал ту огромную роль, которую играл в сельском хозяйстве и в жизни крестьян ростовщический капитал. От ростовщичества крестьяне многих

---

106 В понимании Ли Ли-саня феодальный способ овладения землей выглядел так: «Например, если бы я был король и сказал бы, что даю приказ, что тов. Шаси будет завтра князем в Шаньдуне, тогда вся земля в Шаньдуне является уже его собственностью. Или если бы я сказал, что тов. Цай будет князем в Северном Китае, тогда вся земля там принадлежала бы ему. Но теперешние монополисты земли овладевают землей путем купли и продажи» [48, кн. 4, 42].

районов страдали не меньше, чем от высокой арендной платы. Засилье ростовщического капитала он связывал с развитием денежных отношений в сельском хозяйстве, с расширением власти рынка над деревней, но прежде всего с господством помещичьей собственности на землю.

Из анализа земельных отношений и роли торгово-ростовщического капитала Ли Ли-сань делал вывод о существовании остатков феодализма в сельском хозяйстве Китая [48, кн. 4, 45]. При этом, отмечалось в его докладе, наблюдается процесс вытеснения феодальных отношений капиталистическими, на что указывало наличие денежных форм арендной платы.

Далее в докладе указывалось на двойственную роль империализма, влияние которого, с одной стороны, способствовало росту товарных отношений в деревне, ставило сельское хозяйство Китая в зависимость от мирового капиталистического рынка, а с другой — «империалисты поддерживают и используют остатки феодализма для того, чтобы через него эксплуатировать китайских крестьян» [48, кн. 4, 46].

«В настоящее время,— говорил докладчик,— земельные отношения находятся в процессе слияния двух противоречивых видов эксплуатации — феодальной и капиталистической. Поэтому под давлением империалистической эксплуатации и капиталистической эксплуатации, если взять Китай в целом, то мелкое крестьянское хозяйство развивается, имея такую тенденцию: с одной стороны, появляются богатые крестьяне, капиталистические землевладельцы, а с другой стороны — эксплуатируются массы крестьянства, пролетаризируются. И в результате этого процесса рождается капиталистическое крупное производство» [48, кн. 4, 47].

Такое сочетание, соединение феодальных и капиталистических форм эксплуатации в деревне, объясняет, по мысли Ли Ли-саня, и особенности борьбы крестьян в Китае, которые не могут довольствоваться целями сокрушения помещичьего господства, но должны добиваться и ниспровержения власти буржуазии. «Крестьяне в Китае,— подчеркивал он,— борются не только против феодальных сил, но и против той же буржуазии, против капиталистической эксплуатации. Поэтому китайские крестьяне могут достичь победу только путем

победы не только над феодальными элементами, но и путем победы над туземной и иноземной буржуазией» [48, кн. 4, 48].

Ли Ли-сань признавал, что объективный смысл борьбы китайского крестьянства состоит в стремлении расширить возможности для развития капиталистических отношений, поэтому они выступают против помещиков, ростовщиков, милитаристов и империалистов.

Касаясь перспектив развития аграрных отношений в Китае, Ли Ли-сань допускал возможность нескольких путей: во-первых, развитие кулацких хозяйств, но этот путь был затруднен в силу давления империализма; во-вторых, рост земельного капитализма, превращение помещичьих хозяйств в сельскохозяйственные предприятия капиталистического типа, а арендаторов в батраков, но этот путь очень труден; в-третьих, развитие сельского хозяйства в Китае с помощью иностранного капитала, но для этого необходимо совершенно подавить революционное движение и превратить Китай в колонию; в-четвертых, крестьянская революция, ведущая к ликвидации полуфеодальных отношений и открывающая путь развитию капитализма в сельском хозяйстве [см. 48, кн. 4, 49]. Этот путь Ли Ли-сань считал в объективных условиях Китая нелегким, но наиболее возможным. Но, указывал он, «это развитие будет очень быстро перерастать в социалистическое, потому что победа крестьян, создание Советов, крестьянская революция в огромном масштабе создают новые трудности и вызывают усиленное сопротивление со стороны наших врагов. Империалисты будут бороться не только путем блокады или использования китайских милитаристов, они будут наступать непосредственно военными силами против китайской революции, и империалистические силы будут объединяться с силами китайской контрреволюции. При таких условиях возможно спасти революцию только путем быстрого создания диктатуры пролетариата. В это время для защиты необходимо конфисковать крупную промышленность и таким образом создать экономический базис социализма. Если это будет осуществлено, то под руководством национализированной крупной промышленности в городе и через кооперативы или крупные хозяйства промышленность будет руководить сельским хозяйством. В силу этого в Китае

и в городе и в деревне у нас будет создаваться социалистическое хозяйство. Поэтому теперешняя крестьянская борьба является первым шагом к социализму» [48, кн. 4, 49—50].

Таким образом, сквозь все рассуждения Ли Ли-саня неизменно проступала идея о социализме как единственном методе разрешения противоречий сельского хозяйства Китая. Нарисованная Ли Ли-санем схема развития крестьянского движения, всей китайской революции по существу предполагала быстрое прохождение буржуазно-демократического отрезка революционного пути и быстрое достижение социалистического финиша [107].

Чтобы ускорить этот процесс, он рекомендовал начать организацию батраков и готовить их к борьбе против кулачества в переходный период.

Ли Ли-сань подверг критике представление об уравнительном переделе всей земли как о социалистической мере. Источником таких представлений он называл мелкобуржуазные иллюзии о социализме, а также существование большого слоя люмпен-пролетариев. В докладе по этому поводу говорилось: «Большинство делегатов этого съезда знают теперь, что это, конечно, не социализм, но для многих китайских товарищей, которые работают в крестьянском движении в Китае, это еще не ясно. Я думаю, что такие товарищи, как Мао Цзэ-дун, он, может быть, и теперь думает, что у нас имеется социализм, потому что выдвинули уже лозунг. Но мы должны указать, что это не только не социализм, а что это мешает развитию действительного социализма. Социализм в деревне, это значит — индустриализация, развитие крупного машинного коллективного производства и обработки земли. Мы должны сказать крестьянину, что пока существует власть денег, никакое равно-

[107] В заключительном слове Ли Ли-сань заявил, что «в данный момент мы проводим борьбу в деревне, еще только открывая путь для развития капитализма, а не социализма. Некоторые товарищи думают, что если бы конфискуемая земля крупных хозяйств или же государственная земля в крупном масштабе не была разделена, тогда легче было бы переходить к социализму. Для перехода к социализму по крайней мере должны быть следующие условия: 1) власть должна быть в руках рабочего класса, 2) индустриализация городов, 3) индустриализация сельского хозяйства при помощи городов, 4) организованность сельского пролетариата» [48, кн. 4, 121].

мерное распределение не может осуществить социализма и не может быть никакого равенства вообще» [48, кн. 4, 50] [108].

Выступая против призыва к уравнительному разделу земли по той причине, что его осуществление на практике вело бы к развитию капитализма в деревне, Ли Ли-сань предлагал поддерживать этот лозунг в том случае, если его выдвигают сами крестьяне. Но партия, подчеркивал он, обязана была критиковать этот лозунг, разъясняя, что «не равное распределение спасет крестьянина, а только развитие борьбы под руководством пролетариата может ему дать окончательное освобождение» [48, кн. 4, 51].

Докладчик коснулся и одного из самых больных вопросов — о нормах распределения конфискованной земли между крестьянами. Он правильно предложил не уточнять и не конкретизировать эти нормы, подчеркнув, что главное — это ликвидация остатков феодализма, а если они будут уничтожены, «то крестьяне сами сумеют принять меры к тому, чтобы разделить землю между собой, иначе мы просто выдумаем какую-то норму или какие-то меры для раздела земли. Это будет просто выдумкой и не стоит этим заниматься. Как разделить землю, крестьяне в своей борьбе в процессе развития движения, в ходе уничтожения остатков феодализма сумеют и сами разрешить этот вопрос» [48, кн. 4, 51].

Предложенный в докладе Ли Ли-саня проект аграрной программы предусматривал конфискацию только помещичьей земли, а не всей, как этого требовал проект ноябрьского пленума. Конфискованную землю следовало передавать Советам, которые и обязаны были распределить ее между крестьянами-бедняками и арендаторами. Вопрос о праве собственности на землю оставлялся открытым, это должна была определить сама практика.

---

[108] Делегат из Хунани рассказывал, что в его провинции «существует уклон, особая теория тов. Мао... Он говорил, что мы теперь вступили в непосредственную рабоче-крестьянскую революцию, т. е. в социалистическую, что знамя гоминьдана стало черным знаменем, что мы должны теперь выдвигать свое красное знамя. Когда мы получили резолюцию ЦК, где указывается лозунг конфискации земли, то тов. Мао поставил вопрос о том, как быть с самостоятельными крестьянами» [48, кн. 2, 80].

«Если крестьяне в процессе борьбы сами решат, что земля должна принадлежать как собственность Советам, тогда вся земля поступает в распоряжение Советов. Но если крестьяне — по крайней мере большинство крестьян — пожелают владеть землей, как своей собственностью, тогда мы вынуждены будем временно уступить, но все-таки наша главная линия по аграрному вопросу должна заключаться в стремлении к тому, чтобы национализация земли была завершена только в процессе развития движения» [48, кн. 4, 52],— говорилось в докладе.

Ли Ли-сань считал, что «после завоевания и укрепления Советской власти в одной или нескольких провинциях и даже во всем Китае должна быть проведена национализация земли. Конечно, национализация земли еще не является социализмом, но она является необходимой мерой для переходного периода» [48, кн. 4, 52].

Ход обсуждения проекта аграрной резолюции показал, что у делегатов не было полной ясности в определении помещика и четкого понимания сущности феодальных или полуфеодальных отношений. В представлении некоторых делегатов использование наемной рабочей силы являлось феодальной формой эксплуатации. Делегат, зарегистрированный под номером 93, говорил: «Есть помещики, которые не сдают свою землю в аренду, а нанимают рабочих для обработки своей земли. По-моему, и те и другие являются помещиками, потому что сдача земли в аренду означает эксплуатацию чужого труда. Наемный труд тоже является эксплуатацией человека человеком. Если говорить, что аренда является полуфеодальной эксплуатацией, то наемный труд является стопроцентной эксплуатацией, значит имеет абсолютно феодальный характер» [48, кн. 4, 162]. Он требовал включить в резолюцию требование о конфискации всей помещичьей земли: и той, что сдается в аренду, и той, что обрабатывается с помощью наемного труда. Это мнение было поддержано и другими участниками дискуссии. Делегат с мандатом № 60, недовольный определением помещика, данным в докладе, говорил: «Нужно помнить о том, что тот крестьянин, который нанимает батраков для обработки земли, тоже является помещиком» [48, кн. 4, 164]. Делегаты съезда не всегда могли

провести четкую грань между помещиком и кулаком и в своих речах часто путали эти понятия [48; кн. 4, 116].

Критерии, предложенные Ли Ли-санем для определения классовой принадлежности сельского населения, были подвергнуты критике в речи Цюй Цю-бо. По его мнению, они свидетельствовали не о марксистском, а о потребительском подходе. Цюй Цю-бо считал правильным положить в основу определения классовых категорий крестьянства производственный критерий. Согласно его предложению «кулак — это такой элемент крестьянства, который эксплуатирует труд наемных батраков. Это уже капиталист, сельский предприниматель, он ничем не отличается от фабриканта, фабрикант только имеет больше рабочих, например 2—3 тысячи, а кулак имеет только 2—3—4 наемных рабочих, но оба живут за счет эксплуатации наемного труда. Но китайский кулак это не только чисто буржуазный предприниматель, это полупомещичье хозяйство... Наемные сельскохозяйственные батраки целый год работают на других и получают ежегодно 36 долларов, раньше получали 24. Это есть сельскохозяйственный пролетариат, и они противостоят кулакам. Но между кулаком и наемными рабочими имеются еще переходные слои. Есть самые мелкие крестьяне, это уже не чистый батрак, он имеет несколько му земли, очень небольшой кусок земли. Когда ему этой земли не хватает, он арендует у другого, а когда не хватает денег на существование, он работает у хозяина или же имеет дополнительный заработок на с. х. промыслах. В общем они продают свой труд, а с другой стороны, сами обрабатывают землю. Это полупролетарские слои. Самые мелкие крестьяне, их большинство, они обрабатывают своим трудом землю или же арендуют землю у других. Они не нуждаются в том, чтобы работать на других, могут содержать себя и свою семью, обрабатывая землю, и лишь случайно, временно нанимаются в батраки. Главный источник их существования это труд на собственной, не арендованной земле. Это есть главная специфическая особенность

Средние слои между мелким крестьянством и кулаком. Они имеют свою землю, иногда могут даже пользоваться на короткий срок чужим трудом. Каждый день они платят 10—20% этим наемным рабочим или не-

множко больше, в этом разница между кулаком и середняком» [48, кн. 4, 181—182].

В заключительном слове Ли Ли-сань пытался уточнить свои критерии: «Вчера я говорил, что землевладелец, который сам не обрабатывает землю, а сдает ее в аренду и, пользуясь арендными отношениями, эксплуатирует чужой труд, есть помещик. Но к этому необходимо добавить, что землевладелец, который нанимает батраков для обработки земли и сам ничего не делает, тоже является помещиком. Но такого рода помещик уже является полукапиталистическим помещиком. Я думаю, что после этого должно быть понятно всем, что такое помещик. Что такое кулак? Кулак это не помещик, кулак часто сам берется за работу, но обыкновенно нанимает батраков, эксплуатируя чужой труд. Кулацкое хозяйство это есть категория капиталистического характера, причем независимо от того, откуда он взял землю — у помещика или свою собственную. Поэтому и среди арендаторов и среди самостоятельных крестьян могут быть зажиточные крестьяне, которые и составляют категорию так называемых кулаков» [48, кн. 4, 116—117][109]. Отвечая Цюй Цю-бо, Ли Ли-сань говорил: «Я должен сказать, что возникновение всяких слоев в деревне есть процесс дифференциации, связанный с проникновением капиталистического влияния в деревне. При чисто помещичьем хозяйстве не бывает различных слоев, а есть только 2 класса — помещики и крестьяне. Строго говоря, при определении социальных слоев деревни мы должны исходить из способа производства. Нынешняя дифференциация крестьянства происходит в связи с изменением способа производства, т. е. когда начинается применение наемного труда, когда начинается применение машинных способов и т. п. Там, где не применяется наемный труд, там нет капиталистических отношений и, следовательно, нет капиталистической эксплуатации. Середняки — это такой слой крестьянства, который главным образом сам обрабатывает землю и только в редких случаях, как исключение, нанимает батраков, т. е. это такие крестьяне, которые не эксплуатируются и не эксплуатируют. В Китае эти по-

---

[109] Страницы книги пронумерованы ошибочно, после стр. 197 идет стр. 106.

ложения сращиваются, в Китае не существует чисто капиталистических отношений в деревне. Эти отношения тесно связаны с феодальными и полуфеодальными отношениями. Поэтому при определении социальных слоев деревни мы должны иметь в виду это последнее обстоятельство» [48, кн. 4, 117—118].

Делегат, выступивший под псевдонимом Москвин[110], предложил пользоваться следующим определением:

1. Кулак — крестьянин, который пользуется наемным трудом, а также эксплуатирует других путем ростовщичества, может часть земли обрабатывать сам, часть — сдавать в аренду.

2. Середняк. Не пользуется наемным трудом. Сам обрабатывает свою или чужую землю. Может сам прокормиться и иногда ссужает других деньгами.

3. Бедняк. Сам обрабатывает свою землю, но не в состоянии прокормить себя и свою семью, поэтому должен заниматься каким-нибудь трудом.

4. Батрак — наемный деревенский рабочий [см. 48, кн. 4, 106].

Делегат, зарегистрированный под № 115, предложил свою классификацию: «Мы должны определять помещика и джентри как человека, который имеет землю и держит в руках политическое и экономическое господство в деревне. Самостоятельный крестьянин это тот, который не эксплуатирует чужого труда, но не является и эксплуатируемым. Арендатор — который арендует землю. Беднота — это у кого имеется земля, но очень мало, недостаточно для своего прожития». Он добавил, что «в Китае очень мало батраков» [48, кн. 4, 185—186].

В ходе прений подавляющее большинство ораторов поддерживали идею конфискации всей помещичьей земли без выкупа. Дискуссия показала, насколько сильны были настроения в пользу национализации земли. Одобряя требование конфискации помещичьей земли, делегат с мандатом № 60 говорил: «Лозунг конфискации земли надо продолжать развивать дальше. Мне кажется, что на территории советской власти необходимо выдвигать лозунг о национализации, о том, что земля не является собственностью крестьянства, а передана государству» [48, кн. 4, 164].

---

110 Чжоу Энь-лай (?).

Делегат, зарегистрированный под № 99, предлагал: «В программе, во-первых, должен быть ясно поставлен вопрос о национализации земли как принцип нашей борьбы. Но конкретные меры для проведения национализации должны зависеть от конкретных условий. Теперь китайское крестьянство борется не за землевладение, а только за землепользование. Крестьянин арендует землю не как предприниматель для получения прибыли, а только как крепостной крестьянин для удовлетворения собственных потребностей, чтобы существовать. Поэтому самым насущным для китайского крестьянина является землепользование. Раньше мы сомневались относительно общественной обработки земли при проведении ее в уезде Лилин, но теперь мы уже знаем, что крестьянин там интересуется только землепользованием. Кому принадлежит земля, это для крестьянина неважно. Принадлежит ли земля государству или земельным собственникам, это для них все равно, лишь бы земля использовалась ими» [48, кн. 4, 172]. По его мнению, только передача земли в собственность всего народа могла бы обеспечить переход от капиталистического развития деревни к некапиталистическому.

Многие делегаты предлагали запретить свободную куплю-продажу земли после ее конфискации у помещиков и распределения между крестьянами. Делегат за № 11 доказывал необходимость этого тем, что «в противном случае возникло бы опять помещичье землевладение. Запрещение купли-продажи земли мне представляется как первый шаг к тому, чтобы пропагандировать и осуществить лозунг национализации земли» [48, кн. 4, 175].

По мнению делегата с мандатом № 104, «говоря о конфискации всей земли, необходимо заранее же предвидеть и дальнейшую борьбу. Поэтому если крестьяне даже и захотели бы разделить землю, то мы должны запретить свободу купли и продажи земли, чтобы земля принадлежала Советам. Это самое минимальное, на что мы можем пойти» [48, кн. 4, 191].

Некоторые делегаты высказывали сомнение в целесообразности выдвижения лозунга национализации земли, считая его преждевременным. «Я думаю,— говорил делегат, зарегистрированный под № 99,— что на данном этапе китайской революции еще невозможно совершенно отменить частную собственность» [48, кн. 4, 157].

«Национализацию земли в Китае невозможно провести сразу,— говорил другой делегат,— это не такой простой вопрос. Мы, конечно, говорим, что Китай должен разиваться не по капиталистическому пути. Мы должны выдвинуть лозунг о национализации земли. Но так просто делать нельзя. Я согласен с тем, что конфискованная у помещиков земля должна быть передана Советам, но земля самостоятельных крестьян должна еще оставаться у них. Национализация земли является дальнейшим шагом» [48, кн. 4, 188]. В одном из выступлений указывалось: «Мы не можем сейчас осуществить национализацию земли. Мы сможем это сделать только тогда, когда власть будет в наших руках во всем Китае или по крайней мере в нескольких провинциях. Только тогда можно приступить к национализации земли» [48, кн. 4, 196]. Делегат за № 115 считал, что «если мы выдвинем сейчас лозунг национализации земли, то получится недоразумение с крестьянством, и от этого будут плохие результаты» [48, кн. 4, 187].

Но в принципе идея национализации земли поддерживалась и одобрялась большинством делегатов.

В ходе прений на съезде поднимался вопрос и о политике партии в отношении кулака. По этому вопросу высказывались различные мнения. Делегат из Цзянсу, например, пытался доказать, что «кулаки революционны», поскольку «жизнь кулака, хотя она и лучше, чем жизнь бедного крестьянина, но его жизнь подвергается большим опасностям, бандиты захватывают кулаков, чтобы потом получать выкуп, на них тяжело ложатся налоги со стороны государственной власти» [48, кн. 2, 114—115]. Но такое суждение было, пожалуй, единственным.

Участники съезда говорили, что при обострении классовой борьбы в деревне кулак обязательно выступит против революционного крестьянства. «Я думаю, что когда революция будет развиваться дальше,— заявил делегат, зарегистрированный под № 93,— кулаки неизбежно перейдут на сторону контрреволюции. Это я говорю по собственному опыту в уезде Ваньян. Но только часть кулаков будет переходить на сторону контрреволюции, потому что те кулаки, которые являются арендаторами и полуарендаторами, они не будут переходить на сторону контрреволюции, так как в процессе рево-

люции будут получать землю. А те кулаки, которые не могут получить землю от революции, они будут переходить на сторону контрреволюции и будут противиться переделу земли» [48, кн. 4, 163].

Часть делегатов допускала возможность нейтрализации кулачества и считала, что это следовало учесть при выработке линии борьбы в деревне. Делегат за № 60 заявлял: «Мы переживаем период буржуазно-демократической революции. В этот период, вообще говоря, кулачество можно нейтрализовать. Конечно, в некоторых местах зажиточная часть крестьянства стала уже контрреволюционной. При этом необходимо иметь в виду то обстоятельство, что так называемый кулак в Китае это не тот кулак, который существует, например, в Америке или в западноевропейских странах. В Америке и на Западе кулак-фермер не имеет земли, а арендует землю у помещиков, нанимает батраков. В Китае же кулак сам владеет землей, только количество ее меньше, чем у помещиков, и нанимает батраков. Поэтому при правильной политике нам удастся вовсе нейтрализовать зажиточные слои крестьянства, когда острие борьбы крестьянства будет направлено главным образом против помещиков, за раздел земель помещиков» [48, кн. 4, 164—165].

Делегат с мандатом № 96 предлагал пойти на уступки зажиточным крестьянам, чтобы добиться их нейтралитета в период борьбы против помещиков. По его мнению, «не надо было вести борьбы против кулаков, как ростовщиков, не вести борьбы за конфискацию их земель постольку, поскольку мы имеем единый фронт с этой частью крестьянства в общей борьбе против милитаристов и бюрократов». Он признавался, что не может представить себе, какими конкретными методами нейтрализовать зажиточную часть крестьянства: «Ведь эта часть крестьянства без определенных условий не войдет в блок с нами. Вот почему эта часть остается для меня какой-то непонятной. Непонятно то, что здесь говорится о том, что нельзя делать принципиальных уступок, но в действительности мы вынуждены будем делать уступки, если мы хотим действительно нейтрализовать крестьянство» [48, кн. 4, 177—178] [111].

---

[111] Здесь, видимо, в последней фразе выпало слово «зажиточное».

Цюй Цю-бо в своем выступлении поддержал линию на нейтрализацию кулака, допуская возможность уступок по отношению к нему, поскольку для всего крестьянства общим врагом являлись помещики и милитаристы. При этом он подчеркивал, что «когда дойдет дело до углубления и расширения в широком масштабе китайской революции, то точно так же, как крупная буржуазия ушла от нас после 30 мая, точно так же такое же положение мы будем иметь и в деревне. При расширении и углублении революции помещики сделают уступки крестьянам, конечно, не всем, а только кулакам. Тогда неизбежно кулаки изменят революции. Но пока еще мы не дошли до этого момента. Здесь мы вовсе не делаем уступок кулакам, все равно мы будем выдвигать пролетарское требование. Мы здесь вовсе не делаем уступок, мы против общего врага наступаем» [48, кн. 4, 182].

Не в меньшей степени волновал делегатов съезда и вопрос о батраке. Если китайский кулак не был похож на европейского кулака, то точно так же и китайский батрак сильно отличался от своего европейского собрата. Китайские коммунисты ломали голову над вопросом: наделять батрака землей или нет? Сомнения вызывались главным образом боязнью того, что, получив землю, батрак лишится своего пролетарского первородства и станет мелким собственником, т. е. пополнит ряды тех, кто потенциально является носителем капиталистических тенденций в деревне.

Некоторые делегаты предлагали выдвинуть требование увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня для батраков, считая, что батраки сохранятся в деревне и после раздела помещичьей земли [см. 48, кн. 4, 167]. Часть ораторов предлагала создавать в деревне отдельно от крестьянских союзов профсоюзы сельских наемных рабочих [см. 48, кн. 4, 188]. В прениях высказывалось мнение о необходимости наделения батраков землей. «Если мы вообще будем производить раздел земли, то надо дать землю и батракам» [48, кн. 4, 191],— говорил делегат за № 104. Но находились также ораторы, которые полагали нецелесообразным предоставлять батраку землю, потому что «у батраков еще нет инвентаря, и они все равно не могут обрабатывать свою землю» [48, кн. 4, 106].

В заключительном слове Ли Ли-сань не занял определенной позиции по вопросу о наделении батраков землей, считая, что этот вопрос решит сама практика. Его точка зрения сводилась к тому, что китайское батрачество следует рассматривать как пролетариат, и вопрос о нем является проблемой рабочего движения, а не крестьянского [см. 48, кн. 4, 121].

Обсуждение проекта аграрной программы КПК на VI съезде было весьма поучительным. В ходе прений делегаты рассказывали о местных особенностях земельных отношений, излагали требования крестьянских масс, неодинаковые в разных провинциях. Коммунисты — активные участники создания первых очагов Советской власти, приехавшие из районов партизанской борьбы, делились ценным опытом попыток практического разрешения земельного вопроса. Все это оживляло дискуссию, углубляло ее, помогало выработке более правильного подхода к требованиям, включаемым в аграрную программу.

Дискуссия могла бы быть более плодотворной и полезной, если бы составителей проекта и большинство делегатов не разделял понятийный и терминологический барьер [112]. В ходе прений споры часто возникали оттого, что в одни и те же термины люди вкладывали разное содержание, не всегда улавливали смысл и конкретное содержание тех или иных формулировок. Экономические и социальные категории, разработанные в результате обобщения западноевропейского и русского опыта, не всегда были понятны для аудитории, которая привыкла к другим традиционным понятиям. Не все участники съезда имели достаточную теоретическую подготовку, чтобы легко и быстро усвоить непривычную и для слуха, и для понимания терминологию.

Сложный, запутанный характер аграрных отношений в Китае трудно было объяснить, пользуясь категориями политической экономии капитализма. Это порождало

[112] В своем докладе Ли Ли-сань заявил, что «проект резолюции написан иностранными товарищами на иностранном языке и содержит в себе очень сложные вещи. Перевод не очень хорош, и поэтому многое может быть трудно для понимания товарищей. Так как аграрный вопрос очень сложный, так как тут имеется очень много политических и экономических терминов, совершенно непривычных еще для некоторых товарищей, особенно в переводе, то я считаю своим долгом предупредить вас об этом» [48, кн. 4, 38].

путаницу и излишние недоразумения. Такие термины, как «феодальные отношения», «сельская буржуазия», «наемный труд», «сельскохозяйственный пролетариат», понимались и трактовались неодинаково, в зависимости от конкретного опыта каждого делегата и от степени его марксистского образования. Не случайно поэтому, что на съезде часто раздавались жалобы на неясность, сложность, непонятность употребляемых формулировок и положений. Все это не могло не наложить своего отпечатка на ход и содержание дискуссии на съезде.

И все же, несмотря на эти недостатки, следует признать огромное значение работы, проделанной на съезде. Принятие резолюции по аграрному вопросу представляло собой крупный качественный вклад в понимание аграрной проблемы, путей и методов ее решения.

VI съезд отказался от употребления термина «азиатский способ производства», как не отражающего сущности аграрных отношений в Китае. В резолюции съезда подчеркивалось: «Определение современного общественного строя в Китае как переходного строя от азиатского способа производства к капитализму ошибочно.

Попытка характеризовать современный социально-экономический строй Китая в целом и китайской деревни в частности как переходный строй от азиатского способа производства к капитализму должна быть признана ошибочной, поскольку наиболее существенные черты азиатского способа производства:

1) отсутствие частной собственности на землю, 2) руководство со стороны государства созданием крупных общественных сооружений (прежде всего рациональной системы водоснабжения), т. е. сооружений, представляющих материальное основание власти централизованного правительства над мелкими производительными организациями — общинами и, наконец, 3) прочное существование общинной системы, покоящейся на основе домашней связи между земледелием и промышленностью и прочее. Все это и в особенности первое — основное, противоречит действительности Китая» [49б, 39].

VI съезд пришел к выводу, что «современный аграрный строй в Китае является строем полуфеодальных отношений.

Отмеченные черты аграрных отношений в Китае по-

казывают, что строй социально-экономической жизни современной деревни насквозь пронизан пережитками феодальных отношений прошлого. Различные особенности исторического развития китайского феодализма и отличие его в прошлом от феодализма западноевропейских стран, сосуществование „государственного“ и „частного“ феодализма в Китае, их взаимные противоречия и борьба нисколько не меняют того основного факта, что в современных, переходных к капитализму условиях охарактеризованные выше черты аграрных отношений могут и должны быть определены только как полуфеодальные отношения» [49б, 39].

В резолюции съезда указывалось на следующие особенности землевладения в Китае:

«1) прогрессирующее преобладание буржуазного землевладения (приобретение земли за деньги);

2) широкое распространение натуральной ренты (иногда лишь в замаскированной форме денежных отношений);

3) широкое преобладание мелкого помещичьего землевладения среди класса землевладельцев и сравнительно незначительный удельный вес крупного землевладения (слабая индивидуальная концентрация земли при усиливающейся концентрации земли всем классом землевладельцев);

4) неравномерное развитие крупного землевладения по разным провинциям» [49б, 35].

Резолюция отмечала, что «буржуазная форма землевладения сочетается в Китае с полуфеодальными формами эксплуатации» [49б, 36], подчеркивала кабальный характер арендных отношений. В ней давалась развернутая характеристика роли торгового и ростовщического капитала в аграрном строе Китая, отмечался его грабительский характер, подчеркивалось полное сращивание (личная уния) представителей торгового и ростовщического капитала с представителями землевладельческого класса [49б, 38].

В резолюции содержалась характеристика социально-классовой структуры китайской деревни, отмечался процесс классового расслоения, который «находит свое выражение в том, что в китайской деревне на одной стороне возникают мелкие сельские капиталисты, эксплуатирующие наемный труд, а на другой стороне форми-

руется армия сельскохозяйственных пролетариев» [49б, 44].

Авторы резолюции, как видим, не приняли во внимание мнение многих делегатов съезда о малочисленности в Китае батраков и кулаков, наличие которых не меняло в целом социального облика китайской деревни, где на одном полюсе были помещики, на другом — крестьяне-арендаторы.

Многочисленный слой мелких земельных собственников резолюция заносила в разряд полупролетариев, отмечая, что «в условиях общей отсталости китайской экономики очень часто грань между непосредственными пролетариями и полупролетариями совершенно стирается» [49б, 45].

Это положение было неубедительно, бездоказательно, оно не подтверждалось конкретным анализом социальной структуры деревни. Как бы ни были близки условия жизни батраков и бедняков, имевших собственный клочок земли и арендовавших землю у помещика, положение их все же было разным. Интересы бедняков и батраков не во всем и не всегда совпадали, хотя, разумеется, в главном их объединяла общая тяга к земле. Таким образом, в целом при анализе социального состава китайской деревни авторы резолюции преувеличили роль и значение капиталистических и пролетарских элементов.

Рассматривая возможные пути развития производственных отношений в сельском хозяйстве, VI съезд приходил к выводу о малой вероятности перехода от полуфеодальных форм эксплуатации крестьян к капиталистическим, хотя теоретически в принципе эта возможность полностью не отвергалась, тем более что революционная борьба крестьянства за землю объективно была борьбой за капиталистический путь развития сельского хозяйства.

Более вероятной представлялась перспектива революционного перехода к социалистическим порядкам. В резолюции подчеркивалось: «После победы аграрно-крестьянской революции перед городскими рабочими и пролетарскими и полупролетарскими слоями крестьянства сразу же встанет задача подготовки условий для перехода к социалистической революции» [49б, 48—49].

«Этот путь исторического развития,— отмечалось в

резолюции,— помимо всего прочего, значительно облегчается полной политической дискредитацией китайской буржуазии в качестве гегемона национальной революции, дискредитацией, обусловливающей высокий уровень классовой сознательности пролетариата при неизбежном торжестве революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Вместе с победоносным пролетариатом СССР, непосредственно строящим социализм, вместе с социалистическим пролетариатом передовых стран и самого Китая — к социализму,— таков единственно спасительный путь для революционного крестьянства Китая» [49б, 49].

Идея перехода к социализму была выражена в резолюции в предельно ясной форме. Основная борьба в деревне должна была, таким образом, по мысли авторов резолюции, развернуться не между помещиками, с одной стороны, и крестьянством — с другой, а между сельской буржуазией и сельским пролетариатом. В качестве объективных политических факторов, которые должны были предопределить социалистический исход этой борьбы в деревне после победы аграрной революции и уничтожения полуфеодальных порядков, назывались: 1) организованность и сознательность захвативших власть рабочих и крестьян; 2) политический крах — дискредитация буржуазии как руководящей силы революции; 3) союз с пролетариатом Советского Союза и силами мирового пролетариата; 4) существование огромной армии сельскохозяйственного пролетариата и полупролетариата.

Опыт развития китайской революции после VI съезда показал, что из перечисленных четырех факторов реально имелся лишь один — третий. Остальные три фактора сыграли меньшую роль. Теоретически рассуждая, сама по себе мысль о будущей перспективе осуществления социалистической революции в сельском хозяйстве была в резолюции необходимой. Она указывала коммунистам на конечные цели китайской революции, рисовала те идеалы, за воплощение которых им предстояло бороться. Но в резолюции VI съезда эта перспектива выдвигалась как задача, за реализацию которой надо было браться в ближайшее время. Такое смещение акцентов, естественно, дезориентировало китайских коммунистов. При этом нельзя не учитывать того, что иллюзии и надежды на

быстрое перерастание китайской революции в социалистическую, как показала дискуссия на съезде, были сильно распространены в партии, и содержавшаяся в аграрной резолюции установка на борьбу за социалистический путь развития деревни мало способствовала их преодолению.

Требования, вошедшие в принятую съездом аграрную программу, предусматривали прежде всего полное устранение всех пережитков средневековья в китайской деревне, т. е. имели в виду осуществление буржуазно-демократических задач китайской революции.

В аграрной программе говорилось, что на этапе буржуазно-демократической революции Коммунистическая партия Китая будет добиваться:

«1. Свержения власти помещиков, джентри и чиновников в деревне, разоружения вооруженных сил контрреволюции для вооружения крестьянства и установления в деревне власти Советов крестьянских депутатов.

2. Немедленной отмены помещичьей собственности на землю без всякого выкупа: захваченные земли поступают в распоряжение местных Советов крестьянских депутатов для перераспределения их в пользование между безземельными и малоземельными крестьянами.

3. Передачи родовых, храмовых, монастырских и других видов общественных земель, а также пустопорожних и песчаных земель данного района в распоряжение Советов крестьянских депутатов для перераспределения их между местными крестьянами в пользование.

4. Создания специального земельного фонда из местных государственных и других земель и колонизационного фонда для наделения ими солдат рабоче-крестьянской армии в хозяйственное пользование.

5. Объявления всех ростовщических займов недействительными.

6. Отмены всех земельных и других кабальных договоров и сделок устных и письменных.

7. Отмены всех налогов и поборов, взимаемых милитаристами и местными властями. Уничтожения системы откупа налогов. Установления единого прогрессивного сельскохозяйственного налога.

8. Государственной помощи сельскому хозяйству:

а) землеустройство;

б) улучшение и расширение оросительной системы;

в) помощь в борьбе со стихийными бедствиями;

г) государственная организация переселенчества;

д) организация дешевого кредита через сельскохозяйственные банки и кредитную кооперацию;

е) организация сбытовой и снабженческой кооперации;

ж) установление единой денежной системы и единой системы мер и весов и другие мероприятия.

9. Источники орошения и леса переходят в распоряжение советского правительства» [49б, 50].

В заключении программы подчеркивалось, что «после упрочения Советской власти должна быть проведена национализация всей земли» [49б, 51].

В этой программе было несколько существенных отличий от решений V съезда КПК. Если V съезд предусматривал конфискацию земель только у крупных и средних помещиков, то VI съезд требовал конфискации всей помещичьей земли без исключения. Согласно программе VI съезда земля, отбираемая у помещиков, подлежала распределению между всеми безземельными и малоземельными крестьянами, а не только между арендаторами, обрабатывающими ее, как это было решено на V съезде. Наконец, было устранено содержавшееся в резолюции V съезда противоречивое, неясное положение о налоге, взимаемом с крестьян.

VI съезд, несомненно, сделал значительный шаг вперед в выработке аграрной программы партии. Возможность конфискации и передела помещичьей земли VI съезд, как и V, связывал с завоеванием политической власти. Это находилось в полном соответствии с указанием В. И. Ленина, что «коренная мера уничтожения помещичьего землевладения немыслима без коренного изменения государственных форм» [15, 259].

Конечно, в программе видны следы ошибочных взглядов о социалистическом характере революции, выдвигаемые ею требования призваны были облегчить и ускорить переустройство китайской деревни на принципах социализма. Программа исходила из неверной, не соответствовавшей действительности предпосылки, что революционное крестьянство Китая будет стремиться к отмене частной собственности на землю. Максимальные требования программы не дополнялись переходными, проме-

жуточными лозунгами. Но в целом программа, принятая VI съездом, была важным этапом в формировании стратегии и тактики китайских коммунистов в революции.

Большое внимание участники съезда уделили крестьянскому движению. В докладе Ли Ли-саня говорилось о невиданном подъеме крестьянской борьбы, выражавшемся в выдвижении лозунга конфискации земли. Вместе с тем отмечалось, что крестьянское движение развивалось неравномерно, и не только потому, что в одних провинциях оно охватывало относительно широкие массы, а в других — лишь немногочисленные группы крестьян. Показателем неравномерности крестьянского движения было различное содержание лозунгов, а также форм организации крестьян.

В одних районах, говорил докладчик, крестьяне требовали конфискации земли и ее раздела между крестьянами, в других — выступали лишь за отмену высоких налогов и незаконных поборов, не требуя даже снижения арендной платы. В одних районах крестьяне объединялись в крестьянские союзы и целыми деревнями вступали в коммунистическую партию, в других — входили в тайные союзы средневекового типа или в бандитские и полубандитские организации.

В докладе указывалось на разное отношение к борьбе за передел земли различных категорий крестьянства. Если бедняки и середняки в целом выступали за аграрный переворот, то в отношении кулаков дело обстояло сложнее. Ли Ли-сань говорил, что «в то время когда крестьянское движение только началось, кулак был настроен так, что мы должны сохранять порядок. В период подъема крестьянского движения кулаки настроены за революцию, были даже сторонниками революции. Но когда начала углубляться аграрная революция, кулак сейчас же стал фактором реакции. Имеются еще такие слои кулачества, которые настроены якобы нейтрально. Они говорят, что их голова нужна троим: нужна коммунистической партии, нужна крестьянам и нужна милитаристам. Эта характеристика говорит о том, что существует известный слой кулачества, который всем недоволен: недоволен революцией, недоволен и контрреволюцией. Но в общем нужно сказать, что по мере продвижения революционного движения вперед кулак неизбеж-

но превращается сейчас в фактор контрреволюции» [48, кн. 4, 155—156].

По мнению Ли Ли-саня, в качестве общей линии «партия должна объединить возможно более широкие массы крестьянства, создать единый фронт бедноты, середняка, зажиточной части, нейтрализуя кулачество, для борьбы с реакцией. Это есть общая линия, но, повторяю, эта общая линия реализуется в зависимости от конкретных условий в том или другом районе. Если же на севере существует известная революционно-настроенная зажиточная часть крестьянства, то ее необходимо вовлечь в революционную борьбу, а не нейтрализовать ее. А на юге, несомненно, надо вести борьбу против всего кулачества» [48, кн. 4, 156].

Основной движущей силой аграрной революции, ее опорой в докладе назывались батраки и бедняки, выступающие в союзе с середняками. Именно исходя из интересов укрепления союза с середняком, подчеркивал Ли Ли-сань, и не следовало выдвигать лозунг уравнительного передела земли. Но если лозунг уравнительного передела земли выдвигается самими крестьянами, то «тогда мы должны поддерживать его, если же крестьяне сами не выдвигают этого лозунга, то и мы не должны выдвигать. Но в тех случаях, когда мы выдвигаем этот лозунг, мы должны указывать одновременно, что эта мера не может избавить крестьянство от всех тягот его существования. Надо указывать крестьянам, что только коллективное производство может избавить их от тяжелого положения. Особенно в местах, где большинство составляют середняки, нельзя выдвигать такого лозунга» [48, кн. 4, 157].

Ли Ли-сань, допуская, что в ряде районов крестьяне созрели лишь для выдвижения частичных требований — уменьшения налогов и других повинностей, считал необходимым в таких случаях поддерживать эти требования.

Рассматривая вопрос о формах организации крестьян, Ли Ли-сань подчеркнул огромное значение крестьянских союзов. «Мы должны всемерно расширять эти организации,— заявлял он,— и даже в тех местах, где помещики пользуются очень большой силой. Даже и там мы должны организовывать крестьянские союзы, но, конечно, в нелегальной форме, чтобы организовывать крестьян для борьбы» [48, кн. 4, 158]. В то же время «в местах, где

были победоносные крестьянские восстания, мы должны организовывать Советы. В местах, где уже существуют Советы, мы можем постепенно упразднять крестьянские союзы. Но это не обязательно, что всюду их надо упразднять. В местах, где крестьяне хотят сохранить эти союзы, мы должны оставлять их. Когда крестьяне сами усвоят, что такое Совет, его роль и значение, то тогда можно вновь поставить вопрос об упразднении крестьянских союзов» [48, кн. 4, 158].

Таким образом, крестьянские союзы рассматривались как временные органы сельской власти, как форма организации, необходимая лишь до образования Советов.

Партизанская борьба, которая в основном развертывалась в южных и центральных районах страны, по мнению докладчика, должна была приобрести более целеустремленный характер, характер аграрной революции против помещиков.

Ли Ли-сань подчеркивал необходимость укрепления связей партизанских отрядов с крестьянами. Дело в том, что в ряде районов крестьяне враждебно смотрели на действия партизанских отрядов, считая их разрушительной, реакционной силой, приравнивали их к бандитским шайкам, способным лишь творить убийства и поджоги. Еще с большей тревогой и недовольством следили за действиями партизанских отрядов горожане, так как, когда партизаны захватывали какой-нибудь город, они стремились уничтожать все дотла. Практикуемые партизанами убийства, поджоги и экспроприация имущества пугали городское население.

«Мы должны,— говорил Ли Ли-сань,— особое внимание обращать на то, чтобы партизаны имели тесную связь с массами. Если они оторвутся, отойдут от масс, то массы будут смотреть на них, как на бандитов. Плохая организация может вызвать недовольство со стороны крестьян. Поэтому нужно, чтобы партизаны были ближе к массам, чтобы массы сами видели, что [это] не есть организация, противопоставленная им, чтобы они убедились, что дело партизан — это их собственное дело. Раньше эта работа была поставлена плохо. Дальнейшая наша [задача] заключается в том, чтобы внести организованность в партизанское движение. Раньше наблюдалось много нежелательных явлений, которые вызывали недоразумения с крестьянами. Поэтому крестьяне часто

считают партизан реакционной силой. Но и не только крестьяне. Партизаны поджигали иногда города и т. д. Одной из наших задач является установить хорошие отношения между деревней и городом. Крестьяне считали, что город — это есть реакционная сила, и поэтому, когда занимали какой-нибудь город, то часто уничтожали его. Из-за этого получались обостренные отношения с городскими рабочими» [48, кн. 4, 159—160].

Ли Ли-сань обращал особое внимание на то, чтобы рабочий класс, партия взяли на себя руководство стихийными восстаниями крестьян. С этой целью, указывал он, надо направлять в деревню рабочих, используя и безработных. В докладе говорилось: «Наша партия в деревне должна ставить себе задачу, чтобы руководство крестьянского движения находилось в руках рабочих, чтобы объяснять крестьянам задачи аграрной революции и значение рабочих в аграрной революции. Мы не хотим, чтобы все крестьяне входили в нашу партию. Но это не значит, что наша партия совершенно исключает крестьян вступать в ее члены. И беднота и батраки могут вступать в нашу партию. Для нашей работы в деревне должны выдвигаться на руководящую работу опытные рабочие» [48, кн. 4, 160].

Дальнейший опыт показал, что практически осуществить эти пожелания оказалось невозможным. После того как Компартия Китая лишилась своих опорных точек в промышленных центрах, она сохранила очень слабые связи с рабочим классом.

Она была не в состоянии воспитать в достаточном количестве рабочих-партийцев для работы в профсоюзных организациях на фабриках и заводах, тем более у нее не было возможности подобрать опытных, политически грамотных рабочих для отправки их на работу в крестьянских организациях.

В прениях по вопросам развития крестьянского движения делегаты жаловались на большие трудности мобилизации крестьянских масс на борьбу, подчеркивали необходимость более объективного и реалистического учета и обобщения крестьянских требований.

На съезде разгорелись споры и об отношении коммунистов к террористическим актам, совершаемым в деревне (убийство помещиков, поджоги помещичьих домов и т. д.). Единодушной позиции по этому вопросу достиг-

нуть было особенно трудно. Многие делегаты считали, что, только организуя террор против помещиков, можно поднять крестьян на борьбу. Делегат из Хубэя говорил: «Из прошлого опыта мы знаем, что только убийством джентри можно поднять крестьян на восстание», и поэтому, «чтобы перетянуть крестьян на нашу сторону, нам нужно больше убивать джентри» [48, кн. 2, 151]. По словам же Сян Ина, «если говорить о руководстве в деревнях, то до сих пор мы применяли только метод убийства нескольких джентри, тухао, помещиков, чтобы призывать крестьян восставать. Но организационным методом, путем организации, мобилизации масс крестьянства до сих пор еще не работали» [48, кн. 2, 51].

Делегат за № 96, соглашаясь с тем, что убивать, поджигать и грабить — это плохо, в то же время подчеркивал, что «и дальше казнить джентри и помещиков необходимо. Нельзя запретить партизанским отрядам расстреливать своих противников. Если противник массами убивал родителей этих крестьян, насиловал их жен, у крестьян в связи с этим не могло не накопиться ненависти по отношению к своим классовым врагам. Если эти массы поднимутся, то мы эту стихию, эту силу не сможем остановить» [48, кн. 4, 179]. Он выступил против попыток поправлять в этом деле крестьян, но предложил усилить руководство движением.

Делегат из Чжэцзяна придерживался иной точки зрения. «Если проводим нашу политику,— говорил он,— начинаем убивать джентри и помещиков, то оказывается, что и крестьяне, и помещики — все убежали из деревни, бежали в город. Крестьяне испугались, помещики тоже, и здесь такой способ массового развития не годится. Не все крестьяне хотят сразу идти на убийство людей. Тов. Ли говорит, что в крестьянстве начинается вооруженная борьба. Это не совсем, по-моему, правильно» [48, кн. 2, 90].

Выступая в принципе против убийств и поджогов, называя их чуждыми пролетариату анархистскими явлениями, Цюй Цю-бо вместе с тем стоял за то, чтобы не одергивать крестьян, не охлаждать их боевой пыл. «Вся политика нашей аграрной революции, цель этой политики,— говорил он,— есть именно истребление помещичьего класса как целого класса, но это еще не значит, что нужно физически истреблять всех подряд. Если кресть-

яне хотят убивать, пусть убивают, потому что они гораздо яснее видят своего врага, гораздо лучше, чем мы, когда вырабатываем книжные теории, постановляя, где и сколько надо убивать, и посылая потом специальные приказы, чтобы они их исполняли. Пусть сами убивают, они лучше знают, кто враг. Но эти убийства врагов не должны быть тайным образом в лесу, хотя иногда придется еще этим пользоваться, но надо так сделать, чтобы крестьяне сами выступали и казнили их. Здесь товарищи говорят, что до августовской конференции, когда крестьяне выступали с хлопушками, мы говорили, что надо их исправлять, и теперь говорим, что нужно исправлять. Это совсем другое дело, здесь не одинаковое положение. На VI съезде мы говорим, что надо исправить анархические тенденции — только убийства и только поджоги, но мы вовсе не говорим, что надо все прекратить, что надо оставить эти убийства и поджоги. Мы только против убийств и поджогов как цели, мы знаем, что такие действия оказывают большое влияние на широкие слои, и потому нужно, чтобы эти действия не уронили авторитета коммунистической партии, как партии, которая может спасти страну, которая может строить новую жизнь для трудящихся. Если же выступаем с поджогами и убийствами, то это компрометирует партию перед массами и в общем это есть не пролетарская идеология. Иногда, конечно, может быть, казнят одного-двух невинных людей, это неважно. Мы говорим, что когда массы требуют убийств и поджогов, мы не будем их ограничивать, не будем защищать помещиков, мы должны внести организованность в эти действия» [48, кн. 4, 183].

В прениях был затронут вопрос и о том, насколько правильно и целесообразно пропагандировать среди крестьян лозунг Советов.

Делегат, зарегистрированный под № 115, заявлял: «Лозунг Советов не совсем еще понятен массам. Словно „совет“ для наших крестьян непонятная вещь. Поэтому у меня такое предложение: лучше отменить лозунг советов и выдвинуть лозунг делегатских собраний рабочих, крестьян и солдат. Это будет понятнее массам» [48, кн. 4, 187].

Против этого возражал делегат с мандатом № 104, по мнению которого, «делегатские собрания рабочих,

крестьян и солдат не имеют никакого особенного значения, в то время как советы имеют большое значение, поскольку они руководятся рабочим классом» [48, кн. 4, 191].

Как большой недостаток отмечалась на съезде слабость работы коммунистов по организации крестьянских союзов, отсутствие хорошо налаженной, постоянной связи партии с крестьянством. В отчете по организационным вопросам признавалось: «Когда мы перешли на нелегальное положение, связь между партией и крестьянскими союзами несомненно ослабела, иногда и совсем порывалась. Мы посылаем также и теперь инструкторов в деревню, но они едут только с той целью, чтобы вызвать, организовать восстание. Если восстание удачно в том или другом районе, то сейчас же организуется крестьянский союз. Если же вооруженное восстание, наоборот, терпит поражение, то никаких организаций в связи с этим не возникает. Кроме того, в связи с победоносным повстанческим движением крестьянства возникли не только крестьянские союзы, но и партийные организации, причем отсутствовала попытка дифференцировать различные слои крестьянства. Крестьянские союзы, возникшие в результате победоносного восстания, охватывали различные элементы социальных слоев. Это бывает также и с партийной организацией в деревнях... Любопытно, что, когда крестьяне терпят поражение в восстании, обыкновенно организация переносится в горы, и там они живут, как бандиты, связь порывается» [48, кн. 4, 11—12].

Докладчик отмечал: «У нас нет крепкой деревенской организации. Товарищи нередко выставляли такой аргумент в защиту того, что в деревне партия имеет большое влияние, что крестьяне во время восстания написали плакат „да здравствует компартия“ и молятся перед ним, как перед богом. Это недостаточно, это доказывает непонимание компартией того, как нужно вести работу среди крестьянства. Нам необходимо вести повседневную борьбу за расширение влияния партии среди крестьян путем разъяснения задач партии, значения партии и т. д.» [48, кн. 4, 20].

В принятой VI съездом КПК резолюции по крестьянскому движению подчеркивалось, что в силу обострения классовых противоречий в деревне «крестьянское дви-

жение отличается *высоким уровнем крестьянских требований и ожесточенностью борьбы»* [48, кн. 6, 1][113].

Вместе с тем отмечался неравномерный характер крестьянского движения в различных районах страны.

Съезд указал, что «в борьбе против милитаристов, помещиков, тухао, джентри и всех видов врагов феодальной эксплуатации вся масса крестьянства *может выступить единым политическим фронтом*. Однако по мере углубления и развития крестьянской борьбы *очень скоро выявляется классовый антагонизм* между сельским пролетариатом и крестьянской буржуазией, между беднотой и зажиточными слоями деревни. Особенно наглядно это выступает после победы крестьянских восстаний *при уравнительном переделе земли»* [48, кн. 6, 2(70)].

Такая постановка вопроса логически вытекала из неправильного анализа социальной структуры и соотношения классовых сил в китайской деревне. Она была также непосредственно связана с тезисом о перерастании китайской революции в социалистическую.

Политика в отношении кулака, указывала резолюция, должна определяться в зависимости от его поведения (союз, борьба или нейтралитет).

В ней подчеркивалась важность союза с середняком как основного условия достижения победы в аграрной революции. Большое значение имел пункт, запрещающий принудительные переделы земли в районах преобладания среднего крестьянства, дабы не ущемлять его интересов.

Партия обязывалась поддерживать лозунг уравнительного передела земли в тех случаях, когда его отстаивает большинство крестьян, сохраняя за собой право критиковать это требование как иллюзию мелкобуржуазного социализма.

Резолюция предусматривала создание самостоятельных организаций сельского пролетариата со своей собственной программой. В дальнейшем жизнь показала нереальность и ненужность этого.

VI съезд призвал к расширению и укреплению крестьянских союзов как важного орудия мобилизации

---

113 Такая оценка находилась в противоречии с фактами, приводившимися на съезде.

широчайших масс крестьянства и сплочения их вокруг лозунгов революции. После победы, по мысли авторов решения, они должны были стать костяком власти Советов крестьянских депутатов. Партизанские действия признавались в резолюции основной формой крестьянской борьбы, и коммунисты должны были обеспечить руководство ими, усиливая организованность партизанских отрядов, помогая им устанавливать более тесные связи с массами. Указывалось, что их следует постепенно превращать в части рабоче-крестьянской Красной армии. VI съезд предостерегал командиров партизанских отрядов против «бесцельных, не вызываемых действительными интересами революции, убийств и поджогов» [48, кн. 6, 7(75)].

В целом резолюция по крестьянскому движению была пронизана стремлением усилить партийное руководство крестьянской борьбой, координировать борьбу крестьян в деревне с борьбой рабочего класса в городах.

На VI съезде была принята резолюция и по вопросу об организации Советской власти [49а]. Она нацеливала коммунистов на активизацию практической подготовительной и организационной работы по созданию Советов. «Партия должна разослать представителей во все крупные деревни для проведения работы по организации власти на местах,— говорилось в резолюции.— Эти представители должны установить связь с крестьянскими союзами, партизанскими отрядами, активными или же заслуживающими доверие крестьянами и со всеми организациями, могущими оказать помощь осуществлению восстания, а также подготовлять и намечать революционных и пользующихся авторитетом крестьян, с тем чтобы они могли взять власть в районах и войти в состав революционных комитетов соответствующих районов» [49а, 53].

Съезд наметил, таким образом, линию на расширение и углубление движения за создание Советов как органов новой власти, формируемой в результате победы рабоче-крестьянской революции. В резолюции не было уточнено, будут ли Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов органами диктатуры пролетариата или органами рабоче-крестьянской диктатуры. Этот вопрос авторы резолюции оставляли открытым, что вполне

следствии способствовало появлению представлений о пролетарской сущности Советской власти, провозглашаемой в сельских районах страны.

Этот вопрос имел не только чисто теоретическое, но и практическое, политическое значение. Трактовка Советской власти как органа диктатуры пролетариата сказывалась на содержании законов и социально-экономической политики, проводимой на территории советских районов, на характере преобразований, осуществлявшихся в деревне. Подчеркивание на словах руководящей роли рабочего класса в советских районах, где, по существу, не имелось промышленного пролетариата, вело к дискредитации идеи диктатуры пролетариата в глазах крестьянских масс, к ослаблению союза между рабочим классом и крестьянством.

После VI съезда Компартия Китая продолжала проводить курс на подготовку восстания, ставя своей целью вооруженное свержение гоминьдановской власти. Руководители КПК надеялись на приближение новой революционной волны, нового могучего вала, который сметет с лица китайской земли своих и иноземных эксплуататоров и угнетателей. Эта мысль красной нитью проходила через выступления руководящих деятелей Компартии Китая. На VI конгрессе Коминтерна Цюй Цю-бо указывал на неизбежность наступления нового революционного подъема и подчеркивал, что главной задачей партии должна явиться борьба за массы. «Эта задача,— говорил он,— должна быть понята в том смысле, что революция в Китае не умерла, что она продолжает развиваться и после тяжелых поражений, что она должна сейчас снова собрать свои силы. Она должна собрать свои силы не только для того, чтобы организовать планомерное профдвижение, но и для того, чтобы от бывших неорганизованных, непланомерных восстаний повести массы к подготовленным, организованным, планомерным восстаниям. Только такое восстание может окончательно свергнуть господство буржуазии, джентри и помещиков в лице гоминьдана и только таким образом задачи китайской революции могут быть разрешены. И только когда будет не только революция, но ее победа, когда революция победит в решающих центрах отдельных провинций, а еще лучше, когда победит национальное восстание, только тогда де-

мократическая диктатура пролетариата и крестьянства будет перерастать в диктатуру пролетариата» [32, 104].

Установка на социалистическую революцию, причем не в отдаленной перспективе, а в ближайшем будущем, вела к тому, что вся энергия, вся активность коммунистов сосредоточивалась не на ведении политической борьбы за национально-освободительные и демократические цели революции, а на работе по подготовке условий, облегчающих переход к социализму.

Именно это определяло отношение партии к кампании за созыв Национального собрания, к профсоюзному движению, отвлекавшим, с точки зрения коммунистов, рабоче-крестьянские массы от их прямой и единственной задачи — подготовки и проведения вооруженных восстаний. В жизни это порождало отчуждение масс, прогрессивной интеллигенции от коммунистов, сдерживало процесс пробуждения классового сознания китайского пролетариата, роста его политической активности, играло на руку гоминьдановским реакционерам в их борьбе против компартии.

В решениях VI съезда были намечены основные политические задачи партии, методы их осуществления. Дискуссия, протекавшая на съезде, стремление извлечь уроки из поражений и неудач помогли внести сравнительно большую ясность во многие теоретические вопросы. Принятые съездом и зафиксированные в его документах теоретические оценки современного этапа китайской революции, критика ошибочных положений, содержавшихся в решениях ноябрьского пленума, и особенно теории перманентной революции, давали в целом основу для разработки правильной тактической линии. Вместе с тем в документах съезда повторялись установки, которые были выработаны в критические для китайской революции дни, во времена внутреннего кризиса в руководстве КПК. В новых, изменившихся условиях они мешали нормальной и эффективной деятельности коммунистической партии. Резко враждебное отношение к национальной буржуазии сильно затрудняло и осложняло задачу собирания и организации всех национально-демократических сил для борьбы против общего врага — империализма и феодализма. Мало способствовал росту влияния компартии и ее отрицательный под-

ход к единому фронту, который рассматривался как соглашательство с национальной буржуазией. Практически это вело к тому, что попытки принять участие в санкционированных гоминьдановским правительством выступлениях и демонстрациях против японского империализма расценивались как рецидивы примиренчества и оппортунизма по отношению к национальной буржуазии, как знак поддержки нанкинского правительства.

Наиболее значительным успехом VI съезда КПК следует признать аграрную программу, которая, подытожив и обобщив теоретический и практический опыт китайских коммунистов, на долгое время определила политику партии в деревне, заложила основы разрешения аграрного вопроса. Отдельные положения этой программы менялись и уточнялись в результате практической деятельности компартии в период советских районов, в годы антияпонской и народно-освободительной войн, но в целом вплоть до победы революции в 1949 г. ее основные положения — во-первых, конфискация без выкупа всей помещичьей земли и ее распределение между безземельными и малоземельными крестьянами и, во-вторых, соблюдение при проведении аграрных преобразований политики опоры на бедняков и батраков, поддержание союза с середняком под руководством рабочего класса — сохраняли свою силу.

В Китае не было другой политической силы, которая смогла бы взять на себя решение аграрного вопроса путем радикальных, антипомещичьих реформ, осуществление суньятсеновского лозунга «Земля тому, кто ее обрабатывает!». Китайская буржуазия была не способна к этому. Слишком сильны были узы, связывающие ее с классом помещиков. Гоминьдановские лидеры, обещавшие крестьянству снижение арендной платы, не сделали этого. Предпринимавшиеся в отдельных районах страны робкие попытки сокращения арендной платы на 25% быстро были прекращены. Нанкинское правительство боялось, что и эта половинчатая мера вызовет цепную реакцию в крестьянских массах и приведет к усилению их натиска на позиции помещиков.

Гоминьдан не стал последовательным выразителем классовых интересов национальной буржуазии, которая была лишена возможности оказывать решающее влияние на формирование национальной и социальной по-

литики. В этом смысле можно сказать, что если в революции 1925—1927 гг. рабочему классу не удалось добиться успеха, то и национальная буржуазия как класс полной победы над реакционными силами внутри страны и над империалистами не одержала. По-прежнему (может быть, в меньшей степени, чем раньше) политическая власть в стране и командные посты в национальной экономике принадлежали военно-феодальным силам, тормозившим свободное развитие капитализма, мешавшим утверждению полного господства капиталистических производственных отношений в масштабах всей страны.

Поражение рабочего класса и крестьянства в революции 1925—1927 гг. было отчасти и поражением национальной буржуазии, которая, потеряв союзников в лице рабочего класса и крестьянства, не сумела укрепить своих политических и экономических позиций. В результате она оказалась не в состоянии бороться за доведение до конца буржуазно-демократической революции, принять активное участие в борьбе за ломку отживших полуфеодальных отношений в деревне, сыграть определяющую роль в борьбе за радикальное переустройство аграрной системы Китая.

Эту роль взяла на себя Коммунистическая партия Китая, став единственным выразителем крестьянских интересов, безраздельным руководителем борьбы за социальное и экономическое освобождение крестьянства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перед Коммунистической партией Китая, созданной в 1921 г., история поставила сложную и трудную задачу применить марксистско-ленинское учение в условиях общества, где преобладали докапиталистические отношения, использовать опыт первой в мире пролетарской революции для решения проблем буржуазно-демократической, национально-освободительной революции.

Для китайских коммунистов процесс овладения марксизмом-ленинизмом, разработки теоретических принципов и практических методов своей деятельности одновременно был и процессом познания конкретно-исторической действительности, без объективного научного анализа особенностей которой бесплодным оказывалось и усвоение марксизма-ленинизма.

Важное место в истории формирования теории китайской революции занимала разработка основ аграрной программы. От степени понимания роли аграрного вопроса, от нахождения правильных методов его решения во многом зависела эффективность деятельности коммунистов в период революции 20-х годов и в последующие годы. Работа над составлением аграрной программы явилась для китайских коммунистов одновременно работой по изучению социально-экономической сущности китайского общества, характера земельных отношений в стране, содержания революционного процесса.

В сравнительно короткой истории формирования аграрной программы Коммунистической партии Китая можно выделить три периода: 1) период от образова-

ния партии до сотрудничества с гоминьданом; 2) период сотрудничества с гоминьданом; 3) период самостоятельной политики после разрыва отношений с гоминьданом.

В первый период аграрная тема занимала относительно незначительное место в теоретических выступлениях китайских коммунистов, хотя важность аграрного вопроса и роль крестьянства в революции признавались и подчеркивались. Китайские коммунисты под воздействием Октября высказывались за революционный метод решения аграрной проблемы, как и других социальных проблем Китая, выдвигали идею национализации земли. В этот период у них не было ясности в понимании социально-экономического характера производственных отношений в китайской деревне. Вместе с тем они были убеждены в несправедливости этих отношений, в существовании имущественных различий и в наличии эксплуатации крестьян помещиками.

К этому же периоду относились первые попытки начать просветительную и организаторскую деятельность в деревне. Эти попытки, связанные с именем Пэн Бая, помогали коммунистам познакомиться с реальным содержанием крестьянских требований, с подлинными настроениями земледельцев.

Во второй период Коммунистическая партия Китая разработала основы аграрной политики в тесном сотрудничестве с гоминьданом, основываясь на учении Сунь Ят-сена о трех народных принципах. Коммунисты с помощью Коминтерна стремились придать бóльшую революционную направленность аграрным лозунгам Сунь Ят-сена, использовать их в деле пробуждения классового сознания крестьян, их организации и вовлечения в активную борьбу за свои экономические интересы и политические права.

Производственные отношения в китайской деревне рассматривались как отношения капиталистического типа, помещичий класс считался частью национальной буржуазии, а беднейшее крестьянство и батрачество — пролетариатом или полупролетариатом.

В этот период аграрная программа Коммунистической партии полностью совпадала с официальной программой гоминьдана, поскольку авторами последней фактически являлись коммунисты. Но уже в это время

намечались и росли разногласия по вопросу о методах и сроках решения аграрной проблемы, обнаружился неодинаковый подход к оценке места аграрного вопроса в национально-демократической революции.

Крестьянское движение, а следовательно, и опыт коммунистов в начале этого периода ограничивались рамками главным образом провинции Гуандун. Ценным приобретением этого периода является постепенное понимание того, что борьбу за землю нельзя вести в отрыве от борьбы за власть.

Неудачи попыток удовлетворения даже минимальных экономических требований гуандунского крестьянства со всей остротой поставили в этот период проблему создания новых революционных органов власти в деревне и вооружения крестьян. Но реализация этой идеи натолкнулась на сопротивление как армии, так и гоминьдановского аппарата. Попытки коммунистов сделать гоминьдан послушным орудием своей политики не увенчались успехом. Воздействие КПК на армию было не настолько значительным, чтобы использовать организованную вооруженную силу в интересах трудящихся масс. Она не сумела стать массовой политической партией пролетариата, организовать давление на гоминьдан снизу с помощью рабоче-крестьянских масс ей не удалось.

Проведение правильной аграрной политики, как и политики единого фронта, затруднялось тем, что руководители КПК свои революционные настроения, свои радикальные взгляды выдавали за настроения и требования рабоче-крестьянских масс. Степень классовой зрелости, политической грамотности и организованности последних преувеличивалась, что отрицательно сказывалось на действиях руководства КПК. В своем подходе к аграрной проблеме китайские коммунисты исходили из исторической обреченности помещичьего строя, но они не учитывали полностью того, насколько объективные и субъективные условия созрели для того, чтобы привести в исполнение смертный приговор средневековым порядкам в китайской деревне.

Ошибочно определяя характер земельных отношений в китайской деревне как капиталистический, коммунисты испытывали затруднения и при выработке конкретных лозунгов, обращенных к крестьянству в

целом. Эти лозунги не всегда учитывали степень организованности, уровень сознательности крестьянских масс, их традиционную психологию, хотя необходимость приспособляться к обычаям и нравам крестьян постоянно подчеркивалась в статьях, публиковавшихся в партийной и комсомольской печати. Но ни психология крестьянства, ни идеология старых китайских восстаний не были изучены в достаточной мере, и это сказывалось на работе коммунистов в деревне. Социальное содержание лозунгов, методы работы не всегда поэтому помогали разбить политическую пассивность, равнодушие и апатию крестьянских масс.

Кроме того, выработка аграрной программы, учитывающей не только конкретно-исторические и национальные особенности страны, но и своеобразие ситуации в каждой провинции, затруднялась отсутствием общенационального опыта крестьянского движения. Как писал В. И. Ленин: «Без опыта массового — даже более того: общенационального крестьянского движения, программа социал-демократической рабочей партии *не могла* стать конкретной, ибо вопрос о том, насколько разложилось уже капиталистически наше крестьянство, насколько способно оно к революционно-демократическому перевороту, слишком трудно или невозможно было бы решить на основании одних теоретических соображений» [3а, 233].

С выходом гоминьдановских армий в район Янцзы, с переездом национального правительства в Ухань вопрос о земле стал в центре военно-политической борьбы. Этот вопрос и явился предметом острых споров между гоминьдановцами и коммунистами. Разногласия эти быстро стали непримиримыми и кончились расколом единого национально-демократического фронта.

В июле — августе 1927 г. начинается третий период, когда после окончательного разрыва сотрудничества с гоминьданом Компартия Китая выработала самостоятельно аграрную программу без учета интересов единого фронта. В это время пересматриваются взгляды на характер китайского общества, на социально-экономическое содержание китайской революции, проводится большая работа по определению социальной структуры китайской деревни, внимательно анализируются кон-

кретные требования крестьянских масс в различных провинциях.

Коммунисты стремились в своей новой программе по аграрному вопросу с большей адекватностью отразить реальные земельные и социальные отношения в китайской деревне, вскрыть сложный, запутанный характер классовых противоречий, найти наиболее эффективные средства и пути вовлечения основных масс крестьянства в революционную борьбу. Компартия Китая отказывается от оценки производственных отношений в деревне как отношений капиталистического типа. На VI съезде она отвергла и теорию азиатского способа производства как не отражающую особенностей земельных отношений в Китае.

VI съезд КПК, как мы уже отмечали, явился важным этапом в эволюции аграрной теории китайских коммунистов. После него аграрная программа продолжала совершенствоваться, вбирая в себя новый опыт, приобретенный коммунистами в советских районах в 30-е годы и в освобожденных районах в период антияпонской и народно-освободительной войн.

Практический опыт революционной борьбы показал, что аграрную проблему нельзя последовательно и окончательно решить без решения других национальных и общедемократических задач революции. Он свидетельствовал, что вопрос о земле нельзя решать изолированно от проблем создания и укрепления единого фронта с национальной буржуазией, организации своих вооруженных сил, постепенного воспитания крестьянских масс и создания в деревне демократических органов власти. Чтобы правильно определить место аграрного вопроса в цепи других вопросов, китайским коммунистам пришлось пройти долгий и мучительный путь успехов и неудач в период советских районов, в годы антияпонской войны, в период народно-освободительной войны. На каждом из этих этапов КПК дополняла и уточняла свою аграрную программу, особенно те ее положения, которые касались проведения конкретных мероприятий в данный момент.

Критический анализ серьезных ошибок, допускавшихся в каждый из названных периодов, их исправление и преодоление обогащали опыт китайских коммунистов и позволили им на заключительном этапе буржуазно-де-

мократической революции не только привлечь на свою сторону широкие крестьянские массы, но и обеспечить если не поддержку, то по крайней мере сочувственный нейтралитет средней и мелкой буржуазии. Борьба за социально-экономические преобразования шла в тесной связи с борьбой за политическую власть.

Опыт крестьянского движения даже в районах, контролируемых коммунистами, свидетельствовал о том, что без руководства, практической поддержки и конкретной помощи сверху сами крестьяне не способны были ни решить земельную проблему, ни отстоять свои социально-экономические интересы.

Аграрная политика КПК сыграла важную роль в деле достижения победы китайского народа над силами гоминьдановской реакции. В октябре 1949 г. многолетняя борьба китайского народа завершилась великой победой — была провозглашена Китайская Народная Республика. Гоминьдановский режим был сокрушен окончательно. 28 июня 1950 г. Центральный Народный Правительственный Совет принял «Закон об аграрных преобразованиях Китайской Народной Республики» [см. 95, 49].

Этот земельный закон обобщал богатейший опыт Коммунистической партии Китая, приобретенный на различных этапах развития революции. Он наиболее полно воплотил в себе чаяния и надежды многомиллионного китайского крестьянства и был воспринят им с единодушным одобрением. Принятие и опубликование земельного закона 1950 г. открыло новую страницу в истории китайского крестьянства.

На основе этого закона были осуществлены революционные аграрные преобразования на всей территории Китайской Народной Республики.

Проведение в жизнь закона 1950 г. знаменовало собой полное крушение помещичьей системы землевладения в Китае, что было одной из важнейших задач буржуазно-демократического этапа китайской революции.

БИБЛИОГРАФИЯ

Классики марксизма-ленинизма *

1. Маркс К., Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, т. 8, стр. 115—217.
2. Энгельс Ф., Эмигрантская литература.— V. О социальном вопросе в России, т. 18, стр. 537—548.
3. Ленин В. И., Аграрная программа русской социал-демократии, т. 6, стр. 303—348.
3а. Ленин В. И., Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов, т. 16, стр. 193—413.
4. Ленин В. И., Борьба партий в Китае, т. 23, стр. 138—140.
5. Ленин В. И., II конгресс Коммунистического Интернационала. 19 июля — 7 августа 1920 г. Доклад комиссий по национальному и колониальному вопросам 26 июля, т. 41, стр. 241—247.
6. Ленин В. И., Две утопии, т. 22, стр. 117—121.
7. Ленин В. И., Демократия и народничество в Китае, т. 21, стр. 400—406.
8. Ленин В. И., Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока, 22 ноября 1919 г., т. 39, стр. 318—331.
9. Ленин В. И., К характеристике экономического романтизма, т. 2, стр. 119—262.
10. Ленин В. И., Кадеты и аграрный вопрос, т. 22, стр. 47—56.
11. Ленин В. И., Кадеты и демократия, т. 21, стр. 471—472.
12. Ленин В. И., О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», т. 30, стр. 77—130.
13. Ленин В. И., Об условиях приема новых членов в партию, т. 45, стр. 17—21.
14. Ленин В. И., От какого наследства мы отказываемся?, т. 2, стр. 505—550.

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса даны по второму изданию Сочинений, В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

15. Ленин В. И., Пересмотр аграрной программы рабочей партии, т. 12, стр. 239—270.
16. Ленин В. И., Политические партии в России, т. 21, стр. 275—287.
17. Ленин В. И., Рабочая партия и крестьянство, т. 4, стр. 429—437.
18. Ленин В. И., Сравнение столыпинской и народнической аграрной программы, т. 21, стр. 380—386.
19. Ленин В. И., Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала, т. 41, стр. 159—212.
20. Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, т. 1, стр. 125—346.

ИСТОЧНИКИ

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Общие работы

21. Коминтерн и ВКП(б) о китайской революции. Основные решения, М.—Л., 1927.
22. Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. Сборник документов. Сост. и автор вводных статей Г. Кара-Мурза, М., 1934.

Конгрессы Коминтерна

23. 2-ой конгресс Коммунистического Интернационала [Москва, 1920 г.]. Стенографический отчет, Пг., 1921.
24. Второй конгресс Коминтерна. Июль — август 1920 г. Протоколы, М., 1934.
25. III Всемирный конгресс Коминтерна. Стенографический отчет, Пг., 1922.
26. IV Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Петроград — Москва, 5 ноября — 3 декабря 1922 г. Постановления, Пг , 1923.
27. IV конгресс Коммунистического Интернационала. Бюллетень 1—32. М., 1922.
28. V Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня — 8 июля 1924 г. Стенографический отчет, М.—Л., 1925, ч. I, II, приложение.
29. Коммунистический Интернационал перед Шестым Всемирным конгрессом. Обзор деятельности ИККИ и секций Коминтерна между V и VI конгрессами, М.—Л., 1928.
30. VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. Вып. I. Международное положение и задачи Коминтерна, М.—Л., 1929.
31. VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. Вып. II. Против империалистических войн, М.—Л., 1929.
32. VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. Вып. IV. Ре-

волюционное движение в колониальных и полуколониальных странах, М., 1929.
33. VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. Вып. V. Доклады о СССР и ВКП(б). Заключительные работы, М.—Л., 1929.
34. VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. Вып. VI. Тезисы, резолюции, постановления, воззвания, М.—Л., 1929.
35. Тезисы и резолюции VI конгресса Коминтерна. Вып. I. Манифест и тезисы о международном положении, М.—Л., 1928.
36. Тезисы и резолюции VI конгресса Коминтерна. Вып. II. Тезисы о революционном движении в колониальных и полуколониальных странах, М.—Л., 1928.
37. Тезисы и резолюции VI конгресса Коминтерна. Вып. IV. Устав Коминтерна. Резолюция о положении в СССР и ВКП(б). Постановления по апелляциям, М.—Л., 1928.

Пленумы Исполкома Коминтерна

38. Резолюция Президиума ИККИ по вопросу о национально-освободительном движении в Китае и о партии гоминьдан, — «Коммунист», 1969, № 4, стр. 12—14.
39. Расширенный пленум Исполкома Коминтерна (21 марта — 6 апреля 1925 г.). Тезисы и резолюции, М.— Л., 1925.
40. VI расширенный пленум Исполкома Коминтерна (17 февраля — 15 марта 1926 г.). Стенографический отчет, М.—Л., 1927.
41. Постановления ИККИ о текущем моменте китайской революции, М., 1927.
42. Пути мировой революции. VII расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. 22 ноября — 16 декабря 1926 г. Стенографический отчет, т. 1—2, М.—Л., 1927.
43. Основные решения по китайскому вопросу. С предисловием Н. Мандельштама, М., 1927.
44. Тезисы и резолюции Седьмого расширенного пленума Исполкома Коминтерна (22 ноября — 16 декабря 1926 г.), М.—Л., 1927.
45. Резолюции и постановления IX пленума Исполкома Коминтерна (9—25 февраля 1928 г.), М.—Л., 1928.
46. Резолюция по китайскому вопросу (принята 25 февраля 1928 г. IX пленумом ИККИ), — «Материалы по китайскому вопросу», 1928, № 11—12, стр. 3—6.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КИТАЯ

На русском языке

47. V съезд ККП. Резолюции, — «Материалы по китайскому вопросу», 1927, № 7, стр. 5—29.
48. VI съезд КПК. Стенографический отчет, кн. 1—6, М., 1930.
49. Политическая резолюция [VI съезда КПК], — Программные до-

кументы Коммунистических партий Востока, М., 1934, стр. 14—33.
49а. Резолюция VI съезда КПК по вопросу об организации советской власти, — Программные документы Коммунистических партий Востока, М., 1934, стр. 51—68.
49б. Резолюция [VI съезда КПК] по аграрному вопросу,— Программные документы Коммунистических партий Востока, М., 1934, стр. 34—51.
50. Один из проектов аграрной программы, подготовленный V съезду крестьянской комиссией ЦК ККП, — «Материалы по китайскому вопросу», 1927, № 8, стр. 96—99.
51. Проект программы КПК по аграрному вопросу, — «Материалы по китайскому вопросу», 1927, № 9, стр. 115—124.
52. КПК. Августовская конференция 1927 г., — «Материалы по китайскому вопросу», 1927, № 8, стр. 13—38.
53. Тезисы ЦК китайской компартии о политическом положении и задачах киткомпартии, — «Материалы по китайскому вопросу», 1927, № 9, стр. 3—10.
54. КПК. Ноябрьский пленум ЦК ККП [ноябрь 1927 г.]. Резолюции, — «Материалы по китайскому вопросу», 1928, № 1(10), стр. 3—22.
55. Декларация Китайской компартии о современном политическом положении в Китае,— «Новый Восток», 1922, № 2, стр. 606—612.
56. Доклад делегации Китайской коммунистической партии на III конгрессе III Коммунистического Интернационала, Иркутск, 1921,— «Народы Дальнего Востока», 1921, № 3, стр. 321—336.
57. Крестьянская борьба в уезде Пинцзян провинции Хунань (Из доклада Пинцзянского Укома ККП), — «Материалы по китайскому вопросу», 1928, № 15, стр. 89—92.
58. Очередные задачи киткомпартии и ошибки партийного руководства, — «Материалы по китайскому вопросу», 1928, № 14, стр. 3—10.
59. Письма Цзянсуского провинциального комитета ККП, — «Материалы по китайскому вопросу», 1928, № 11—12, стр. 16—19.
60. Письмо ЦК ККП партийному комитету провинции Юньнань, — «Материалы по китайскому вопросу», 1928, № 15, стр. 27—32.
60а. Положение в пров. Юньнань. Доклад Юньнаньского провинциального комитета ККП от 16 декабря 1927 г., — «Материалы по китайскому вопросу», 1928, № 15, стр. 20—27.
61. Положение крестьянства в пров. Юньнань (Из доклада Юньнаньского провинциального комитета партии в ЦК ККП, февраль 1928 г.), — «Материалы по китайскому вопросу», 1928, № 15, стр. 71—74.
62. Постановление ЦК ККП о работе в у. Пинцзян, — «Материалы по китайскому вопросу», 1928, № 15, стр. 33—36.
63. Против суньятсенизма за ленинизм (Перевод брошюры, изданной агитпропом ЦК ККП), — «Материалы по китайскому вопросу», 1928, № 10, стр. 29—58.

На китайском языке

63а. Люда ицянь (До VI съезда), т. I, 1942.
64. Чжунго гунчаньдан дисыцы цюаньго дахуй ицзюэань цзи сюаньянь (Резолюции и декларации IV съезда КПК), [б. м.], 1925.
66. Ли Вэй-хань, Чжэнчжи лисян. Цзянсу чжэнчжи чжуанкуан юй данды жэньу хэ цэлюэ, баогао (Политические идеалы. Доклад на 2-й конференции КПК провинции Цзянсу), Шанхай, 1929.
67. Уса чжоунянь цзинянь гао цюаньго миньчжун (Обращение ЦК КПК к народу Китая в связи с годовщиной движения «30 мая»), — «Сяндао», 1926, № 155, стр. 1488—1489.
68. Цзи Шэн, Гао лао бин нун (Обращение к рабочим, солдатам и крестьянам), — «Гунчаньдан», 1921, № 4, стр. 4—13.
69. Чжунго гунчаньдан вэй фанькан дигочжуи емань цаньбаоды датуша гао цюаньго миньчжун (Обращение КПК к китайскому народу по поводу зверских расстрелов империалистами населения страны), — «Сяндао», 1925, № 117, стр. 1075—1077.
70. Чжунго гунчаньдан гао цюаньго нунминь цюньчжун (Обращение КПК к крестьянским массам Китая),— Сяндао», 1927, № 197, стр. 2150—2151.
71. Чжунго гунчаньдан дуйюй шицзюй сюаньянь (Декларация КПК о текущем моменте), — «Сяндао», 1927, № 186, стр. 1976—1978.
72. Чжунго гунчаньдан дуйюй шицзюйды чжучжан (Заявление ЦК КПК о текущем моменте), — «Сяндао», 1926, № 163, стр. 1616—1621.
73. Чжунго гунчаньдан чжи чжунго гоминьдан шу. Гуаньюй чжэнцзюйды гункайды синь (Открытое письмо КПК гоминьдану о политической обстановке в стране), — «Сяндао», 1927, № 197, стр. 2151—2152.
74. Чжунго гунчаньдан чжунъян вэйюаньхуй дуй чжэнцзюй сюаньянь (Декларация ЦК КПК о политической обстановке), — «Сяндао». 1927, № 201, стр. 2214—2217.

На западноевропейских языках

75. Ch'en Kung-po, The Communist Movement in China, New York, 1966.
76. Excerpts from the C.C.P. Politburo Resolution on Political Discipline [November 14, 1927],— Wittfogel K. A., The Legend of Maoism. Documentation,— «China quarterly», 1960, № 2, pp. 32—33.

ГОМИНЬДАН

На русском языке

77. Ван Тин-Вей, Политический отчет на 2-ом конгрессе Гоминдана. Крестьянский вопрос и Гоминдан, — «Новый Восток», 1927, № 18, стр. 26—39.

78. Конгрессы и конференции Гоминьдана. Под общей ред. М. Рафеса, М., 1928.
79. Резолюция Гуандунской секции Гоминдана по крестьянскому вопросу, — «Крестьянский Интернационал», 1926, № 1—2, стр. 114—119.
80. Руководство партии Гоминьдан накануне и во время раскола, — «Материалы по китайскому вопросу», 1927, № 7, стр. 43—56.
81. Ху Хан-мин, Крестьянский Союз Гуандунской провинции и второй конгресс Гоминьдана, — «Крестьянский Интернационал», 1926, № 3—5, стр. 169—173.

На китайском языке

82. Бэньбу иняньлай гунцзо баогао гайяо (Основные положения доклада крестьянского отдела ЦИК гоминьдана о работе за год), — «Чжунго нунминь», 1926, № 2, стр. 37—97.
83. Бэньдан ляньси хуйи дуй нунминь сян вэньти цзюэиань (Резолюция по крестьянскому вопросу объединенного заседания ЦИК гоминьдана и представителей провинциальных комитетов гоминьдана), — «Чжунго нунминь», 1926, № 9, стр. 1—8.
84. Нунминь бу нунминь юньдун вэйюаньхуй диицы хуйи лу (Протокол первого заседания комитета по крестьянскому движению крестьянского отдела гоминьдана),— «Чжунго нунминь», 1926, № 4, стр. 1—7.
85. Сунь Чжун-шань сяньшэн шиши чжоунянь цзиняньжи гао чжунго гоминьдан данъюань шу (Обращение ЦИК гоминьдана к членам партии гоминьдан в связи с годовщиной со дня смерти Сунь Ят-сена), — «Сяндао», 1926, № 146, стр. 1344—1346.
86. Тань Пин-шань Су Чжао-чжэнь цычжишу (Заявление Тань Пин-шаня и Су Чжао-чжэня),— «Сяндао», 1927, № 201, стр. 2219—2221.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

На русском языке

87. Аграрные преобразования в народном Китае, пер. с кит., М., 1955.
88. Вопросы китайской революции, М.—Л., 1927.
89. Кантонская коммуна. Сборник статей и материалов, М.—Л., 1929.
90. Кантонская коммуна, М., 1967.
91. Крестинтерн к крестьянам и крестьянкам Китая, — «Крестьянский Интернационал», 1925, № 8—9, стр. 114—117.
92. Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока, Пг., 1922.
93. Программные документы китайских Советов, М., 1935.
94. Советы в Китае. Сборник материалов и документов, М., Партиздат, 1934.

95. Советско-китайские отношения. 1917—1957. Сборник документов, М., 1959.

На китайском языке

96. Диицы гонэй гэмин чжаньчжэн шициды нунминь юньдун (Крестьянское движение в период первой гражданской революционной войны), Пекин, 1953.
97. Чжунго гунчаньдан лиши сюэси цанькао цайляо (Справочные материалы по истории КПК), вып. 2, 3, Шэньян, 1956, 1957.
98. Чжунго синьминьчжучжуи гэмин ши цанькао цзыляо (Материалы по истории новодемократической революции в Китае), Пекин, 1951.
99. Яцянь (цзай Чжэцзян шэн Сяошань сянь) нунминь сехуй, сюаньянь (Декларация крестьянского союза деревни Яцянь (уезд Сяошань пров. Чжэцзян),— «Синь циннянь», 1921, т. 9, № 4, стр. 1—2.
100. Яцянь нунминь сехуй чжанчэн (Устав крестьянского союза деревни Яцянь (уезд Сяошань пров. Чжэцзян), — «Синь циннянь», 1921 т. 9, № 4, стр. 2—3.

На западноевропейских языках

101. The Peasant Movement in Kwangtung (Materials on the Agrarian problem in China). Prepared by M. Volin and E. Yolk. Under the editorship and with a preface by M. Borodin, Part 2, Collection of materials, Canton, Canton gasette publishing Co., 1927.

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

Монографии

102. Бакулин А. В., Записки об уханьском периоде китайской революции (Из истории китайской революции 1925—1927 гг.), М.—Л., 1930.
103. Делюсин Л. П., Борьба Коммунистической партии Китая за разрешение аграрного вопроса, М., 1964. Рец.: «Народы Азии и Африки», М., 1965, № 6, стр. 198—199.
104. Делюсин Л. П., Спор о социализме. Из истории общественно-политической мысли Китая в начале 20-х годов, М., 1970.
105. Ивин А., Очерки партизанского движения в Китае. 1927—1930 гг., М.—Л., 1930.
106. История современной китайской революции. Под ред. Хэ Ганьчжи, М., 1959.
107. Костарев Н., Мои китайские дневники, Л., 1935.

108. Кюнер Н. В., Очерки новейшей политической истории Китая, Хабаровск — Владивосток, 1927.
109. Мао Цзэ-дун, Избранные произведения, тт. 1—4, пер. с кит., М., 1952—1953.
110. Миф П., Китайская революция, М., 1932.
111. Миф П., Китайская коммунистическая партия в критические дни, М., 1928.
112. Мытаров Т. Е., Борьба Компартии Китая за разрешение аграрного вопроса. Автореферат диссертации, М., 1954.
113. Мяо Чу-хуан, Краткая история Коммунистической партии Китая, М., 1958.
114. Очерки истории Китая в новейшее время, М. 1959.
115. Очерки по истории Востока в эпоху империализма, М.—Л., 1934.
116. Пэн Пай, Записки Пэн Пая, М., 1938.
117. Семенов Б., Новый этап китайской революции, М.—Л., 1927.
118. Смургис Ю., Китай и его рабочее движение, М., 1922.
119. Сунь Ят-сен, Избранные произведения, пер. с кит., М., 1964.
120. Тан Пин-сян, Пути развития китайской революции (Доклад на VII расширенном пленуме ИККИ), М.—Л., 1927.
121. Тарханов О. [Эрдберг О.], Аграрный вопрос в колониальной революции, 1932.
122. Ху Цяо-му, Тридцать лет Коммунистической партии Китая. Пер. с кит., М., 1952.
123. Цай Хэ-сэнь, Исторический очерк китайской революции за последнее время, [б. м.], [б. г.].
124. Черепанов А. И., Записки военного советника в Китае. Из истории Первой гражданской революционной войны 1924—1927, М., 1964.
124а. Черепанов А. И., Северный поход Национально-революционной армии Китая (1926—1927). (Записки военного советника), М., 1968.
125. Шэно Жан, Китайское рабочее движение в 1919—1927 гг. Пер. с франц., М., 1969.
126. Юрьев М. Ф., Революция 1925—1927 гг. в Китае, М., 1968. Рец.: Глунин В. И., Китайская революция: проблемы и решения, — «Народы Азии и Африки», 1969, № 3, стр. 166—174.

Статьи

127. Виленский [Сибиряков] В., Накануне образования Коммунистической партии в Китае, — «Коммунистический Интернационал», 1921, № 16, стр. 3585—3594.
128. Виленский [Сибиряков] Вл., Перспективы революционного развития в Китае,— «Новый Восток», 1922, № 2, стр. 317—330.
129. Войтинский Г., Борьба китайского пролетариата, — «Новый Восток», 1922, № 2, стр. 341—350.
130. Войтинский Г., Достижения и перспективы рабочего и национального движения в Китае, — «Коммунистический Интернационал», 1926, № 2, стр. 95—101.

131. Войтинский Г., К вопросу об ошибках китайской компартии в революции 1925—1927 гг., — «Проблемы Китая», 1930, № 4—5, стр. 84—104.
132. Волин М., Краткий очерк истории крестьянского движения в Гуандуне, — «Кантон», 1927, № 1 (10), стр. 207—248.
132а. В-н [Волин М.], «Мао Цзэ-дун, Анализ классов китайского общества», — «Кантон», 1926, № 8—9, стр. 149—161. Перепечатка и комментарий Л. П. Делюсина, — «Вопросы философии», 1969, стр. 128—129.
133. Гарушянц Ю., Предисловие, — Ли Да-чжао, Избранные статьи и речи, М., 1965.
134. Геллер Л., Проблемы профессионального движения на Дальнем Востоке, — «Коммунистический Интернационал», 1928, № 12, стр. 20—29.
135. Геллер Л., Рабочее движение в Китае, — «Коммунистический Интернационал», 1925, № 11, стр. 96—104; 1927, № 13, стр. 11—19.
136. Глунин В. И., Коминтерн и становление Коммунистического движения в Китае [1920—1927], — сб. «Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении», М., 1969, стр. 242—299.
137. Господство империализма или рабоче-крестьянская революция, — «Материалы по китайскому вопросу», 1928, № 11—12, стр. 28—30.
138. Григорьев А. М., Коминтерн и революционное движение в Китае под лозунгом советов, — сб. «Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении», М., 1969, стр. 313—349.
139. Дай Цзи-тао, Философские основы сунятсенизма, — «Кантон», 1926, № 8—9, стр. 134—148.
140. Делюсин Л. П., «Дискуссия о социализме» в Китае и современность, — «Вопросы философии», 1969, № 1, стр. 87—98.
141. Делюсин Л. П., Октябрьская революция и Китай [отклики начала 20-х гг.], — «Народы Азии и Африки», 1967, № 6, стр. 32—39.
142. Илюшечкин В. П., Крестьянское движение в Гуандуне в 1924—1927 гг., — сб. «Кантонская коммуна», М., 1967, стр. 55—80.
143. И. О., Ответ А. В., — «Кантон», 1926, № 7, стр. 6—8.
144. Иолк Е., Крестьянское движение в Гуандуне, — сб. «Кантонская коммуна», М.—Л., 1929, стр. 201—250.
145. Калачев [С. Н. Наумов], Краткий очерк истории Китайской Коммунистической партии,—«Кантон», 1929, № 10, стр. 13—77.
146. Китайская революция и задачи коммунистических партий, — «Коммунистический Интернационал», 1926, № 13, стр. 3—8.
147. Крестьянское движение в Южном Китае, — «Крестьянский Интернационал», 1925, № 10, стр. 33—37.
148. Ли, О некоторых очередных задачах Китайской Коммунистической партии, — «Коммунистический Интернационал», 1928, № 29—30, стр. 41—52.
149. Ли Да-чжао, Молодежь и деревня, — Ли Да-чжао, Избранные статьи и речи, М. 1965, стр. 91—97.

150. Ли Да-чжао, Общества «Красные пики» в провинциях Шаньдун, Хэнань, Шэньси, — Ли Да-чжао, Избранные статьи и речи, М., 1965, стр. 283—292.
151. Лозовский А., Китайская революция на переломе, — «Коммунистический Интернационал», 1927, № 37, стр. 18—23.
152. Ломинадзе В., Историческое значение Кантонского восстания, — «Коммунистический Интернационал», 1927, № 51, стр. 13—17.
153. Маринг Г., Революционно-националистическое движение в Южном Китае, — «Коммунистический Интернационал», 1922, № 22, стр. 5803—5816.
154. Мартынов А., К перегруппировке сил китайской революции, — «Коммунистический Интернационал», 1927, № 8, стр. 9—18.
155. Миф П., Аграрный вопрос на VI съезде Коммунистической партии Китая, — «Коммунистический Интернационал», 1928, № 43, стр. 38—47.
156. Миф П., Крестьянский вопрос в Китае, — «Коммунистический Интернационал», 1926, № 10—11 [68—69], стр. 26—36; № 13, стр. 20—28.
157. Миф П., VI съезд Коммунистической партии Китая, — «Коммунистический Интернационал», 1928, № 39—40, стр. 9—27.
158. На трудном перевале, — «Коммунистический Интернационал», 1927, № 26, стр. 3—9.
159. На трудном перевале — от Гоминьдана к Советам, — «Коммунистический Интернационал», 1927, № 41, стр. 3—7.
160. Национально-революционное движение в Китае и тактика китайской компартии, — «Коммунистический Интернационал», 1925, № 11, стр. 87—94.
161. О положении в Китае. [Из письма китайского товарища. Февраль 1928 г.], — «Материалы по китайскому вопросу», 1928, № 11—12, стр. 7—15.
162. Пеппер Дж., Положение и задачи китайской компартии после Кантонского восстания, — «Коммунистический Интернационал», 1928, № 6—7, стр. 21—25.
163. Положение внутри Коммунистической партии Китая ко времени V съезда, — «Коммунистический Интернационал», 1927, № 41, стр. 46—47.
164. Р-ев, Китайский вопрос на пленуме ИККИ, — «Коммунистический Интернационал», 1928, № 10, стр. 24—28.
165. Рой М. Н., Кто отвечает за поражение в Китае?, — «Коммунистический Интернационал», 1927, № 38, стр. 16—21.
166. Синани, К вопросу о «национально-революционном блоке» в китайской революции, — «Кантон», 1927, № 1 (10), стр. 1—12.
167. Скалов Г., 20 марта 1926 года, — сб. «Кантонская коммуна», М.—Л., 1929, стр. 277—300.
168. Смолов Н., Восстание в Нанчане и поход на Сватоу, — «Революционный Восток», 1928, № 4—5, стр. 231—246.
169. Сунь Ят-сен, Социальное значение китайской революции,— «Невская звезда», СПб., 15.VII.1912.
170. Тан Пин-сян, К современному политическому положению в Китае, — «Коммунистический Интернационал», 1926, № 4 (26), стр. 17—24.

171. Тан Пин-шань, Успехи кантонской армии и перспективы китайской революции, — «Коммунистический Интернационал», 1926, № 7, стр. 11—17.
172. Ф. Р., Пробудившийся Китай,— «Коммунистический Интернационал», 1925, № 7, стр. 5—21.
173. Цай Хэ-сэнь, История оппортунизма в Коммунистической партии Китая, — «Проблемы Китая», 1929, № 1, стр. 1—77.
174. Цюй Вей-то [Страхов], Кантонское восстание и китайская революция [к первой годовщине Кантонского восстания], — сб. «Кантонская коммуна», М., 1967, стр. 81—93.
175. Чен Пан-цю [Чэнь Тань-цю], Воспоминания о I съезде компартии Китая, — «Коммунистический Интернационал», 1936, № 14, стр. 96—99; сб. «Национально-колониальные проблемы», вып. 1 (38), М., 1937, стр. 52—57; «Хрестоматия по новейшей истории», т. I, 1917—1939. Документы и материалы, М., 1960, стр. 596—601.
176. Четыре месяца Советской власти в Хайлуфыне (Письмо из Гуандуна), — «Материалы по китайскому вопросу», 1928, № 15, стр. 6—19.
177. Чжан Тэ-лэй, Крестьянство и революционное движение Китая, — «Крестьянский Интернационал», 1924, № 2, стр. 71—74.
178. Чубаров Ю. Н., Организаторская работа китайских коммунистов среди крестьянства накануне Северного похода (1921—1926 годы), — «Сборник статей по вопросам новейшей истории. Ученые записки Академии Общественных наук при ЦК КПСС», вып. 42, М., 1958, стр. 3—31.
179. Ю Ань-ли, Коммунистический Интернационал и возникновение коммунистической партии Китая, — «Коммунистический Интернационал», 1929, № 9—10, стр. 178—184.

На китайском языке

Монографии

180. Ван Цзянь-минь, Чжунго гунчаньдан шигао (Очерки истории КПК), тт. 1—3, Тайбэй, 1965.
181. Го Кань-по, Цзинь ушинянь чжунго сысян ши (История китайской идеологии за последние 50 лет), Бэйпин, 1936.
182. Гоминь гэмин юй нунминь (Национальная революция и крестьянство), [б. м.], 1926.
183. Ли Тянь-минь, Чжунгун юй нунминь (КПК и крестьянство), Сянган, 1958.
184. Ляо Чжун-кай цзи (Сборник произведений Ляо Чжун-кая), Пекин, 1963.
185. Мяо Чу-хуан, Чжунго гунчаньдан цзяньяо лиши (чугао) (Краткая история КПК), Пекин, 1956, 1959, 1962; пер. с кит., М., 1958.
186. Сунь Чжун-шань сюаньцзи (Сунь Ят-сен, Избранные произведения), т. 1—2, Пекин, 1956.
187. Сунь Чжун-шань цюаньцзи (Сунь Ят-сен, Полное собрание сочинений), т. 2, Шанхай, [б. г.].

188. Ху Хуа, Чжунго гэмин ши цзяньи (Курс истории китайской революции), Пекин, 1959.
189. Ху Цяо-му, Чжунго гунчаньданды саньшинянь (30 лет Коммунистической партии Китая), Пекин, 1951, пер. с кит., М., 1952.
190. Цай Шу, Усы шици макэсычжуи фаньдуй фаньмакэсычжуи сычаоды доучжэн (Борьба марксистов против антимарксистских взглядов в период движения 4 мая), Шанхай, 1962.
191. Цзян Юн-цзин, Баолотин юй Ухань чжэнцюань (Бородин и уханьское правительство), Тайбэй, 1963.
192. Цюй Цю-бо, Чжунго гэмин юй гунчаньдан (Китайская революция и компартия), М., [б. г.].
193. Цюй Цю-бо, Чжунго гэмин чжи чжэнлунь вэньти (Спорные вопросы в китайской революции), [б. м.], 1927.
194. Чэнь Бо-да, Лунь Мао Цзэ-дун сысян — макэсыленинчжуи юй чжунго гэминды цзехэ (Иеди Мао Цзэ-дуна — соединение марксизма-ленинизма с китайской революцией), Пекин, 1951.
195. Чэнь Гун-лу, Чжунго цзиньдай ши (История Китая в новое время), т. 2, Шанхай, 1947.
196. Шэхуйчжуи таолунь цзи (Дискуссия о социализме. Сборник), Шанхай, 1929.

Статьи

197. Вэй Цинь [Войтинский Г. Н.], Бэйфацзюнь чжаньлин хоуды Ухань (Ухань после взятия войсками Северного похода), — «Сяндао», 1926, № 178, стр. 1852—1854.
198. Гань Най-гуан, Шуй ши гоминь гэминьды чжулицзюнь (Кто является главной силой национальной революции?), — «Чжунго нунминь», 1926, № 8, стр. 1—11.
199. Гуаньюй туди вэньти данганды таолунь (Дискуссия о программе партии по аграрному вопросу,— «Буэрсайвэйкэ», 1928, № 14, стр. 462—464.
200. Гуандун нунминь юньдун гайкуан (Обзор крестьянского движения в Гуандуне),— сб. «Диицы гонэй гэмин чжаньчжэн шициды нунминь юньдун (Крестьянское движение в период первой гражданской революционной войны)», Пекин, 1953, стр. 35—39.
201. Дилюцзе нунминь юньдун цзянси баньли цзинго (История курсов крестьянского движения 6-ого набора), — «Чжунго нунминь», 1926, № 9, стр. 1—10.
202. Дэн Чжун-ся, Гэмин чжулиды саньгэ цюньчжун — гунжэнь, нунминь, бинши (Три категории, составляющие основную силу революции,— рабочие, крестьяне, солдаты),— «Чжунго циннянь», 1923, № 8, стр. 1—3.
203. Дэн Чжун-ся, Лунь бинши юньдун (О солдатском движении), — «Чжунго циннянь», 1924, № 14, стр. 3—5.
204. Дэн Чжун-ся, Лунь гунжэнь юньдун (О рабочем движении), — «Чжунго циннянь», 1923, № 9, стр. 6—8.
205. Дэн Чжун-ся, Лунь нунминь юньдун (О крестьянском движении), — «Чжунго циннянь», 1923, № 11, стр. 2—4.
206. Дэн Чжун-ся, Чжунго гунжэнь чжуанкуан цзи вомэнь юньдун фанчжэн (Положение китайских рабочих и линия нашего движения),— «Чжунго циннянь», 1923, № 10, стр. 2—6.

207. Дэн Чжун-ся, Чжунго нунминь чжуанкуан цзи вомэнь юньдун ды фанчжэнь (Положение китайского крестьянства и линия нашего движения), — «Чжунго циннянь», 1924, № 13, стр. 5—10.
208. Жэнь-цзин, Бэйцзин чжэнбянь юй нунминь (Государственный переворот в Пекине и крестьянство),— «Сяндао», 1923, № 31—32, стр. 239—240.
209. Ли Да-чжао, Туди юй нунминь (Земля и крестьяне), — «Чжунго нунминь», 1926, № 5, стр. 1—9; Пер. с кит. в кн.: Ли Да-чжао, Избранные статьи и речи, М., 1965, стр. 241—283.
210. Т. С. L., Пубянь цюаньгоды гоминьдан (Ли Да-чжао, Гоминьдан по всему Китаю),— «Сяндао», 1923, № 21, стр. 154—155.
211. Ли Фу, Чжунго гэмин юй гунчаньданды жэньу (Китайская революция и задачи компартии), — «Буэрсайвэйкэ», 1927, № 2, стр. 49—53; № 3, стр. 96—97.
212. Ли Цзи, Шэхуйчжуи юй Чжунго (Социализм и Китай),— «Синь циннянь», 1921, т. 8, № 6, стр. 1—9; сб. «Шэхуйчжуи таолунь цзи» (Дискуссия о социализме), Шанхай, 1929, стр. 318—329.
213. Ло Чжо-юнь, Нунминь юньдун чжунды игэ фанфа (Один из путей крестьянского движения), — «Чжунго циннянь», 1926, № 113, стр. 370.
214. Лянгэ гонэй чжаньчжэн (Две гражданские войны), — «Буэрсайвэйкэ», 1928, № 19, стр. 615—620.
215. Мао Да, Баи гэмин чжи ии юй Е Хэ цзюньдуй чжи шибай (Значение революции 1 августа и поражение войск Е Тина и Хэ Луна), — «Буэрсайвэйкэ», 1927, № 1, стр. 7—11.
216. Мао Цзэ-дун, Бэйцзин чжэнбянь юй шанжэнь (Политический переворот в Пекине и торговцы), — «Сяндао», 1923, № 31—32, стр. 233—234.
217. Мао Цзэ-дун, Хунань нунминь юньдун каоча баогао (Доклад об обследовании крестьянского движения в Хунани), — «Сяндао», 1927, № 191, стр. 2061—2066.
218. Мао Цзэ-дун, Чжунго шэхуй гэ цзецзиды фэньси (Анализ классов китайского общества), — «Чжунго нунминь», 1926, № 2, стр. 23—35.
219. Мин Чжи, Гоминь гэмин юй цзецзи доучжэн (Национальная революция и классовая борьба), — «Чжунго циннянь», 1925, № 99, стр. 730—731.
220. Пэн Пай, Хайфэн нунминь юньдун (Крестьянское движение в Хайфынском уезде),— сб. «Диицы гонэй гэмин чжаньчжэн шициды нунминь юньдун» («Крестьянское движение в период первой гражданской революционной войны»), Пекин, 1953, стр. 40—138.
221. Пэн Шу-чжи, Бэйфацзюнь гункэ Чанша юй чжэнцзюй цяньту чжи туйцэ (Взятие Чанша войсками Северного похода и рассуждение о перспективах политической ситуации),— «Сяндао», 1926, № 165, стр. 1640—1641.
222. Пэн Шу-чжи, Бэйфацзюнь чжаньлин Ухань хоучжи Гуандун ван нали цзоу? (В каком направлении развиваются события в Гуандуне после взятия Уханя войсками Северного похода?), — «Сандао», 1926, № 172, стр. 1754—1756.
223. Пэн Шу-чжи, Вомэнь вэйшэммо фаньдуй гоминьдан чжи

цзюньши синдун? (Почему мы против военных действий гоминьдана?),— «Сяндао», 1924, № 85, стр. 693—695.
224. Пэн Шу-чжи, Вомэньды Бэйфа гуань (Наш взгляд на Северный поход), — «Сяндао», 1926, № 170, стр. 1720—1726.
225. Пэн Шу-чжи, Муцянь гэмин юцииды вэйсянь (Правая опасность в революции в настоящее время),— «Сяндао», 1927, № 190, стр. 2039—2043.
226. Пэн Шу-чжи, Муцянь гэминчжунды ляньхэ чжаньсянь вэньти (К вопросу об объединенном фронте в современной революции), — «Сяндао», 1927, № 185, стр. 1961—1963.
227. Пэн Шу-чжи, Чжунго чжэнцюань дабяньдун чжи цяньжи юй миньчжун чжи цзэжэнь (Канун великих перемен в политической обстановке Китая и ответственность народных масс), — «Сяндао», 1926, № 167, стр. 1672—1675.
228. Пэн Шу-чжи, Ленинчжуи шифоу бу шихэ юй Чжунгоды совэй «гоцин»? (Соответствует ли ленинизм так называемой национальной специфике Китая?), — «Сяндао», 1927, № 184, стр. 1948—1952.
229. Синь Чэнь, Миньцзу цзефан юньдунды синь шици (Новый этап национально-освободительного движения), — «Сяндао», 1925, № 128, стр. 1172—1173.
230. Син Юэ, Чжунго туди вэньти юй туди гэмин (Аграрный вопрос и аграрная революция в Китае), — «Буэрсайвэйкэ», 1928, № 15, стр. 493—498; № 16, стр. 535—537; № 18, стр. 606—611; № 19, стр. 646—651.
231. Сувэйай чжэнцюань ваньсуй! (Да здравствует Советская власть в Китае!), — «Буэрсайвэйкэ», 1927, № 11, стр. 307—310.
232. Сунь До, Гоминь юньдун гэминцзюнь хэ гэмин сюаньчуань (Революционная армия и революционная пропаганда в национальном движении), — «Сяндао», 1922, № 9, стр. 72—74.
233. Сунь До, Чжунго гоминь юньдун чжи гоцюй цзи цзянлай (Прошлое и будущее национального движения в Китае), — «Цяньфэн», 1923, № 1, стр. 2—9.
234. Сунь До, Чжунго лаодун цюньчжунды цзюэсин (Пробуждение трудящихся масс Китая), — «Сяндао», 1922, № 11, стр. 88—89.
235. Сы-шунь, Ду Ду-сю цзюнь цзаого луньды ивэнь (Заметка на статью Чэнь Ду-сю «Относительно строительства государства»),— «Сяндао», 1922, № 4, стр. 34—35.
236. Сяо Мо, Сунь Чжун-шань сы-хоу гоминьдан чжи цяньту (Будущее гоминьдана после смерти Сунь Ят-сена), — «Сяндао», 1925, № 115, стр. 1060—1061.
237. Сяо Сюань, Чжунго нунминь юй цзыбэнь дигочжуи (Китайское крестьянство и империализм), — «Чжунго циннянь», 1925, № 90, стр. 594—595.
238. Тань Пин-шань, Нунцуньды чжэнчжи доучжэн (Политическая борьба в деревне), — «Чжунго нунминь», 1926, № 2, стр. 1—12.
239. Хунань нунминь юньдунды чжэньши цинсин (Правдивая картина крестьянского движения в Хунани), — «Сяндао», 1927, № 199, стр. 2190—2194.
240. Цай Хэ-сэнь, Гоцзя тунъи юй гэмин шилиды ляньхэ (Един-

ство страны и союз революционных сил), — «Сяндао», 1927, № 200, стр. 2203—2205.
241. Цай Хэ-сэнь, Сунь Чжун-шань шиши юй гоминь гэмин (Смерть Сунь Ят-сена и национальная революция), — «Сяндао», 1925, № 107, стр. 890—895.
242. Цай Хэ-сэнь, Цзиннянь уи чжи Чжунго чжэнчжи чжуанкуан юй гуннун цзецзиды цзэжэнь (Политическая ситуация в Китае к 1 мая этого года и задачи рабочего класса и крестьянства), — «Сяндао», 1925, № 112, стр. 1028—1030.
243. Цай Хэ-сэнь, Чжунго гэмин юньдун юй гоцзи чжи гуаньси (Связь между революционным движением в Китае и во всем мире), — «Сяндао», 1923, № 23, стр. 167—170.
243а. Ци Вэй, Цюшоу цииды хуашидай ии (Эпохальное значение восстания «Осеннего урожая»),— «Жэньминь жибао», 8.IX.1967.
244. Цзоу Цзин-фан, Чжунго нунминьды гоцюй сяньцзай цзи цзянлай (Прошлое, настоящее и будущее китайского крестьянства), — «Чжунго нунминь», 1926, № 4, стр. 1—16.
245. Цзяннань нунминь дабаодун чжи кайши (Начало великого восстания крестьян южнее Янцзы),— «Буэрсайвэйкэ», 1927, № 4, стр. 99—100.
246. Цзян Чунь [Ли Да], Шэхуй гэминды шанцюэ (О социальной революции), — «Гунчаньдан», 1920, № 2, стр. 2—9; № 3 стр. 2—7.
247. [Цюй] Цю-бо, Гоминьдан сыме хоу чжунго гэминды синь даолу (Новый путь китайской революции после краха гоминьдана), — «Буэрсайвэйкэ», 1927, № 1, стр. 22—30.
248. Цюй Вэй-то [Цюй Цю-бо], Гоминьдан юй сядэн цзецзи (Гоминьдан и низшие классы),— «Сяндао», 1924, № 55, стр. 424—425.
249. [Цюй] Цю-бо, Гэминды гоминь чжэнфу чжи вэйцзи (Кризис революционного национального правительства), — «Сяндао», 1927, № 198, стр. 2169—2171.
250. [Цюй] Цю-бо, Гэмин шибай чжи цзэжэнь вэньти (Вопрос об ответственности за поражение революции), — «Сяндао», 1927, № 200, стр. 2201—2203.
251. [Цюй] Цю-бо, Дигочжуи чжи уса туша юй чжунгоды гоминь гэмин (Расправа, учиненная империалистами 30 мая, и национальная революция в Китае), — «Сяндао», 1925, № 119, стр. 1095—1099.
252. [Цюй] Цю-бо, Ицзюэрсань нянь чжи эр-ци юй ицзюэрунянь чжи эр-ци (7 февраля 1923 г. и 7 февраля 1925 г.), — «Сяндао», 1925, № 101, стр. 845—847.
253. Цюй Цю-бо, Макэсычжуи хайши миньшэнчжуи? (Марксизм или принцип народного благосостояния?), — «Буэрсайвэйкэ», 1927, № 11, стр. 323—332; 1928, № 12, стр. 369—377; № 14, стр. 452—458.
254. [Цюй] Цю-бо, Нунминь чжэнцюань юй туди гайгэ (Крестьянская власть и аграрная революция), — «Сяндао» , 1927, № 195, стр. 2120—2124.
255. [Цюй] Цю-бо, Уса юньдун чжун чжи гоминь гэмин юй цзецзи доучжэн (Национальная революция и классовая борьба в движении «30 мая»),— «Сяндао», 1925, № 129, стр. 1183—1186.
256. [Цюй] Цю-бо, Чанша чжэнбянь юй Чжэнчжоу Кайфынды

кэфу (Переворот в Чанша и взятие Кайфына и Чжэнчжоу), — «Сяндао», 1927, № 197, стр. 2152—2155.
257. [Цюй] Цю-бо, Чжунго гэмин чжун учаньцзецзиды синь цэлюэ (Новая тактика пролетариата в китайской революции), — «Буэрсайвэйкэ», 1927, № 7, стр. 187—193.
258. Цюй Цю-бо, Чжунго гэмин чжун чжи учжуан доучжэн вэньти (Вопрос о вооруженной борьбе в китайской революции), — «Синь циннянь», 1926, № 4, стр. 20—30.
259. [Чжэн] Чао-линь, Фачжань бин ваньчэн чжунгоды гэмин (За развитие и завершение китайской революции), — «Буэрсайвэйкэ», 1928, № 22, стр. 740—746.
259а. [Чжэн] Чао-линь, Чжунго гэмин муцянь цзигэ чжунъяоды лилунь вэньти (Основные теоретические вопросы китайской революции на современном этапе), — «Буэрсайвэйкэ», 1927, № 7, стр. 193—199; № 8, стр. 232—236.
260. [Чжэн] Чао-линь, Чжунго фань дигочжуи юньдун цзай шицзе шанды гэмин (Антиимпериалистическое движение в Китае и его значение для мировой революции), — «Сяндао», 1925, № 128, стр. 1180—1182.
261. Чжан Го-тао, Гоминьдан инфоу фуцзянь гэмин чжэнфу (Должен ли гоминьдан воссоздать революционное правительство), — «Сяндао», 1922, № 10, стр. 79—81.
262. Чжан Го-тао, Гэмин шили ляньхэ юй шицзюй (Объединение революционных сил и современная обстановка), — «Сяндао», 1927, № 200, стр. 2199—2201.
263. Чжан Го-тао, Чжишицзецзи цзай чжэнчжи шанды дивэй цзи ци цзэжэнь (Место интеллигенции в политике и ее долг), — «Сяндао», 1922, № 12, стр. 98—100.
264. Чжоу Фо-хай, Дикэтуйдо чжи юй нунминь (Диктатура и крестьяне), — «Синь циннянь», 1921, т. 9, № 5, стр. 2.
265. Чжоу Фо-хай, Лаонун Эгоды нунъе чжиду (Сельскохозяйственная система в рабоче-крестьянской России), — «Синь циннянь», 1921, т. 8, № 5, стр. 25—35.
266. Чжу Сяо, Гао ючжи цзо нунминь юньдунды циннянь (Призыв к молодежи заниматься крестьянским движением), — «Чжунго циннянь», 1925, № 106, стр. 165—166.
267. Чжунго сувэйай чжэнцюань юй шэхуйчжуи (Советская власть в Китае и социализм), — «Буэрсайвэйкэ», 1928, № 14, стр. 427—431.
268. [Чэнь] Ду-сю, Вомэньды хуйда (Наш ответ), — «Сяндао», 1924, № 83, стр. 673—678.
269. [Чэнь] Ду-сю, Вомэнь жухэ инфу цыцы юньдунды синь цзюймянь (Каким образом мы должны ответить на новую ситуацию в этом движении [30 мая 1925 г.]), — «Сяндао», 1925, № 120, стр. 1104—1105.
270. [Чэнь] Ду-сю, Вомэнь муцяньды фэньдоу (О нашей борьбе в настоящее время), — «Сяндао», 1927, № 190, стр. 2038—2039.
271. [Чэнь] Ду-сю, Гоминьдан цзо ю пай чжи чжэнь ии (Подлинный смысл левого и правого течения в гоминьдане), — «Сяндао», 1924, № 62, стр. 495—496.
272. [Чэнь] Ду-сю, Гоминьдан юй лаодун юньдун (Гоминьдан и движение трудящихся), — «Сяндао», 1924, № 71, стр. 567—568.

273. [Чэнь] Ду-сю, Гэмин юй миньчжун (Революция и народные массы), — «Сяндао», 1927, № 186, стр. 1978—1980.
274. [Чэнь] Ду-сю, Гуандун нунминь юй Хунань нунминь (Крестьяне Гуандуна и Хунани), — «Сяндао», 1923, № 48, стр. 367—368.
275. [Чэнь] Ду-сю, Гэй Дай Цзи-таоды и-фэн синь (Письмо к Дай Цзи-тао), — «Сяндао», 1925, № 129, стр. 1186—1190; № 130, стр. 1196—1197.
276. [Чэнь] Ду-сю, Гэмин юй фаньгэмин (Революция и контрреволюция), — «Сяндао», 1923, № 16, стр. 128—130.
277. [Чэнь] Ду-сю, Диэрцы хэ дисаньцы лаодун дахуй чжицзяньды Чжунго лаодун юньдун (Рабочее движение в Китае между II и III съездами профсоюзов), — «Сяндао», 1926, № 151, стр. 1424—1425.
279. [Чэнь] Ду-сю, Дуйюй гоминьдан чжунъян хуйиды сиван (Надежды, возлагаемые на пленум ЦИК гоминьдана), — «Сяндао», 1926, № 176, стр. 1817—1818.
280. [Чэнь] Ду-сю, Лунь гоминь чжэнфу чжи бэйфа (О Северном походе гоминьдановского правительства), — «Сяндао», 1926, № 161, стр. 1584—1585.
281. [Чэнь] Ду-сю, Ляньшэн цзычжи юй Чжунго чжэнсян (Самоуправление объединенных провинций и политическая ситуация в Китае), — «Сяндао», 1922, № 1, стр. 2—4.
282. [Чэнь] Ду-сю, Фаньдун чжэнцзюй юй гэ данпай (Обстановка реакции и различные партии), — «Сяндао», 1923, № 16, стр. 130—131.
283. [Чэнь] Ду-сю, Хунцянхуй юй Чжунгоды нунминь баодун («Союз красных пик» и крестьянские бунты в Китае), — «Сяндао», 1926, № 158, стр. 1543—1544.
284. [Чэнь] Ду-сю, Цзао го лунь (Относительно строительства государства), — «Сяндао», 1922, № 2, стр. 9—10.
285. [Чэнь] Ду-сю, Цзычаньцзецзиды гэмин юй гэминды цзычаньцзецзи (Буржуазная революция и революционная буржуазия), — «Сяндао», 1923, № 22, стр. 162—164.
286. [Чэнь] Ду-сю, Цзэян дадао цзюньфа (Как свергнуть милитаристов), — «Сяндао», 1923, № 21, стр. 152—154.
287. [Чэнь] Ду-сю, Чжунго гоминь гэмин юй шэхуй гэ цзецзи (Национальная революция в Китае и общественные классы), — «Цяньфэн», 1923, № 2, стр. 1—9.
288. [Чэнь] Ду-сю, Чжунго гоминь гэмин юньдун чжун гунжэньды лилян (Силы рабочих в национально-революционном движении Китая), — «Сяндао», 1925, № 101, стр. 844—845.
289. [Чэнь] Ду-сю, Чжунго гоминьданды вэйсянь цзи ци чулу (Кризис китайского гоминьдана и выход из него), — «Сяндао», 1927, № 200, стр. 2198—2199.
290. [Чэнь] Ду-сю, Чжунго гэмин шили тунъи чжэнцэ юй Гуанчжоу шибянь (Тактика объединения революционных сил Китая и события в Гуанчжоу), — «Сяндао», 1926, № 148, стр. 1376.
291. [Чэнь] Ду-сю, Чжунго нунминь вэньти (Крестьянский вопрос в Китае), — «Цяньфэн», 1923, № 1, стр. 51—57.
292. [Чэнь] Ду-сю, Шанхай датуша юй Чжунго миньцзу цзыю юньдун (Кровавая расправа в Шанхае и движение за нацио-

нальную свободу в Китае), — «Сяндао», 1925, № 117, стр. 1077—1079.
293. [Чэнь] Ду-сю, Шэммо ши Гоминьдан цзо ю пай? (Кого относить к левым и правым в гоминьдане?), — «Сяндао», 1925, № 137, стр. 1247—1248.
294. Чэнь Кэ-вэнь, Чжунго нунминь ши-буши игэ цзецзи? (Является ли китайское крестьянство единым классом?), — «Чжунго нунминь», 1926, № 9, стр. 1—8.
295. Шу-цзянь, Гуандун нунминь юньдун цзуйцзинь чжуанкуан (Крестьянское движение в Гуандуне за последнее время), — «Сяндао», 1927, № 185, стр. 1972—1974.
296. Шиюэ гэмин ваньсуй! (Да здравствует Октябрьская революция!), — «Буэрсайвэйкэ», 1927, № 3, стр. 61—63.
297. [Шэнь] Сюань-лу, Нунминь цзыцзюэ (Самоопределение крестьян), — «Синь циннянь», 1921, т. 9, № 5, стр. 1—4.
298. [Юнь] Дай-ин, Нунминь юньдун (Крестьянское движение), — «Чжунго циннянь», 1924, № 37, стр. 8—12.
299. Юэ Вэй, Цзянсу нунминь дабаодун чжи гоцюй юй цзянлай (Прошлое и будущее крупных восстаний крестьян в Цзянсу), — «Буэрсайвэйкэ», 1927, № 7, стр. 178—187.

На западноевропейских языках

Монографии

300. Chao Kuo-chun, Agrarian policy of the chinese communist party. 1921—1959, Bombay etc., «Asia» publishing house, 1960, XII, 399 p. Bibliogr.: p. 378—387.
302. Crow C., China takes her place, New York — London, 1944.
303. Lamb J. P. H., The development of the agrarian movement and agrarian legislation in China, Shanghai, Commercial Press, 1934.
304. Rue J. E., Mao Tse-tung in Opposition. 1927—1935. Stanford, [California], Stanford University Press, 1966.

Статьи

305. Baker O. E., Land utilization in China, — «Problems of the Pacific», 1927, pp. 324—338.
306. Kung Fan-chi, An agricultural reconstruction, — «Chinese students monthly», 1926, 21, part IV, pp. 45—57.
307. Kuo Min Tang und Bodenreform, — «Jahrbuch der Bodenreform», 1927, Bd 23, S. 166—178.
308. Schöne H., Das Landprogramm der chinesischen Nationalregierung und die chinesische Agrarfrage, — «Zeitschrift für Politik», Bd 17, 1928, s 715—730.
309. Wilbur C. M., The Ashes of Defeat, — «China quarterly», 1964, № 18, pp. 3—54.
310. Wittfogel K., The agrarian revolution in China, — «Labour Monthly», 1927, № 9, pp. 621—623.

Журналы

311. «Сяндао», 1923, № 34; 1925, № 120.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
285	15 св.	рационализации	национализации
432	8 сн.	Словно	Слово

Зак. 108

2 р. 52 к.

Л.П.Делюсин

АГРАРНО-КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ КПК